

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

И.М. Дзялошинский

**КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ И
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

ТОМ I

Монография

Москва
2017

УДК 659.4

ББК 7

Д43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований по проекту
«Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной
глобализации: глобальный и региональный аспекты».

Не подлежит продаже.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента
журналистики Уральского государственного университета

Б.Н. Лозовский;

доктор филологических наук, профессор, декан факультета
журналистики Южно-Уральского государственного университета

Л.П. Шестеркина

Дзялошинский, И.М.

Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты : в 2-х т. Т. I. Монография / И.М. Дзялошинский. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017. – 366 с.

ISBN 978-5-8429-1325-1

Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты». Представлены результаты теоретического анализа взаимосвязи между жизненным миром, в котором пребывает человек, и культурой, которая обеспечивает как его приспособление к этому миру, так и преобразование им жизненного мира в соответствии со своими интересами. Проанализированы структурные и типологические модели культуры. Показаны трансформации, которые происходят в современном жизненном мире и сегодняшней культуре. Большой раздел посвящен особенностям коммуникативной культуры, которая также трансформируется в связи с нарастающей глобализацией процессов коммуникации.

© Дзялошинский И.М., 2017

© РФФИ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. КУЛЬТУРА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	9
Глава 1.1. Культура: становление понятия и основные подходы к изучению	10
Немного истории	10
Основные подходы к изучению культуры	16
Культура в системе жизненного мира	18
Глава 1.2. Структура культуры	31
Ноосфера	32
Аксиосфера	46
Нормативно-регулятивная сфера	58
Глава 1.3. Смыслы и матрицы как культурные конструкторы	67
Культура как система смыслов	68
Культура как система фундаментальных матриц	81
Рациональное и мифологическое в культуре ...	89
Глава 1.4. Типологические модели культуры	94
Простые модели	94
Сложные модели	117
Комплексные модели	119
Глава 1.5. Культура в меняющемся мире	127
Жизненный мир: очередная трансформация или переход в новое качество?	127
Вызовы нового мира	136
Новая культура для нового жизненного мира? ...	162

РАЗДЕЛ 2. КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ОСОБЕННОСТИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ	181
.....	
Глава 2.1. Коммуникация в системе жизненного мира	182
Виды и типы коммуникации	
Культура информационная или коммуникативная?	182
Коммуникационные матрицы как структурные элементы коммуникативной культуры	201
Коммуникативная культура и коммуникативная компетентность	206
Глава 2.2. Типы коммуникативных культур ...	213
Технократическая коммуникативная культура ...	216
Сциентистская коммуникативная культура	223
Гуманитарная коммуникативная культура	226
Глава 2.3. От культуры массовых коммуникаций к медиакультуре	237
Медиакультура: сущность и основные подходы к пониманию	237
Медийные субкультуры	246
Глава 2.4. Динамика развития медиасистемы: день сегодняшний и перспективы	278
Коммуникационный универсум в меняющемся мире ...	278
Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации	293
Глава 2.5. Культура коммуникаций или коммуникация культур: мнения экспертов ...	301
Характеристика экспертов	301
Коммуникация и культура: соотношение понятий	307
Культура коммуникаций в системе общественных отношений	324

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	333
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	356

ВВЕДЕНИЕ

На прошедшем 6 сентября 2000 года под эгидой ООН Саммите тысячелетия главы 185 государств пришли к согласию относительно необходимости совместными усилиями искоренить нужду и несправедливость, обеспечить устойчивое развитие мирового сообщества с учетом соблюдения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. На этом форуме неоднократно подчеркивалось, что информация и культура пронизывают и предопределяют все сферы жизнедеятельности современного человека. При этом отмечалось, что существующие социально-экономические и экологические проблемы свидетельствуют не о недостатке производительных сил человечества, а о социокультурном, духовно-нравственном кризисе межнациональных и социальных отношений.

Однако произнесенные на этом форуме прекрасные слова так и остались словами. И вместо мира взаимодействующих ради общих целей сообществ людей, мы имеем мир противоборствующих государств, каждое из которых стремится доказать всем другим, что его сегодняшние интересы важнее интересов всех остальных стран. В угоду этим интересам, очень часто никак не сформулированным, разворачивается открытая и скрытая борьба, результатом которой является продолжающееся уничтожение мировых ресурсов и очень часто — человеческих жизней.

Культура борьбы, культура противостояния, культура ненависти продолжает свое триумфальное шествие по планете, и современные средства массовой коммуни-

кации активно помогают ее движению. Былые надежды на то, что интернет и новые информационно-коммуникационные технологии помогут преобразовать мир в лучшую сторону остались в прошлом. Да, информационные технологии сделали возможным мгновенное распространение контента на весь мир. Заинтересованный потребитель может при желании (или без него) получить последние новости из Нью-Йорка, Токио, Сиднея в течение нескольких секунд. Вместе со скоростью доставки и площадью охвата аудитории резко увеличился и объем поставляемой информации. Однако на практике основу распространяемого контента составляют зрелища, а в хаосе предъявляемых образов действительности и мнений уже невозможно найти какую-либо логику. Вклад интернета в экономику и жизнь в целом также явно переоценен, разве что массово распространились порнография, справочники «Википедии» и интернет-магазины. Пока в интернет-инноватике доминируют в основном различные приколы, информационные вбросы и сетевые вирусы, бессмысленные чаты и тусовки в социальных сетях. Качество образования при огромных возможностях сильно деградирует – шаблонное тестирование, верхушечные знания, клиповое мышление, сплошные клише.¹

Пришло время разбираться в том, почему интеграционные процессы в мировом медиапространстве привели к доминированию транснациональных корпораций, которые совсем не заинтересованы в установлении нового информационного порядка. Почему люди, оказываясь встроенными во все более всеохватную и быстродействующую коммуникационную сеть, располагают все меньшей возможностью лично влиять на объем циркулирующей в ней информации или темп быстрого действия, не говоря уж о том, чтобы их контролировать?

¹ Агеев А.И., Авдеев С.В., Новоточников А.А. Институт супердрайверов инструмент новой инновационной реальности. URL: <http://docplayer.ru/49847959-Institut-superdryverov-instrument-novoy-innovatsionnoy-realnosti.html>

Почему увеличение возможностей для свободного участия людей в производстве информации приводит к росту объемов агрессивного контента? Почему со всех сторон слышны жалобы на взлом средств защиты информации, вирусные атаки и т.п.? И много других «почему?».

Изучение литературы, глубинные интервью с экспертами привели к выводам о том, что эта сфера представляет собой хаотичное нагромождение никак не связанных друг с другом позиций и есть настоятельная необходимость хотя бы обозначить возможные точки консолидации. В рамках проекта «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспект», по материалам которого написана эта книга, мы попытались поставить эти и некоторые другие вопросы и предложить возможные ответы на них. При этом мы хотели преодолеть доминирование алармистского дискурса в научных и публицистических текстах, посвященных взаимодействию глобального и регионального аспектов коммуникационной революции. Наша позиция опирается на тезис о том, что речь должна идти не о подавлении глобальной культурой локальных культур, как об этом говорят многочисленные авторы, а о процессе ПЕРЕХОДА от одного типа взаимодействия коммуникативных культур к другому.

Завершая предварительный ввод в проблему, необходимо сделать терминологическое уточнение. Речь идет об употреблении в тексте данной книги таких определений как «коммуникационный» и «коммуникативный». Строго говоря, понятие «коммуникационный» предпочтительно использовать, когда анализируются соответствующие процессы в институциональной сфере, а понятие «коммуникативный» – когда обсуждаются проблемы коммуникации, осуществляющейся между неинституционализированными субъектами: в сфере межличностного, группового общения. Однако, по-

сколько коммуникация как процесс и как деятельность в реальной жизни достаточно часто затрагивает систему отношений, складывающуюся между социальными институтами и индивидами, отчетливое разведение этих определений представляется затруднительным. Поэтому в данной монографии определения «коммуникационный» и «коммуникативный» используются как синонимы.

Монография состоит из двух разделов, каждый из которых разбит на главы и параграфы.

В первом разделе «Культура в меняющемся мире» исследованы основные подходы к пониманию концепта «культура». Предложена новая модель структуры культуры, согласно которой основными компонентами культуры являются ноосфера, аксиосфера и нормативно-регулятивная сфера. Рассмотрены такие формы проявления глубинных структур культуры, как смыслы и матрицы. Описаны уже существующие простые, сложные и комплексные модели культуры и сформулированы новые подходы к типологизации культур. Основное внимание в первом разделе уделено анализу тех трансформаций в жизненном мире современного человека, которые связаны с нарастанием противоречий между глобализацией мировых рынков (и рынка культур в том числе) и стремлением региональных и местных элит защитить свое суверенное право управлять подотчетными им территориями.

Второй раздел «Коммуникативная культура: особенности и типологические модели» посвящен процессам, которые происходят в системе мировых, региональных и местных коммуникаций в связи с описанными в первом разделе глубинными трансформациями жизненного мира. Исследованы смысловые образы понятий «информационная культура» и «коммуникативная культура». Описаны коммуникационные матрицы, выступающие структурными компонентами коммуникационной культуры. Предложена концепция, согласно кото-

рой выделяются такие основные типы коммуникативной культуры, как технократическая, сциентистская и гуманитарная. Специальные главы посвящены рассмотрению особенностей явления, которое в современной литературе получило наименование «медиакультура». Показана зависимость трансформации медиакультуры от процессов, происходящих в культурно-коммуникационном универсуме. Отдельная глава посвящена изложению материалов, полученных в ходе глубинных интервью с экспертами.

РАЗДЕЛ 1

КУЛЬТУРА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ГЛАВА 1.1

КУЛЬТУРА: СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Немного истории

Считается, что впервые термин «культура» в более или менее современном его толковании использовал аббат Дж. Андрес в книге «Происхождение, процессы и современное состояние всей литературы», изданной в 1782 году. Однако если для этого автора культура сводилась исключительно к письменным источникам, то дальше начался безостановочный процесс расширения содержательного наполнения понятия. Спустя столетие, в 1865 году, например, Э.Б. Тайлор включал в состав культуры знания, верования, мораль, право, обычаи и многие другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества.² Разумеется, задолго до Дж. Андерса, Э.Б. Тайлора и других исследователей, благодаря которым понятие «культура» вошло в обиход европейской социальной мысли, этот феномен в той или иной форме осмысливался мыслителями древности и эпохи Возрождения. Эллина видели в «пайдейе», то есть «воспитанности», главное свое отличие от «некультурных» варваров. В позднеримскую эпоху, наряду с представлениями, передаваемыми основным смыслом слова «культура», которое подразумевало целенаправленное воздействие человека на природу (обработка земли и прочее), а также воспитание и обучение самого человека, зародился, а в средние века получил распространение иной комплекс значений, позитивно оценивающий городской уклад социальной жизни и более близкий к возникшему позднее понятию цивилизация.

²Тайлор Э.Б. Первобытная культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Tail/

Слово «культура» стало ассоциироваться скорее с признаками личного совершенства. В эпоху Возрождения культура стала отождествляться с формами духовного и политического саморазвития общества и человека, как оно проявляется в движении науки, искусства, морали, религии и государственных форм правления.

В Германии XVIII века это понятие становится синонимом образованности и просвещенности. С. Пуфендорф впервые характеризовал культуру как совокупность положительных качеств, возвышающих человека, как результат собственной человеческой деятельности, дополняющей его внешнюю и внутреннюю природу.³ В этом значении понятие «культура» до сих пор употребляется во всех европейских языках, в том числе и в русском.

В. фон Гумбольдт определял культуру как неопределенную пригодность ко всему возможному, мертвую сокровищницу, которой нужно еще уметь воспользоваться. Вступая во взаимодействие с культурой, человек начинает и борьбу с ней, заканчивающуюся согласованием культуры с природой. Так культурный человек (т.е. попросту «обработанный», по В. фон Гумбольдту) становится из человека просто **естественного** человеком **воспитанным**.⁴

Мы не будем рассматривать здесь критический анализ культуры и цивилизации Ж.Ж. Руссо, который противопоставил испорченности и моральной развращенности «культурных» наций простоту и чистоту «нравов» народов, находившихся на патриархальной ступени развития. Эта мысль надолго завладела умами европейских интеллектуалов и ее отголоски слышны до сих пор. Также лишь упомянем имена И.Г. Гердера, И. Канта, Ф. Шиллера, Г.В.Ф. Гегеля, искавших основы культуры в этике, красоте и духовной свободе. Идеи, развитые и обоснованные этими мыслителями, стали

³ См.: Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. Кн. 1. – СПб., 1726.

⁴ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.

фундаментом понимания культуры как вне-природного, искусственного мира, включающего в себя многообразие видов, способов и результатов человеческой деятельности. В такой трактовке культура предстает как разумная свободная деятельность человека. При помощи культуры человек овладевает природой, приспособливает ее к удовлетворению своих потребностей. Поэтому совершенствование культуры означает одновременно и культивирование, развитие человеческой природы. На этой основе сложились и возникли в XIX веке первые культурологические направления. Представление о культуре как сложной целостности вещественных и идеальных артефактов (от *лат.* *arte* – искусственно и *factus* – сделанный) предполагало возможность их классификации и систематического изучения. Это обусловило дифференциацию знаний о культуре. Наряду с философией культуры, происходит становление культурной антропологии, социологии культуры, этнологии (от *греч.* *ethnos* – народ и *logos* – учение). И хотя такая расширенная трактовка понятия “культура” во многом утратила свою актуальность в XX веке, ее некоторые черты и, прежде всего установка на возможность научного осмысления феномена культуры, оказались жизненными.

Напомним, что понять, что такое культура, невозможно также без изучения работ Г. Риккорта, К. Маркса, М. Вебера, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ницше, Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина и многих других. Также стоит обратить внимание на работы Ф. Боаса, А. Кребера, Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна. Социологи Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилл и другие попытались решить проблему отношений между культурой и обществом. С попыткой решить проблему «культура–личность» связано возникновение особого направления психологии культуры (Р. Бенедикт, М. Мид, М. Херсковец и др.).

Учения неокантианца Э. Кассирера и швейцарского психолога и философа культуры К. Юнга легли

в основу представлений о символических свойствах культуры. Ряд представителей психологии культуры, опирающихся на концепцию «локальных цивилизаций», стремились отыскать набор «культурных инвариантов», не сводимых друг к другу и не имеющих под собой реального общего субстрата. Такой взгляд нашел отражение в теории языкового релятивизма Э. Сепира – Б. Уорфа, в исследованиях конкретных культур Р. Бенедикт как обособленных «культурных конфигураций» и в общей позиции культурного релятивизма М. Херсковица.

Напротив, сторонники феноменологического подхода к культуре, а также некоторые представители экзистенциалистской философии культуры выдвигают предположение об универсальном содержании, скрытом в любой частной культуре, исходя либо из утверждения об универсальности структур сознания (Э. Гуссерель), либо из постулата о психобиологическом единстве человечества (К. Юнг), либо из уверенности в наличии некоего «фундаментального основания, осевой изначальности» культуры, по отношению к которым все ее разновидности – лишь «частности» или «шифры» (М. Хайдеггер и К. Ясперс).

Культуру как отдельный специфический феномен, отличный от социальной структуры общества, начали изучать в Америке в 60–70-е годы XX века. Необходимость такого ее изучения была провозглашена в работах Л. Уайта во второй половине 40-х годов. В частности, Л. Уайт ставит проблему новой трактовки культуры, разрабатывая символический подход к ее изучению. Он определяет культуру как специфический класс явлений, наделенных символическим значением и присущих только человеческому сообществу. По его мнению, изучать культуру значит интерпретировать символы и символические действия. Л. Уайт высказывает соображение, что мир человека – это мир его культуры.

Начало 90-х годов прошлого века отмечено возрождение интереса к культуре, наметившееся среди представителей общественных наук. В тот период наиболее заметной оказалась книга «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки», написанная Л. Харрисоном, в 1985 году опубликованная Гарвардским центром международной политики и породившая немало толков. Опираясь на богатый сравнительный материал, ее автор сумел показать, что для большинства латиноамериканских стран главным препятствием на пути прогресса становится именно их культура. Выкладки Л. Харрисона вызвали бурю протестов со стороны экономистов, специалистов по Латинской Америке и латиноамериканских интеллектуалов. В последующие годы, однако, представителям всех перечисленных групп пришлось убедиться в состоятельности его аргументов.⁵

В России длительное время господствовала марксистско-ленинская теория культуры, рассматривающая культуру с материалистических и классовых позиций. «Класс, – писал К. Маркс, – имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу».⁶ При этом материальным основаниям в марксистско-ленинской теории культуры в конечном итоге отводится решающая роль в развитии культуры. Субъективной воле человека, духовной составляющей культуры отводилась незначительную роль. С середины 80-х годов XX столетия интерес российских исследователей к проблемам культурологии нарастает, что связано с отходом от монополизма прежней марксистской парадигмы.

⁵ См.: Культура имеет значение. [hantington_samyuel/kultura_imeet_znachenie.html](https://royallib.com/book/hantington_samyuel/kultura_imeet_znachenie.html)

URL: <https://royallib.com/book/>

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 46.

Сегодня науки о культуре переживают своеобразный бум. Издается множество культурологических исследований и учебных пособий. Культурология институционализировалась как академическая наука и учебная дисциплина, а само слово «культура» является, пожалуй, самым многозначным и наиболее часто употребляемым в гуманитарном знании. Несмотря на огромное количество исследований, сохраняется полная неопределенность терминов и понятий, в том числе и самых базовых. Если в обыденном сознании «культура» выступает как собирательный образ, объединяющий искусство, религию, науку и т.д., то в научном дискурсе ученые насчитывают более 500 определений культуры. Приведем лишь некоторые из наиболее известных:

- общий и принятый всеми способ мышления (К. Юнг); процесс прогрессирующего самоосвобождения человека (Э. Кассирер);
- то, что отличает человека от животных (В.Ф. Оствальд);
- совокупность факторов и измененных условий жизни, взятых вместе с необходимыми для этого средствами (А. Гелен);
- сотворенная человеком часть окружающей среды (М. Херскович);
- система знаков (Ч. Моррис, Ю.М. Лотман);
- специфический способ мышления, чувствования и поведения (Т. Эллиот);
- совокупность материальных и духовных ценностей (Г. Францев);
- единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности (М. Мамардашвили);
- способ и технология человеческой деятельности (Э.С. Маркарян);
- все то, что человек творит, осваивая мир объектов – природу, общество и пр. (М.С. Каган);

- социально значимая творческая деятельность человека, взятая в диалектической взаимосвязи с ее результатами (Н.С. Злобин);
- производство самого человека во всем богатстве его связей с обществом (В.М. Межуев);
- сфера реализации идеально-ценностных целей, осуществление идеала (Н.З. Чавчавадзе);
- духовное бытие общества (Л. Кертман);
- система духовного производства (Б.С. Ерасов) и др.⁷

Можно сказать, что в трактовке самого понятия культуры, его границ и содержания царит ничем не сдерживаемый произвол. Это приводит к тому, что некоторые исследователи считают попытки сбора, анализа и классификации определений культуры чем-то вроде профессионального подвига культуролога,⁸ а другие утверждают, что определение культуры бесперспективное занятие.⁹

Непрерывные споры идут по вопросу о том, развиваются ли культуры и если развиваются, то каков вектор этого развития. Выделяются, как минимум, три основных подхода.

Сторонники **линейного подхода** постулируют тезис о том, что культуры развиваются последовательно, одна стадия сменяет другую, накапливая преимущественно «положительные» изменения (Августин, Г.В.Ф. Гегель – в определенном прочтении, К. Маркс и некоторые другие теоретики). С этой точки зрения история вообще и история культуры в частности рассматриваются как единый процесс поступательного развития человечества, проходящий определенные стадии. При этом предполагается, что развитие всех социоисторических организмов идет по одним и тем же законам. Наиболее

⁷ Подробная систематизация определений культуры приводится в книге: Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996.

⁸ Мостова Л.А. Антропологическая традиция в исследовании культуры // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. С. 5-14.

⁹ Зинченко В.П. Наука – неотъемлемая часть культуры? // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 33-50.

известным представителем линейного подхода является К. Маркс с его концепцией общественно-экономических формаций, где основная роль в развитии социума и культуры отводится развитию производительных сил и соответствующим изменениям в производственных отношениях.

Второй – **цивилизационный (релятивистский)** – подход связан с утверждением, что нет никаких «всеобщих поступательных» линий развития; общества рождаются, живут и умирают, проходя индивидуально-неповторимые пути конкретных событийных рядов (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, С. Хантингтон и др.). В рамках цивилизационного подхода можно выделить подход антропологический (жизненные циклы общества определяются не только макросоциальными закономерностями, но являются проекцией антропологических параметров на макросоциальные целостности; следовательно, релевантны только те методы изучения культур, которые опираются на органичные для данных культур коды (Р. Бенедикт, К. Леви-Стросс, Ю. М. Резник и др.).

Третий подход носит название **«спирали цивилизационных циклов»** и полагает, что существует единство и взаимодополнение линейного и цивилизационного подходов. «Набор высоты» человечеством в целом не исключает того, что оно живет в рамках конкретных сообществ со всеми их частными особенностями (А. Тойнби).

Все три подхода вызывают споры. Утверждается, что сторонники цивилизационного подхода представляют позицию релятивизма, линейного – «прогрессизма». Достижение компромисса в рамках «линейно-цивилизационной» платформы выглядит наиболее приемлемым; однако и здесь обнаруживаются теоретико-концептуальные погрешности. Именно они не позволяют однозначно использовать обозначенные лекала для того, чтобы «загнать» в них существующий историко-культурный материал, отличающийся значительным бо-

гатством и разнообразием. Понятно, что слепое следование за материалом – позиция столь же проигрышная, как и стремление втиснуть его в изначально зауженные рамки.¹⁰

Обобщая, можно сказать, что человеческая культура – это объективный, иерархически организованный (и внутренне противоречивый на каждой ступеньке этой иерархии) мир. Этот мир дается каждому человеку как естественная среда обитания, которая должна быть освоена. И это освоение не может и не должно быть чисто «головным», рациональным познанием, а должно быть именно освоением, то есть превращением в собственную сущность. Мера освоенности мира человеческой культуры и есть мера человечности человека (во всяком случае – одна из мер, поскольку есть и другие, например: вклад человека в мир человеческих ценностей).

Основные подходы к изучению культуры

Самая большая трудность в осмыслении явлений, охватываемых понятием «культура», связана с тем, что этим понятием обозначают и некие статические элементы: ценности, моральные и практические установления, социальные и политические институты и т.п.; и динамические процессы освоения этих ценностей, установлений и институтов. В дальнейшем мы еще вернемся к этой проблеме, а пока обозначим основные подходы к осмыслению сущности культуры.

В обобщенном виде эти подходы представлены в статье Ю.М. Резника,¹¹ который, используя традиционную классификацию наук, выделил и обосновал несколько подходов: философский, антропологический, социологический. Поскольку не все концепции культу-

¹⁰ Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Современная коммуникативистика. 2013. № 2(3). С. 4-8.

¹¹ Резник Ю.М. Культура как предмет изучения. URL: http://www.lko.ru/lko/jur_reznik_3_1_01_1.htm

ры укладывались в рамки этих наук, Ю.М. Резник обозначил еще и четвертый подход – комплексный, или «интегралистский» (общая теория культуры).

Однако есть подходы, которые не укладываются в схему, предложенную Ю.М. Резником. Например, ничего не говорится о психологическом подходе к культуре. Между тем, как было показано выше, работы З. Фрейда и К. Юнга, посвященные культуре, давно стали мировой классикой. Психологический подход к культуре разрабатывался такими учеными, как Р. Бенедикт, М. Мид, М. Херсковец и др. К этому же направлению относятся работы неопрейдистов Г. Рохейма, К. Хорни, Х. Салливана, рассматривавших культуру как запечатленное в знаках содержание непосредственных психологических переживаний. Представители этого направления интерпретировали культуру как выражение социальной общезначимости свойственных человеку основных психических состояний.

Есть подходы, которые трудно отнести к какой-то одной науке. Таков, например, гуманитарный подход, с точки зрения которого культура – это развитие самого человека, его духовных творческих способностей во всем богатстве и многогранности его общественных связей и отношений, во всей целостности его общественного бытия. Культура, таким образом, есть процесс созидания человеком своей родовой сущности, мера человеческого в человеке. Каждая культура есть способ творческой самореализации человека. Поэтому постижение иных культур обогащает нас не только новым знанием, но и новым творческим опытом.

Видимо поэтому, не удовлетворяясь дисциплинарными подходами к осмыслению понятия «культура», ученые предложили так называемые парадигмальные подходы. Выделяются антропологическая (дескриптивная), символическая и ценностная парадигмы. Антропологическая парадигма рассматривает культуру как систему способов удовлетворения человеческих по-

требностей. Именно антропологическая парадигма стимулировала бурное развитие культурологического знания. Но сильные стороны этой парадигмы нередко обращивались своей “теневой стороной”. Культура, представленная как коллективный общественный продукт, фактически целиком совпала по смыслу с социальным способом существования человека (социальными нормами, институтами, способами организации отношений и действий человека). Поэтому в качестве критериев культурности на первый план неизбежно выдвинулись социальная полезность, разумность, функциональность.

Пожалуй, наиболее развернутое философское выражение установки антропологической парадигмы нашли в “деятельностном” подходе к анализу культуры. Суть его сводится к тому, что культура рассматривается как способ деятельности, как система внебиологических способов программирования активности людей в обществе. Эта система включает в себя: “сверхприродные” качества человека; многообразие материальных и духовных предметов, возникающих благодаря деятельности человека; способы “опредмечивания” (воплощения) и “распредмечивания” (извлечения) содержания продуктов деятельности. Таким образом, к культуре относится все, что производно от деятельности, т. е. сознательной активности человека, направленной на мир объектов и других людей. Деятельностный подход иногда называют “адаптационно-деятельностным”, т. к. одной из важнейших функций культуры выступает адаптация человеческих коллективов к природным и социальным условиям их существования с помощью особых социальных технологий.

Деятельностный подход нацелен на преодоление “описательности” и методологической произвольности исходной антропологической парадигмы. Очевидно, что истоки “деятельностного подхода” отчетливо прослеживаются в работах Гегеля, Маркса, М. Вебера. В российской культурологии одними из наиболее ярких предста-

вителей деятельностного подхода можно считать Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана, создавших оригинальные его версии. Не чужд деятельностный подход и западной культурологии. Так, известный социолог Т. Парсонс полагает, что “система действий” или “взаимодействий” лежит в основании культуры, а один из основателей современной культурологии (термин был введен им) Л. Уайт определяет культуру как специфический способ организации видов активности, предметов, идей. И хотя современный деятельностный подход не замыкается рамками классической антропологической парадигмы, а тесно связан с символическими и аксиологическими концепциями культуры, тем не менее многие исследователи полагают, что все социально-значимое и функциональное в человеческой жизни можно однозначно отнести к культуре¹².

Поэтому, в какой-то степени дополнением к этой парадигме, реакцией на ее неопределенность, сформировалась еще одна фундаментальная парадигма культурологического знания. Для нее исходным стало то, что культура – *отдельная сфера социального мира, особый “срез” социального пространства*. В рамках данной парадигмы культура первоначально отождествляется с “возвышенными”, “идеальными” видами социальной практики, отдаленными от прагматических вопросов человеческого существования. Содержанием ее выступают артефакты, созданные в религиозной, моральной, художественной сфере. Все иное социальное пространство – экономическое, политическое, сфера быта как бы выносятся за “скобки” собственно культурного. Исследование культуры – постижение ее “идеальной” стороны, несводимой к целесообразности, разумности или социальной полезности, образованности. Мир культуры – *мир смыслов*, который сплачивает людей в духовные общности. Все социальные отношения и мно-

¹² Завершинский К.Ф. Культура и культурология в жизни общества. Великий Новгород. 2000. http://window.edu.ru/resource/057/22057/files/novikul_5.pdf

гообразные искусственные предметы “заряжаются” смысловым содержанием, вне которого они утрачивают *человеческую значимость*. Эту парадигму культурологии можно обозначить как *знаково-символическую*, т. к. выступая носителями смысла, все явления превращаются в особые знаки – знаки-символы. Таким образом, согласно *символической парадигме*, культура есть система смыслов, воплощенных в символической форме, с помощью которых люди вступают друг с другом в отношения, хранят и передают духовный опыт, формируют общее видение мира. Культура выступает как многообразие артефактов, порожденных прежде всего духовной деятельностью и объединенных в целостные образования – символы. При этом, даже если и ведется разговор об особой культурной сфере, она не уподобляется другим социальным сферам жизнедеятельности, а выступает неким “символическим посредником”, своего рода “символическим срезом” социальной реальности.

С этой точки зрения культура предстает как специфическая, “негенетическая” память коллектива личности, как сфера сверхличных, всеобщих смыслов, которые люди хранят особым образом и наделяют ими все свои творения и действия. В ходе исторического развития человечество обогащает этот “мир смыслов”. Мир смыслов хранится и передается, “кодируется” в знаковой оболочке. Приобретенная смысловая информация, выраженная в знаковых системах, в отличие от биологической, не исчезает со смертью отдельных людей и даже народов, а может наследоваться. Культура содержит программы человеческого поведения, воплощающие духовный опыт многих поколений. С точки зрения знаково-символической парадигмы, культура – мир смыслов и мир знаков, с помощью которого используются имеющиеся и создаются новые артефакты. Внутри символической парадигмы можно выделить информационно-семиотический подход к культуре. Этот подход связан с

именами Э. Кассирера,¹³ А. Моля,¹⁴ Гадамера,¹⁵ Ю.М. Лотмана,¹⁶ Вяч. Вс. Иванова,¹⁷ Б.А. Успенского¹⁸ и других представителей Тартуско-Московской семиотической школы. При семиотическом (информационно-знаковом) подходе культура понимается как внебиологический знаковый механизм передачи опыта. Культура – это особая знаковая система, несущая информацию посредством знаков. Знак – это соединение определенного смысла и определенного способа его выражения. Согласно данному подходу, человек и все созданное им, приобретают статус знаковых объектов. Знак, знаковые ситуации являются средствами реализации ценностей и смыслов культуры. Вся культура имеет символически коммуникативную природу. Культура – это своеобразный механизм, встроенный в информационный процесс и осуществляющий выработку и трансляцию социально значимой информации (коммуникативная функция культуры). Другими словами, продуктом культуры является социальная информация, которая вырабатывается и сохраняется в обществе при помощи знаковых средств.

Критерием культурности здесь выступает степень смысловой, символической “насыщенности” любой формы человеческой жизнедеятельности – хозяйственной, политической, профессиональной, бытовой и т. д.¹⁹

Во второй половине XX столетия возникли такие версии символической парадигмы, как *структурализм* и *постструктурализм*.

Один из родоначальников структурализма, французский антрополог и социолог Клод Леви-Стросс полагал что культурные формы определяются не только активностью человека, связанной с удовлетворением его

¹³ Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995.

¹⁴ Моль А.А. Социодинамика культуры. – М., 1973.

¹⁵ Гадамер Г.Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.

¹⁶ Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. – Тарту, 1970.

¹⁷ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.1. – М., 1988.

¹⁸ Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Шк. «Язык русской культуры», 1995.

¹⁹ Завершинский К.Ф. Культура и культурология в жизни общества. Великий Новгород. 2000. http://window.edu.ru/resource/057/22057/files/novikul_5.pdf

потребностей. За многообразными культурными формами стоят бессознательные структуры, имеющие особую логику развития, их, прежде всего, и необходимо исследовать. Становление культуры Леви-Стросс связывает с формированием систем сверхличностных, всеобщих социокультурных смыслов, которые фиксируются в языке и системах коммуникаций. Символы при этом играют роль своеобразных “промежуточных” элементов мыслительных структур, обеспечивая связь конкретно-чувственных образов и отвлеченных понятий. “Объединяют” людей не “базовые потребности”, а единые структуры бессознательного, которые в различных условиях могут давать этническое своеобразие. Для поиска и исследования этих структур Леви-Стросс использует лингвистические и логико-математические модели.

Эта исследовательская программа прослеживается и в работах Ж. Лакана, посвященных структурированию коллективного бессознательного и влиянию на развитие человека символических структур языка. Другой структуралист Р. Барт, дает детальное описание “структурного человека”, поведение которого определяется “властью” языка.

Особое место в структурализме и постмодернизме занимает творчество М. Фуко (1926–1984). Фуко переносит структуралистские идеи в область исследования истории культуры. Структуралистский метод, примененный к истории культуры, подводит его к выводу, что культурного прогресса не существует, как и нет “Высшего Смысла” истории. История культуры – это история смены специфических познавательных структур, которые он называет “эпистемами”, действующих на бессознательном уровне и определяющих направленность развития знания, содержания культурных символов.

Важную роль в социологии культуры играют концепции символического, разрабатываемые социологами П. Бурдьё (1930 г.р.) и Ю. Хабермасом (1929 г.р.), стремящихся преодолеть ограниченность структурали-

стских и феноменологических подходов. Феноменологический подход тяготеет к психологизму, субъективизму в оценке культурных феноменов. При структуралистском видении исчезает человек с его активностью, он превращается в “винтик” анонимных символических структур. И П. Бурдьё и Ю. Хабермас стремятся понять, как общество в результате *индивидуальных* и коллективных действий может меняться, освобождаясь от господства анонимных сил, порожденных самими же людьми. Особое внимание в их творчестве уделяется исследованию взаимодействий людей при помощи “символических ценностей”, обнаружению скрытого насилия социальных систем и его преодоления.

Ограниченность этой парадигмы исследования культуры видят в преувеличении роли символической стороны культурного процесса. Ведь сами по себе символические формы – это внешняя сторона культуры. Символы становятся выражением культуры лишь через творческую активность человека. Это проявляется в том, что одни и те же ценностные ориентации могут проявляться в различных символах. И, наоборот, одни и те же символы могут быть “носителями” различных смыслов. В диалог вступают не сами символические формы, а люди, для которых культура “обозначает” специфические смысловые и символические границы.

Третья, так называемая аксиологическая (от греч. *axios* – ценный) или ценностная парадигма складывается во второй половине XIX века и является одной из доминирующих в культурологии в XX столетии. Культура в рамках аксиологического подхода определяется как “высшая степень облагороженности, одухотворенности и очеловеченности природных и социальных условий жизни и человеческих отношений, освоенная живущими и переданная последующим поколениям”²⁰. Ядром культуры признаются духовные ценности, а

²⁰ Выжлецов Г. П. Аксиология культуры на рубеже веков. http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2016_02/ijcr_2-23-2016_vyzhletsov%2015-26.pdf.

практическая их реализация в человеческой деятельности и отношениях и есть содержание культурного процесса. Поэтому понятие “ценность”, апелляция к ценностям и их исследование, – составляют содержание аксиологической парадигмы. Мир ценностей рассматривается как некая “третья реальность”, наряду с природной и социальной, которая активно влияет на них. В рамках аксиологической парадигмы существует множество школ и направлений, но их объединяет то, что ценностные отношения рассматриваются в связи с воплощением в жизнь духовных идеалов “должного”, “достойного” человеческого существования. Поэтому ценностные отношения объединяют людей, они всегда “лично окрашены” и неутилитарны.

Важнейшую роль в становлении аксиологической парадигмы культурологии сыграли философские установки, оформившиеся в рамках Баденской школы неокантианства. Ее видные представители В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1936) попытались провести различие между “науками о природе” и “науками о культуре”. Основу такого различения они усматривали в “ценностях”, превращающих часть действительности в объекты культуры. “О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют”²¹. Сущность ценностей в их значимости, а не в их фактичности. Культура же – процесс воплощения ценностей, “совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями”²². В трактовке Баденской школы неокантианства мир ценностей приобретает характер особой трансцендентной (выходящей за границы возможного человеческого опыта) реальности. Ценности приобретают абсолютный, внеисторический смысл. Эта традиция понимания сущности ценностей закладывает предпосылки противопоставления мира пользы, разум-

²¹ Риккерт Г. Природа и культура. – Культурология. XX век. – М., 1995. – С. 70.

²² Там же. – С. 75.

ности (цивилизации) и мира культуры, как проявления высшего, духовного смысла человеческого существования.

Вокруг этой идеи объединились столь разные мыслители, как Ницше, Шпенглер, Дильтей, Зиммель и многие другие. Громадную роль в становлении философской аксиологии сыграл *экзистенциализм*. Философия экзистенциализма (от *лат.* – существую) исходит из посылки, что в отличие от растений и животных, человек есть “то, чем (или кем) он решил быть”. Человеческое существование дано как “возможность быть”, что и обуславливает стремление человека выйти за рамки наличного, отыскать высший смысл своего существования. Среди представителей экзистенциализма (Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, М. Мерло-Понти и др.) особое значение для культурологических исследований сыграло творчество Карла Ясперса (1883–1969). Согласно Ясперсу, природа подчиняется непреложным законам эволюции. Человек же развивается только как духовное существо. Культурность человека состоит в превращении его духовного содержания, непрерывном переходе от одного духовного горизонта к другому. Решающим шагом, прорывом в подлинное, духовное существование он считает “осевое время” (с 800 по 200 гг. до н. э.), когда была заложена “духовная основа человечества”, определившая все его последующее развитие. В этот период в Китае, Индии, Европе возникает философия, особый тип религиозности и искусства, которые свидетельствуют о коренных изменениях в понимании человеком мира и себя самого. Человек начинает ставить “последние” вопросы о высшем смысле бытия, человеческой свободе и самоценности человеческого существования. Таким образом, культура, возникновение которой Ясперс датирует “осевым временем”, – это, прежде всего сам человек в его “духовной открытости миру”, способ преодоления трагизма человеческого существования.

Завершением оформления философского уровня аксиологической парадигмы можно считать появление “феноменологии ценностей”, сложившейся на основе идей Эдмунда Гуссерля (1859–1938), развиваемых его последователями применительно к культурным процессам (М. Шелером, Н. Гартманом, Р. Оттом, Э. Штейном). Феноменологический метод Гуссерля стал своего рода ключом к утверждению особого статуса ценностного сознания, позволил проникнуть в суть состояния стыда, святости, любви, справедливости, т. е. всего того, что составляет стержень аксиологической проблематики. Особую роль в исследовании ценностной природы сознания сыграли работы гениального ученика Гуссерля Макса Шелера (1875–1928). Ценности, по мнению Шелера, отделены от действительного мира и относятся к разряду идеальных сущностей, которые становятся действительными в добрых поступках. Поэтому нельзя сводить ценности к вещиности или предметности. Подлинное ценностное сознание означает способность отказа от “принципа удовольствия”, ориентацию на желаемое. Человека со всех сторон “обступают ценности”, их не надо изобретать или “приобретать”. Для их обнаружения необходима эмоционально-интуитивная активность, способность “подняться” над витальными, эгоистическими интересами. “Открывая” ценности, человек превращается в духовное существо, которому открывается мир подлинной любви, где никто не рассматривает другого в качестве средства или “копии” кого-либо другого.

Миру ценностей присущ особый порядок, иерархия ценностей. Высшие ценности вневременны и неутилитарны, в отличие, от низших, преходящих и изменчивых. Поэтому высшие ценности нельзя “поделить” или “присвоить”, они принадлежат всем. Концепция Шелера удивительно созвучна современным концепциям ценностей, в частности той, которая положена в основу данной работы.

Особенно созвучной феноменологическим концепциям ценностей оказалась русская религиозная философия П. Д. Юркевича. Н. А. Бердяева. П. А. Флоренского, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского. В известном смысле она определила феноменологический поворот, произошедший в европейской философии в XX веке. Но эта традиция в России была прервана событиями революции, гражданской войны.

С аксиологической парадигмой тесно связаны *“игровые” концепции культуры*, где игра рассматривается как важнейший фактор перехода к культуре и необходимая форма ее существования. Игра, как *“свободное действие”* выводит человека за рамки обыденности, полезности, культивирует способности к солидарности, бескорыстной деятельности. Один из наиболее ярких представителей игровой концепции культуры Й. Хейзинга (1872–1945), сторонник аксиологического понимания культуры, полагал, что через игру человек общается к нравственно-эстетическим идеалам. Голландский исследователь в книге *“Homo Ludens”* (Человек играющий) прослеживает универсальность игровых форм, которые присутствуют во всех сферах человеческой деятельности. Игра у Хейзинги сама превращается в один из культурных идеалов, приобретая характер трансцендентной ценности.

Концепции игровой природы культуры придерживался и феноменолог Е. Финк, для которого игра, наряду со смертью, господством и любовью является изначальным феноменом человеческого существования.

Ключевой фигурой для аксиологически ориентированной социологии можно считать и Питирима Сорокина (1889–1968). Под культурой П. Сорокин понимает *“совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и рас-*

крывают эти значения”²³. Все предметы приобретают характер культурных, когда становятся носителями смыслов и ценностей. Культурные артефакты образуют культурные целостности. В каждой из таких систем можно проследить базовые исходные посылки и верховные принципы, которые Сорокин и называет ценностями. К культурным системам он относит язык, науку, религию, искусство, этику, право. В свою очередь, на их основе могут возникать суперсистемы, анализ которых Сорокин осуществляет, привлекая богатейший культурно-исторический материал. Особенно значимы социокультурные модели Сорокина оказались для анализа социокультурной динамики, изучения социокультурного пространства.

И хотя ряд культурологов полагает, что аксиологическая парадигма будет доминировать в культурологических поисках XXI столетия, более осторожные ученые указывают на то, что необходимость ценностей как особых отношений между людьми логически и научно недоказуема²⁴. Недостатком ценностной парадигмы обычно считают то, что она сужает пространство культуры, относя к ней фактически только духовные ценности. Упреки также раздаются по поводу субъективизма, так как восхищаясь ценностями своей культуры, например европейской, некоторые исследователи склонны “не замечать” специфики ценностей иных культур или вовсе отказывать им в ценностном статусе.

Краткий анализ существующих парадигм и подходов к пониманию сущности культуры понадобился нам для того, чтобы обозначить тот подход, который положен в основу исследования, теоретические основы которого изложены в этой книге.

Культура в системе жизненного мира

²³ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 218.

²⁴ Завершинский К.Ф. Культура и культурология в жизни общества. Великий Новгород. 2000. http://window.edu.ru/resource/057/22057/files/novikul_5.pdf

На наш взгляд, адекватное понимание сущности культуры предполагает встраивание этой категории в понятийный ряд, в основании которого находится понятие «жизненный мир», то есть та среда, то окружение, в котором в каждый момент своей жизни пребывает индивид. Это понятие – «жизненный мир» – довольно активно исследуется философами и психологами.

В философию понятие «жизненный мир» ввел Э. Гуссерль. Идея Э. Гуссерля заключалась в том, что надо вернуть в науку духовное, смысловое начало, для чего нужно создать новую науку о духе, предметом которой должен выступать жизненный мир, от которого зависит научное познание как от фундаментального слоя сознательной деятельности. Жизненный мир, по Э. Гуссерлю, состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают дофилософским, донаучным, первичным в логическом плане слоем любого сознания, являясь базисом, условием возможности сознательного принятия индивидом теоретических установок. Данные условия возможности совпадают с областью общеизвестных представлений, которые обладают характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания.

Если Э. Гуссерль связывал с жизненным миром мир априорных (дотеоретических) очевидностей, который открывается в результате вынесения суждений об объективном мире за скобки, то в дальнейшем в феноменологической социологии (начиная с А. Шютца) под жизненным миром стал пониматься интересубъективный мир повседневной практической деятельности и культуры.²⁵

По Ю. Хабермасу, жизненный мир включает в себя в качестве структурных компонентов культуру,

²⁵ Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. URL: <http://ktru.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf>

общество, и личность. Содержание жизненного мира составляют комплексы коммуникативных действий, нацеленных на кооперацию, взаимопонимание, обмен символами и значениями. Этот мир коммуникации создается субъектами, принадлежащими единому интерсубъективно разделяемому миру языкового сообщества. Его невозможно наблюдать (говорить о нем в третьем лице), в него можно только войти в перформативной установке (во втором лице). Жизненный мир, – поясняет Ю. Хабермас, – это резервуар, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса. В качестве ресурса жизненный мир конститутивен для процессов понимания. Культурой Ю. Хабермас называет запас знаний, из которого участники коммуникации, коль скоро они достигают взаимопонимания друг с другом относительно чего-то, обеспечиваются интерпретациями. Общество состоит из легитимных порядков, посредством которых участники коммуникации регулируют свою принадлежность к социальным группам и обеспечивают солидарность. К структурам личности Ю. Хабермас относит все мотивы и навыки, которые позволяют субъекту говорить и действовать и при этом обеспечивать собственную идентичность.²⁶

В психологии понятие «жизненного мира», активно использовал К. Левин, который пытался понять, как внешняя реальность воздействует на психологический мир человека.²⁷

Психолог Ф.Е. Василюк²⁸ придал понятию «жизненный мир» строго психологический смысл. В его

²⁶ Подробно взгляды Ю. Хабермаса на жизненный мир исследованы в статье: Ним Е.Г. Жизненный мир и масс-медиа: онтологические трансформации. URL: <https://vivliophica.com/articles/culture/150994/1>

²⁷ Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). – М.: Изд-во МГУ, 1980; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000; Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Сенсор, 2000; Левин К. Топология и теория поля // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). – М.: Изд-во МГУ, 1980.

²⁸ Василюк Ф.Е. Психология переживания. URL: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Psihologiya_perezivaniya.pdf

концепции жизненный, психологический мир человека содержит в себе особые феномены (в первую очередь трудность и боль), которые хотя и являются полностью психологическими и принадлежат исключительно жизненной реальности, но в то же время как бы кивают в сторону чего-то непсихологического, источником чего данный жизненный мир быть не мог. Через эти феномены в психологический мир заглядывает нечто трансцендентное ему, нечто «оттуда», но заглядывает оно уже в маске чего-то психологического, уже, так сказать, приняв психологическое гражданство, в ранге жизненного факта. И только своей тыльной стороной эти феномены настойчиво намекают на существование какого-то самостоятельного, инородного бытия, не подчиняющегося законам данного жизненного мира.²⁹

Человек как активное, деятельное существо «вживлен» в действительность, которая предстает как его «жизненный мир», то есть то символически организованное пространство, в котором протекает жизнь человека.³⁰

Говоря о «жизненном мире», имеют в виду совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и самоосуществиться данный индивид. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир, то есть мир, как он предстает перед науками, изучающими взаимодействие вещей, это – жизненный мир и в качестве такового он имеет две резко отличающиеся части, стороны, грани: внешнюю и внутреннюю.

²⁹ Василюк Ф.Е. Психология переживания. URL: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Pshologiya_perezshivaniya.pdf

³⁰ Ф.Е. Василюк подчеркивает, что жизненный мир нельзя пугать с объективным миром. Вообще категории «объективный», «субъективный» малопродуктивны при анализе человеческой жизни. Объективна или субъективна зубная боль? Объективен или субъективен ожог, полученный во время сеанса гипноза? Обыденная «очевидность» отделенности живого существа от мира не может служить исходным онтологическим положением, ибо мы нигде не находим живое существо до и вне его связанности с миром. Категория «внешний мир» также не совпадает по своему содержанию с категорией «объективная действительность». Наряду с не зависящими от человека явлениями объективной действительности внешний мир включает разнообразные элементы, которых в объективной действительности нет, хотя их объективность, величинность для индивида несомненна. Например «Бог» для верующего человека. (См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М., 1984. С. 86.)

Внешняя сторона жизненного мира представляет собой сферу, которая рассматривается как источник ресурсов, необходимых для воспроизводства и развития человека как целостности. Это та «жизненная почва», «питательная среда», из которой индивид получает то, без чего невозможно его становление и самоосуществление. Так понимаемый внешний мир структурируется на некие пространства и поля, в рамках которых индивид проявляет свою активность. Эти пространства и поля могут менять свои очертания и границы в зависимости от множества факторов.

При этом любая открытая саморазвивающаяся система (и отдельный человек, и сообщество людей) стремится расширить границы параметров внешней среды, благоприятные для существования. Это достигается двумя путями: за счет изменения собственных качеств (самоадаптации) и за счет изменения качеств внешней среды. Если изменения природной среды не обладают жестко проявленной цикличностью, после наступления квазиравновесия биосоциальная система прекращает или на много порядков замедляет собственную эволюцию как психофизически, так и социокультурно. Ярчайший пример - народы крайнего севера и тропического юга планеты, темп внутренне обусловленной психофизической и социальной эволюции которых измеряется даже не веками, как у европейских народов до недавнего времени, а десятками и сотнями тысяч лет. Одновременно на планете существуют народы с социокультурными системами первобытного стада, семейно-родовых, соседских общин и патриархальных сообществ, племен с "военной демократией", племен и племенных союзов с различным уровнем монархизма. Каждая из этих биосоциокультурных систем самодостаточна для обеспечения жизнедеятельности в данной природной среде и не требует заимствования и прогресса, что доказывается фактом бытия этих биосоциокультурных систем в течение многих десятков и сотен тысяч лет, вплоть до наших

дней. Естественные механизмы самозащиты (адаптации) формируют дополнительную социокультурную надстройку и/или изменяют качества поверхностных структурно-функциональных подсистем, обеспечивающих взаимодействие. Происходит процесс социокультурной "мимикрии", который не затрагивает генетически обусловленную психофизиологию и потому может прекратиться при устранении (или самоустранении) раздражителя. Это позволяет, во-первых, защитить выработавшийся за тысячелетия комплекс социокультурных норм и традиций, соответствующий психофизическим качествам, во-вторых, обеспечить эффективное взаимодействие с новым явлением и с минимальными затратами сил и средств использовать его для активизации жизнедеятельности³¹.

Внутренняя сторона жизненного мира (или «внутренний мир») представляет собой совокупность движущих сил, средств, «инструментов» жизнедеятельности, пользуясь которыми, индивид овладевает «внешним миром», присваивает его себе, расширяя тем самым свой «внутренний мир», что требует затем изменения метрики «внешнего мира», а следовательно, жизненного мира в целом. Таким образом, понятие «внутренний мир» является наиболее широким, наиболее интегральным термином, связывающим воедино всю совокупность качеств и свойств, предопределяющих степень личной суверенности индивида.

Все, что происходит в его внутреннем мире, является предметом живого и пристального внимания индивида. Все, что происходит в окружающей среде, то есть во внешнем мире, интересует индивида постольку, поскольку имеет отношение к внутреннему миру. Понятно, что граница между внутренним и внешним миром весьма расплывчата. То, что вчера было окружающей средой, сегодня может стать частью моего внутреннего

³¹ Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. М.: 2002.

мира. И наоборот, различные фрагменты внутреннего мира уходят на периферию жизненных интересов и вытесняются во внешний мир.

Из этого следует, что «внешний мир» вовсе не сводится к сумме материальных предметов и явлений, а «внутренний мир» – к его отражению (зеркальному или искаженному). «Внешний» и «внутренний» миры человека выступают как два звена одной цепи, скрепленные отношениями не отражения, а деятельности.

Ф.Е. Василюк подчеркивает, что говоря о трудности внешнего мира, мы будем иметь в виду не только соответствующее переживание, но и трудность как действительную характеристику мира; но, понятно, не мира самого по себе, не мира до и вне субъекта, а мира, так сказать, «деленного на субъекта», мира, видимого сквозь призму его жизни и деятельности, ибо трудность может быть обнаружена в мире не иначе, как в результате деятельности.

Каждый жизненный мир характеризуется в первую очередь с точки зрения его пространственно-временной организации, то есть описывается в терминах хронотопа. При этом в соответствии с различием внешнего и внутреннего аспектов жизненного мира можно отдельно описывать внешнее и внутреннее время–пространство, или, что то же самое – внешний и внутренний аспект целостного времени–пространства (хронотопа) жизненного мира. Внешний аспект хронотопа характеризуется отсутствием или наличием **«протяженности»**, которая заключается в **пространственной удаленности** (предметов потребности) и **временной длительности**, необходимой для преодоления удаленности. В чем бы ни состояли фактические затруднения жизни: в отдаленности благ, их сокрытости или наличии препятствий, – все они едины в том, что означают отсутствие возможности непосредственного удовлетворения потребностей, требуют от субъекта усилий по их

преодолению, и поэтому они могут быть сведены к одной условной мере – «протяженности».

Внутренний аспект хронотопа описывает структурированность внутреннего мира, то есть наличие или отсутствие «сопряженности», под которой понимается субъективная объединенность различных единиц жизни. «Сопряженность» выражается в **связанности** между собой различных жизненных отношений во внутреннем пространстве. Во временном аспекте «сопряженность» означает наличие субъективных связей **последовательности** между реализацией отдельных отношений. Итак, протяженность, удаленность, длительность, сопряженность, связанность, последовательность – все это термины языка, с помощью которого описывается хронотоп жизненного мира.

Если говорить совсем просто, то речь идет об оппозиции «комфортный мир – дискомфортный мир». Использование этих категорий позволило Ф.Е. Василюку разработать типологию людей, которая включает в свой состав четыре основных типа.

1. Внешне легкий и внутренне простой жизненный мир – тип «Инфант». В таком, внешне легком и внутренне простом жизненном мире живут дети до своего рождения и в первые годы жизни. И у каждого взрослого человека сохраняется память о том, как это – жить, не осознавая, что есть прошлое и будущее, время, пространство, условия и проблемы. Но есть и взрослые люди, остающиеся инфантильными, живущие просто и легко. Инфант живет «здесь и сейчас», его жизненная цель сиюминутна и всегда формулируется одинаково – немедленно удовлетворить потребность. В таком мире нет надобности во внутренней психической или внешней практической активности, есть только пассивное существование. Нужные блага принесут и дадут. Все что происходит, не зависит от Инфанта, но в связи с событиями жизни у него возникают эмоции, и их всего две: удовлетворение или неудовлетворение. Инфантильный

человек ленив, несамостоятелен, пассивен, нерешителен, стремится только к положительным эмоциям, избегает и страшится отрицательных. Центральный принцип этого мира – принцип удовольствия. Все что неудовлетворительно вызывает стресс, панику, ужас и даже может спровоцировать болезнь. Инфантилизм – это пласт сознания каждого взрослого человека, который обуславливает гедонистические склонности. Хочется вернуть себе утраченное блаженное мироощущение, забыть о времени и пространстве и просто наслаждаться жизнью. Хочется иметь золотую рыбку, волшебную палочку или хотя бы выиграть в лотерею миллион долларов, чтобы без усилий, труда, ожиданий, здесь и сейчас получать все что хочется.

2. Внешне трудный, внутренне простой жизненный мир – тип «Фанатик». Он понимает, что блага не даются сами собой, их нужно заслужить или добиться, поэтому такой мир внешне трудный, но внутренне простой, как и у Инфанта. Фанатик не знает сомнений, колебаний, вины, совести и стыда. Его внутренний мир односоставный, в нем нет противоречий, в нем все просто, сложности только снаружи. Ради цели Фанатик готов на многое: он необдуманно рискует, ставит на кон все, что имеет, приемлема любая жертва, а цель всегда оправдывает средства. Принцип мира Фанатика – реальность – заставляет его учиться терпеть и ждать. Фанатик знает как, когда и где сможет достичь своей цели и стремится к ней, но осознает границы своих возможностей, понимает что есть то, что он изменить не в силах – такова реальность. Именно благодаря терпению Фанатик справляется с трудными ситуациями. Если терпеть больше нет сил, он начинает приспосабливаться к действительности, искать альтернативные пути развития. Фанатиком на время становится человек, захваченный одной-единственной идеей, также этот мир свойственен подросткам и людям, являющимся фанатами групп, команд, религий, политических партий и прочего. Иногда

такое мировоззрение свидетельствует о наличии психопатологий.

3. Внутренне сложный, внешне легкий жизненный мир – тип «Философ». Философ живет во внутренне сложном и внешне простом жизненном мире. Основные трудности и препятствия – внутренние. Философ долго думает, колеблется в принятии решений, взвешивает все «за» и «против». В его душе один конфликт сменяется другим, но в какой-то момент количество переходит в качество и у Философа вырабатывается особый «орган», помогающий разрешать конфликты – ценностное сознание. Принцип внутренне сложного и внешне легкого жизненного мира – принцип ценности. Что ценно, то и выбирается Философом. Принципы – это трансформированные и усвоенные ранее правила поведения. Правило становится принципом после того как человек признает его истинность, отталкиваясь от собственного жизненного опыта. Нередко такой опыт бывает плачевным и горьким, но именно так человек учится жизни.

Принципы становятся ориентирами и целями, определяя жизненный путь человека. С появлением духовных ценностей, жизненный выбор перестает быть проблемой, а внешний мир становится как бы простым, ведь человек нашел себя в нем и этого ему на данном этапе достаточно. Философ совершает нравственный выбор и действует с соответствием с ним, не обращая внимания на внешние трудности и обстоятельства. Трудность окружающего мира Философ не принимает в расчет и смотрит на реальность сквозь пальцы. Когда противоречия между нравственными ценностями и реальностью становятся слишком велики, Философ задается вопросом: «Неужели реальность такова, какой представляется мне и ее никак нельзя изменить?». Находясь в поиске ответа на этот и другие подобные вопросы, человек пытается разрешить конфликт внутреннего мира с внешним, а находит то, что не искал – мудрость.

4. Внешне трудный и внутренне сложный жизненный мир – тип «Творец». Этот мир внешне трудный и внутренне сложный, но только здесь развивается элемент, необходимый для целостности личности – воля. Воля не как человеческая способность (она формируется еще в детстве), а как стремление к желанной жизни. Именно воля толкает человека не просто жить, а создавать свою жизнь, активно творить ее и не останавливаться, поскольку внутренней гармонии невозможно достичь раз и навсегда. Активное и сознательное созидание и есть жизненное творчество, являющееся принципом Творца.

Путь к цели Творца непрост, в нем есть место и внешним преградам и внутренним сомнениям, поэтому здесь так важна воля. Творческое переживание позволяет действовать в условиях противоречащих позиции человека, в сложных и даже безвыходных обстоятельствах. Человек становится способным изменить реальность и стать счастливым. Когда самореализация становится невозможной, а в процесс реализации жизненной цели вклинивается слишком большое препятствие, случается кризис. Он толкает человека развиваться дальше, находить новые цели и пути, восстанавливать утраченные возможности, преобразовывать свое «Я». Взрослые и зрелые личности, умудренные опытом, творят замысел своей жизни в целом и продолжают развиваться.

Итак, Инфант обходится одной лишь деятельностью, Фанатик развивает психику, Философ – сознание, Творец воплощает в реальность образ своей идеальной жизни и себя самого. Разумеется, возможные разные переходные варианты, но все-таки какой-то один жизненным мир является основным. Вопрос о том, есть ли еще другие жизненные миры после мира Творца, остается открытым.

Однако в элегантной и эвристичной концепции Ф. Василюка не нашлось места ни для культуры, ни для коммуникации. Поэтому мы предлагаем еще одну – бо-

более широкую – трактовку модели жизненного мира. Согласно этой трактовке, жизненный мир любого индивида представляет собой некий универсум, состоящий из образов систем, определяющих основные характеристики жизнедеятельности человека. Так понимаемый жизненный мир может быть представлен в виде схемы, приведенной на *рис. 1*.

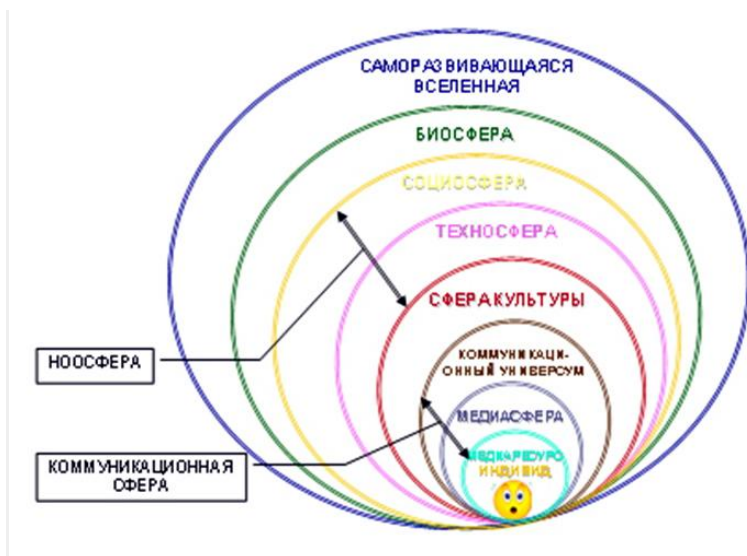

Рисунок 1. Схема жизненного мира

Описание всех компонентов данной модели пока не входит в нашу задачу. Но уже здесь надо отчетливо заявить, что исходное положение при анализе жизненного мира заключается в конгруэнтности всех основных компонентов. Предполагается, что фундаментальные изменения в одном из компонентов в той или иной степени сказываются на всех других компонентах. Очевидно, что масштабы и скорость таких преобразований могут быть разными.

Человек, встроенный в так понимаемый жизненный мир, нуждается в нескольких «вещах», важных для выживания и развития:

- ему надо знать и понимать, как устроен этот жизненный мир, где находятся необходимые человеку ресурсы, о которых так ярко писал Ф.Е. Василюк;
- он нуждается в эффективных схемах, моделях, алгоритмах деятельности, позволяющих ему приспособиться к этому жизненному миру или приспособить его к своим нуждам;
- он нуждается в таких нормах взаимоотношений с другими людьми, следование которым обеспечивает сохранение и развитие тех человеческих коллективностей, к которым индивид принадлежит или хочет принадлежать;
- он нуждается в обладании тем, что дает оправдание жизни в целом и конкретным действиям и поступкам, то есть в том, что называется смыслом.

И именно культура является хранилищем этих «вещей».

Другими словами, культура в жизненном мире обеспечивает реализацию трех основных функций: 1) предложение эффективных схем, алгоритмов, матриц достижения результатов деятельности; 2) ориентирование индивида в общественных отношениях; 3) придание смысла всему, что человек делает или должен делать.

Одним из первых в конце XVIII века связал развитие экономики с процессами в культурной сфере А. де Кондорсе: он утверждал, что технический прогресс и развитие экономики неизменно приведут к изменению нравственных ценностей.³² Идею о влиянии культурных особенностей на развитие общества выразил также А. де Токвиль, указывающий в своей работе «Демократия в

³² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. С. 32.

Америке» на то, что важную роль в становлении американской политической системы сыграла культура, удивительно подходящая для демократии.³³ К. Маркс, напротив, связывал изменения политических институтов и культурных ценностей с техническим и экономическим прогрессом, рассматривая господствующие в обществе ценности и моральные нормы как идеологическую «надстройку» над социально-экономическим «базисом».³⁴

В начале XX века немецкий ученый М. Вебер опубликовал работу «Протестантская этика и дух капитализма», согласно которой культурные факторы, коренящиеся в религии, сыграли ведущую роль в развитии экономики протестантских стран. По мнению М. Вебера, кальвинизм способствовал выработке и становлению определенной этики повседневной жизни, которая, в свою очередь, стала основой для делового успеха и развития промышленного капитализма.³⁵ Теория М. Вебера о связи религии и социально-экономического прогресса получила развитие, и сегодня религия рассматривается многими учеными как одна из основных предпосылок формирования тех или иных культурных особенностей общества.

Во второй половине XX века теория о связи культурных ценностей и социально-экономического развития развивалась в двух направлениях.³⁶ Согласно первому, конвергенция ценностей в результате модернизации – главная движущая сила изменений в сфере культуры. Таким образом, происходит неизбежный упадок традиционных ценностей, их замена современными. Второй подход предполагает устойчивость традиционных ценностей, несмотря на изменения в экономике и политике, независимость сферы ценностей от экономических условий и ее самостоятельное влияние на куль-

³³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

³⁴ Маркс. К. Капитал. – М.: Политиздат, 1985.

³⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОССПЭН, 2006.

³⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. С. 34.

турные изменения, вызываемые социально-экономическим развитием.

Широкую известность приобрели работы С. Хантингтона, который выдвинул тезис о том, что после «холодной войны» наиболее важные различия между людьми будут не идеологическими, политическими или экономическими, а культурными. «Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: "Кто мы есть?". И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты».³⁷

Многие исследователи подчеркивают неразрывную связь исповедуемых обществом и индивидом ценностей и выбором путей социально-экономического развития.

Российские ученые также активно изучают влияния культуры на социальные, экономические и политические процессы. Исходный тезис формулируется примерно так: исторический опыт развития человечества свидетельствует о том, что эффективность экономических и иных социальных реформ во многом определяется спецификой ценностных отношений, реализуемых (или не реализуемых) в их ходе. Непроявленность или бедность культурного содержания в социальных отношениях и действиях, при всей их технологичности, – может вести к гуманитарным катастрофам. Столь же проблемна и устойчивость существования духовного богатства в обществе, если оно перестает проявляться в мотивации базовых для выживания человечества экономических и политических действий³⁸.

³⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007. С. 12-15.

³⁸ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000.

В частности, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ занимается выработкой собственного подхода к измерению культур и изучению связи культуры и инновационного развития. Одно из исследований на эту тему – монография «Культура как фактор общественного прогресса» – было подготовлено профессором НИУ ВШЭ Н. Лебедевой, доцентом НИУ ВШЭ А. Татарко и научным руководителем НИУ ВШЭ Е. Ясиным. В монографии обобщаются результаты проведенного в 2008 году исследования связи культуры, психологии и социально-экономического развития.³⁹

Результаты этого исследования были, в частности, представлены на симпозиуме памяти С. Хантингтона «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», который состоялся в мае 2010 года в ВШЭ и был организован совместно Институтом культурных преобразований Школы права и дипломатии имени Флетчера университета Тафтса (США) и Высшей школой экономики.⁴⁰

Еще одно исследование, посвященное влиянию культуры на динамику социального развития, было выполнено президентом Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузаном, профессором Высшей школы экономики А. Архангельским, режиссером П. Лунгиным и директором Института национальной модели экономики В. Найшулем.⁴¹ По мнению авторов, в традиционных установках русской культуры есть факторы, которые не только не противоречат целям модернизации, но и могут служить ее опорой. Чтобы проверить, причем в максимальном приближении к реальности, насколько верны сформулированные предположения и тезисы, было проведено социологическое ис-

³⁹ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009.

⁴⁰ Сайт Президента РФ. Встреча с участниками симпозиума «Культура, культурные изменения и экономическое развитие». 26.05.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/news/7865>

⁴¹ Семь тезисов о русском. Русское искусство – тормоз или локомотив модернизации? URL: <https://rg.ru/2011/09/28/modernzacia.html>

следование, основанное на опросе россиян, живущих и работающих в модернизированных странах или в западных компаниях, представленных в России, то есть в тех условиях, которые должны возникнуть в случае успешного запуска модернизации в России. Исследование было проведено весной 2011 года Центром независимых социологических исследований в России (Санкт-Петербург), США (штаты Мэриленд и Нью-Джерси) и ФРГ (Берлин и Северная Рейн-Вестфалия).

Два главных исследовательских вопроса, сформулированных авторами: «Существуют ли специфические культурные черты, принципиально отличающие российского работника от его коллег в ведущих странах Запада?» и «Какова связь между выявленными чертами и процессами экономической модернизации?».

Несмотря на наличие некоторых специфических культурных черт российского работника, выявленных в ходе социологического исследования, авторы считают, что при исчезновении внешних социально-политических, экономических и прочих институциональных барьеров молодой «креативный класс» легко раскрывает свои модернизационные возможности, на равных конкурируя с западными коллегами в рамках устоявшихся правил. И никакие факторы традиционности им в этом совершенно не мешают; культурные установки россиян вполне совместимы с модернизированной средой обитания. (Хотя стоит отметить, что культурные установки помогают российским работникам в большей степени строить карьеру предпринимателей на малых инновационных предприятиях, чем карьеру исполнителей в крупных корпорациях.) Более того, рефлексия на тему устойчивых культурных установок («Что русскому здорово, то немцу карачун») сохраняет актуальность лишь для тех, кто временно и в зрелом возрасте переместился в новую институциональную среду. А у тех, кто закончил американскую или европейскую школу, никаких специфически национальных установок в сфере

трудо­вой и органи­за­ци­он­ной эти­ки нет; куль­тур­ная при­над­ле­ж­ность к «рус­ско­му ми­ру» выра­же­на не в осо­бен­но­стях соци­аль­но­го по­ве­де­ния, в том чис­ле эконо­ми­че­ско­го, а в осо­бом эмо­ци­о­наль­ном, эсте­ти­че­ском, бы­то­вом обихо­де.

Та­ким об­ра­зом, мож­но пред­по­ло­жить, что если не ломать, не обну­лять тра­ди­цию, не идти на ко­ло­с­саль­ные ци­ви­ли­за­ци­он­ные ри­ски и куль­тур­но-по­ли­ти­че­ские из­дер­жки, свя­зан­ные с прак­ти­кой «куль­тур­ной ре­во­лю­ции», а про­сто уби­рать барь­еры и встраивать лю­дей в мо­дер­ни­за­ци­он­ные про­цес­сы, то зре­лая часть «кре­атив­но­го клас­са» суме­ет впи­сать свои сло­жив­шие­ся цен­но­сти и ус­танов­ки в но­вую сре­ду и но­вую ре­аль­ность. Что ка­са­ет­ся сле­ду­ю­ще­го по­ко­ле­ния, то оно ста­нет но­си­те­лем мо­дер­ни­за­ци­он­ных цен­но­стей, если уда­ст­ся пре­вра­тить рос­сий­скую шко­лу в ин­сти­тут не­на­си­ль­ствен­ной гу­манитар­ной мо­дер­ни­за­ции. Это не пред­по­ла­гает раз­ры­ва с куль­тур­ной тра­ди­цией, но ме­ня­ет ее на­пол­не­ние.⁴²

ГЛАВА 1.2

СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ

Пе­ре­хо­дя к раз­мыш­ле­ни­ям о струк­ту­ре куль­ту­ры как мно­го­функ­ци­о­наль­ной ос­но­ве жи­знен­но­го ми­ра че­ло­ве­ка, мож­но выд­ви­нуть ги­по­те­зу, в со­от­вет­ствии с ко­то­рой лю­бая куль­ту­ра со­сто­ит из трех ст­рук­тур­ных ком­по­нен­тов: но­ос­фе­ры, ак­си­ос­фе­ры и нор­ма­тив­но-ре­гу­ля­тив­ной сфе­ры. Рас­смот­рим эти ком­по­нен­ты под­роб­нее.

Ноосфера

⁴² Семь тезисов о русском. Русское искусство – тормоз или локомотив модернизации? URL: <https://rg.ru/2011/09/28/modernzacia.html>

Что касается понятия «ноосфера», то известно, что оно было предложено профессором математики Сорбонны Э. Леруа, который трактовал ее как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Э. Леруа подчеркивал, что пришел к этой идее совместно с П. Тейяром де Шарденом. При этом Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден основывались на лекциях по геохимии, которые в 1922–1923 годах читал в Сорбонне В.И. Вернадский. Понятие «ноосфера» используется для обозначения целостной сферы разума, т.е. нового состояния биосферы, связанного с возникновением и развитием в нем нового человеческого общества. В данной работе этим понятием обозначается система знаний, выработанных человечеством для понимания происходящих в жизненном мире процессов.

Знания представляют собой образ внешнего мира «как он есть». Другими словами, знания отвечают на вопрос «Что это?» и выступают во внутреннем мире в роли представителей внешнего мира, оперируя которыми человек находит (сначала в идеальном плане, а затем и в действительности) оптимальные способы жизнедеятельности.⁴³

Рассматривая сущность категории «знание», невозможно избежать вопроса о взаимоотношениях понятий «знание» и «информация». В разных работах встречается различное толкование этих терминов. Одни исследователи рассматривают информацию как инертное знание, полагая, что информация – это мера того нового в сообщении, что не известно получателю, в то время как знание есть не просто отражение предмета, а целенаправленное отражение, побуждающее к деятельности,

⁴³ Существуют и другие подходы к пониманию категории «знание». Так, по мнению А.А. Ивина, знать – значит не только иметь представление о том, что есть, но и представление о том, что должно быть. (Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31.) Другими словами, в знание включаются и ценности, и проекты. Есть еще более «широкая» точка зрения, сторонники которой, ссылаясь на К. Маркса, обозначают понятием знание абсолютно все, что есть в сознании.

знание это та информация, которая используется для практической деятельности.

Сторонники другой точки зрения пользуются этими понятиями в принципиально противоположном значении. Знание рассматривается как инертные сведения, а информация как та часть знаний, которая используется для управления.

Многие исследователи рассматривают знания как то, что принадлежит человеку, а информацией знание становится только будучи «оторванным» от человека. С этой точки зрения, информация – это знания минус человек. Данная концепция представляется нам более отвечающей сути развиваемого в этой работе подхода.

Система знаний человека в той или иной мере выражает и отражает сеть объективно складывающихся отношений того мира, в котором он живет и действует. Эта сеть узловых точек действительности отражается в системе категорий, которые выступают опорными точками его познавательной и практической деятельности.⁴⁴

Система имеющегося во внутреннем мире человека знания, выступающего в качестве предпосылки его деятельности, обладает чрезвычайно сложной и во многом еще неисследованной структурой. Однако некоторые выводы можно сделать уже на основе достижений современной науки.

Прежде всего, речь идет о понимании того, что знание не является аморфным собранием разнообразных фактов, сведений и представлений, а всегда каким-то образом структурировано. Поэтому необходимо выделение в общем корпусе знаний человека различных комплексов, связанных со спецификой тех предметных областей, отражением которых эти знания являются. Здесь возможны (и разрабатываются) самые различные классификации.

⁴⁴ Образ паутины, концентрические и радиальные нити которой образуют чувствительную сеть, передающую колебания любой точки в центр паутины, может хоть в какой-то степени создать визуальное представление о системе и функциях категориальной сетки знаний.

В качестве одного из критериев классификации знаний выступает мера системности, организованности, взаимоувязанности знаний. С точки зрения этого критерия, выделяют следующие формы существования знаний: 1) категории (понятия); 2) суждения (совокупности понятий); 3) теории (совокупности суждений); 4) картины мира.

1. Категории отражают наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания (единичное и особенное, часть и целое, форма и содержание и др.). Категории являются узловыми пунктами познания, «ступеньками», моментами проникновения мышления в сущность вещей. Категории, образующие как бы внутренний каркас мышления человека, представляют собой инструмент отражения и воспроизведения необходимых, устойчивых, повторяющихся связей между явлениями действительности, инструмент познания законов объективной реальности.

Человеческая (а не натуралистическая) сущность любых категорий хорошо иллюстрируется следующим примером. Чтобы предметное содержание, данное каждому человеку в понятии «дерево», могло мгновенно возникнуть во всей своей многосложности, понадобилась историческая по длительности жизнь общества в постоянном контакте с лесом, работа лесоруба, строителя, плотника, столяра, художника, садовода и т.д. Все человеческие усилия по обработке и использованию дерева, в ходе которых оно было поставлено в связь с огнем, водой, железом, камнем, землей, воздухом, растительными организмами и неорганическими материалами, позволили открыть такие многообразные свойства дерева и представить их в совокупном, связанном виде. Только человеку как инициатору всех мыслимых преобразований дерева ведомо, что вся сумма свойств живого дерева и древесины и все многообразие деревянных изделий суть лишь модификации единой исходной суб-

станции – дерева как такового, то есть потенциального носителя всех возможных «деревянных» форм, свойств и проявлений.⁴⁵

Для человека, сформированного определенной культурой, смысл системы ее категорий чаще всего выступает как нечто само собой разумеющееся, как единая «презумпция», в соответствии с которой он строит свою деятельность и которую он обычно не осознает в качестве глубинного основания своего миропонимания и мироощущения. Типы миропонимания и мироощущения, которые свойственны разным типам общества, определены различным содержанием категорий, лежащих в основании культуры.

В лингвистике существует положение, что, слушая чужую речь, мы узнаем лишь те звуки, из которых строятся значимые элементы нашего родного языка. В соответствии с этим положением петухи кукарекают, собаки лают, а кошки мяукают на разных языках по-разному, их «язык» воспроизводится на основе принятых в соответствующих человеческих языках значимых звуков (фонем). В известной мере также обстоит дело и со словами. Мы видим только те вещи, для обозначения которых в нашем языке есть слово. Так, для говорящих на русском языке *снег* просто снег и ничего больше, а эскимос различает здесь шесть разных вещей, для которых в его языке есть шесть слов. Для нас *песок* только песок, а для араба здесь много разных вещей. Существуют слова, которые вообще не переводятся с одного языка на другой или же переводятся описательно, хотя соотносятся с элементарными вещами. Ни в одном из (во всяком случае, индоевропейских) языков нет эквивалента для русских слов *сутки* или *авось*. Когда А. Дюма переводил на французский язык одно из стихотворений

⁴⁵ См.: Мировозренческая культура личности. – Киев, 1986. С. 41.

Некрасова, он вынужден был слово *душечка* передать описательно: *моя маленькая милая душа*.⁴⁶

Категории представляют собой определенные слова («революция», «атом», «самофинансирование») или словосочетания («рыночные отношения», «парламентская республика»), отражающие в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними. Можно выделить две основные стороны любого понятия. Первая – гносеологическая сторона, где понятие выступает в качестве знаковой, языковой модели, отражающей объект и образующей предмет мышления. Вторая сторона – личностно-психологическое состояние понятия, в котором оно выступает как понимание, то есть психическая деятельность и состояние, определяемые совокупностью знаний и способностей субъекта. В каждом понятии различают его содержание, объем и широту содержания понятия – это совокупность признаков предмета, отраженных в понятии. В логике различают понятия с пустым объемом – их объем не содержит ни одного элемента (кентавр, золотая гора), единичные понятия – их объем содержит лишь по одному элементу (столица Франции, самая большая река Европы), общие понятия (химический элемент, растение, общественно-экономическая формация) и др.

2. Суждение обозначает повествовательное (описательное) предложение, рассматриваемое вместе с его содержанием (смыслом) как истинное или ложное. (Так понимаемое суждение противопоставляется повелительным, вопросительным и всем другим предложениям, оценка истинности или ложности которых невозможна.) С помощью суждений человек выражает свое отношение к действительности. Выделяются три основ-

⁴⁶ См.: Звегинцев В.А. Проблема отношений человека и машины в компьютерной революции // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 47-48.

ных типа отношения и, соответственно, три типа суждений. Первый тип связан с утверждением истинности или ложности определенного взгляда на мир. Такие суждения называются *ассерторическими*. Второй тип – *проблематическое* суждение – связан с утверждением возможности («возможно, что *A* – истинно»). Третий тип суждения связан с утверждением необходимости – это *аподиктические* суждения.

3. Теория обозначает комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений. По своему строению теория представляет собой внутренне дифференцированную, но целостную систему знаний, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий, выступающих исходным базисом теории.

Существует и такая форма как *«идея»*, которая рассматривается в качестве опосредствующего звена в практическом преобразовании мира человеком. Теоретическое знание становится идеей, когда намечаются пути практического воплощения идеального объекта в реальный.

Мера цельности, системности, связности знаний, входящих в каждую предметную область и в смысловую сферу в целом, выступает основным условием цельности мировоззренческой позиции человека. Но цельность – это не единственная характеристика знаний. Не менее важно, каково качество элементов, входящих в этот комплекс. Оценивая с позиции этого критерия понятия, суждения, теории, содержащиеся в знаниевом комплексе человека обычно «помечает» их специфическими «метками»: *«истинное знание»*, *«искаженное знание»* (заблуждения, иллюзии и др.) и *«ложное знание»*. Разумеется, мера истинности гносеологического образа, припи-

сываемая ему человеком, может быть весьма далека от его реального соответствия действительности.

В качестве истинного знания выступает относительно точное воспроизведение в сознании человека объективно существующего предмета, закономерностей его существования и развития. Соответственно знание рассматривается как полностью ложное, если между образом предмета и его объективными характеристиками нет ничего общего. «Иллюзия – не просто заблуждение разума или произвольный вымысел», – указывает В.Н. Шердаков. Иллюзия всегда имеет в виду нечто реальное, но искажает это реальное, выдавая желаемое за действительное. Иллюзии связаны с желанием и надеждами людей, они коренятся скорее в сердце, чем в его разуме. Поэтому люди так упорно держатся за свои иллюзии даже вопреки фактам и логике. Держатся даже тогда, когда самообман становится очевидным.⁴⁷

Рассматривая иллюзии как элементы смысловой сферы человека, следует ясно понимать, что они представляют собой не просто результат незнания или ложного отражения действительности, легкомыслия или глупости. Иллюзорное знание, если можно воспользоваться таким понятием, есть естественный для обыденного сознания образ действительного мира во всей его очевидности. «Почему в течение тысячелетий человечество считало виды неизменными, время – субъективным, различные виды неравенства – естественными, а Солнце – вращающимся вокруг Земли? Потому ли, прежде всего, что так утверждала господствующая идеология, или скорее потому, что эти метафизические представления обобщили опыт, накопленный человечеством? Все свидетельствует о том, что в отношении к этим или другим проблемам ложная идея более непосредственно зависит от жизненной реальности, чем идея истинная. Последняя, напротив, чаще всего противоречит опыту и

⁴⁷ Шердаков В.Н. Иллюзия добра. – М., 1982. С. 159.

побуждает своих защитников длительное время противодействовать общему мнению. Идеологи, заинтересованные в ложном видении природы и истории, не могут поддерживать все что угодно: они лишь систематизируют и усиливают иллюзии, которые рождаются в самой сердцевине практики, всегда побуждающей нас сначала видеть абсолютное там, где господствует относительное, а вечное – там, где царит преходящее».⁴⁸

В системе знаний человека определенное место занимают заблуждения, предрассудки и суеверия.⁴⁹

В системе знаний можно выделить два основных уровня. На первом размещены знания, о которых человек знает, что он их знает. Это так называемые *осознаваемые знания*. На втором находятся знания, о существовании которых человек до поры до времени не подозревает (*неосознаваемые знания*). Возможен промежуточный слой – полуосознаваемые знания. В эту совокупность входят разнообразные представления мировоззренческого, общекультурного характера. В сфере науки многослойность личного знания была осознана в терминах «парадигма» (Т. Кун), «базисные предположения науки» (Р. Коллингвуд), «исследовательская программа» (И. Лакатос) и др.

4. Картина мира – это целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях мира, в котором живет человек. «Без карты нашего природного и социального мира – некой определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира и нашего места в нем – люди просто растерялись бы и были бы неспособны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы

⁴⁸ Жури Ж.-П. Истина и заблуждения // Вопросы философии. 1987. № 4. С. 128. Всякая массовая идеологическая иллюзия, сколь бы ложной она ни была, всегда содержит относительную истину, укорененную в самой реальности. И вся история науки, как и развитие общественного сознания, постепенно постигая реальную диалектику мира, преодолевает прежние иллюзии, обнаруживая их несомненную относительность и перемещая их в более широкую область, где они приобретают смысл, – пишет автор.

⁴⁹ См.: Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. – М., 1979; Мегрелидзе К.Р. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. – Л., 1935; Воронов В.П., Москаленко А.Т. Методологические установки ученого: природа и функция. – Новосибирск, 1986 и др.

ориентироваться и найти отправную точку, позволяющую упорядочивать все обрушивающиеся на каждого индивида впечатления».⁵⁰

Особенностью любой индивидуальной картины мира является ощущение ее естественности и единственности. «Люди могут отрицать, что у них есть такая всеобъемлющая картина мира, и считать, что они реагируют на различные явления и события жизни от случая к случаю, в соответствии со своими суждениями. Можно однако легко доказать, что они просто принимают свою собственную философию за нечто само собой разумеющееся... И когда такие люди сталкиваются с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, они называют их «сумасшедшими», «иррациональными» или «наивными», тогда как себя они неизменно считают «логичными».⁵¹

Таким образом, картина мира является способом организации категорий, суждений и теорий в системную целостность. Картина мира представляет собой высшую степень систематизации имеющихся в сознании человека содержательных представлений о действительности во всех ее проявлениях. Другими словами, картина мира выступает как целостная, опирающаяся на мировоззренческие представления, концептуальная модель мира в единстве его сущностных и явленческих сторон. Она определяет, что человек видит в действительности, какие взаимосвязи между явлениями представляются ему существенными, а какие случайными; обеспечивает структуризацию и систематизацию разнообразных впечатлений, сведений о реальном мире.

Картина мира человека строится из понятий и образов. В зависимости от того, какие элементы преобладают, говорят о *понятийном (концептуальном)* или *образном (художественном)* мышлении. Иногда выделяют *понятийно-образное* мышление, в кото-

⁵⁰ Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1986. С. 160.

⁵¹ Там же. С. 161.

ром, по мнению некоторых исследователей, понятия и образы сплавлены настолько прочно, что говорить о преобладании каких-либо из элементов неправомерно.

Картина мира человека всегда ценностно окрашена. Оценки различных явлений действительности: экономических, политических, нравственных, эстетических и т.д. – опираются на сопоставление этих явлений с теми эталонами, которые заложены в человеческой картине мира.

Существует несколько источников, из которых человек черпает свои представления, аккумулируемые в картине мира. Один из них – обыденное сознание, важной составной частью которого является социальная мифология. Другой источник – элементарная наука, представленная в учебниках, справочниках и популярных изданиях. Третий – «высокая» наука, доступ к которой имеют очень немногие.

Разумеется, влияние этих источников различно, роль каждого из них определяется стечением многих обстоятельств. Нам важно подчеркнуть, что в результате взаимодействия человека с названными выше компонентами общественного сознания в его внутреннем мире формируется своеобразная, противоречивая картина внешнего мира, которая в зависимости от доминирующего типа содержательных элементов смысловой сферы может быть *обыденно-мифологизированной, элементарно-научной* и *системно-научной*.

Главное отличие научной картины мира от других заключается в том, что она строится на основе определенной фундаментальной научной теории и возникает в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов. Различают общенаучную картину мира и конкретные картины мира, созданные в рамках отдельных наук.⁵²

⁵² Не следует думать, что научность картины мира автоматически предполагает ее более высокое качество. XX век продемонстрировал поразительное явление, когда самые бредовые, вздорные, человеконенавистнические идеи приобретали наукообразный вид, апеллируя отнюдь не только к чувствам, но

Очевидно, что каждая предметная область знаний, которыми обладает человек, может представлять собой либо целостную картину мира (точнее, картину данной предметной области), либо совокупность более или менее связанных друг с другом (а значит, более или менее противоречащих друг другу) теорий, либо вообще конгломерат разнообразных категорий и понятий, создающих видимость отображения данной предметной области.

А.А. Леонтьев указывает, что, с теоретической точки зрения, образов мира может быть много. К ним относятся профессиональный образ мира, а также образ мира, связанный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Этому последнему отводится особое место. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы имеем здесь в виду не научное, а обыденное сознание); видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа».⁵³

В центр изучения антропологической лингвистики, в рамках которой и разрабатывается концепция картины мира, ставятся проблемы, касающиеся связи человека и его языка: язык, мышление и сознание человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека. В настоящее время проблемами языковой картины мира занимаются такие ученые, как Ю.Д. Апресян,⁵⁴ Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев,⁵⁵ Н.Д. Арутюнова,⁵⁶

и к уму, и к логике. Достаточно указать на то, что нацистская расовая теория начиналась именно как наука, как попытка вывести культурное своеобразие из строения черепа у людей разных рас.

⁵³ Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. С. 19-20.

⁵⁴ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

⁵⁵ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

А. Вежбицкая,⁵⁷ А. Зализняк,⁵⁸ В.И. Постовалова,⁵⁹ Ю.Н. Караулов,⁶⁰ О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон⁶¹ и др.

При исследовании проблемы отражения картины мира в языке обычно исходят из соотношения триады: окружающая действительность – отражение этой действительности в мозгу человека – фиксация этих результатов в языке.⁶² При этом окружающая действительность представляет собой объективную, независимую от человека, данность; отражение ее в мозгу человека представляет образ мира или концептуальную картину мира; фиксация этого отражения в языке представляет собой «языковую картину мира».

Ю.Н. Караулов предлагает заменить метафорическое выражение «картина» выражением «модель». По его мнению, основными элементами языковой модели мира являются семантические поля, концептуальной модели – группы и сверхпонятия, так называемые константы сознания.⁶³ На наш взгляд, идея замены выражения «картина мира» понятием «модель мира» существенно сужает смысл обозначаемого этими словами феномена. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые предпочитают пользоваться понятием «картина мира», поскольку оно позволяет зафиксировать глобальность, целостность, эмоциональную насыщенность того образа мира, который возникает в сознании человека как результат всей его духовной активности, всех контактов человека с внешним миром.⁶⁴

⁵⁶ Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме языковой картины мира // Вопросы языкознания. 1987. № 3.

⁵⁷ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

⁵⁸ Зализняк А.А. О семантике щепетильности («обидно», «совестно» и «неудобно») на фоне русской языковой картины мира // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. С. 101-118.

⁵⁹ Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 8-69.

⁶⁰ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

⁶¹ Русская языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.

⁶² Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 87.

⁶³ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. С. 246, 267.

⁶⁴ Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 8-69.

По нашему мнению, понятия «образ мира», «концепция мира» и уж тем более «языковая картина мира» не охватывают всей сложности содержания того комплекса представлений, которыми руководствуется человек, ориентируясь в окружающей действительности. Именно понятие «картина мира» благодаря его метафоричности в достаточной степени обозначает ту совокупность структур, которые осуществляют две основные функции: *интерпретативную* (обеспечивать видение мира) и вытекающую из нее *регулятивную* (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности).

Основная проблема, которая возникает в последние десятилетия при обсуждении проблем, связанных с формированием картины мира, – роль в этом процессе средств массовой коммуникации. Видимо, уже на надо доказывать, что собственная жизненная практика индивида играет все меньшую роль в формировании его картины мира, которая на самом деле рисуется СМИ и другими медиа. СМИ часто определяют как некое окно в мир, которое может представлять собой маленький грязный иллюминатор, а может быть широким окном с кристально чистыми стеклами. В либеральной теории медиа воспринимались либо как зеркало, правильно отражающее действительность, либо как «страж порядка» (*watchdog*), то есть некий способ общественности повлиять на политическую повестку дня или решить социальную проблему. Однако эта иллюзия в последнее время окончательно рассеялась. Английский исследователь Дж. Карран полагает, что СМИ сейчас не просто находятся под влиянием крупного бизнеса, они сами являются крупным бизнесом и корректируют медиавещание в своих личных целях.⁶⁵ Что уж говорить о странах, где медиа исполняют роль глашатая власти или рупора политических сил.

⁶⁵ Curran J. Media and Power. – London: Routledge, 2002. P. 220-221.

В книге Е.Г. Дьяковой и А.Д. Трахтенберг «Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов»⁶⁶ представлена широкая панорама взглядов и представлений авторов, исследовавших проблему формирования в сознании массовой аудитории иллюзорной картины мира. Выделим несколько позиций, представленных в этой работе.

Прежде всего, следует упомянуть о том, что впервые эту идею высказал в 1922 году американский журналист У. Липман в своей книге «Общественное мнение».⁶⁷ У. Липман писал, что медиа создают псевдоокружение человека, потому что мир, представленный через СМИ, искажается и отличается от реального. Таким образом, У. Липман раз и навсегда доказал, что в силу определенных социальных причин новости не отражают реальность, а конструируют свой особый, параллельный мир. Это открытие он сделал, анализируя функционирование интуитивной составляющей профессиональной традиции: оказалось, что интуиция репортера задается вполне конкретными обстоятельствами и представляет собой доведенное до автоматизма умение оперировать стереотипами, составляя из них те или иные конфигурации.

Затем появилась теория «привратника». Впервые эту гипотезу выдвинул К. Левин. Он открыл «эффект привратника», анализируя процесс принятия семейных решений относительно того, какие продукты из числа предлагаемых местными супермаркетами надо приобретать. Он обнаружил существование особых зон – «ворот», в которых происходит отбраковка некоторых возможных вариантов и отбираются для дальнейшего обсуждения другие. Уже в 1950 году Д.М. Уайт с помо-

⁶⁶ Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999.

⁶⁷ Липман У. Общественное мнение. – М., 1922. Анализ этой работы см.: Garcia C. Rethinking Walter Lippmann's legacy in the history of public relations // PRism Journal. V. 7(1). 2010. URL: http://www.prismjournal.org/fileadmin/Praxis/Files/Journal_Files/2010_general/Garcia.pdf

щью механизма, описанного у К. Левина проанализировал деятельность редактора газеты, который выступает в качестве «привратника» по отношению к сообщениям, поступающим в редакцию по телеграфу от крупнейших информационных агентств.

В дальнейшем исследователи, работавшие в рамках этой концепции, сосредоточились на изучении того, какие именно факторы как организационного, так и идеологического плана, определяют поведение «привратников» на различных стадиях информационного процесса. При этом неявно предполагалось, что сквозь ряд ворот событие проходит (или не проходит), оставаясь тем же самым событием, каким оно было «на самом деле». Иными словами, на место социального процесса конструирования особой новостной реальности был поставлен субъективный, хотя и детерминированный определенными социальными факторами процесс отбора событий из этой реальности.

Другое направление исследований, направленных на выяснение процессов формирования образа действительности в сознании людей с помощью массмедиа, было связано с открытием феномена, получившего название «повестка дня». Основное положение теории формирования повестки дня состоит в том, что средства массового информирования не столько указывают аудитории, какое именно мнение ей стоит иметь, столько сообщают, о чем стоит думать и говорить, какие темы обсуждать. Через ежедневный отбор и представление новостей, редакторы и руководители новостных отделов привлекают наше внимание и влияют на наше восприятие того, что является наиболее важными сюжетами дня. Согласно теории формирования повестки дня, наиболее важные и примечательные события, которые входят в повестку дня средств массового информирования, имеют свойство переходить в общественную повестку дня.

Когда СМИ обращаются к тем или иным собы-

тиям и проблемам, в сознании аудитории происходит «воспламенение» («*priming*») соответствующей проблемной зоны за счет остальных зон. Тем самым формируется соответствующая «повестка дня», то есть особая медиареальность, картина мира, профильтрованная через средства массовой информации. Особенно успешно средства массовой информации формируют повестку дня, когда речь идет о недоступном для нас мире, в терминологии У. Липмана. Поэтому эффект установления повестки дня можно определить как «акт веры в суждения средств массовой информации».⁶⁸

Можно выделить несколько направлений, в рамках которых работало большинство исследователей медийной повестки дня за последний 40 лет: разработка концепций «*priming*» и «*framing*», второй уровень постановки повестки дня или постановка атрибутов повестки дня (*attribute agenda-setting*) и теория «межмедийного влияния» (*intermedia agenda-setting*).

Еще один поворот в проблеме формирования картины мира возникает в связи с исследованиями, посвященными конкуренции между социальными проблемами за обладание общественным вниманием.⁶⁹ В ходе этих исследований была установлено, что повестка дня складывается в процессе функционирования СМИ под влиянием внутренних правил и норм, а также при взаимодействии с агентами продвижения социальных проблем.⁷⁰

Все сказанное выше подводит нас к следующему выводу. Поскольку любое познание всегда опосредствовано некоторыми исходными предпосылками видения мира, представлениями о бытии, постольку система знаний человека выступает в качестве необходимой предпосылки любых актов его жизнедеятельности. Являясь

⁶⁸ McCombs M., Eyal Ch., Graber D., Weaver D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. – N.Y., 1981. P. 43.

⁶⁹ Хилгартнер С., Бокс Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. URL: <http://socreal.fom.nv/files/sr0802-073-094.pdf>

⁷⁰ Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 109-119.

инструментом описания, интерпретации, объяснения и понимания явлений и ситуаций действительности, знания человека могут реализовать эту свою функцию только тогда, когда они выступают для самого человека в качестве неких концептуальных схем, то есть привычных, «затвердевших», часто употребляемых знаниевых комплексов, образующих в своей совокупности картину мира, в которой, конечно же, есть странные, необъясненные факты и явления, но которая в своей центральной, сущностной части объяснима и в целом понятна. Объяснительные, упорядочивающие картину мира принципы могут иметь какую угодно природу, важно, что человек уверен в их абсолютности и превосходстве над всеми другими принципами. Кроме того, надо быть уверенным в том, что объяснительные принципы не выдумка, что они укоренены в самой действительности. Другими словами, надо верить в идентичность мира самому себе. Отсутствие такой веры практически парализует познавательную деятельность, поскольку лишает человека каких бы то ни было гносеологических опор.

Аксиосфера

Понятием «аксиосфера» обозначается мир ценностей, отражающих все области ценностного отношения человека к миру и включающий в себя все, что вызывает ценностное отношение: художественные, нравственные, материальные, религиозные и все другие ценности.⁷¹

Ценности являются предметом изучения таких наук, как психология, педагогика, философия, социология и этика и др. Различия в подходах к исследованию ценностей предполагает существенные различия в понимании их сущности, места в культуре и особенностей проявления в человеческой деятельности.

В философии существует целое направление, занимающееся исключительно философским пониманием ценностей, – аксиология. Оно рассматривает ценности как способ понять сущность человека. Такой вывод можно сделать из высказывания Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Э. Кант тоже соотносит это понятие только с человеком. В социологию первым, как считается, вводит понятие «ценности» М. Вебер. «Ценность – это норма, способом бытия которой является ее значимость для субъекта».⁷² Практически та же самая мысль звучит в работе Г. Риккерта: «О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же... постулируется, по крайней мере, хоть одним культурным человеком».⁷³ Значимость и положительная оценка – главные параметры ценностей как феномена, структурирующего общество и культуру. А в

⁷¹ См.: Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб., 1997; Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. – Новосибирск, 1998; Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. – М., 1967; Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1. – М., 1994; Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

⁷² Вебер М. Избранное: образ общества. – М., 1994. С. 115.

⁷³ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995. С. 70.

качестве **значимых** могут быть квалифицированы разные идеи и объекты.

В социологии понятие «ценности» преимущественно подразумевает под собой влияние социального порядка на наши представления о том, что важно/неважно, нужно/не нужно.⁷⁴

В психологии чаще всего под ценностью понимается «любой «объект», имеющий жизненно важное значение для субъекта».⁷⁵ То есть, ценности человека определяются, чем-то формирующимся внутри человека. Из этого, по мнению одного из сторонников такой школы Э. Шпрангера,⁷⁶ выходят такие типы личности, как теоретический, экономический, эстетический и другие. В основе присущих им характеристик лежат понятия, которые человек сам для себя обозначил как главные. Такой подход тоже имеет разные направления и ответвления, представленные в различных школах: А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна⁷⁷ (анализ деятельности), В.Н. Мясищева (психологические отношения личности), К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова (общение), Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили (установки). Каждая школа формулирует определение по-разному, но общий смысл примерно одинаковый: ценность – это вектор, по которому движется человек, выбирая для себя мотив, определяющий направленность деятельности.

В культурологии акцентируется тезис о том, что сама постановка проблемы ценностей, ценностного аспекта чего-либо вводит нас в область социокультурного. Потому что определение ценностей сталкивает два дискурса: **общественный (социальный)** и **культурный**. Вот одно из многих определений ценности культуры: «это особая объективная положительная *значимость*

⁷⁴ Современная западная социология: Словарь. – М., 1990.

⁷⁵ Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru/2853/ценность>

⁷⁶ Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырева. – М., 1982.

⁷⁷ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975.

в духовной жизни конкретного человека, социальной группы, общества, воплощаемая в разнообразных носителях *значимости* и выражаемая в знаках и знаковых системах данной культуры». ⁷⁸ Именно в понятии «*значимости*», приравниваемой к ценности, проявляет себя социальный дискурс, потому что значимо может быть что-то лишь для кого-то. То есть мы имеем дело с тем, как в культуре проявляют себя значимости–ценности, а проявиться они могут лишь через реципиента, воспринимающего объект, словом, «человек – неперенный участник любых ценностных отношений, хотя сами эти отношения необязательно межчеловеческие». ⁷⁹

Также существуют концепция, в которой под ценностями подразумевается *содержание утверждений*. По-другому этот подход можно охарактеризовать как соотношение мыслей и действительности. То есть у человека в голове есть определенная схема, «калька», которую он прикладывает к конкретным событиям и поступкам, и сверяет, насколько это похоже на его собственные представления. ⁸⁰

Существует объективистский подход, согласно которому ценность – это то, в чем *запечатлена человеческая деятельность*. С этой точки зрения, все, созданное человеком, в большей или меньшей степени является ценностью. В процессе целенаправленной общественной практики человек наделяет значением различные предметы и явления окружающего мира, которые благодаря этому становятся ценностями – средствами для достижения определенных целей. Причем речь идет не только о так называемых прагматических ценностях, но также об этических, эстетических и других отношениях, связанных с ценностями добра, красоты, истины, поскольку они тоже необходимы для достижения соответствующих целей культурной деятельности. Таким обра-

⁷⁸ Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – М.: Питер, 2008. С. 105.

⁷⁹ Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – М.: Питер, 2008. С. 102.

⁸⁰ См., напр.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8.

зом, всякое явление, всякий элемент действительности, преобразованный и освоенный в человеческой деятельности, становясь элементом определенной культуры, приобретает значение и смысл для социальной общности и отдельной личности, с ней связанной, то есть становится ценностью.

В работах многих исследователей подчеркивается необходимость различать **«ценности»** как некие социокультурные константы, зафиксированные в культуре, легитимизированные и являющиеся предпочтительными в определенной социокультурной среде, и **«ценностные ориентации» (ценностные установки)**, которые представляют собой детерминанты поведения групп людей или отдельного человека, некое индивидуальное соответствие социальной ценности.⁸¹ Необходимость различения этих понятий связана с тем, что ценности, принятые за нормативные в каком-то обществе, могут не совпадать с реальным поведением людей, то есть со степенью реализации этих ценностей в конкретной обстановке. Это связано как раз с тем, что ценностные ориентации или установки отдельно взятого человека могут идти вразрез с доминантными ценностями общества. Более того, как констатируют социологи, пытающиеся приблизиться к изучению ценностей практически, у одного человека (и у целого общества) вполне может уживаться между собой пиетет к традиционным ценностям и идущее вразрез с ними поведение. «Нужно описать все базовые ценности россиян, но возникает колоссальная проблема – *все эти ценности мало к чему людей мотивируют*. Общество остается разрозненным, несмотря на то, что произошла ценностная унификация. Никаких внутренних горизонтальных институтов и структур в этом обществе нет, а если они и есть, формальная социология их не ловит».⁸²

⁸¹ См.: Чеснокова В.Ф. Язык социологии. – М.: Издательство ОГИ, 2010.

⁸² Базовые ценности россиян. Круглый стол ВЦИОМ и журнала «Апология» // Апология. 2005. № 7. С. 123. Цитированные слова принадлежат одному из участников круглого стола, руководителю аналитического центра ВЦИОМа Л. Бызову.

Много лет дискутируется вопрос о том, можно ли использовать по отношению к ценностям понятие истинности. Сторонники **ценностного объективизма** исходят из установки, согласно которой ценности существуют как нечто трансцендентное. Ценности – это нечто «отсылающее к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту».⁸³ При таком отношении «ценности вносят "метафизическое измерение" в мир человеческого бытия – они всегда абсолютны как самодостаточные сущности, как кладущие "пределы" изменчивости, как "последние аргументы", *не подлежащие обсуждению и оспариванию, в силу своей безусловности.* "Метафизичность" ценностей усиливается, если они при этом трактуются как *внеисторические (существующие в пространстве культуры) и (или) трансцендентные*, что позволяет полагать систему религиозных отношений».⁸⁴

Сторонники ценностного **релятивизма (конструктивизма)** полагают, что ценности конструируются искусственно и в зависимости от интересов людей.

По сути, речь идет о двух фундаментальных культурных установках, рождающих разные типы гуманитарной аналитики. Если первый тип установки принимает на веру истинность тех или иных ценностей и идей и его можно определить как «ценностную ангажированность», то второй, занимаясь произвольным изыманием или институированием ценностей (в зависимости от необходимости), подходит к духовной реальности с требованиями функциональности и утилитаризма, поэтому может быть описан как «ценностный нигилизм».⁸⁵

Продолжаются споры о типах явлений, которые можно отнести к ценностям. Ценности структурируются по предмету, по содержанию, по субъекту отношения.

⁸³ Абушенко В.Л. Ценность // Новейший философский словарь. URL: newphilosophic.ru

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Лармин О.В. Ницше и европейский нигилизм XX столетия // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. № 6. 2003. С. 83.

Все существующие типологии ценностей можно разделить на перечислительные и комплексные. Перечислительные представляют собой список ценностей, а комплексные состоят из групп и подгрупп.

К **перечислительным** можно отнести список А. Ситникова,⁸⁶ в котором упоминаются 10 ценностей: здоровье, финансовое благополучие, семейное благополучие, путешествия, обеспеченная старость, интересный досуг, работа, приносящая удовлетворение, хорошее образование для детей, владение собственностью и свобода вероисповедания. Такие списки основываются на опросах, проведенных среди населения. Можно упомянуть модель ценностей русской православной церкви,⁸⁷ которая включает в себя «вечные российские ценности»: справедливость, соборность, самоограничение, жертвенность и прочее.

К **комплексным** можно отнести популярную модель Ш. Шварца, который на основании анализа большого количества теоретических подходов и проведения эмпирических исследований ценностей в десятках стран предложил круговую модель, разделенную на две антиномийные конфликтные оси «открытости изменениям/консерватизма» и «самовозвышения/самотрансцендентности». В структуре данных осей расположены десять базовых человеческих ценностей имеющих место в любой культуре и, следовательно, обладающих универсальным, общечеловеческим характером (рис. 2). Чем ближе ценности в любом круговом направлении, тем ближе их мотивационные основания, и, наоборот, чем они дальше, тем антагонистичнее их мотивационное содержание. Так, например, ценности универсализма и доброты относятся к полюсу самотрансцендентности,

⁸⁶ Ситников А., Петропавловский Н., Артемьев М., Гафт В. Самый короткий путь к власти. URL: http://www.sitnikov.com/sitnikov/education/scientific_works/way_to_power/

⁸⁷ Церковь и партия власти поработали над вечным. СМИ2: новостной агрегатор. URL: <http://smi2.ru/Bartoun/c506508/>

который противоречит ценностному полюсу самовозвышения (достижение, власть) и т.д.

Рисунок 2. Модель соотношения десяти основных человеческих ценностей (круг ценностей Ш. Шварца)

Во всех странах, указывает Ш. Шварц, наблюдались эти конфликты между ценностями изменений и консерватизма, эгоизма и альтруизма. «Десять... базовых ценностей, – дополняет он, – производны от трех универсальных требований человеческого состояния: потребности индивидов как биологических организмов, необходимости координированного социального взаимодействия и потребности выживания и благо-состояния групп».⁸⁸

⁸⁸ Schwartz S. Basic Human Values: An Overview. URL: <http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf>

Приведем краткое описание десяти базовых типов жизненных ценностей.

- **Власть-богатство** (*Power*). Социальный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами, обладание большим количеством денег и материальных благ.

- **Достижение** (*Achievement*). Личный успех и его демонстрация через достижения и способности, соответствующие социальным стандартам.

- **Гедонизм** (*Hedonism*). Собственное удовольствие и чувственное удовлетворение.

- **Риск-новизна** (*Stimulation*). Жизнь, насыщенная острыми ощущениями, новизной и сложными задачами.

- **Самостоятельность** (*Self-direction*). Независимость в мышлении и принятии решений, творчество, познание.

- **Универсализм** (*Universalism*). Понимание, высокая оценка и защита благополучия всех людей, а также природы; толерантность.

- **Благожелательность** (*Benevolence*). Сохранение и повышение благополучия людей, с которыми человек часто общается.

- **Традиция** (*Tradition*). Уважение и принятие обычаев и идей, которые исходят от традиционной культуры и религии, приверженность им.

- **Конформность** (*Conformity*). Избегание действий, склонностей и побуждений, которые могли бы расстроить других людей или причинить им вред, а также нарушить социальные требования и нормы.

- **Безопасность** (*Security*). Безопасность, гармония и стабильность общества, отношений с людьми и самого человека.

Интересный подход к проблеме ценностей обозначен в теории личности А. Маслоу. Движущей силой человека является его стремление к более полному вы-

явлению и развитию своих личностных возможностей, которое является высшей ступенью в иерархии потребностей. Все самоактуализирующиеся люди стремятся к реализации «бытийных» ценностей, которые выступают как жизненно важные потребности. Маслоу выделяет ценности бытия (высшие ценности, присущие людям, стремящимся к самоактуализации, – истина, добро, красота и пр.) и дефицитные ценности (ценности низшего порядка).⁸⁹

Российский исследователь Д.А. Леонтьев предлагает рассматривать структуру индивидуальной иерархии ценностных ориентаций в виде определенных «блоков», объединяющих ценности по различным основаниям.

Терминальные ценности.

1. Конкретные жизненные ценности (здоровье, работа, друзья, семейная жизнь) – абстрактные ценности (познание, развитие, свобода, творчество).

2. Ценности профессиональной самореализации (интересная работа, продуктивная жизнь, творчество, активная деятельная жизнь) – ценности личной жизни (здоровье, любовь, наличие друзей, развлечения, семейная жизнь).

3. Индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, активная деятельная жизнь, развлечения, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь) – ценности межличностных отношений (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других).

4. Активные ценности (свобода, активная деятельная жизнь, продуктивная жизнь, интересная работа) – пассивные ценности (красота природы и искусства, уверенность в себе, познание, жизненная мудрость).

Инструментальные ценности.

⁸⁹ Maslow A.K. *Motivation and Personality*. – N.Y., 1954; Маслоу А. *Дальние пределы человеческой психики*. – СПб., 1997.

1. Этические ценности (честность, непримиримость к недостаткам) – ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость) – ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность).

2. Индивидуалистические ценности (высокие запросы, независимость, твердая воля) – конформистские ценности (исполнительность, самоконтроль, ответственность) – альтруистические ценности (терпимость, чуткость, широта взглядов).

3. Ценности самоутверждения (высокие запросы, независимость, непримиримость, смелость, твердая воля) – ценности принятия других (терпимость, чуткость, широта взглядов).

4. Интеллектуальные ценности (образованность, рационализм, самоконтроль).

5. Ценности непосредственно эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность, чуткость).⁹⁰

Наша позиция по поводу ценностей может быть сформулирована следующим образом. Понятие «ценность» имеет три специфических измерения. С одной стороны, этим понятием обозначают **собственно ценности**, в качестве которых выступают некие сущности, фиксирующие определенное социокультурное содержание. Примером собственно ценностей можно считать «благосостояние», «комфорт», «свобода передвижения», «порядок», «культура», «образование», «отдых», «престиж» и многое другое.

Разумеется, комплекс «собственно ценностей» человека представляет собой не хаотично сформировавшееся множество, а более или менее организованную систему, в которой выделяются некие доминанты. Существует гипотеза, о которой упоминает В. Франкл, что

⁹⁰ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007.

на ранних этапах развития личности на первый план выдвигаются ценности, связанные с категориями «удовольствия» и «наслаждения», затем особое внимание уделяется ценностям, обеспечивающим могущество, власть, и на уровне зрелой личности самыми главными становятся ценности, определяющие смысловое наполнение жизни.

Следует отметить и «подвижность», «изменчивость» содержательного наполнения категорий, входящих в систему «собственно ценностей». Так, например, в современной России существенно меняется представление о благосостоянии. В определенных социальных группах в число ценностей, объединяемых этим понятием, наряду с такими традиционными благами, как качественное продовольствие, просторное жилище, стильная одежда, все более активно включаются предметы роскоши, свободное время, отдых на престижных курортах и пр.

С другой стороны, этим же понятием «ценности» обозначают **эталоны**, в качестве которых выступают материальные или духовные образования, конденсирующие в себе громадный объем социокультурного содержания (эталонные меры, эталонные произведения искусства и т.д.). Эталоны представляют собой особые меры, зафиксированные в идеальной или материальной форме, сравнивая с которыми, мы определяем степень значимости, важности, совершенности разнообразных предметов и явлений реального мира. Эталон следует рассматривать как определенный предел, образец, внутреннюю норму, к которой стремится любой реально существующий объект.⁹¹

⁹¹ Очень часто эталоны обозначаются понятием «идеал», что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку приводит к смешению разных видов ценностей. Идеал есть не просто мера ценности, а особая структура, соединяющая воедино познавательный и нормативно-ценностный аспекты. В познавательном плане идеал представляет собой общую картину потребного будущего, его мысленный образ – образец. В нормативно-ценностном плане идеал выступает в качестве системы ценностей и системы нормы, определяющих пути достижения этих ценностей. Разумеется, идеал может выступать в роли эталона. Но это лишь одна из его возможных функций.

Оценивая любое явление, любую вещь, любой процесс, мы исходим из предположения о существовании какой-то оптимальной меры развития этих явлений, вещей, процессов. «Не потому ты бледен, – говорит Аристотель в "Метафизике", – что мы правильно считаем тебя бледным, а наоборот, именно потому что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду».⁹² Но это значит, что мы все знаем некоторую «норму бледности».

В качестве эталона может выступать любое социокультурное образование, признанное в данной общественной структуре мерой совершенности. Эти эталоны, которые используются субъектом в качестве средств познания и деятельности, могут быть сравнительно простыми (например, эталоны веса, массы, объема), а могут быть сравнительно сложными (категории «герой», «талант» и т.д.).

В каждый данный момент в обществе существует несколько исторически сложившихся эталонов одного и того же объекта. В ситуации глобализации проблема многообразия эталонов приобретает особую остроту.

С третьей стороны, в качестве ценностей выступают **идеалы**, выражающие саму сущность человека в его представлениях о должном. Идеал – это проект будущего, то есть одно из возможных состояний чего-нибудь, принятое людьми в качестве наиболее желательного или необходимого. Из веера открывающихся возможностей люди выбирают и фиксируют в качестве идеала, подлежащего осуществлению, такую область возможного, которая соответствует индивидуальным и коллективным, ближайшим и отдаленным интересам. Другими словами, идеалы выступают в качестве субъективного проекта людей относительно их объективного осуществления.

⁹² Аристотель. Метафизика // Соч. Т. 1. – М., 1976. С. 250.

Вместе с тем следует указать, что идеал, как подчеркивал Э.В. Ильенков, это не нравственный, интеллектуальный или религиозный образ желаемого, оторванный от реальной действительности. Это продукт самой действительности, ее конкретно-исторических противоречий. Другими словами, формирование идеала выступает не как выдумывание «образцов», а как процесс «очищения» реальных ценностей от всего случайного.⁹³

С другой стороны, очевидна связь идеалов с исторически сложившимися интересами социальных групп. Есть своя правда в утверждении о том, что любая идеология, в том числе и та, которая апеллирует к общечеловеческим или надклассовым целям и задачам, оказывается при ближайшем рассмотрении выражением определенных социальных интересов.

Анализируя понятие «идеал», Э. Фромм указывает на необходимость отличать подлинные идеалы от поддельных. Все подлинные идеалы имеют одну общую черту: они выражают стремление к чему-то такому, что еще не достигнуто, но необходимо для развития и счастья индивида. «Быть может, мы не всегда знаем, что именно ведет к этой цели; мы можем спорить о ценности того или иного идеала в смысле человеческого развития, но это не может быть основанием для релятивизма, утверждающего, будто нам вообще не дано знать, что способствует жизни, а что ей препятствует.»⁹⁴

Еще один вопрос, без ответа на который картина будет неполной – существует ли какая-то объективная иерархия в системе ценностей. Е.В. Золотухина-Аболина, классифицируя и иерархизируя ценности, выделяет следующие группы:

- общечеловеческие (мир, жизнь человечества);

⁹³ См.: Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. – М., 1968. С. 43.

⁹⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990. С. 221.

- социально-классовые (ценности общественного устройства, представления о социальной справедливости, свободе, правах и обязанностях людей);
- ценности общения (дружба, любовь и доверие, родственные связи и т.д.);
- культурные (этнические ценности, ценности стиля жизни, способы мировосприятия, осознаваемые как ценность);
- ценности деятельности (труд, творчество, созидание, познание истины);
- ценности потребления (конкретно-исторические представления о том, что и как человек должен потреблять);
- ценности самосохранения (жизнь, здоровье);
- самоутверждения и самореализации (социальный статус, спектр возможностей, желаемый образ «я»);
- ценности, характеризующие выбор личных качеств (честность, храбрость, патриотизм, верность, справедливость, доброта и т.д.);
- эстетические;
- ценности самоценных видов деятельности (созерцание, игра).⁹⁵

Соглашаясь в принципе с идеей иерархического построения ценностного комплекса смысловой сферы, хотелось бы высказать мысль о том, что иерархия ценностных систем должна представляться принципиально иным образом. Речь должна идти не о пирамидных системах (конусах), где внизу находятся простейшие инструментальные ценности, а наверху – так называемые высшие, а о системах типа «дерево», где внизу находится корневая система (скрытая от глаз внешнего

⁹⁵ Золотухина-Аболина Е.В. О специфике высших духовных ценностей // Философские науки. 1987. № 4. С. 13-14.

наблюдателя), а наверху непрерывно обновляющаяся, изменчиво-постоянная крона.

Есть основание предположить, что такая глубинная иерархия существует и может быть представлена следующим образом. В корневой системе ценностей располагаются ценности, сформировавшие в глубине веков. Их иногда называют архетипами, иногда – культурными универсалиями. Человек не творит эти ценности для себя сам, они изначально заложены в обыденности, в том, что его окружает: в языке, мифах, сказках. Следующий слой ценности определенного сообщества (этноса, нации, религиозного сообщества). Как правило, они не очень расходятся с общечеловеческими универсалиями, но имеют особые акценты. И на самом вершине ценности, разделяемые группой, членом которой считает себя индивид.

Нормативно-регулятивная сфера

В качестве третьего структурного элемента смысловых конструкторов выступает норма. Слово «норма» пришло в русскую речь из латинского языка, где употреблялось в двух смыслах: 1) наугольник, отвес, которым пользовались при измерениях, и 2) руководящее начало, правило, образец. В дальнейшем его содержание определенным образом изменяется, обогащается новыми смысловыми оттенками и в современном русском языке «норма» уже означает не только «правило», «образец», «руководящее начало», но и «узаконенное установление», «сложившийся порядок», а также «мера», «размер чего-либо», «определенная величина» и т.д.⁹⁶

Разумеется, чисто словарное значение понятия «норма» лишь очерчивает его границы, но не дает содержательного ответа на вопрос о том, что же представ-

⁹⁶ См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова). – М., 1948. Т. 2. С. 593; Словарь русского языка. Т. 2. – М., 1953. С. 696; Словарь иностранных слов. – М., 1982. С. 338; Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 441-442 и др.

ляют собой нормы как элементы социальной действительности и внутреннего мира человека. Очевидно, что в современном русском языке содержание категорий «норма» и «образец» разошлось. Образец есть то, к чему надо стремиться, а норма есть то, что должно быть повсеместно.

Вместе с тем понятие «норма» приобрело и более узкое, специфическое значение, связанное с представлением о том, что любая деятельность являет собой единство внешней (обращенной к действительности) и внутренней (обращенной к субъекту) сторон. Внешняя сторона выступает как совокупность результатов, эффектов; внутренняя – как совокупность приемов, навыков, способов деятельности и поведения. Нормы и представляют собой инструментарий, с помощью которого описывается и воспроизводится внутренняя сторона человеческой деятельности. Таким образом, нас интересует лишь одно из многочисленных значений понятия «норма», а именно то, которое связывает ее с предписанием определенного образа действий, формулированием ответов на вопрос: «Как следует жить и действовать в этом мире?». Такое понимание норм закреплено во многих работах.⁹⁷

Другими словами, нормы являются такими элементами смысловых конструкций, которые фиксируют в своем содержании способы решения стоящих перед человеком задач, определяют пути достижения его целей,

⁹⁷ См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972; Архангельский Л.М. Наука и нормы: альтернатива или единство? // Вопросы философии. 1979. № 3; Он же. Нормы и их научное обоснование // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. – М., 1981; Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках. – М., 1973; Бобнева М.Н. Социальные нормы и регуляция поведения. – М., 1978; Даштамиров С.А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. – Баку, 1986; Ивин А.А. Логика норм. – М., 1973; Ивлев Ю.В. Основания логики норм // Философские науки. 1969. № 6; Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1983; Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. – М., 1981; Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М., 1976; Криницкий Н.А. Алгоритмы и роботы. – М., 1983; Мотрошилова Н.В. К проблеме научной обоснованности норм // Вопросы философии. 1978. № 7; Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. – М., 1972; Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М., 1985; Ручка А.А. Социальные ценности и нормы. – Киев, 1976; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М., 1984 и др.

выступают средствами организации эффективных действий индивидов и социальных групп.⁹⁸

Нормативностью пронизаны все сферы человеческой жизнедеятельности. Существует соответствие между степенью специализации труда, «толщиной» пласта репродуктивных действий, зрелостью профессиональных предпосылок регуляции и уровнем развития регулятивных средств. Поэтому первой сферой деятельности, где раньше всего началась нормативно-методическая работа, была сфера производства, имеющая глобальный характер и широко насыщенная репродуктивными элементами. Здесь и были выработаны первые нормативные императивы – цеховые рецепты, производственные технологии, ставшие прототипом и образцом для создания методов духовного производства.

Производственная рецептура послужила образцом для построения методов науки. Научная методология служит образцом, по которому создаются методологии других видов деятельности.

Выделяются так называемые социальные нормы – стандарты деятельности и правила поведения, выполнение которых ожидается от члена группы или общества и поддерживается с помощью санкций. Социальные нормы упорядочивают и регулируют социальные взаимодействия. Социальным нормам присущи приведенные ниже признаки.

1. Они являются общими правилами. Это означает, что социальные нормы устанавливают правила поведения в обществе, то есть определяют, каким может или должно быть поведение субъектов с точки зрения интересов общества. При этом социальные нормы действуют непрерывно во времени, обладают многократно-

⁹⁸ Общественная сущность так понимаемых норм заключается в том, что они призваны определенным образом согласовать деятельность и поведение отдельных индивидов, социальных групп и объединений, свести их в определенное единство, синхронизировать и, следовательно, сохранить социальную систему как целостность. Другими словами, функционирование норм позволяет воспроизвести общество, обеспечить его устойчивость, себестождественность во времени и пространстве через субъективную деятельность, образующую его непосредственное бытие. (См.: Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М., 1985. С. 33.)

стью действия и обращены к неопределенному кругу лиц (не имеют конкретного адресата).

2. Данные нормы возникают в связи с волевой, сознательной деятельностью людей. Одни социальные нормы создаются в процессе целевой деятельности людей, другие возникают в многократно повторяющихся актах поведения, не отделяются от самого поведения и выступают как его образцы и стереотипы, третьи формируются в виде принципов, закрепляющихся в общественном сознании и т.д. Иначе говоря, анализируемые нормы по-разному соотносятся с волей и сознанием людей, однако всегда возникают в связи с ними.

3. Названные нормы регламентируют формы социального взаимодействия людей, то есть направлены на регулирование общественных отношений, поведения в обществе.

4. Они возникают в процессе исторического развития (как его фактор и результат) **и функционирования общества.** Социальные нормы, будучи элементом общества, отражают процессы его развития, влияют на их темпы и характер, словом, имеют свое место в истории общества, свою историческую судьбу.

5. Эти нормы соответствуют типу культуры и характеру социальной организации общества.

Классифицировать социальные нормы можно по различным критериям, однако наиболее распространенной является их систематизация по основаниям сферы действия и механизма (регулятивным особенностям).

По сферам действия различают нормы экономические, политические, религиозные, экологические и др. Границы между ними проводятся в зависимости от сферы жизни общества, в которой они действуют, от характера общественных отношений, то есть предмета регулирования.

Если мы нарушаем норму, то, скорее всего, заслужим какую-то форму социальной санкции и неодоб-

рения: сердитый взгляд, толки и насмешки, стремление избегать общения с нами и остракизм, и иногда даже физическое наказание, тюрьму, изгнание или смерть. Усваивая неизбежность и неотвратимость тех или иных санкций, даже маленький ребенок начинает учиться не нарушать нормы поведения. Действительно, когда мы оказываемся в положении нарушивших нормы, мы нередко ощущаем острое беспокойство – чувство, которого хотели бы избежать. В конечном итоге мы можем повиноваться норме почти автоматически, не задумываясь, почему мы это делаем.

Нормы нередко связаны с определенной ролью («кухня – женская работа»; «бизнесмены склонны к соперничеству») или определенной культурой (есть вилкой в противоположность палочкам для еды; не допускать перевыполнения задания в данном цехе или бригаде). Другие нормы широко распространены и существуют во многих культурах и обществах («кровосмешение – это табу»; «выполняйте свои обязательства»).

Рассматривая взаимосвязь норм с другими элементами смысловых образований, следует указать на тесное единство норм, знаний и ценностей. Это единство выражается в том, что норма может выступить (и часто выступает) в форме знания (точнее, знакового комплекса, логической конструкции). С другой стороны, любая норма ориентирована на какую-то ценность, указывает на нее и определяет путь ее достижения. «Норма есть императивное выражение ценности, система правил ее достижения и реализации».⁹⁹

Можно указать и на обратную зависимость. Сама норма выступает в качестве инструментальной ценности, а иногда, в эпохи, ориентированные на канон, – и в качестве самооценности (характерно, что само понятие «норма» фиксирует ценностную характеристику «правила»: норма – это хорошее, ценное, признанное прави-

⁹⁹ Гусев С.С., Тульчинский Г.Я. Проблема понимания в философии. – М., 1985. С. 57.

ло поведения; ненормальное правило – нехорошее, непризнанное).

Тезис о том, что норма обладает аксиологическим, ценностным измерением, доказывается тем, что люди, сознательно или бессознательно нарушающие некие признанные нормы, испытывают на себе санкции. Тем самым нормы по отношению к человеку выполняют стимулирующую функцию (в случае соответствия личных и групповых интересов) и функцию принуждения (в случае их несоответствия).

Тесная близость норм и ценностей и послужила основанием для их отождествления некоторыми исследователями.¹⁰⁰ На наш взгляд, такое отождествление неправомерно, поскольку нормативные представления обладают особой функцией: определяют сам способ действия в этом мире и именно этим отличаются и от знаний, и от ценностей.

Нормы деятельности и поведения, охватывающие какую-то более или менее строго очерченную сферу жизнедеятельности человека, называются **социальной технологией**. В простейшей форме понятие «технология» может быть определено как план действий в определенной ситуации или определенной сфере.¹⁰¹

Разумеется, обобщающее понятие «норма» используется для обозначения регулятивных структур, весьма сильно отличающихся друг от друга по уровню сложности, степени формализованности, мере императивности и некоторым другим параметрам. Чем более развитой является норма, тем более подробной является ее морфологическая разработка. Именно такие нормы имеет в виду А.А. Ивин, когда указывает, что «содержанием нормы является **действие**, которое может, должно или не должно быть выполнено; **условия применения** –

¹⁰⁰ См.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 34; Он же. Ценности в научном познании // Логика научного познания. Актуальные проблемы. – М., 1987. С. 246-247.

¹⁰¹ Можно выделить технологию бизнеса и деловых отношений, технологию политических отношений, технологию коммуникации, в том числе и массовой, технологию разрешения социальных конфликтов и множество других социальных технологий. Следует отметить, что любая социальная технология выступает исторической формой определенного способа деятельности.

это указания в норме ситуации, с наступлением которой следует или допустимо реализовать предусмотренное данной нормой действие; **субъект** – это лицо или группа лиц, которым адресована норма. Характер нормы определяется тем, обязывает она, разрешает или запрещает выполнять некоторое действие».¹⁰²

Существуют, однако, нормы, значительно менее развитые и не имеющие такого количества элементов. (Примером может послужить известный принцип «Око за око, зуб за зуб».) Но в какой бы (более или менее зрелой) форме ни выступала социальная норма, в ее строении всегда имеют место следующие компоненты: диспозиция и императив.

Диспозиция указывает на образ действий, порядок отношений, способ достижения цели. Другими словами, диспозиция социальной нормы-правила представляет собой развернутую во времени и пространстве, более или менее определенную последовательность (схему, матрицу, рисунок) действий, отражающих объективную логику способа деятельности.

Так понимаемые диспозиции распадаются на два взаимодополняющих множества. Одно включает правила «что делать», другое – «чего не делать». Через систему позитивных диспозиций нормы ориентируют человека в сторону эффективного решения задач, через систему запретов закрываются заведомо тупиковые пути.

Осознание социальной необходимости воплощается в **императиве** нормы. По своему содержанию императив есть осознание объективной необходимости данного действия. И чем более важным и необходимым представляется данное действие, тем жестче и однозначнее «записанное» в императиве повеление, обращенное к субъекту деятельности.

Диспозиция и императив представляют собой, хотя и связанные, но относительно самостоятельные

¹⁰² Ивин А.А. Логика норм. – М., 1973. С. 23.

сущности. Каждый из названных ингредиентов морфологической структуры социальной нормы отвечает за свой участок: диспозиция обеспечивает *содержание* нормативной детерминации человеческой деятельности, императив – ее *механизм*. В связи с этим каждый ингредиент развивается не только по общим с другими, но и по своим собственным законам. Различается и механизм, обеспечивающий функционирование названных компонентов социальных норм.¹⁰³

Различия в диспозиции и императиве позволяют разделить все нормы, входящие в регулятивную структуру человека на принципы, методы, правила. Под **принципами** целесообразно понимать чрезвычайно обобщенные ориентиры деятельности, указывающие на общую стратегию профессионального поведения, но не регламентирующие порядок конкретных операций. По форме своего существования любой принцип представляет собой высказывание, в котором содержится некоторое обобщающее знание и определенные требования к субъекту деятельности, способам ее осуществления, применяемым средствам (например: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой»; «Все остается людям», «Все, что спрятал, то пропало, все, что отдал, то твое» и т.д.).

Разумеется, не стоит любое высказывание, определяющее деятельность человека, возводить в ранг принципа. Легковесное отношение к этому понятию привело к тому, что в качестве самостоятельных принципов очень часто выступают различные словесные упаковки одного и того же содержания.

Сам по себе принцип только очерчивает область должного поведения, но не указывает путей к достижению целей. Поэтому на основе любого принципа или их

¹⁰³ В связи с этим выделяют жесткие (сильные) формы социальных норм (например, государственные законы) и мягкие (слабые) формы (например, некоторые обычаи). В ряде случаев императивность социальных норм вообще является имплицитной и должна быть выведена мысленно, как например, из поговорки «Ученье – свет, а неученье – тьма». В этом плане императив нормы представляет собой не что иное как установки.

совокупности вырабатывается система процедур, которые собственно и регулируют практические шаги человека. Так, знание принципов мало чем может помочь человеку, овладевающему какой-то деятельностью. Но если на основе этих принципов сформулированы соответствующие конкретные **правила**, то именно они выступают в качестве регуляторов практической деятельности. Понятием «правила» обозначаются простейшие регулятивы, вырабатываемые непосредственно в ходе практической деятельности. Чаще всего они существуют в «фольклорной» форме, передаваясь от человека к человеку.

В качестве **методов** выступают более сложные, более расчлененные проекты деятельности, включающие определенные комбинации приемов и опирающиеся на сознательно используемые принципы. По своей форме они представляют собой специфические безличностно-предписательные тексты, состоящие из правил, задающих развернутые проекты оптимально осуществляемых этапов деятельности. Появление методов свидетельствует о начавшейся профессионализации творчества. На базе обобщения методов возникают методические руководства, которые представляют собой развернутые программы, оптимизирующие крупные блоки деятельности, целые серии операций. В них обосновываются и конкретизируются условия применения тех или иных методов и фиксируется место и порядок их применения на различных этапах творческого цикла. Во многих видах человеческой деятельности такие нормативные системы только-только начинают возникать, однако нужда в них, как показывает практика, огромная.

Возможны различные членения нормативного комплекса. Так, например, рассматривая нормативный комплекс человека с точки зрения такого критерия, как мера императивности, можно выделить обязательные нормы деятельности и конвенциональные нормы. Характеризуя пространство нормативных представлений с

точки зрения такого критерия, как мера осознанности, следует указать, что и в данном случае мы имеем дело, по крайней мере, с двухуровневой системой. Норма может выступать как в форме осознаваемого, извне предписываемого правила деятельности и поведения, так и в качестве неосознаваемого, естественного для данного человека способа осуществления трудовых операций или общения с другими людьми.

Еще одно членение нормативного комплекса позволяет выделить общекультурные нормы, групповые нормы, индивидуальные нормы. **Общекультурные нормы** связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. В коммуникации это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование. Общекультурные нормы общения национально специфичны. Так, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник – ваш друг или родственник. При приветствии коллег у немцев принято рукопожатие, а у русских оно не обязательно и т.д.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей, «гуманитариев», «технарей» и т.д.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности. Под-

лежат описанию также нарушения общих и групповых норм, характерные для данного индивида. Разумеется, в разных ситуациях действуют разные нормы.

Самое яркое проявление коммуникативных норм – этикет, определяющий совокупность правил, связанных с умением держать себя в обществе, внешней опрятностью, правильностью построения беседы и ведения переписки, грамотностью и ясностью изложения своих мыслей, культурой поведения за столом и в иных ситуациях делового и светского общения

Формируясь в определенную совокупность, нормативные средства регуляции профессионального поведения образуют профессиональную культуру, которая, обеспечивая творческий процесс, содержит в себе схемы, нормы, идеалы по созданию продукта этой деятельности. Нормы (идеалы и схемы деятельности), приобретая относительно независимое от конкретных творцов существование в форме традиции, образуют внутреннюю детерминанту деятельности.

Таким образом, нормы деятельности можно рассматривать как результат объективации в традиции наиболее оптимальных структур профессиональной деятельности и в то же время как продукт интериоризации в сознании конкретных индивидов определенной профессиональной культуры.¹⁰⁴

Ноосфера, аксиосфера и нормативно-регулятивная сфера образуют то, что можно назвать скрытой (латентной) стороной культуры. Но культура предъявляет себя человеку своей открытой стороной, о которой речь пойдет в следующей главе.

ГЛАВА 1.3

¹⁰⁴ Все социально значимые функции элементов культуры связаны с определенной нормой. Поэтому культура всегда предполагает наличие норм деятельности. Понятия «культура поведения», «культурный человек» и т.д. прежде всего выражают представление о некоторой социально одобряемой и значимой норме деятельности.

СМЫСЛЫ И МАТРИЦЫ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Элементы ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы, объединяясь в разнообразные, иногда весьма экзотические сочетания, образуют культурные конструкты, которые мы обозначаем понятиями «смыслы» и «матрицы» (рис. 3).

Понятие «культурный конструкт» довольно часто используется в работах, посвященных исследованию культуры. Так, например, Р. Линтон определяет это понятие как образец в ограниченной группе вариантов, из которых состоит любая модель реальной культуры. Хотя конструкт культуры не может точно соответствовать реальной культуре, он дает лаконичное, достаточное приближение к условиям реальной культуры. По мнению этого автора «культурные конструкты – это лишь средства исследования».¹⁰⁵ Культурный конструкт не обращает внимания на диапазон приемлемого поведения. Он говорит нам только о том, что является обычной, общей, то есть модальной практикой.

Мы предлагаем использовать это понятие для описания реальной практики воплощения культуры в жизнедеятельности людей. Это воплощение предполагает активность людей в конструировании конкретных моделей реализации культурных требований из тех элементов, которые культура предоставляет.

¹⁰⁵ Линтон Р. Понятие культуры. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2009/linton.pdf>

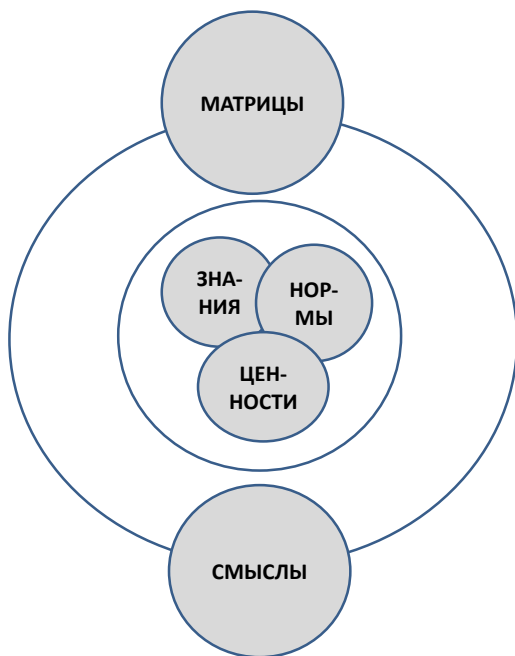

Рисунок 3. Схема культурных конструктов

Культура как система смыслов

Идея о том, что культура является «вместилищем» человеческих смыслов, весьма популярна. В книге К. Гирца «Интерпретация культур», опубликованной в 1973 году, культура определяется как исторически транслируемый паттерн смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, используемыми людьми для коммуникации, которые увековечивают и развивают знание и отношение к жизни.¹⁰⁶ Согласно этой версии, человек живет в «паутине значений» – сис-

¹⁰⁶ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004.

темы смыслов, которая ориентирует его по отношению к другим людям и окружающему миру в целом. Следовательно, чтобы постичь культуру как своеобразную систему смыслов, необходимо расшифровать значения действий и взаимодействий людей.¹⁰⁷

Под влиянием К. Гирца культура начала рассматриваться многими исследователями как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых группа транслирует знание через время и пространство. Тем самым, К. Гирцем и его последователями был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предполагающий включение элементов структурализма, герменевтики, понимающей социологии, философии символических форм и т.д.

А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко также полагают, что всеобще-конкретной основой понятия культура выступает **смысл**.¹⁰⁸ То есть культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих иноприродный характер человеческого бытия. Другими словами, человек живет в пространстве смыслов. Все и всяческие сущности при всех их разнообразнейших различениях едины в том, что являются продуктами смыслополагания. Поэтому и культура, в сколь угодно широком ее понимании, есть результат действия законов смыслообразования. Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры. Говоря о «предметном теле» культуры, следует иметь в

¹⁰⁷ Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г., Тавровский А.В. Символично-интерпретативный подход в современной культурантропологии // Очерки социальной антропологии. – СПб., 1995. С. 107.

¹⁰⁸ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/pelipenko_jakovenko_kultura_kak_sistema/16-1-0-3989

виду, что мы всегда имеем дело не с «предметным телом» как таковым или единичными предметными объектами, а только лишь с репрезентирующими их смыслами. Такой подход разделяют некоторые западные и отечественные исследователи.

Понятие «смысл» столь же мало может быть охвачено какой-либо одной дефиницией, как и многие другие фундаментальные категории: движение, пространство и время, интеллект, интуиция, знание и др.¹⁰⁹ Обычно понятие «смысл» используется в контексте поиска смысла жизни. С.Л. Франк в книге «Смысл жизни» пишет: «Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхлические страсти и «дела» – в политику, борьбу партий и т.п., – но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек: неустранимый факт приближения смерти и неизбежных ее предвестников – старения и болезней, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей земной жизни со всей иллюзорной значительностью ее интересов – этот факт есть для всякого человека грозное и неотвязное напоминание нерешенного, отложенного в сторону вопроса о смысле жизни».¹¹⁰

Говоря о смысле жизни, стоит напомнить давнее исследование Ч. Морриса, который после многолетних опросов представителей разных культур: восточных и западных, традиционных и современных, – сформулиро-

¹⁰⁹ Понятие «смысл» буквально означает то, что связано с мыслью, мысленное содержание предмета или явления. Значение характеризует то, ради чего этот предмет существует. В отличие от смысла оно выражает объективную функцию предмета, которую он выполняет в деятельности людей, в процессе их общения. Другими словами, значение содержит указание на своеобразие и идентичность того или иного явления, а смысл — на его содержание. Один и тот же смысл может иметь несколько значений. Точно так же конкретное значение разных языковых выражений имеет, как правило, не один, а несколько смысловых оттенков.

¹¹⁰ Франк С.Л. Смысл жизни. URL: https://royallib.com/book/frank_s/smysl_gizni.html

вал перечень основных жизненных целей, на которые ссылаются люди, определяя смысл своей жизни:

- ради материального благополучия;
- ради близких людей, для пользы общества;
- жить ответственно, по долгу и совести, для общества;
- самостоятельно строить свою жизнь для собственной пользы;
- духовно развиваться.¹¹¹

К. Роджерс дополнил этот список еще одной смысложизненной целью: «быть (оставаться) тем, кто ты действительно есть».¹¹²

С тех пор появились списки из двадцати, пятидесяти, ста жизненных целей, но все они сводятся к тем, которые сформулировали Ч. Морис и К. Роджерс.

На протяжении многих лет под руководством автора данной монографии проводились исследования, в рамках которых также предпринималась попытка выявить иерархию жизненных целей россиян. Причем выяснялись ценностные приоритеты представителей различных социальных групп: населения, бизнес-структур, третьего сектора, работников органов власти и журналистов. В целом список целей содержал около 30 позиций. И из года в год фиксировалось достаточно большое расхождение между ценностными ориентирами участников опроса, принадлежавших к разным социальным группам. Так, например, данные, полученные в 2009 году, позволили сделать следующие выводы. Единственная ценность, по поводу которых были солидарны представители всех опрошенных групп, – это законность: ее как самую главную отметили и представители населения, и работники органов власти, и бизнесмены, и журналисты (у работников НКО на первое место вышла нравственность). Второй по значимости ценностью представите-

¹¹¹ Morris C.W. Varieties of Human Value. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956.

¹¹² Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. С. 223 - 250

лами населения была признана крепкая семья, работниками властных структур – гармония и красота, бизнесменами – здоровье, работниками НКО – законность, журналистами – свобода. Здоровье как ценность оказалось на третьем месте у населения и работников органов власти; духовность – у бизнесменов; свобода и демократия – у работников НКО; демократия, духовность и нравственность – у журналистов. Участниками опроса также были выделены в качестве достойных упоминания безопасность, профессионализм, благополучие, мир, патриотизм. Стоит отметить, что такие ценности, как порядок, предприимчивость, могущество, державность, достоинство, коллективизм, милосердие не набрали сколь-нибудь значимого количества голосов.¹¹³

Очень поэтично и в то же время достаточно точно сказал о смысле петербургский ученый А. Юрьев: «Что такое смысл? Смысл – это продукт мышления, предназначенный для приведения в упорядоченное безошибочное движение всех ресурсов человека для минимизации своих потерь и максимизации своего успеха. Это самый дорогой продукт, который известен человечеству. Смысл создает предельно возможное приближение к истине. Смысл – это как напряжение в электрической сети: есть напряжение – то и ценности становятся нужными, как электрическая цепь, и цель, как электрический ток приводит действие моторы, приводит в движение массы людей. Воплощен смысл в людях, образованных и воспитанных особым образом для предвосхищения и применения любых изменений, которые могут произойти в мире. Именно люди являются авторами, носителями смысла. Смысл – самое сильное переживание человека, которое поднимает его в Космос, пускает его в невидимый, неслышимый, неосязаемый микромир. Ради смысла человек и народы идут на эшафот. Нет смысла – все останавливается. Предательство, воровство, бессове-

¹¹³ Гражданские коммуникации и гражданское общество. – М.: ГУ ВШЭ, 2009.

стность всегда пируют в том доме, откуда ушел смысл».¹¹⁴

Можно выделить три основных подхода к трактовке этого понятия: логико-лингвистический, психологический и деятельностный.

1. Логико-лингвистический подход. Впервые это понятие было подвергнуто серьезному анализу с позиций логики в работах Г. Фреге. Он, как известно, ввел представление о семантическом треугольнике, вершинами которого являются: имя (выражение какого-либо языка), обозначение (денотат) и смысл. По мнению Г. Фреге, «...в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл... Денотатом предложения является его истинное значение, а смыслом – некоторое суждение».¹¹⁵

Однако в рамках формальной семантики все же не удалось создать теорию смысла. Трудности, связанные с формально-логическим пониманием того, что есть смысл, выявлены в работах немецкого философа Л. Витгенштейна; американского логика, математика и философа У. Куайна; российских ученых В.В. Налимова, Г.Л. Тульчинского и других исследователей.

2. Психологический подход. Авторы учебного пособия «Ценностно-смысловая сфера личности»¹¹⁶ отмечают, что само понятие смысла в научную психологию было введено З. Фрейдом, который, однако, впоследствии отказался от его использования.¹¹⁷ Основные достижения в разработке понятия смысла до второй мировой войны были связаны с именем А. Адлера, принявшего человека за неделимое целое, которое в каждом действии выражает свою цель и стремится достичь ее. Цели человеческой деятельности являются продуктом целостности личности, прошлого, настоящего и стрем-

¹¹⁴ Юрьев А.И. Глобализация как новая форма политической власти. – URL: <http://www.political.psychology.spb.ru/doc/globpowr.htm>

¹¹⁵ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М.: ВИНТИ, 1977. С. 181-210.

¹¹⁶ Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности. – Кемерово. 1999. URL: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?_p_id=41210

¹¹⁷ Фрейд З. Я и ОНО: труды разных лет. В 2-х т. Т. 2. – Тбилиси, 1991.

ления к будущему.¹¹⁸ Цель складывается в раннем детстве и определяет направление всей жизни человека. Наиболее естественной тенденцией развития человека А. Адлер считал развитие «социального интереса». Социальный интерес развивается в трех основных сферах жизни: в деятельности, любви, в отношении «Я-ТЫ». Именно в этом типе отношений человек обнаруживает смысл в основании собственного бытия.¹¹⁹

Резкое повышение интереса к проблеме смысла в западной психологии личности и психотерапии приходится на 50–60-е годы XX века. Возникшие в этот период теоретические подходы к понятию «смысл» Д.А. Леонтьев делит на два основных течения: одно представляет смысл как интегральное образование, другое – как производный структурный элемент.

Смысл как интегральная основа личности наиболее ярко представлен в трудах В. Франкла, Дж. Ройса, Р. Пауэлла, Ф. Феникса, С. Мадди, Дж. Бугенталля. Весь спектр определений смысла в этом русле Д.А. Леонтьев объединяет в три группы:

- 1) определение смысла как жизненной задачи;
- 2) определение смысла как интерпретации жизни;
- 3) определение смысла как аспекта интеграции личной и социальной действительности.¹²⁰

Вторая большая группа теоретических подходов апеллирует к *смыслам как производному структурному элементу личности*, рассматриваемым как неотъемлемая часть самих механизмов функционирования сознания и деятельности человека. Вот характерная цитата: «Человек устроен и функционирует так, что он перерабатывает и производит смыслы. В таком случае, пока человек жив и здоров, он не может не иметь дела со смыслами и не вычерпывать их из своего опыта. Говорить, что у него есть потребность найти смысл, столь же

¹¹⁸ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 1997. С. 184.

¹¹⁹ Бубер М. Я и Ты. – М., 1993.

¹²⁰ Леонтьев Д.А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / Вестник. стат. к книге В. Франкла «Человек в поисках смысла». – М.: Прогресс, 1990. С. 10.

некорректно и столь же вводит в заблуждение, как и утверждение, что автоматическая вязальная машина обладает потребностью вязать, или что у семени есть потребность прорасти. Я убежден, что для структуры нервной системы человека, заложенной в организме, порождение смыслов столь же естественно, как и выделение пота потовыми железами».¹²¹ Вместе с тем, разделяющие эту общую позицию авторы представляют не менее широкий спектр конкретных представлений о смысле, чем спектр теорий, рассматривающих смысл как интегративную основу личности. Условно «рассортировать» все эти подходы в целях удобства анализа нам помогает выдвинутое одним из авторов положение о трех источниках критериев для внутреннего оценивания субъективных смыслов:

- 1) внешний мир, включая других людей, рассматриваемых как объекты;
- 2) внутренний мир
- 3) другие люди как носители общего смысла.¹²²

Другими словами, сторонники этого подхода делятся на три группы:

- 1) подходы, в которых смысл действий и ситуаций для субъекта задается объективными отношениями;
- 2) подходы, в которых смысл выступает как чисто субъективная интерпретация действительности;
- 3) подходы, в которых смысл задается социальной общностью, рассматривается в плоскости отношений с другими людьми.

В отечественной психологии понятие смысла наиболее полно освещено в трудах А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.С. Братуся, Д.А.

¹²¹ Holt R.R. Drive or wish? A reconsideration of the psychoanalytic theory of motivation // Psychology versus metapsychology: psychoanalytic essays in memory of George S. Klein / M.H. Gill, P.S. Holtzman (Eds.). – New York: International Universities press, 1976. P. 192.

¹²² Thomas L. Nothing more theoretical than good practice: teaching for self-organized learning // Issues and approaches in personal construct theory / D. Bannister (Ed.). – London etc.: Academic press, 1985. P. 246.

Леонтьева, А.Г. Асмолова. При этом взгляды отечественных психологов на систему личностных смыслов, как и представления о системе ценностей человека, часто перекликаются с идеями представителей экзистенциально-гуманистического направления.¹²³

3. Деятельностный подход. Философы С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, размышляя над проблемой смысла, указывают, что «всякое явление действительности, всякий предмет или процесс интересуют человека постольку, поскольку в них есть определенное социокультурное значение, определяемое назначением данного предмета или явления в социальной деятельности человека. Даже такие вещи, как яблоки, деревья, столы, стулья и т.п., заключают в себе обширное социокультурное значение: все они сделаны, выращены, куплены, подарены, то есть «погружены» в социальные отношения и имеют в них определенное назначение».¹²⁴

Это назначение, выступающее как бы внутренним свойством вещи, указывает, каким образом данная вещь реализуется в качестве элемента социальной деятельности и определяет ее социальный смысл. Таким образом, всякое явление, всякий элемент действительности, преобразованный и освоенный в человеческой деятельности, становясь элементом определенной культуры, приобретает значение и смысл для социальной общности и отдельной личности, с нею связанной.

Все предметы, явления, процессы действительности, включенные в мир человеческой жизнедеятельности, обладают для человека определенным социальным значением. Это значение определяется мерой «вложенности» в данный предмет человеческой сущности и носит поэтому наиндивидуальный характер. Вместе с тем это значение существует в многообразии индивиду-

¹²³ Подробный анализ соответствующих работ представлен в учебном пособии «Ценностно-смысловая сфера личности». URL: http://spf.kemsu.ru/portal/s_cen_book.shtml

¹²⁴ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. URL: http://www.studmed.ru/view/gusev-ss-tulchinskiy-gl-problema-ponimaniya-v-filosofii-filosofskognoseologicheskij-analiz_c24a830ad8e.html.

альных личностных смыслов, с помощью которых объективная значимость данной вещи или явления открывается индивиду. Другими словами, обобщенный социальный опыт, связанный с каким-либо явлением действительности, выражается в общественных значениях и сопряженных с ними индивидуальных смыслах. Если социальное значение выражает общественное отношение к действительности, то личностный смысл – личное отношение к этой социально осмысленной действительности. Разумеется, указывают исследователи, противопоставление общественного значения и личностного смысла реализуется только в очень узких пределах.

Личность не противостоит совокупному социальному опыту, который конкретизируется для нее в отдельных социальных значениях. Но с другой стороны, «социальные значения всегда реализуются для личности не полностью, а в той мере, в какой ее общественные функции требуют присвоения социального опыта и в какой мере этот опыт реализуется в данной системе общественной практики».¹²⁵

Так смыслы, выступающие в качестве элементов внутреннего мира личности, обеспечивают овладение индивидом различными характеристиками явлений и процессов объективной действительности. С этой точки зрения смысл есть не просто некое отражение действительности, некое знание, а личностно окрашенное (и общественно обусловленное) воспроизведение в индивидуальном внутреннем мире предметов, явлений и процессов действительности, имеющих отношение к реальной жизнедеятельности индивида.¹²⁶

Таким образом, исходным понятием, опираясь на которое можно наполнить содержанием категорию

¹²⁵ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. URL: http://www.studmed.ru/view/gusev-ss-tulchinskiy-gl-problema-ponimaniya-v-filosofii-filosofskog-oseologicheskoy-analiz_c24a830ad8e.html.

¹²⁶ В иной терминологической системе эту мысль высказал В. Франкл. В его интерпретации, смысл есть нереализованная потенция действительности, реализуя которую, индивид находит оправдание своей жизни. Смысл, по В. Франклу, вне индивида, он в мире, в объективной действительности, и человек не изобретает его, а находит в мире. (Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. С. 36-37 и др).

«смысл», должно быть не «знак», а «по поступок». Именно «по поступок» является основным элементом человеческой жизни. В сущности, вся наша жизнь есть цепь поступков, вступающих в разнообразные отношения друг с другом и с поступками других людей.

Каждый поступок имеет два основных измерения: реальное и идеальное. В своем реальном измерении поступок тем или иным образом структурирует сеть общественных отношений. «Менее всего в жизни-поступке я имею дело с психическим бытием (за исключением того случая, когда я поступаю как теоретик-психолог). Можно помыслить, но отнюдь не совершить попытку, ответственно и продуктивно поступая в математике, скажем работая над какой-либо теоремой, оперировать с математическим понятием как с психическим бытием; работа поступка, конечно, не осуществится: поступок движется и живет не в психическом мире».¹²⁷

И вместе с тем любой поступок так или иначе отражается в сознании людей (в том числе и того, кто его совершает) в виде образа поступка. Вот этот образ поступка, связывающий внутренний мир личности с миром внешним, и есть смысл, который, как указывает Ф.Е. Василюк, вообще говоря, пограничное образование, в нем сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и возможности их реализации. В отношении к действительности, к реальному смысл воплощается в различных формах смыслового будущего, в отношении же к идеальному, к вневременному он отражает в себе ценностную целостность индивидуальной жизни.¹²⁸

Другими словами, смысл есть своеобразный образ разумного действия, идеальная программа действий.

В процессе становления, развития и «транспортировки» от одного индивида к другому, от одной социальной общности к другой этот образ разумного дейст-

¹²⁷ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. С. 90.

¹²⁸ См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М., 1984. С. 129.

вия «обрастает» такими элементами, как: описание реальных ситуаций жизненного мира; оценка этих ситуаций с точки зрения их благоприятности для человеческой жизнедеятельности; объяснение закономерностей возникновения, функционирования и развития данной и аналогичных ситуаций; программа разумного поведения в этих ситуациях.

Комплекс этих элементов: описание, оценка, объяснение и программа жизнедеятельности – может быть обозначен понятием «смысловой конструкт». Совокупность смысловых конструктов создает каркас любой культуры.

Разумеется, речь идет не о том, что смысловой конструкт несет в себе каждый раз всю совокупность знаний, оценок, объяснений, реализующих разумный способ жизнедеятельности. Конкретный смысловой конструкт может сообщить индивиду либо операционную структуру действия, либо средство (систему средств, включая технологию обращения с этими средствами), либо нормы сотрудничества с другими участниками совместного действия, либо еще более мелкие фрагменты способа жизнедеятельности.

Очевидно, что те или иные образы разумного действия могут быть (или казаться определенному субъекту) не совсем разумными, а иногда и совсем неразумными. Но это не отменяет сущностной характеристики смысла – быть образом разумного действия. Просто разумность может разными социальными системами и группами, исповедующими различные рациональности, пониматься по-разному. Поэтому, чтобы дать более глубокое содержательное толкование этой категории, необходимо рассматривать ее в соотношении с понятием «абсурд».

Характеристика «абсурдный» относится только к человеческим действиям. Абсурдным может быть поступок, действие, закон – словом, все, что призвано как-то отразиться на человеческой действительности и оказать тем самым влияние на других людей. В самой по себе природе нет ничего осмысленного и нет ничего абсурдного. Смысл и его противоположность абсурд возникают только в системе человеческих отношений. Назвав нечто нелепостью, бессмыслицей, следует ясно понимать, что существует некий критерий осмысленности, пользуясь которым, мы и определяем меру осмысленно-

сти (то есть наличия смысла) в том или ином человеческом деянии, поступке.

Критерием меры осмысленности или бессмысленности (абсурдности) выступает возвышение или умаление человеческого начала в человеке. Если смысл есть то, что превращает индивида в человека, то, что очеловечивает человека, приближает каждого человека к его объективной сущностной мере, то все, что низводит человека с достигнутых высот человечности на более низкие уровни, есть смысл со знаком минус, есть бессмыслица, нелепость, абсурд.

Конечной целью любого социального развития является человек, равный своему понятию, то есть человек, воплотивший в себе, в своем поведении, своей жизнедеятельности все те идеалы, которые вырабатывались в течение тысячелетий. Разумеется, и сами эти идеалы не являются некоей застывшей, раз и навсегда данной конструкцией. Они уточняются, развиваются, обогащаются некоторыми новыми представлениями. Но основа остается неизменной, поскольку она выражает ту меру человечности, тот идеальный предел, к которому стремится (должна стремиться) человеческая природа. И эта мера, этот предел были ясны древним в той же мере, что и нам.¹²⁹

Нелепый поступок есть поступок, не только не несущий никакого вклада в культуру, не обогащающий действительность человечностью, не позволяющий действительности стать человеческой, но, напротив, разру-

¹²⁹ Дело не в том, какова мера человечности – она, в принципе, ясна. Дело в том, почему она постоянно нарушается. Ответ, видимо, заключается во внутренней диалектике самого человеческого стремления к этой мере. Именно стремясь полностью воплотить в себе все человеческое в условиях, когда из-за объективного недостатка ресурсов это стремление неизбежно приводит к открытому столкновению с аналогичными стремлениями других, человек нарушает сущностные принципы человечности. И чем больше он стремится присвоить себе материальные и духовные богатства, накопленные человечеством и воплощающие в себе сущность человека, тем больше он вынужден отнимать эти богатства у других и с тем большей необходимостью он удаляется от цели своих действий. Только в условиях, когда материальные и духовные богатства достигнут такого изобилия, что отпадет необходимость их делить, а каждый сможет взять себе столько человеческой сущности, сколько ему необходимо для полного воплощения в себе человеческого начала, только в условиях, когда в сознании каждого укоренится простая мысль, что его собственное развитие зависит от меры развития других, только в этих условиях и возможно будет более или менее полное присвоение каждым человеком своей человеческой сущности.

шающий культуру, обезчеловечивающий социальную материю. Однако практической реализации абсурдных действий предшествовало возникновение, развитие и закрепление соответствующих моделей поведения, которые, безусловно, казались вполне осмысленными и нормальными. Таким образом, мы подходим к фундаментальной проблеме соотношения индивидуальных и общественных смыслов. Решение этой проблемы требует специальных глубоких исследований. В данном случае нам важно констатировать принципиальное несовпадение личных и общественных смысловых систем. Кроме того, следует указать на то, что во все времена, при любом социальном строе были группы, имевшие больше возможностей для присвоения материальных и духовных богатств. Но сам процесс такого присвоения в условиях очевидного неравенства возможностей присвоения не мог не вызывать у представителей этих групп различных перестроек в нравственном сознании – от элитарных теорий до полной социальной невменяемости.

Таким образом, смысл может рассматриваться в качестве элементарной единицы регулятивно-смысловой сферы личности. Элементарность смысла, разумеется, носит относительный характер. Это элементарность молекулы, сохраняющей все свойства и качества данного вещества и обладающей сложнейшим внутренним строением.

Рассматривая целостный смысл как идеальный образ разумного действия, мы можем констатировать, что он представляет собой совокупность элементов, дающих ответ на три основных вопроса: «Что есть мир, в котором живет данная личность, являющаяся частью этого мира?», «Как следует относиться к различным элементам этого мира?», «Как следует действовать в этом мире?». В соответствии с тем, ответом на какой вопрос является конкретный смысловой элемент, мы можем выделить (с известной долей условности) три

компонента целостного смыслового конструкта – **знания, ценности, нормы.**

Вместе с тем смысл шире таких форм своего существования как знания, ценности, нормы. Можно сказать, что целостный смысл (как образ разумного действия) обязательно включает в свой состав знания, ценности и нормы. Но смысл не всегда бывает целостным. Носителем смысла (или его заместителем) может выступать любой из составляющих его элементов. Это будет неполный, усеченный смысл, или точнее – образ смысла. Более того, в условиях неравномерного развития общественной жизнедеятельности и индивидуального внутреннего мира смыслы, как правило, нецелостны. Элементы смыслов (осколки смыслов, атомы смыслов) могут объединяться, образуя причудливые, иногда гротескные, иногда кошмарные модификации.

Значимость смыслов подчеркивают авторы исследования, посвященного влиянию ценностей на динамику социального развития России.¹³⁰ В докладе констатируется, что происходящая в России замена метафизических ценностей (то есть смыслов) материальными может привести к очень печальным последствиям. Из школы «вымывается» гуманитарная составляющая, уходит понимание, что ценностная среда, формируемая в рамках таких дисциплин, как литература и история, вряд ли может быть корректно воспроизведена в иных условиях. Однако подобная «прагматическая ситуация» близка к своему самоисчерпанию. Скоро наступит обратный и не менее опасный процесс романтического бреда – реакция на избыток прагматики. Молодежь романтически полевеет, шарахнется из крайности в крайность. И если не осуществить операцию «ценностного перехвата», если вовремя не предложить программу восстановления в правах метафизических ценностей, то нас опять ждут трудные времена. Безответственная романтика терпима

¹³⁰ Семь тезисов о русском. Русское искусство – тормоз или локомотив модернизации? URL: <https://rg.ru/2011/09/28/modernzacia.html>

в развитых странах, поскольку там работает сложившаяся система институтов, ограничивающих ее разрушительный потенциал. В России же, если не предложить внятную ценностную альтернативу как сугубой «прагматике», так и «романтике», любая возможность позитивных изменений будет закрыта.

Культура как система фундаментальных матриц

«Новая философская энциклопедия» определяет культуру как систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), которые развиваются исторически и обеспечивают воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. В эти программы человеческой жизнедеятельности включаются, помимо всего прочего, идеалы, образцы деятельности и поведения, верования, ценностные ориентации и т.д., образующие социальный опыт, хранимый и передаваемый от поколения к поколению культурой.¹³¹

Б.И. Кононенко также дает определение культуры как специфического способа организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленного в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе.¹³² С этой точки зрения, культура выступает как своего рода «технология» человеческой деятельности, или, точнее, как внутренняя основа некоей технологии, как совокупность эталонов, критериев и процедур, задающих направления и алгоритмы социально одобряемого поведения и эффективной деятельности. Или, по-другому, **культура – это совокупность знаний, ценностей, норм, обеспечивающих приспособление**

¹³¹ Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b?р.s=TextQuery>

¹³² Кононенко Б.И. Культурология в терминах, понятиях, именах. Справочное пособие. – М.: Изд-во «Щит-М», 2001. С. 115-116.

человека к окружающей среде или преобразование этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями.

В книге Э. Шейна «Организационная культура и лидерство» проанализировано множество дефиниций понятия «культура» и дано обобщающее определение, которое, на наш взгляд, достаточно точно передает суть этого социального института: «Культура группы может быть определена как паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем».¹³³

Это высказывание перекликается с предположением о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий его дальнейшего развития, которое сформулировали К. Поланьи¹³⁴ и Д. Норт.¹³⁵ К. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе. По определению Д. Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Д. Норт считал, что экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические прави-

¹³³ Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002. С. 20.

¹³⁴ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002.

¹³⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997.

ла формируют правила экономические, и наоборот. При этом и К. Поланьи, и Д. Норт полагают, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Развивая эти идеи, С. Кирдина сформулировала положение о том, что «институциональная матрица – своеобразный генотип общества – складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу».¹³⁶ Эти матрицы представляют собой совокупность знаний, ценностей, норм, обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование индивидом этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями. Они отражают ту действительность, в которой ранее жили этносы и социальные группы и к которым они ранее достаточно эффективно приспосабливались. Так понимаемые институциональные матрицы всегда привязаны к определенному социальному или географическому ареалу, то есть имеют свое пространство, в рамках которого действуют определенные императивы. Другими словами, речь идет о некой реальной или виртуальной территории, население которой признает власть определенной матрицы.

С этой точки зрения, **любая культура представляет собой совокупность разнообразных матриц, определяющих поведение и деятельность человека.** Эти матрицы, существующие в форме стереотипов и символов, сложились в рамках определенной исторической эпохи и обладают национально-культурной спецификой.

Так, например, становление европейской культуры связано с античным полисом. Наследуя идеи Древней Греции, воспетые Гомером, эллинские матрицы включают в свой состав такие регуляторы поведения в обществе, как гражданственность и героизм, знание как выс-

¹³⁶ Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. URL: <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>.

шая ценность, индивидуальная сознательность, свобода человека, который полноправно участвует в жизни страны и государства. Данная антропологическая направленность – краеугольный камень современных концепций гражданского общества и правовой личности.

Классические работы европейских философов Д. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, М. Вебера представляют основания, в которых укоренены матрицы культуры Европы и векторы ее развития. Так, в правовой европейской культуре либерализма – новой европейской идеологии, господствует рационалистическая идея. Суть ее в просчитывании и тотальном планировании всего, вплоть до человеческого произвола. Всего, что определяется как должное (обладающее эффективностью, полезностью) или не должное. На этом держится идея о саморегулирующейся социальной системе, которой необходимы единые «правила игры». Ключевой принцип – триединство свободы, равенства и справедливости, – принцип автономии субъекта, то есть человеческой личности. Самодисциплина, дисциплина и преобладание эстетики форм заложили основы европейской культуры.¹³⁷

Л. Васильев, касаясь этого вопроса, пишет о том, что не капитализм привел к возникновению в странах Запада рыночной экономики и либерального правопорядка, а античные либерально-демократические традиции, древнегреческие свободы и римское право, религиозно-цивилизационная протестантская традиция. «Капитализм – не базис. Он следствие и функция демократии. Античной полисно-протобуржуазной, средневековой западноевропейской протестантско-предбуржуазной».¹³⁸ И наоборот, присущие Востоку матрицы: всевластие власти и полное бесправие подданных (включая собственников), незнакомых с правовой

¹³⁷ Чибир Е.В., Макарова Е.Е. Традиционные паттерны российской и европейской культур как базис для дифференциации содержания специальных событий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.

¹³⁸ Васильев Л. Стечение неслучайных обстоятельств. URL: <https://www.hse.ru/news/74654795.html>

культурой буржуазной частной собственности и потому подверженных репрессиям с экспроприациями – не позволили возникнуть капиталистическим отношениям. И лишь появление в этих странах европейских буржуа с их нормами жизни, институтами и капиталами способствовало появлению вне Запада общества смешанного восточно-западного типа, облик которого зависел как от уровня развития (степени отсталости), так и от религиозно-цивилизационной традиции. Что касается России, то она не буржуазный Запад, но и не вполне Восток. Россия где-то между ними. У нее не было условий для возникновения либерально-демократического базиса: ни протобуржуазного античного, ни предбуржуазного европейского. Вестернизация пришла к нам в специфически изуродованной форме, с резким акцентом в сторону заимствования военной мощи. Правда, и с очень высоким почтением к западноевропейской буржуазной культуре, включая активное ее заимствование, но – и это самое главное – без либерально-демократического базиса. Поэтому западноевропейский капитализм не имел у нас возможности прижиться.¹³⁹

Другой автор – И. Давыдов – тоже исследует особенности российской исторической матрицы и утверждает, что «Российское общество переживает только историю Человека Государственного, не замечая просто человека в истории. Истории человека нет, истории русской свободы тоже нет».¹⁴⁰

Анализируя «Историю государства Российского» Н. Карамзина (которую автор посвятил царю, а посвящение завершил фразой: «История народа принадлежит Царю»)¹⁴¹ и другие исторические сочинения, И. Давыдов констатирует, что схема, предложенная Н. Карамзиным, пережила и Карамзина, и империю, и еще

¹³⁹ Васильев Л. Стечение неслучайных обстоятельств. URL: <https://www.hse.ru/news/74654795.html>

¹⁴⁰ Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности. URL: <http://carnegie.ru/commentary/66276>

¹⁴¹ «В его «Истории» изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластия и прелести кнута», – явил А.С. Пушкин.

одну империю и до сих пор жива. «Утрируя, изложить эту схему можно так: русский народ-государственник с самого начала был озабочен невозможностью жить вне сильной власти, в связи с чем пригласил править собой варягов, и дальше, во все времена, либо строил сильное централизованное государство, либо расплачивался за попытки с этого пути свернуть и снова строил сильное централизованное государство. Его главные герои – властители и воины, его главные достижения – военные победы. Святые нашего исторического пантеона – сплошь с мечами и в доспехах».¹⁴²

Н.А. Бердяев подчеркивает антиномичность русской культуры, отличающейся неустранимой противоречивостью свойств и постоянством их перехода друг в друга. «Творчество русского духа так же двоятся, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей идеологии – славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении – Достоевском, – русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатались на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоятся, как и лик самой России».¹⁴³

Исходя из обозначенного подхода, мы можем рассматривать культуру как совокупность эталонов, критериев и процедур, задающих направления и алгоритмы социально одобряемого поведения и эффективной деятельности.

На базе фундаментальных матриц формируются системные и конкретно-деятельностные матрицы.¹⁴⁴

В ходе социализации индивидов происходит «субъективация» культуры, когда соответствующие модели поведения интегрируются в психический строй личности. Процесс, в ходе которого индивид признает и

¹⁴² Давыдов И. История без лат. В защиту русской свободы и русской человечности. URL: <http://carnegie.ru/commentary/66276>

¹⁴³ Бердяев Н., Лосский Н. Русский народ. Богоносец или хам? URL: <https://profilib.com/chtenie/10839/nikolay-berdyaev-russkiy-narod-bogonosets-ili-kham.php>

¹⁴⁴ Подробнее о системных и конкретно-деятельностных матрицах см.: Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: технологии манипулирования в интернете. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.

принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, называется в социологии интернализацией (в психологии для обозначения этого феномена используется понятие «интериоризация»). Представление о мире и должном поведении только тогда устойчивы, когда они становятся частью психической структуры, то есть интериоризированы.

Иными словами, речь идет не об универсальной схеме творческой деятельности «мирового духа», получившей у Гегеля название «абсолютной идеи», а о вырабатываемых поколениями людей «ноу-хау»: например, искусство общения людей с природой и друг с другом, с материалами и информацией: умение изготавливать и использовать предметы, порождать и интерпретировать тексты, толковать события и управлять не только ими, но и собой, другими людьми. Эти технологии, или «культурная субстанция», создаются самими людьми в процессе коммуникации, «пребывают» в них и эволюционируют вместе с ними, впитываются поколениями, консолидируя их вокруг соответствующих норм и образцов.¹⁴⁵

Если использовать эти констатации применительно к любой конкретной профессиональной культуре, то становится очевидно, что профессиональная культура представляет собой «хранилище» стандартов и стереотипов конкретно-деятельностных матриц профессионального поведения.

С точки зрения этого подхода, индивид овладевает профессиональной культурой, проходя несколько стадий – от ученика до мастера. Например, при вхождении в профессиональную среду начинающий журналист вступает в мир социальных норм, предписаний, запретов, санкций, которые обеспечивают стабильность данной профессиональной системы. В ходе общения, сотрудничества и совместной деятельности журналиста и

¹⁴⁵ Адамьянц Т.З. Программа учебной дисциплины «Основы медиакультуры» – М.: Государственный университет культуры, 2002.

его окружения происходит все более глубокое усвоение и все более активное овладение профессиональными стандартами и ценностями данной профессиональной среды. Внешние на первых порах нормативы должного профессионального поведения под влиянием обучения (использующего различные механизмы одобрения и порицания) и иных воздействий профессиональной среды входят в сознание личности, оформляясь в определенную ценностно-нормативную модель профессионального поведения – продукт индивидуального опыта личности и коллективного опыта макро- и микросреды, воспринятого через образцы поведения и систему значений.

С этой точки зрения, профессиональное журналистское сообщество, взятое как целостность, выполняет по отношению к конкретному журналисту множество функций, одной из которых является функция профессиональной ориентации, то есть освоения профессиональных способов деятельности, усвоения схем профессионального поведения и мышления. Понятно, что осуществление этой функции может происходить в различных формах: это может быть университетское профессиональное обучение, или обучение методом проб и ошибок, или обучение по методу «делай как я» и т.д.

Сторонники другой версии этого подхода связывают понятие «профессиональная культура» с процессом изменения, совершенствования средств, методов, форм деятельности. То есть акцент делается на том, что живой мир профессиональной культуры это не только типичные формы профессиональной деятельности, не только хранилище стандартов и стереотипов профессионального поведения, не только «память» профессионального сообщества, но и индивидуальное своеобразие, творческое воплощение и развитие норм профессиональной деятельности.

Безусловно, типизация форм деятельности и поведения являются важной функцией профессиональной культуры, однако диалектика развития такова, что этот

процесс может осуществляться только в индивидуальных формах и через индивидуальные достижения. Поэтому в создании новых элементов профессиональной культуры всегда существенную роль играла индивидуальность каждого профессионала, своеобразие его подхода к действительности, нестандартность мышления, чувств и действий.

Подчеркивая роль личности в становлении и развитии профессиональной культуры, следует отметить то обстоятельство, что в структуре саморегуляции поведения действующей личности можно выделить несколько важных компонентов:

- **нормативный компонент** – это интернализованные знания, понятия, профессиональные требования к личности и поведению профессионала;
- **оценочный компонент** – оценки и самооценки, осознанные критерии оценки личности и ее поведения;
- **регулятивный компонент** – нравственно-профессиональные чувства, отношения, убеждения, регулирующие поведение профессионала;
- **деятельностно-поведенческий компонент** – это волевые процессы, усилия личности, направленные на самоконтроль и коррекцию поведения.

Следовательно, в составе профессиональной культуры также можно выделить аналогичные компоненты:

- системы норм и стандартов, выражающих профессиональный опыт, накопленный профессиональным сообществом;
- подсистемы профессионального сообщества, обеспечивающие контроль за соблюдением норм и стандартов;
- системы профессионального самопознания, то есть духовного отражения профессиональной деятельности и существующих в этой деятельности отношений;

- само профессиональное поведение, то есть практическая деятельность людей, воплощающих нормы и стандарты профессиональной деятельности.

Однако следует добавить, что культура – это не просто совокупность ценностей или программ (матриц) эффективной жизнедеятельности. Если бы это было так, то культурой можно было бы объявить систему инстинктов и рефлексов, управляющих поведением любого животного. Обязательным элементом любой культуры является рациональное (или псевдорациональное – пока это не имеет значения) обоснование необходимости и значимости именно этих ценностей и этих матриц.

Рациональное и мифологическое в культуре

Любая культура, понимаемая как единство ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы имеет как **рациональную составляющую (право, этика)** так и другую составляющую, которая может быть отождествлена с коллективным бессознательным. К. Юнг полагал, что коллективное бессознательное имеет не индивидуальную, а всеобщую природу. Оно присуще всем людям, представляет собой универсальное основание душевной жизни каждого индивида. Если наше тело есть итог всей эволюции, то же самое можно сказать и о психике, которая в той или иной степени присуща всем организмам, опосредуя их взаимодействия со средой. Так как имелись постоянно повторяющиеся условия существования, то возникли и типичные для них реакции, происходящие автоматически. У человека соответственно имеются и общие всему живому инстинкты, и специфически человеческие бессознательные реакции на среду обитания, будь то физические явления, другие люди или собственные психофизиологические состояния. «Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе

сверхличным.»¹⁴⁶ Это означает, что **специфической характеристикой культуры является мифологичность**. Мифы, в том числе и современные, представляют собой плод общенародной фантазии, обобщенно отражающей действительность в виде чувственно-конкретных персонафикаций и одушевленных существ, которые мыслятся вполне реальными. В ряде случаев миф выступает эквивалентом науки, цельной системой, с помощью которой воспринимается и описывается мир.

Многочисленные исследования мифов Ж. Дюмезиля, Д. Кэмпбелла, М. Элиаде, В.Н. Топорова, А.М. Пятигорского, методически опирающиеся на юнгианский психоанализ, убедительно доказывают наличие общих для любого человеческого сообщества механизмов осмысления мироздания. Тот факт, что «за многообразием своих одежд мифология повсюду оказывается одинаковой»,¹⁴⁷ указывает на изначальную общность мышления человечества. Мифы «представляют собой спонтанный продукт психики, и каждый из них несет в себе в зародыше нетронутой всю силу своих первоисточков».¹⁴⁸

В других терминах речь идет о **культурных универсалиях**. Это общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, символически отраженные в образных конструкциях, языке, которые «являются вечными онтологическими и экзистентными константами человеческого бытия, фундаментальными категориями картины мира».¹⁴⁹

К числу культурных универсалий относятся основные мифы (мировое дерево, золотое яйцо), бинарные оппозиции (жизнь-смерть, верх-низ) и т.д.¹⁵⁰ Культурные универсалии очерчивают мир человека: это мир предметов (камень, дерево, зерно, масло), метафоры ар-

¹⁴⁶ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 134.

¹⁴⁷ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – М.: Ваклер, Рефл-бук, АСТ, 1997. С 18.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Исупов К.Г. Универсалии культурные // Культурология XX век. Энциклопедия. Электронная библиотека. URL: www.velikanov.ru

¹⁵⁰ Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т.1. – М., 1982. С. 55.

тефактов (зеркало, дом), мир природы (птицы, рыбы, животные), структуры родства; универсалии хтонических сил (огонь, земля, воздух, вода), элементы Космоса (Луна, Солнце, Небо). Словом, с помощью культурных универсалий человек описывает и структурирует мир, гармонизирует его, причем в этом акте творчества объяснение и понимание слиты, не противопоставлены. Огромные достижения в исследовании мифопоэтических культурных универсалий в отечественной науке принадлежат Московско-Тартуской школе: В.Н. Топорову, В.В. Иванову, Ю.М. Лотману.

Особенностью мифологизированной картины мира является четкая поляризация на силы зла и силы добра. Отсюда деление всех мифов на две группы: *мифы идиллические* (воплощающие благостную картину реализованной справедливости) и *эсхатологические* (предлагающие сюжеты трагического противостояния, злой и всепроникающей воли, никогда не реализуемой справедливости). Т. Манн обозначил эти группы более конкретно: химеры и кошмары. В качестве мифов-химер можно упомянуть то, что К. Маркс называл современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Он также подчеркивал, что ежедневная пресса и телеграф фабрикуют больше мифов за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие...

Многие исследователи полагают, что миф в принципе не может быть замещен рациональным знанием. А.Ф. Лосев утверждал: «Всякая живая личность есть так или иначе миф». Так, высшая духовная потенция личности – любовь в ее духовной ипостаси – представляет собой вариант мифологического сознания. Например: девушка влюблена в военного; стоило ему оставить службу, снять форму, как чувству пришел конец – миф исчез. У лермонтовской княгини Мери наоборот: когда она увидела Грушницкого в эполетах, пропал заинтересовавший ее и придуманный ею ореол мученичества –

она считала юношу не юнкером, а разжалованным, то есть любила не Грушницкого, а миф.¹⁵¹

В социальном плане значимость мифа определяется тем, что мифы утверждали в прошлом и продолжают утверждать в настоящем принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживали и продолжают поддерживать определенные нормы поведения. Современный человек, так же как первобытный дикарь, наделяет явления и вещи реального мира неким дополнительным значением, фиксирующим особое ценностное или нормативное значение этих явлений и вещей. Например, уже упоминавшийся выше автомобиль выступает не просто как средство передвижения, а как мифологический объект поклонения и образ эпохи.

В судьбе мифа в XIX и XX веках произошли существенные перемены. Он стал выразителем неосознанных стремлений и ожиданий больших масс людей, средством социального ориентирования толпы, а иногда и движущей силой истории. В последние десятилетия происходит своеобразная политизация мифа, он как бы утрачивает онтологическое, бытийное содержание, присущее классическому мифу. На первый план выдвигается его функциональный смысл, то есть способность сплачивать людей, развязывать политическую энергию.

Все сказанное выше позволяет определить миф как целостный смысловой комплекс, в эмоционально-чувственной форме воспроизводящий образ разумного действия, опирающийся на внерациональные, внеисторические, внеличностные основания, скрытые в глубинах коллективного бессознательного.

Так понимаемый миф есть, конечно же, элемент духовной и практической жизни не только наших предков, но и нас самих. XX век показал, что мифологическое сознание может не только уживаться с науч-

¹⁵¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 1930. С. 90.

но-рациональным, но в определенных условиях подавлять его, а иногда и ставить себе на службу. Именно поэтому проблема мифомышления в последние годы стала предметом оживленных дебатов. Психоаналитики, ученики З. Фрейда и К. Юнга, современные этнографы – все они, так или иначе, оценивали и оценивают миф как феномен, который не погиб, не исчез при свете цивилизации, а продолжает существовать.

В начале 80-х годов известный исследователь мифологии Е.М. Мелетинский говорил о том, что некоторые особенности мифологического мышления могут сохраняться в массовом сознании наряду с элементами философского и научного знания, строгой научной логикой. При некоторых условиях массовое сознание может служить почвой для распространения социального или политического мифа. Хотя тут же замечал, что в целом в развитом цивилизованном обществе мифология исторически изжила себя и может сохраняться только фрагментарно, спорадически, на некоторых уровнях. Однако несколько лет спустя этот исследователь был вынужден заявить нечто более радикальное: «Мифологический уровень является важнейшим уровнем массового сознания. Он может противоречить многим другим его уровням. Если вы приглядитесь к «философии» многих людей, то у них просто каша в голове из самых разных – рациональных и иррациональных – представлений. И вообще, в сознании людей уживается гораздо больше противоречий, чем нам обычно кажется».¹⁵²

Совершенно очевидно, что в глубинах общественного массового подсознания бродят мифотворческие силы. Они существуют в виде неясных туманностей, в качестве какой-то облачности и время от времени проливаются на нас обильными осадками. Мифология для огромной части людей важнее, чем реальность. Должны существовать идеальный мужчина, идеальная женщина,

¹⁵² Мелетинский Е. Миф умер, да здравствует миф! // Независимая газета, 11.07.91.

идеальный ребенок, идеальный лидер. Это особенная тяга человека к прAPERсонажам, идущая из доисторических времен.

Подчеркивая значимость объективных причин существования мифологических представлений, нельзя вместе с тем умолчать и о других факторах. Прежде всего, речь идет о том, что есть социальные силы, и довольно могущественные, заинтересованные в насаждении самых фантастических представлений как о природных явлениях, так и о законах общественной жизни. Эти социальные силы используют громадный пропагандистский аппарат для насаждения целой системы мифов, извращенно воспроизводящих историю страны и историю общественных движений, фальсифицирующих законы общественного развития.

Сказанное выше дает основание для вывода о том, что любая культура представляет собой многоуровневую систему. Самый глубинный уровень связан с архетипами, сформировавшимися в течение тысячелетий. Именно они объединяют все человечество. Средний уровень формировался в рамках определенного этноса, столетиями жившего в определенных природных, социально-экономических условиях. Верхний уровень представляет собой конкретные модели жизни, учитывающие изменчивые условия бытия сообщества и индивида. Можно предположить, что представления верхнего уровня поддаются довольно быстрому изменению. Гораздо медленнее меняются представления среднего уровня. И практически не меняются фундаментальные представления.

Резюмируя, можно сказать, что введение в научный оборот таких понятий как «архетип», «культурные универсалии», «жизненный мир» говорит о стремлении гуманитарных наук уяснить и доказать структурное и эстетическое единство общечеловеческой мировой культуры.

ГЛАВА 1.4

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Простые модели

Материальная и духовная культуры

Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и ее результаты (орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи и другие). Духовная культура охватывает сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию). Гармоничное развитие культуры естественно предполагает органическое единство материальной и духовной культур. Однако, по мнению А.Я. Флиера, деление культуры на материальную и духовную не позволяет нам узнать что-либо новое о культуре, а только убедиться в том, что любое культурное явление, будучи опредмеченным, является субстратно материальным (даже музыка), но одновременно, даже самое утилитарное из них (плотничий топор), является в известном смысле духовным, несущим в своих формах и чертах, смыслах и содержаниях определенную символическую информацию.¹⁵³

Естественнонаучная и гуманитарная культуры

Суть этого деления английский физик Ч. Сноу сформулировал следующим образом. Видение мира оп-

¹⁵³ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. – М.: Высшая школа культурологии Государственного университета культуры. URL: <http://www.culture.circle.ru/index.htm>

ределяется характером и объемом имеющихся у человека знаний. Знание бывает двух типов: естественнонаучное и гуманитарное. Важной особенностью гуманитарного знания в отличие от естественнонаучного, является нестабильность, быстрая изменчивость. Для естественных наук не характерны ценностно окрашенные суждения, составляющие существенный элемент гуманитарного знания. Гуманитарное знание может испытывать влияние той или иной идеологии, и в гораздо большей степени связано с ней, чем естественнонаучное знание. В настоящее время эти две сферы: научно-техническое и художественно-гуманитарное знание – имеют все меньше общего, все больше превращаются в две изолированных области культуры, представители которых все в меньшей степени способны понять друг друга. Разногласия между этими сферами знания по ряду ключевых вопросов (например, этическим аспектам научного поиска) вызываются, по мысли Ч. Сноу, тем, что и естественники и гуманитарии, как правило, плохо разбираются в чужой области знания, это приводит к выдвиганию неоправданных претензий на монопольное обладание истиной. Понятно, что Ч. Сноу сформулировал слишком обобщенный тезис, уравнивая культуру с особенностями научного и гуманитарного подходов к пониманию действительности. Очевидно, что культура не сводится ни к знанию, ни к технологиям его получения. Тем не менее, выявленная Ч. Сноу дихотомия не утратила своей актуальности и в наши дни.¹⁵⁴

Культура пастушеская и скотоводческая

Сторонники такого деления культур напоминают, что в древности существовали племена, занимавшиеся в основном земледелием и племена, основой жизни которых было разведение скота. Между земледель-

¹⁵⁴ Сноу Ч. Две культуры и научная революция. URL: <http://docplayer.ru/25806050-Charlz-snou-dve-kultury-i-nauchnaya-revoljuciya.html>

цами и скотоводами были весьма напряженные отношения, связанные с проблемой использования земли. Достаточно напомнить библейский эпизод о противостоянии Каина и Авеля, которые представлены братьями, детьми первой супружеской пары – Адама и Евы. Но земледелец Каин почему-то не понравился Богу, который «не призрел» на него и на его дар, то есть не принял его жертву. Тогда Каин «восстал» на скотовода Авеля и убил его. И поскольку Библия – книга скотоводческого народа, естественно, что чужак Каин сурово осужден. Некоторые исследователи полагают, что спор между пастухами и земледельцами отнюдь не закончен. Поскольку капитализм – прямой наследник скотоводческой культуры, а Россия – страна по преимуществу земледельческая, то противостояние Запада и России находит очень простое объяснение.¹⁵⁵ На наш взгляд, это очень надуманное деление, но раз оно существует, то приходится о нем напоминать.

Культуры рациональные и иррациональные

Собственно говоря, к рациональным культурам в строгом смысле можно отнести только европейскую культуру, являющуюся наследницей греко-римской цивилизации. Успехи греческой цивилизации во многом обязаны самопониманию человека как разумного социального существа. С новой силой идея человека действовала в эпоху Возрождения, а в Новое время открывшейся бесконечности Универсума человек противопоставил готовность бесконечного познания и самосовершенствования, что эффективно содействовало развитию века просвещения и прогресса. Философы эпохи Просвещения рассчитывали на то, что открытие общей природы или сущности человека будет способст-

¹⁵⁵ Власов В. Пастухи и земледельцы. URL: http://www.ng.ru/style/2001-12-05/12_shepherd.html

вывать преодолению конфликтов и войн. В эпоху расцвета антропологии разума были предложены концепции универсального права, религии, цивилизации, благодаря которым люди достигли бы всемирно гражданского состояния и преодолели конфессиональные, национальные и этнокультурные различия.¹⁵⁶ Европейская культура единственная, в которой родилась и процвела, после мучительного тысячелетнего перерыва, наука о природе. «Нет ничего более характерного для нашей западной цивилизации, – пишет К. Поппер¹⁵⁷ – чем тот факт, что она неразрывно связана с наукой. Это единственная цивилизация, которая породила науку о природе, и в которой эта наука играет решающую роль.» И в другом месте он говорит, что в Сократе, в раннем христианстве, в Ренессансе и периоде Просвещения, в современной науке видны слагаемые часто прерываемого движения, попытки людей освободить себя, вырваться из клетки закрытого общества и создать открытое общество. Это движение, говорит Поппер, зависит только от нас самих и наверняка исчезнет, если мы не защитим его от его антагонистов – и от нашей лени и праздности. Эта интерпретация видит в промежуточных периодах истории темные эпохи с их авторитетами, исповедующими платонизм, с их иерархией священников и племенными рыцарскими орденами.¹⁵⁸

К иррациональным культурам относятся все те, где во главу угла ставится религия, мистицизм, астрология, шаманство, экстрасенсорика и прочие заменители научного знания. Надо сказать, что сфера религиозного и мифологического сознания и присущий ей инструментарий действуют и поныне, хотя и в разных формах (в том числе маскируясь под науку – такова мода Нового времени). Возможное объяснение заключается в том, что мы живем в постантропологическую эпоху,

¹⁵⁶ Марков Б. Проблема человека в эпоху масс-медиа. URL:

<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1785>

¹⁵⁷ Popper K. In search of a better world. – L. 1992.

¹⁵⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. – М. 1992.

для которой характерен отказ от идеи человека как носителя разума, а также моральных, социальных и иных культурных ценностей, выступающих масштабом оценки всего сущего. Например, биология определяет человека как цепь молекул и генетических кодов; социология эффективно объясняет мораль и мировоззрение как надстройки над базисными социальными и экономическими институтами; этнология указывает на неуниверсальность европейской рациональности. «Самый общий признак современной эпохи, – отмечал Ф. Ницше, – невероятная убыль достоинства человека».¹⁵⁹ Человек существует в сетях порядков неизмеримо более могущественных, чем он сам: социум, культура, язык, традиции и нормы, технологии оказывают на него столь сильное воздействие, что перемещаются, так сказать, в самое его нутро. Долг и желание, разум и безумие, сознание и бессознательное – все это инстанции внешнего порядка. «Человек, о котором говорят и к освобождению которого призывают, – писал М. Фуко, – с самого начала выступает результатом угнетения, которое гораздо древнее, чем он сам. Его душа живет в нем и задает экзистенцию, которая сама есть сцена господства».¹⁶⁰

Культура массовая и элитарная

Впервые понятие «массовая культура» использовали М. Хоркхаймер в 1941 году и Д. Макдональд в 1944 году. Содержание этого термина достаточно противоречиво. С одной стороны, массовая культура – *«культура для всех»*, с другой – это и *«не вполне культура»*. В определении массовой культуры подчеркивается распространенность и общедоступность духовных ценностей, а также легкость их усвоения, не требующая особого развитого вкуса и восприятия. Масса, писал К. Ясперс, отличается, например, от народа. Последний

¹⁵⁹ Ницше Ф. Воля к власти. – Киев, 1994. С. 43.

¹⁶⁰ Foucault M. Ueberwachen und Strafen. Die Geburt des Gefaengnisses. – Frankfurt am Mein, 1976. S. 42.

«структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ – это нечто субстанциональное и качественное... Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна, она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы – она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания».¹⁶¹ Многие исследователи (Т. Адорно, Г.М. Энциенбергер, М. Маклюэн) представляют массовую культуру бульварной культурой, популярной культурой, индустрией культуры, индустрией сознания, рыночной культурой и т.д. Категорию «массовая культура» обычно помещают контекст таких понятий, как: массовое общество, массовое производство, массовое потребление, массовая коммуникация. Из них вытекают важнейшие атрибуты массовой культуры, так или иначе отмечаемые ее исследователями:

- ориентирована на максимально большую аудиторию, а потому, с одной стороны, предельно стандартизована сама, а с другой – направлена на стандартизацию массового вкуса;
- производится в огромных масштабах, что предполагает наличие определенной инфраструктуры;
- имеет товарный статус и рыночное обращение (это, кстати, позволяет марксистски ориентированным исследователям называть ее буржуазной, капиталистической и т.п.;
- транслируется через средства массовой коммуникации.¹⁶²

Сегодня можно считать несомненным, что массовая культура является важнейшим компонентом современного социума. Универсальность массовой культуры стала концептуальной основой модернизации

¹⁶¹ Яспере К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. – М., 1978. С. 192.

¹⁶² Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. URL: http://textfighter.org/text5/80_massovoy_kulturyi_informatsii_1.php

культурных традиций. «Для отдельного индивида на смену патриархальному "культурному монизму" на основе "своего" вероисповедания и местной культурной традиции пришел внутренний плюрализм, ибо каждый человек, с одной стороны, сегодня вписан в сеть массовых коммуникаций и становится (чаще всего не сознавая) носителем универсальной массовой культуры и набора субкультур».¹⁶³

Некоторые авторы предлагают разделять культуру низкопробную (в 50-х годах прошлого столетия ее называли «китч») и массовую культуру в позитивном понимании данного термина. Данная культура «приобретает массовый характер не потому, что широковещательные каналы охватывают все более массовую аудиторию, но в силу того, что условия жизни широких масс людей приобретает все более массовый характер».¹⁶⁴

В той или иной степени проблемы массовой культуры описаны в работе А. Моля «Социодинамика культуры». Эту современную культуру А. Моль называет мозаичной: «В наше время знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей... Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.п.).

Эта культура уже не является в основном продуктом университетского образования, то есть некоей рациональной организации, она есть итог ежедневно

¹⁶³ Разлогов К. По ту сторону наслаждения // Свободная мысль. 1994. № 12–18. С. 59.

¹⁶⁴ Кукаркин В. Буржуазная массовая культура. – М., 1985. С. 125.

воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки идей».¹⁶⁵

Что касается элитарной культуры, то обычно этим понятием обозначают культуру привилегированных групп общества, ее черты – закрытость, аристократизм и ценностно-смысловая самодостаточность. Элитарная культура утверждает себя как творчество узкого круга «высочайших профессионалов», понимание которого доступно столь же узкому кругу высокообразованных ценителей. Элитарная культура претендует на то, что она стоит высоко над «обыденностью» повседневной жизни и занимает позицию «высшего суда» в отношении социально-политических проблем общества.

Основные элементы элитарной концепции культуры описаны в сочинениях А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление») и Ф. Ницше («Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра»). А. Шопенгауэр делит человечество на две части: «людей гениев» и «людей пользы». Первые способны к эстетическому созерцанию и художественной деятельности, вторые ориентированы только на чисто практическую, утилитарную деятельность. В XX веке элитарную концепцию культуры резюмировал Х. Ортега-и-Гасет. В его работе «Дегуманизация искусства» утверждается, что новое искусство обращено к элите общества, а не к его массе. Поэтому совершенно необязательно искусство должно быть популярным, общепонятным, общечеловеческим. Новое искусство, по Х. Ортега-и-Гасету, разделяет публику на два класса – тех, кто понимает его, и тех, кто не понимает, то есть на художников и тех, кто художниками не является.

Элита, по мнению Х. Ортега-и-Гасета, это не родовая аристократия и не привилегированные слои об-

¹⁶⁵ Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973. С. 45.

щества, а та его часть, которая обладает «особым органом восприятия». Именно эта часть способствует общественному прогрессу. И именно к ней должен обращаться своими произведениями художники. Новое искусство и должно содействовать тому, чтобы «...лучшие познавали самих себя, учились понимать свое предназначение: быть в меньшинстве и сражаться с большинством».¹⁶⁶

Типичным проявлением элитарной культуры является *теория и практика «чистого искусства»*, или *«искусства для искусства»*, которая нашла свое воплощение в западноевропейской и русской культуре на рубеже XIX-XX веков. Так, например, в России идеи элитарной культуры активно развивало художественное объединение «Мир искусства» (художник А. Бенуа, редактор журнала С. Дягилев и др.).

¹⁶⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.

Культура господствующая и комплементарные культуры

В книге С. Хантингтона «Кто мы», констатируется, что у большинства стран имеется стержневая, иначе основная культура, культура-мейнстрим, которой в той или иной степени привержены все или почти все члены данного социума. Эту национальную культуру, как правило, дополняют культуры «подчиненные», существующие на уровне субнациональных или, реже, транснациональных групп, связанных религией, расовой или этнической принадлежностью, территорией, социальным статусом – словом, тем, что дает этим людям чувство общности. В Америке субкультур всегда было в избытке. Кроме того, в ней изначально существовала стержневая англо-протестантская культура, которой было привержено, несмотря на многочисленные субкультуры, большинство населения. Почти четыре столетия эта культура первопоселенцев оставалась основным элементом американской идентичности. Чтобы понять ее значение для Соединенных Штатов, достаточно спросить себя: была бы Америка Америкой, если бы в XVII–XVIII веках ее заселили не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Ответ простой – нет. Это была бы не Америка, это был бы Квебек, Мексика или Бразилия.¹⁶⁷

Субкультуры в известной мере автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность. Именно герметичность, закрытость считается главной особенностью субкультур.¹⁶⁸ Цыгане вовсе не претендуют на всеобщность их жизненных и практических установок. Напротив, они заинтересованы в том, чтобы сохранить лишь свои собственные законы в противовес

¹⁶⁷ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

¹⁶⁸ Гуревич П.С. Культурология. – М.: Гардарики, 1999. С. 153-157.

господствующим в культуре, которую они воспринимают как «чужую». То же можно сказать о криминальном мире.

А.Я. Флиер¹⁶⁹ выделяет несколько основных социально-классовых (сословных) субкультур, объединяющих большие группы людей в соответствии с их ролью и функциями в производстве средств физического и социального существования человека, в поддержании или нарушении социальной организации и регуляции жизни общества (порядка).

Модели, опирающиеся на какой-то культурный признак

Ученые Запада и Восточной Европы разработали множество классификаций цивилизаций планеты, придавая базовому термину самое разное содержание в зависимости от собственного мировоззрения и политических взглядов. При этом политические взгляды были от либеральных до крайне консервативных, а мировоззрение почти всегда оставалось европоцентричным.

О. Шпенглер в книге «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» не только развенчал европоцентризм, с позиций которого история трактовалась достаточно продолжительное время и нередко трактуется до сих пор, но и предложил свою классификацию культурных общностей, исходя из идеи существования определенной ведущей характеристики, придающей каждой культуре соответствующую специфику. Специфика культуры состоит в ее первоначальном символе. Из этого символа вырастает сущность культуры. Он выделял восемь типов «высоких культур»: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, майя, византийско-арабскую, западноевропейскую.

¹⁶⁹ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=76314>

Каждое их таких сообществ обладает определенным набором характерных черт, который немецкий философ называет стилем. «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее количество противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны...»¹⁷⁰

Таким образом, О. Шпенглер называет культурами определенные общественные образования вместе с их характерными особенностями. Каждая нация, по его мнению, наделяет людей своей идеей, своими страстями, своей жизнью, и все культуры «строго привязаны на протяжении своего существования» к тем странам, которые послужили основой для их возникновения. Культура для О. Шпенглера – живое существо высшего порядка, выросшее «со своей возвышенной беспечностью», «подобно цветам в поле».¹⁷¹

Н. Данилевский называл двенадцать автономных цивилизаций, или культурно-исторических общностей. К ним относились: египетская, китайская, ассириовавилоно-финикийская, или древнесемитская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, новосемитская, или аравийская, германо-романская, или европейская, мексиканская, перуанская. Данилевский одним из первых высказал идею о том, что жизнь цивилизации имеет предел и одна цивилизация сменяет другую. Он считал, что каждая великая цивилизация построена по оригинальному плану и ни одна цивилизация не повторяет другую. Данилевский призывал к сравнительному изучению общих и частных качеств цивилизаций.¹⁷²

А. Тойнби выделяет пять живых цивилизаций (из 21 им насчитанных): западное общество, объединен-

¹⁷⁰ Шпенглер О. Закат Европы. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Данилевский Н. Россия и Европа. URL: http://bookscafe.net/book/danilevskiy_nikolay-rossiya_i_evropa-10302.html

ное протестантским христианством; православно-христианское, или византийское, общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России; исламское общество – от Северной Африки и Среднего Востока до Великой китайской стены; индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии; дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии.¹⁷³

Предложенная А. Тойнби классификация неоднократно подвергалась критике, поскольку даже если учитывать только очень крупные по численности людей и занимаемой территории социокультурные сообщества с ярко выраженными отличительными чертами, эта классификация явно неполна и не годится как инструмент культурологического исследования или политологического анализа. Кроме того, Г. Лебон доказал, что всякий сложившийся и самосознающий народ любую новую религию перерабатывает и адаптирует в соответствии с национальной социокультурной системой. Если это не удастся, то либо отторгается чуждая религия, либо ассимилируется народ и исчезает с исторической сцены как саморазвивающаяся социокультурная общность.

¹⁷³ Тойнби А. Постигание истории. URL: <http://www.samomudr.ru/d/Tojnbi%20A.%20Postizhenie%20istorii.pdf> (Понятия «цивилизация» и «культура» в данном случае можно считать синонимами.)

Культуры традиционные, модернистские и постмодернистские

Культура традиционного общества

К традиционным (иногда их называют архаическими) культурам относят культуру первобытного общества, а также все культуры древности и Средневековья.

Одна из главных особенностей традиционного общества заключается в жесткой функциональной специализации членов общества, сопровождающейся не менее жесткой кастовой системой отношений. Так, отношения в сфере семьи предопределены физиологией: женщина - мать, кормилица грудных детей и главный их воспитатель до определенного возраста; мужчина - отец, добытчик материальных ресурсов для жизнедеятельности семьи, защитник от внешних угроз, помощник матери в уходе за детьми и главный воспитатель сыновей по мере их взросления; дети - объекты духовного и физического воспитания, а также помощники родителей по мере взросления. В первый семейно-родовой круг входят также бабушки и дедушки.

Второй семейно-родовой круг близких родственников составляют родные братья и сестры супругов, а также племянники. На этом уровне еще повсеместно сохраняется бескорыстная взаимоподдержка, чувство особой духовной близости, совместное исполнение важнейших социальных ритуалов, от свадебных до похоронных.

Третий кровно-родственный круг - двоюродные братья и сестры, ближайшие родственники супругов. У представителей европейских народов, независимо от мест поселения, на двоюродном родстве активно взаимодействующий семейно-родовой круг почти прерывается в связи с повышенной социальной функцией их государств. А у многих южных и северных народов се-

мейно-родовое взаимодействие распространяется и на троюродных, и на более отдаленных родственников, складываясь в разветвленные родовые кланы, в которых сохраняются духовно-нравственные принципы родственных отношений.

Каждый новый член родового сообщества - молодая жена (у патриархальных народов) или молодой муж (у матриархальных народов Азии) - вынужден либо полностью и сразу принять весь сложнейший комплекс родовых этических и нравственных норм, социально-бытовых традиций, либо он будет отторгнут. Беспорядочный приоритет в этой естественной ситуации получает человек - носитель такой же культуры и со сходными психофизическими качествами, который органично войдет в тончайшую паутину особо ценимых межличностных отношений, станет родным. В одноплеменных браках процесс взаимной адаптации состоит в основном в притирке психофизических качеств. В разноплеменных браках помимо значительного удлинения или вообще невозможности психофизической адаптации супругов, во много раз усложняется социокультурное взаимодействие. Жизнь супругов, воспитанных в разных системах знаков и значений, часто превращается в кризис взаимодействия разных социальных и духовных норм и ценностей.

Таким образом, на семейно-родовом уровне формируется почти непроницаемая, очень устойчивая социокультурная граница этнических сообществ, в которых конфессиональная общность играет второстепенную роль и является производной от этнокультурной общности. Это одна из естественных причин этнической поляризации даже в крупных мегаполисах и США, и Европы¹⁷⁴.

Другая важная особенность традиционного общества заключается в том, что положение человека со-

¹⁷⁴ Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. - М.: 2002.

обществе в незначительной степени зависит от его хозяйственной активности, а определяется, прежде всего “судьбой” – “благосклонностью” природы и лидера социальной общности, размером семьи и земельного участка, кастовой и религиозной принадлежностью и прочими факторами, над которыми человек почти не властен. Но зато многое зависит от отлаженности отношений с группой и ее лидером. Поэтому большая часть товаров уходит на поддержание этих отношений, а продукт не столько продается, сколько перераспределяется, меняется на стабильность положения, привилегии, божественную защиту и т. п. В таком обществе хозяйственная деятельность выглядит скорее как побочный результат иных, более значимых форм социального существования. Немецкий философ и социолог В. Зомбарт называет эту форму ведения хозяйства расходным хозяйством. Понятно, что масштабы и формы потребления у людей с различным социальным статусом отличны, но основная масса населения не одобряет излишних накоплений, производство ради прибыли. И, наоборот, поощряет – расходы на праздники, поддержание челяди, легко принимает траты на проведение престижных мероприятий. Общая установка – живи, по возможности “полной чашей”, и “давай жить другим” (членам своей семьи, сословия, религиозной общности)¹⁷⁵.

Развивая этот тезис, К.Ф.Завершинский пишет о том, что отсутствие развитого рынка и подчиненность хозяйственной деятельности, к примеру, религиозным целям не столько выводят труд за рамки полезности, сколько ведут к его обесцениванию. В известном смысле это прослеживается не только в Древнем Египте, а и в советской системе хозяйствования... Высокое качество мастерства соседствует с иррациональной растратой накопленного богатства, предельным обезличиванием труда и скудностью потребностей производителей. К труду

¹⁷⁵ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: Учебное пособие. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000.

и собственности постоянно проявляется двойственное отношение. Версии древнегреческого мифа о Сизифе, обреченном выполнять бессмысленный труд, в той или иной степени присутствуют у многих народов, отражая наличие устойчивой ценностной установки, согласно которой труд – страдание, нечистое занятие, составляющее удел низших и рабов. Даже в христианской традиции, где праздность подвергается осуждению как тяжкий грех, на социальной шкале достойной деятельности хозяйственная деятельность – занятие недостойное дворянина и рыцаря. Профессиональная деятельность, приносящая доход, часто осуждается по моральным соображениям.

Логика подобной организации традиционного общества понятна. Однако оказывается, что и в современном обществе, столь сложно организованном и представляющем широкие возможности для духовного самовыражения, проявления такого рода “культуры хозяйствования” встречаются сплошь и рядом. Нынешний носитель архаических ценностных ориентаций – не обязательно человек, поставленный в условия элементарного выживания или же выполняющий малоквалифицированную работу. Он может быть и банкиром и министром, для которых экономическая активность – способ реализации далеких от какой либо гуманности потребностей. Причем, чем выше социальный статус человека или группы с такой экономической “культурой”, тем опасней могут быть последствия их деятельности. Именно такие люди, руководствуясь соображениями собственного должностного благополучия или утилитарно понятыми идеями, планируют строительство “ГУЛАГОВ” и маршруты транспортировки наркотиков, стимулируют проведение разрушительных для общества хозяйственных акций, устраивают финансовые пирамиды. На этом уровне развития культура низводится до “вещности”, духовные ценности – до цены, а человек –

до потребляемой вещи. Хозяйственная деятельность при доминировании подобной установки приобретает иррациональный характер – строительство грандиозных усыпальниц, повороты рек вспять, создание теневой экономики; она имеет ярко выраженную двойственность: позитивный результат для одних, оборачивается катастрофой – для других¹⁷⁶.

Исследователи выделяют и другие характерные черты традиционного общества:

- зависимость организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений.
- цикличность, а не поступательность развития.
- коллективистский характер общества и отсутствие личностного начала.
- преимущественная ориентация на метафизические, а не инструментальные ценности.
- авторитарный характер власти.
- отсутствие способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего.
- преобладающее распространение людей с особым психическим складом: недеятельные личности.
- преобладание традиции над нововведениями.
- традиционное искусство, народное искусство

Культура общества модерна

В самом общем плане под культурой модерна понимается комплекс представлений, включающих в свой состав приверженность европейскому рационализму, стремление к росту материального богатства, инди-

¹⁷⁶ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: Учебное пособие. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000.

видуализм, идею социального равенства и личной свободы. Это также – стремление к техническому прогрессу, отношение к природе как к объекту приложения своих сил и знаний, готовность человека к постоянным переменам в производстве, образе жизни, в потреблении, в правовых нормах и моральных ценностях, его желание быть инициатором таких перемен. С точки зрения институционального развития для такого общества главное значение имеют два особых организационных комплекса: национальное государство и систематическое капиталистическое производство.

Как отмечает Р. Инглхарт, теория модернизации возникла в эпоху Просвещения вместе с убежденностью в том, что технический прогресс даст человечеству власть над природой.¹⁷⁷ Под модернизацией понимается протяженный, охватывающий несколько столетий исторический процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу. Культура модерна возникла по мере развития рыночных отношений. Причем решающим фактором перехода к новому качеству хозяйствования и экономической культуры, по мнению многих исследователей, стало не столько количественное умножение хозяйственных технологий, сколько явления ценностного характера. Немецкий философ и социолог М. Вебер достаточно убедительно показал связь между религиозным учением протестантизма о спасении (особенно в самой аскетической его ветви – кальвинизме) и стремлением к хозяйственному успеху, накоплению капитала. еликие проповедники Реформации Лютер и Кальвин учили, что человек должен подавлять свои эгоистические интересы и полагать себя инструментом для божественных целей. Спасение обретается не соблюдением формальных ритуалов церкви, а внутренней верой и личной ответственностью перед Богом. Бог протестантизма вызывал у че-

¹⁷⁷ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. С. 32.

ловека не только страх наказания, но и глубокое, личностное чувство вины. Вера в божественное провидение, т. е. в рациональность установленного Богом порядка, и “больная” совесть стимулировали человека к поиску спасения на том месте и в той конкретной профессии, которая была определена человеку. Все профессии, все виды трудовой деятельности, если они совместимы с евангельскими нормами морали, в равной степени угодны Богу и поэтому почетны. Всюду – в мастерской или на мануфактуре, за прилавком и в море – человек обязан был всеми своими силами служить Богу, доказывая трудом, что на нем почилла благодать Божия. В лютеранстве, как полагал М. Вебер, произошло приравнение труда к молитве (в немецком языке слово *Veruf* означает и призвание, и профессию). Протестантизм создал новый тип личности, сыгравший громадную роль в экономическом перевороте в Европе и Новом Свете: личности деятельной, дисциплинированной, ответственной, готовой к суровым испытаниям и героизму каждодневного труда.

Таким образом, протестантизм давал высокую оценку труда как средства духовного возвышения. Освящал богатство, доставшееся честным трудом. В приумножении богатства протестант находил свидетельство своего успеха, подтверждение своей богоизбранности. Поэтому честно приобретенное богатство надо приумножать, а не растрачивать на наслаждение жизнью или погоню за внешними знаками отличия. Культурное “освящение” рынка и придало ему вид “цивилизованного капитализма”. Именно из Реформации часто выводится процесс утверждения в Европейской культуре таких ценностных нормативов, как частная собственность, право на труд, экономическая свобода, трудовая дисциплина, исполнительность и профессионализм, инициативность, обеспечение равных для всех социально-экономических возможностей; “справедливая”, по правилам, устанавливаемым самими людьми, конкуренция и т. п. Все эти нормы, реализующиеся в отношениях

производительной деятельности, а также обменной и распределительной, часто приобретают иерархическую форму “символа веры” той или иной хозяйственной организации, группы людей или общества. Они поддерживаются системой словесных символов, обрядов и ритуалов, связанных с “отцами-основателями” дела, “героями-новаторами”¹⁷⁸.

Капитализм, как система свободного труда и предпринимательства, исключает ориентацию хозяйственной деятельности по образу “домашнего хозяйства”, наделяя правом определять цели экономической жизнедеятельности каждого из участников этого процесса. Тем самым логика автономизации хозяйства, его “обмирщение”, освобождение от социальных ограничений на использование собственности, в этом аспекте является выражением развития культуры, являясь показателем углубления индивидуализации человека.

Значимость *экономической свободы* как внутреннего состояния личности тесно связана с содержанием другой социокультурной нормы хозяйственного бытия капитализма – *частной собственностью*, т. е. собственностью “поделенной” на части и принадлежащей отдельному человеку или группам лиц. Культурная значимость частной собственности проявляется в том, что право обладания, распоряжения и пользования благами является одной из форм установления границы своего “я”, своей “самости”, “самоценности”. При цивилизованном капитализме частная собственность выступает не только средством максимизации дохода и пользы, но начинает рассматриваться, по крайней мере частью общества, в качестве условия творческого самовыражения. Отрицание права собственности каждого человека и своеволие в присвоении чужой собственности становится критерием низкого уровня развития культуры. Харак-

¹⁷⁸ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: Учебное пособие. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000.

терно, что даже в условиях господства традиционной “ойкономии” в тех обществах, где элементы частной собственности получили максимально возможные формы выражения (Древняя Греция и Рим, городская культура Средневековья), интенсивность и сложность течения духовной жизни значительно выше, чем в обществах с “азиатским способом производства”, где доминировали государственно-административные способы распоряжения собственностью. Конечно, нельзя не замечать противоречивости социокультурного содержания ценности-нормы частной собственности. Касаясь духовной значимости права собственности на землю, русский философ Владимир Соловьев отмечал, что недостаточно признать в этой собственности очевидно присущее ей идеальное свойство. Необходимо укрепить и воспитать это свойство, ограждая его от перевеса низменных, своекорыстных побуждений.

Другими важнейшими ценностями-нормами, связанными с экономической свободой и правом частной собственности, выступают *свобода хозяйственного договора, право на индивидуальное потребление, экономически справедливое распределение.*

Ведущие ценностные нормативы хозяйственной культуры рыночной экономики предопределяют такие характерные черты “человека экономического”, как нацеленность на достижение и успех, равные для всех экономические возможности, конкуренцию, поддержку инновационной деятельности, качество работы, профессионализм, тесную зависимость социальной мобильности от качества своей деятельности и инициативы. Русский философ Иван Ильин, отвечая на вопрос: возможна ли свобода и творческая инициатива без частной собственности, подчеркивал, что хозяйство без свободного внутреннего побуждения, без личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безраз-

личными чиновниками,— не создает ни благосостояния, ни даже достаточного и сколько-нибудь доброкачественного продукта. Такое хозяйствование общественно и государственно вредно.

Впрочем, как отмечают исследователи, нельзя не замечать и культурной ограниченности ценностно-нормативных установок индустриальной цивилизации. Да, возникновение гражданского общества с соответствующим ему “духом капитализма” создали возможности для расширения поля духовности в хозяйственной сфере, позволили ей подняться на второй уровень культуры. Однако парадоксальным образом все достоинства рыночного хозяйствования часто обращаются в свою противоположность. Выравнивание социально-экономического положения значительной части общества, снятие многих социальных барьеров, высвобождение творческого потенциала стало основой для проникновения в хозяйственную сферу цивилизованности, но одновременно с этим рыночное хозяйство обезличивает и унифицирует людей, привносит анонимность в человеческие отношения, порождает механизмы манипулирования поведением через рекламу, банковскую и налоговую систему¹⁷⁹.

Таким образом, модернизация в свою очередь может быть представлена как совокупность процессов рационализации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, бюрократизации, профессионализации, демократизации, секуляризации, роста политического участия (партиципации), распространения грамотности и средств массовой информации, строительства нации и т.п. Модернизация – это новое отношение к религии, обернувшееся отрицанием религии как конечного основания ценностей и целей человеческой жизни. Появление

¹⁷⁹ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: Учебное пособие. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000.

ние нового типа ценностной ориентации – на научное знание. Модернизация – это отрицание наследственной социальной иерархии и перекодировка системы социальных отношений на базе идеи потенциального равенства всех людей. В культурах модерна западного образца доминирует идея равенства прав, которая основана на идее потенциального морального и интеллектуального равенства всех людей. Модернизация выражается в стремлении воплотить некую идеальную модель общества. Героями эпохи Модерна являются титаны, победители, борцы.

Модернизм опирается на мировоззренческий императив, основанный на вере в суверенный разум как высшую инстанцию, науку, общечеловеческую мораль и право. Особое же значение в модернистской мысли приобретает идея поступательного развития, прогресса. Это и прогресс в области знаний (научный прогресс), и прогресс в области умений (технический прогресс).

В искусстве благодаря модерну, пронизанному духом творческой вседозволенности, были открыты новые оригинальные технологии в графическом дизайне, журнальной и книжной иллюстрации, в мебели, текстиле, дизайне стекла и керамики, в эстетике моды и т.д. К наиболее значительным модернистским тенденциям (импрессионизм, экспрессионизм, нео- и постимпрессионизм, фовизм, кубизм, футуризм) относится художественный стиль *Art-nouveau* (во Франции), или *Jugendstil* (в Германии), в России известный как модерн.

Вместе с тем, как показал в книге «Одномерный человек» Г. Маркузе, рано или поздно индустриализация приводит к формированию общества потребителей – одномерных и проинтегрированных в общественные отношения людей. Возникает культ потребления. Потребление рассматривается как проявление жизненного здоровья и самой жизни, как вклад индивида в развитие цивилизации.

Что касается России, то, В.А. Ядов, обобщивший многолетнюю дискуссию социологов по теоретико-методологическим основаниям изучения России как трансформирующегося общества¹⁸⁰ сформулировал четыре вывода из этой дискуссии, отражающих специфику развития российского социума.

1. Категории "модернизации", "переходного периода", "переходного общества" явно не выражают существа происходящих в России изменений потому что исторический вектор этих преобразований не определен. Наиболее общим понятием является понятие "трансформации". Особенностью российского общества является то, что оно находится в высокоактивной стадии социальных трансформаций, при этом нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию "динамического хаоса" - этим российское общество отличается от других стабильно трансформирующихся обществ.

2. Существенные цивилизационные различия России и западного социума состоят, в первую очередь, в том, что у нас до сих пор не сформировалось гражданское общество и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях. Второй аргумент заключается в том, что российское общество расколото на "западников" и "традиционалистов" и это противоборство подпитывается из двух источников - образом жизни в крупных городах, с одной стороны, и в российской глубинке и на селе, с другой. Этот раскол приводит к возникновению неких "форпостов" социального прогресса западноевропейского типа в мегаполисах при сохранении относительно "застойных" регионов и территориальных образований.

3. Цивилизационная особенность российского общества усугубляется таким наследием советского периода, как патернализм, повышенный коллективизм и

¹⁸⁰ Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюмэ многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия. М, 2000; http://www.isras.rssi.ru/Arti_Yad.htm

неприятие индивидуализма. Социологические данные свидетельствуют о том, что нынешнее российское население высокоактивно в обустройстве жизни своей семьи, однако предельно пассивно и пессимистично в социальных вопросах. Наиболее емкое объяснение этого противоречия состоит в том, что люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства. Отмечается, что постсоветское российское общество крайне дезинтегрировано - в нем отсутствуют внутренние импульсы к социальным преобразованиям. Отдельные всплески интегрирующего патриотизма: бомбежки Югославии силами НАТО и чеченский терроризм основаны на внешних мобилизационных импульсах.

4. Перенос на российскую почву западной модели модернизации (основой которой выступает развитие гражданское общество и самодостаточная личность) не продуктивен именно в силу отсутствия этих предпосылок в России.

Культура общества постмодерна

Постмодерн связан с комплексами постиндустриального этапа развития общества. В социокультурной и философской рефлексии постмодернистского общества начинают доминировать несколько идей.

1. Возрастает внимание к качеству сегодняшней жизни, а не к перспективам ее завтрашнего совершенствования. Все более активно рефлексруется проблема разумных пределов роста, поднятая в свое время Римским клубом. Практическим выражением этой тенденции является возрастающее внимание к экологии Земли; множится число международных договоров по защите определенных экосистем, снижению вредных выбросов в атмосферу и пр.

2. В системе ценностных ориентаций существенно возросла потребность людей в индивидуальном культурном самовыражении, самоопределении, манифестации своих личностных, физиологических и культурных особенностей.

3. Формируется идеология отрицания всех «священных истин», включающая нежелание объяснять явления действительности рациональными причинами. Крайне важным для постмодернизма является отказ от бинарных оппозиций: хорошее – плохое, красивое – уродливое, старое – новое, поверхностное – глубинное и так далее. Постмодернизм отрицает монизм в любом его проявлении; признается только плюрализм культурных языков, моделей, стилей.

4. Наблюдается отказ от идей построения «светлого будущего» и достижения социальной и национальной справедливости. Это пересмотр идей национального и культурного неравенства народов, а также ряда иных доктрин, характерных для индустриального этапа развития. Это разочарование в проектах разумных систем. Все типы государственного устройства, будь то социалистическое, капиталистическое или тем более фашистское обнажают ложность своей рациональности. Становится очевидным тот факт, что в любой системе кроется элемент тоталитарности и насилия.

5. Картина мира определяется уже не господствующей идеологией, выраженной в религии или в литературе, а системой СМИ. Именно это представляется наиболее важной новацией в порядке сложения картин мира в постиндустриальных сообществах. Такое миропонимание базируется на иных основаниях, менее системных и идеологически ангажированных, но более открытых для свободного выбора свободного человека, нежели общественное сознание индустриальной эпохи. Медиа активно включились в процесс формирования общественного сознания и значимость их, в том числе, подтверждается стремлением политической власти по-

ставить их под контроль, перекупкой СМИ, практикой закрытия неугодных журналов и газет, радио- и телепрограмм, сайтов интернета.

6. Мультикультурализм. В середине XX века европоцентристские настроения постепенно уступили место установке на множественность самодостаточных культур, а затем и теориям их взаимодействия и взаимовлияния, диалога культур, мультикультурализма. Предполагалось, что отныне любой мыслящий человек должен стремиться к плюрализму, антипурианизму, антиуниверсализму, постгуманизму (универсальному гуманизму, когда ценность имеет любое существо и любой объект природы).

Впрочем, приходится констатировать, что постмодернизм довольно быстро стал терять свою привлекательность. Устав от циничности, хаоса и стеба постмодернизма, находясь в поиске новых ориентиров (коими в итоге и стали возрожденные вечные ценности), ностальгически цитируя образы прошлого, общество ищет духовной поддержки в возрожденном на новой технологической платформе реализме, изображающем жизнь, с одной стороны, реалистично, с другой, украшая ее, добавляя компьютерного глянца, делая сказкой, чрезвычайно похожей на правду. Это не тот социалистический реализм, который насаждался в сталинскую эпоху, а какой-то новый, но так же, как и прошлый, изображающий не ту жизнь, которой живут люди, а ту, которой они хотят жить, ту, какой она должна быть, к какой хотелось стремиться.

Культуры традиционные, рациональные и пострациональные

Вариантом деления культур на традиционные, модернистские и постмодернистские можно считать деление на традиционные, рациональные и пострациональные. Ю.В. Казаков, исследуя вопрос о журналист-

ской морали, исходит из понимания того, что в пределах одного конкретного общества возможно сосуществование различных типов культуры и вплетенных в эти культуры типов морали. Во-первых, это традиционная мораль, ориентированная на общину, строгую иерархию, не признающая индивидуализма, подозрительно относящаяся к риску и моральному выбору. Во-вторых, это мораль рациональная, столетиями двигавшая капитализм к его нынешнему состоянию. За этой моралью – личность, опирающаяся, прежде всего, на собственные силы, права и свободы, оберегающая и отстаивающая свой суверенитет, свое право на выбор как основу повседневного существования. В-третьих, это некая новая, «третья» мораль, пытающаяся, в том числе, совместить несовместимое, соединить элементы и традиционной, и рациональной морали. Вслед за В.И. Бакштановским и Ю.В. Согмоновым Ю.В. Казаков называет эту «третью» мораль пострациональной.

Современную журналистику, – пишет Ю.В. Казаков, – породило общество, замешанное на рациональной морали: именно оно ценит и уважает свободу слова, видя в ней оплот и защиту всех своих наиболее важных прав и свобод, именно оно серьезно относится к понятиям «редакционная независимость», «самостоятельность журналиста». Вся журналистика, по отношению к которой мы употребляем определение «цивилизованная», опирается на нормы, традиции, представления о человеке и картине мира того общества, которое столетиями формировало свои моральные ценности как рациональные, включая такую ценность, как готовность отвечать за результаты своего дела. С такой журналистикой, ориентированной на свободную суверенную личность, традиционное общество находится в ситуации острейшей внутренней, прежде всего, именно моральной конфронтации. «Поменьше личностей, побольше кол-

лектива» – массовое сознание сохраняет эту установку, чего требует и от журналиста.¹⁸¹

Космоцентрическая, социоцентрическая, эгоцентрическая культуры

Космоцентрическая культура провозглашает в качестве основы отношения человека к окружающему миру принцип органичности, целостности и взаимосвязанности всего сущего в этом мире, принцип признания суверенности мельчайших элементов мироздания и уважения к правам этих элементов, принцип естественности роста, приращения всего сущего, неприятия революций, взрывных преобразований.

Социоцентрическая культура определяется идеей, согласно которой центром мироздания является некая человеческая общность, к которой причисляет себя данный индивид. Фундаментальной особенностью социоцентрической культуры является растворение личности в некоем «Мы», какой-либо общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила. Следует подчеркнуть, что речь идет о добровольном и зачастую самим индивидом не замечаемом усвоении принятых в данной общине шаблонов, схем и образцов мышления и поведения, которые рассматриваются как единственно возможные.

Эгоцентрическая культура характеризуется стремлением к самоутверждению личности, к радости потребления и созидания, к власти над другими. Этот тип культуры связан с представлением о том, что каждый человек – кузнец своего счастья, а счастье заключается в обладании. «Ты должен непрерывно идти вперед и испытать свое счастье» – вот первая заповедь носителя эгоцентрической культуры. Все другие люди, занимаю-

¹⁸¹ Казаков Ю.В. Три морали. Сколько культур? URL: <http://www.tolerance.ru/RP-3-morali.php?PrPage=>

щиеся тем же делом, что и данный индивид, рассматриваются им как конкуренты.¹⁸²

Культуры моноактивные, полиактивные и реактивные

Используя в качестве критерия систему норм, правил, установок по отношению к трудовой деятельности и способам общения с деловыми партнерами, Р.Д. Льюис разделяет культуры, в том числе деловые, на эти три типа.

К **моноактивным культурам** принадлежат англосаксонские, германские и скандинавские народы (немцы, швейцарцы, англичане, американцы, шведы). Это культуры, в которых принято планировать свою жизнь, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в каждый конкретный момент.

К **полиактивным культурам** относятся романские, латиноамериканские, арабские и африканские народы (итальянцы, испанцы, португальцы, бразильцы, французы, арабы). Это культуры людей, которые очень коммуникабельны, подвижны, организуют свою деятельность не по предварительно составленному плану, а по степени значимости того или иного мероприятия в конкретный момент.

К **реактивным культурам** относят народы восточной и юго-восточной Азии (Япония, Китай, Тайвань, Сингапур), а также Турцию и Финляндию. Это культуры людей, которые придают наибольшее значение вежливости и уважению к собеседнику, слушают его внимательно и молча, осторожно реагируют на предложения другой стороны.¹⁸³

¹⁸² Подробно эти три культуры описаны в кн.: Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

¹⁸³ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001.

Культура как набор специфических ценностей

Г. Хофстеде составил своеобразную «карту мира», объединив страны по типам ведущих ценностей в четыре группы. К первой группе он отнес такие страны, как США и Англия, отметив, что в этих странах определяющим является стремление к личностному успеху, благополучию и самоактуализации. Ко второй группе отнесены Япония, Германия, Греция, латиноамериканские страны, где больше всего ценятся личная безопасность, благополучие и усердная работа. В третью группу вошли Франция, Испания, Португалия, бывшая Югославия, Чили, азиатские страны, в которых индивидуальное благополучие менее важно, чем групповая солидарность. В четвертой группе, куда вошли Северная Европа и Нидерланды, личностный успех оценивается как общее достижение и большое значение придается межличностным взаимоотношениям. К этой группе тяготеет Россия.¹⁸⁴

Деление культур по количеству людей, подпадающих под ее влияние

В рамках многоступенчатой модели Р. Шойса (рис. 4) различают следующие уровни культуры:¹⁸⁵

- национальная культура (в рамках одной страны);
- отраслевая культура (в рамках одной отрасли);
- организационная культура (культура предприятия).

¹⁸⁴ Hofstede: Cultures And Organizations – Software of the Mind. URL: <http://www.novsu.ru/file/1092483>

¹⁸⁵ Scheuss R.W. Strategische Anpassung der Unternehmung: Ein kulturorientierter Beitrag zum Management der Unternehmungsentwicklung. – St. Gallen, 1985. С. 34. Цит. по: Петцольд К., Федосова Ю. Культура бизнеса // Атомная стратегия. 2006. № 25. URL:

<http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=687>

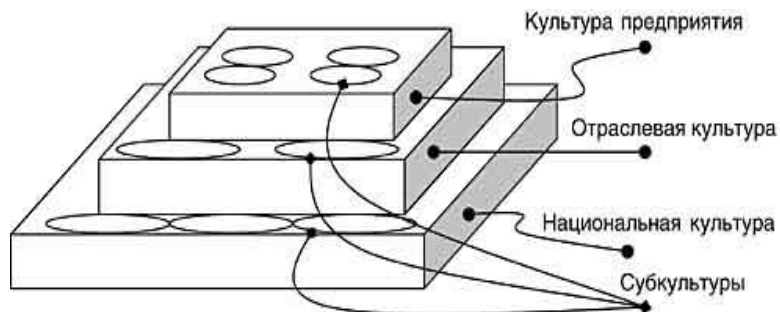

Рисунок 4. Многоступенчатая модель Р. Шойса

Культура полезности и культура достоинства

Очень перспективной, на наш взгляд, является концепция А.Г. Асмолова, с точки зрения которого мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить как бы у двух полюсов – полюса полезности и полюса достоинства. В культуре полезности господствует представление о том, будто мир – большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е. Замятина «Мы» и в романе-утопии Дж. Оруэлла «1984». Сказки-утопии Е. Замятина и Дж. Оруэлла показывают, что может произойти с обществом, в котором господствует безличная культура полезности.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека» имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Если огрублять описания «образов человека», так или иначе бытовавших в конце 1920-х годов в науках о

человеке, в том числе и в психологии, то можно выделить как бы три спорящих друг с другом образа – образ «ощущающего человека» (его поздняя проекция в когнитивной психологии укрепилась в виде компьютерной метафоры «человек как устройство по переработке информации»); образ «человека запрограммированного» – марионетки (в поведенческих науках – «человек как система реакций», а в социальных науках – «человек как система социальных ролей»); образ «человека-потребителя» («нуждающийся человек», «человек как система потребностей»). Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Надо ли говорить, что именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован командно-административной системой тоталитарного социализма.

Тяжелые годы сталинщины, резко сдвинувшие чашу весов в сторону полюса полезности, были временем активного конструирования безличной общественной системы, системы, в которой у человека вместо сердца «пламенный мотор». Люди, как муравьи в муравейнике, стали оцениваться по своей служебной функции. Они приравнивались к винтикам единого безликого механизма. Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, к самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить. Ее единственная цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, – воспроизводство самой себя без каких-либо изменений. До тех пор, пока культура ориентирована на отношения полезности, а не достоинства, в ней урезается время, отводимое на детство, старость не обладает ценностью, а образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций.

Иное дело культура, ориентированная на отношения достоинства. В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет. В культуре достоинства дети, старики и люди с отклонениями в развитии священны. Они находятся под охраной общественного милосердия. И именно культура достоинства в гораздо большей степени, чем культура полезности, готова к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории. Ясно одно: путь от культуры полезности к культуре достоинства еще не пройден.¹⁸⁶

В других терминах речь идет о технократической и гуманитарной концепциях культуры, которые мы обсудим в дальнейшем.

Культуры открытые и закрытые

В разделе о типологиях культуры надо упомянуть и очень популярную в прошлые годы концепцию открытого и закрытого общества. Первым это деление предложил А. Бергсон. Описание А. Бергсоном «закрытых» обществ, несмотря на внешнюю беспристрастность, заставляет, на наш взгляд, вспомнить знаменитые антиутопии Дж. Оруэлла, О. Хаксли и Е. Замятина. Здесь та же картина практически полного подавления индивида социумом, тот же человек-винтик, чье индивидуальное «я» совершенно растворяется в безличной коллективности. Одним из первых А. Бергсон в обобщенном виде представил эти новые социальные феномены, чутко уловив многие черты тоталитаризма, нашего в XX веке разнообразные формы проявления. Что касается открытого общества, то А. Бергсон пола-

¹⁸⁶ Асмолов А.Г. Непройдённый путь: от культуры полезности – к культуре достоинства. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905005.htm>. См. также: Асмолов А.Г. Оптика Просвещения: социокультурные перспективы. – М.: Просвещение. 2012.

гал, что в таком обществе будут господствовать принципы святости индивида, личной свободы, равенства всех людей. Эти принципы, сформулированные отдельными гениями, имеют не принудительный, но побудительный характер. Они универсальны.

Идеи А. Бергсона подхватил и творчески развил К. Поппер. В своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги» он проанализировал роль таких крупных философов, как Платон, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс в формировании идейной базы тоталитаризма, рассмотрел развитие со времен античности идеи открытого общества, критиковал существование объективных законов истории и идею радикальных общественных преобразований. Согласно К. Попперу, открытое общество основано на нормативных законах или нормах. Они вводятся человеком и описывают лишь ориентиры его поведения. Поэтому в отношении этих законов не работают определения «истинный» или «ложный», а только правильный или неправильный, приемлемый или неприемлемый. Эти законы могут меняться, могут быть нарушены и допускают исключения.

В противоположность открытому обществу в закрытом обществе верят в существование объективных законов общественного развития, которые неизменны, не допускают исключений, и недоступны контролю со стороны человека. Вот как пишет об этом сам К. Поппер: «Одной из существенных черт магического сознания древнего – племенного или "закрытого" общества – является господствующее в таком обществе убеждение, будто оно существует в заколдованном круге неизменных табу, законов и обычаев, которые считались столь же неизбежными, как восход солнца, смена времен года и тому подобные совершенно очевидные закономерности природы».¹⁸⁷

¹⁸⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 91.

В книге «Открытое общество Поппера через 50 лет: Карл Поппер не устарел», опубликованной на рубеже тысячелетий, ее авторы еще раз вернулись к наследию К. Поппера, чтобы констатировать: оно действительно актуально и объяснить это очень просто: через полвека после появления «Открытого общества» большинство вопросов, затронутых там, не решены, а тоталитаризм различного толка все еще остается одним из самых главных ужасов человечества. Историзм, против которого К. Поппер всегда выступал, также продолжает владеть умами людей. «Я думаю, что люди в основном мыслят в рамках историзма. Вот почему, если вы прочтете любую газету на любом языке, вы увидите, что когда кто-то пишет о политике, он безоговорочно верит, что хороший, правильный, мудрый политик – тот, который предугадывает, что произойдет, тот, у которого есть дар предвидения в области политики. Но, с моей точки зрения, это фантастическое предубеждение, своего рода безумие. Будущее нельзя предсказать. Будущее может быть разным, оно открыто. Все, что вы можете, так это очень примерно предположить, на что оно будет похоже. Вы не можете предсказать, когда я умру: я могу умереть сегодня, а могу прожить еще пять лет – это просто невозможно предсказать. Ни один врач, если это действительно добросовестный врач, не сможет предсказать, что случится с пациентом, разве что в критических случаях. И если вы не можете предсказать, когда я умру, как можно предсказывать что-то в отношении целого общества? Поэтому мнение, что будущее предопределено вдвойне противоречиво и неверно. Даже если будущее было предопределено, мы все же не сможем это предсказать; но оно не предопределено и мы не можем его предсказать!»¹⁸⁸

¹⁸⁸ Popper's open society after fifty years: The continuing relevance of Karl Popper/Ed. By Jarvie I., Pralong S. – L.; N.Y.; Routledge, 1999. С. 28-32.

Свой вклад в развитие идей открытого общества внес Дж. Сорос,¹⁸⁹ который представил свою концепцию в книге «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм». Основа концепции Дж. Сороса – рефлексивность. Мы лишены возможности принимать решения, основываясь на точном знании, и наши действия неизбежно влекут за собой последствия, которых мы не ожидаем. Наше понимание мира по природе своей несовершенно. Никто не знает истину. Причем это утверждение относится к большинству областей человеческой деятельности. Если мы это признаем, то можем создать общество, открытое для бесконечного совершенствования. Оно никогда не будет совершенно (мы будем постоянно допускать ошибки), но в нем будет обеспечена свобода мысли и слова, возможность все исправить (основываясь на собственных ошибках).

Всякий, кто заявляет, что владеет истиной, может претворить ее в жизнь, только навязав эту истину несогласным путем подавления мысли и свободы. Результатом подобного принуждения является закрытое общество.

Наличие или отсутствие рефлексивности становится у Дж. Сороса главным фактором, определяющим тип общества. На ее основе он выделяет три типа исторических процессов, соответствующих трем типам общества (открытому, закрытому и переходному): близкие к равновесию, статически неравновесные и динамически неравновесные. *Статическое равновесие* Дж. Сорос не описывает, потому что, по его мнению, оно недостижимо. Интерпретации реальности, на которых участники основывают свои решения, всегда окрашены субъективными представлениями.

У процессов, близких к равновесию (открытое общество), следующие признаки. Мышление не

¹⁸⁹ Взгляды Дж. Сороса изложены в его книгах: «Алхимия финансов. Проникая в мышление рынка» (1987), «Открывая советскую систему» (1990), «Опережая перемены. Демократия» (1991), «Сорос о Соросе. Стоя на переднем крае» (1995), «Кризис глобального капитализма. Открытое общество в опасности» (1998), «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» (2001).

слишком отдаляется от реальности, хотя истина все еще недостижима. Люди извлекают уроки из опыта. Их действия основаны на мнениях, окрашенных субъективными представлениями, но работает критический механизм, который корректирует эти представления. Мир влияет на них так же, как они влияют на мир, однако от этого влияния их субъективные представления не слишком расходятся с реальностью.

В процессах, статически неравновесных (закрытое общество), мнения их участников далеки от истинного положения вещей, а тенденция к сближению не просматривается. Власть в таких обществах не желает приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, а, наоборот, пытается загнать реальность в свою концептуальную схему. Разрыв между реальностью и ее официальной интерпретацией увеличивается, так как нет корректирующих критических механизмов.

Наконец, *при динамически неравновесных процессах (переходное общество)* события разворачиваются столь стремительно, что участники просто не успевают их осознать. Разрыв между реальностью и преобладающими мнениями также увеличивается. Основная особенность подобных процессов – их преходящий характер. В довольно короткий срок система либо становится статически неравновесной, либо близкой к равновесию.

Таким образом, Дж. Сорос существенно дополнил идеальные типы обществ, предложенные К. Поппером, третьим типом – переходным обществом (состоянием хаоса и дезориентации). По мнению Дж. Сороса, разделение мира на открытые и закрытые общества, устарело. В годы Второй мировой войны и в послевоенный период смысл концепции открытого общества был понятен по контрасту с закрытыми обществами, основанными на тоталитарных идеологиях, вроде фашизма или коммунизма. Однако распад самого крупного из закрытых обществ – Советского Союза – не привел авто-

матически к возникновению на его обломках открытых обществ. Более того, у открытого общества появились новые враги. Раньше считалось, что основным препятствием на пути открытого общества является существование некоего властного авторитета (режима или идеологии), претендующего на обладание абсолютной истиной и стремящегося утвердить себя с помощью насилия. Но оказалось, что отсутствие властного авторитета и социального единства также является угрозой для свободы. То есть с одной стороны открытому обществу угрожает закрытое, а с другой – переходное. При этом, однако, возможны взаимные переходы.

Сложные модели

В качестве примера относительно сложной модели можно привести концепцию Э. Маркаряна, который предложил рассматривать культуру как комплекс природно-экологической, общественно-экологической и социорегулятивной систем.¹⁹⁰ Несмотря на то, что эта книга написана много лет назад, представленные в ней идеи до сих пор дают импульс к нетривиальным размышлениям. Э. Маркарян предложил следующие интерпретации подсистем культуры.

Первая подсистема культуры – природно-экологическая, которая представляет собой способ адаптации общества к биофизическому окружению путем его соответствующего преобразования. Фундаментом данной подсистемы выступает культура материального производства. С этой точки зрения природно-экологическая подсистема культуры включает в себя средства, благодаря которым осуществляется непосредственное человеческое воздействие на природную среду и ее освоение путем промышленного, сельскохозяйст-

¹⁹⁰ Маркарян Э. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.

венного производства, связанных с ними сфер материально-производственной деятельности.

Вторая подсистема культуры – общественно-экологическая, которая служит проявлением имеющей более общий характер культуры межобщественных (межплеменных, межгосударственных и т.д.) связей и взаимодействий. Но рассматривается эта культура в данном случае в перспективе деятельности того или иного общества, в контексте его социально-исторического окружения. Поэтому общественно-экологическую культуру можно охарактеризовать как способ упорядоченного взаимодействия рассматриваемого общества с иными обществами, с которыми оно вступает в контакт путем институционализированных мирных (дипломатических, технических, научных, торговых и др.) и военных средств.

Третья подсистема культуры – социорегулятивная. Социорегулятивная подсистема культуры позволяет обеспечить координацию, кооперацию человеческой деятельности как в рамках отдельных сфер деятельности, так и в масштабе всего общества. Непосредственным механизмом, обеспечивающим соответствующую организацию деятельности, является институционализация (социальное упорядочение в рамках любых общественных объединений) отношений и поведения индивидов в самых различных областях. Именно благодаря институционализации человеческие действия социально программируются и координируются.

Сутью институционализации является установление определенных правил действия и обеспечение выполнения этих правил путем введения соответствующих норм и санкций. Институционализация является универсальным средством упорядочения совместной деятельности людей. В результате институционализации отношений людей последние в соответствующих нормальных ситуациях оказываются в состоянии предвидеть действия друг друга, а это создает исходные пред-

посылки для организации общественной жизни и понижения ее энтропии (неупорядоченности).

Э. Маркарян неоднократно подчеркивает органическую связь социо-регулятивной, природно-экологической и общественно-экологической подсистемы культуры, которые представляют собой не автономные образования, а взаимозависимые и взаимообеспечивающие комплексы средств человеческой деятельности. Их выделение есть по сути дела абстрагирование трех различных, сторон единой системы культуры.

Являясь выражением способов и норм социальной организации и регулирования жизнедеятельности общества, культура обладает рядом функций.

1. Коммуникативно-репродуктивная функция, проявляющаяся через трансляцию опыта, знаний, опредмеченных результатов человеческой деятельности от поколения к поколению, что и обеспечивает непрерывность исторического процесса и его прогрессивное развитие. Продукты культуротворческой деятельности подвергаются своеобразной проверке, социальному отбору: одни из них сразу входят в культурный оборот и становятся составляющей культурного прогресса, для других требуется время, чтобы они были осознаны и включены в социальную практику.

2. Ценностно-ориентационная функция — отбор и отсеивание в ходе трансляции тех культурных ценностей, которые «оседают» у нового поколения и тех, которые «уходят», отслужив свое. Эта функция культуры называется Согласно теории «кумулятивной социализации», культура представляет собой своеобразный психический «фильтр», укорененные в сознании человека представления и установки, оказывающие постоянное влияние на его поведение. Через этот «фильтр», заложенный, как правило, в раннем детстве, пропускается и своеобразным образом «отсеивается» весь жизненный опыт человека.

3. Социально-регулятивная функция культуры, воплощающаяся в нормах, традициях и обычаях регулирующих жизнь общества.

На этой функции стоит остановиться подробнее. Дело в том, что традиция, как правило, рассматривается как механизм стереотипизации опыта и передачи стереотипов, которые затем опять воспроизводятся¹⁹¹. Противоположностью традиции считается инновация. Под инновацией понимается введение новых технологий или моделей деятельности, а под стереотипизацией - принятие этих моделей определенным множеством людей в пределах соответствующих групп¹⁹². Но многие авторы настойчиво предостерегают против жесткого противопоставления традиции и инновации. Делается вывод о том, что “важно не противопоставлять инновацию традиции в целом, а рассматривать ее как одну из сторон механизма функционирования традиции, диалектически противостоящую стабилизирующей его стороне. (...) Это единственный способ, который помогает понять развитие традиции не только как результат внешнего воздействия, но и как следствия ее самодвижения¹⁹³. Итак, традиция, это нечто, находящееся в постоянном движении, изменения; и источник этого движения в ней самой: “динамика культурной традиции - это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процесса социальной самоорганизации¹⁹⁴”.

Комплексные модели

¹⁹¹ Чистов К.В. Традиция, “традиционное общество” и проблема варьирования. / Советская этнография, 1981, N 2, с.106.

¹⁹² Там же, с.91.

¹⁹³ Власова В.Б. Об исторических типах традиционной ориентации. Советская этнография, 1981, N 2, с.112.

¹⁹⁴ Маркрян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции, с.80-81.

А.Я. Флиер предлагает следующую модель структурирования культуры (*табл. 1*).

Во-первых, он предлагает различать культуру **обыденную** и **специализированную**. Целесообразность деления культуры на обыденную и специализированную состоит в том, что основные функции человеческой жизнедеятельности возникали в недрах обыденной культуры (повседневной практики, входившей в привычный образ жизни крестьянина или горожанина и которой не нужно было специально учиться; основные ее знания усваивались на уровне общего воспитания и обыденных социальных контактов), но со временем выделялись в специализированные профессии, освоение которых было уже практически невозможным без специального профессионального образования, на чем собственно и строится специализированная культура. При этом основные функции обеих сфер культуры продолжают существовать параллельно, но в разных областях жизни индивида.¹⁹⁵

Во-вторых, культуру можно и нужно классифицировать в соответствии с типами человеческой жизнедеятельности. Речь идет о таких областях социальной практики, как:

- 1) культура социальной организации и регуляции;
- 2) культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений;
- 3) культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации;
- 4) культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека.¹⁹⁶

Таблица 1

Типы культур, по А.Я. Флиеру

¹⁹⁵ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. С. 134-137.

¹⁹⁶ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. С. 134-137.

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
1) культура социальной организации и регуляции		
хозяйственная культура	домашнее и приусадебное хозяйство	экономика, торговля, финансы и т.п.
правовая культура	мораль, нравственность, общественное мнение	право, юриспруденция, система охраны общественного порядка и регуляции правовых отношений
политическая культура	межличностные отношения между людьми в области частного взаимодействия	государственная политика, идеология, управленческая работа, военное и полицейское дело и пр

Продолжение табл. 1

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
2) культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений		
философская культура	здоровый смысл обыденных представлений о мире и правилах человеческого поведения, народная мудрость	труды специалистов-философов
научная культура	повседневные рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности	профессиональная наука
религиозная культура	мистика, бытовая магия, разнообразные проявления языческих атавизмов прошлого	систематизированные религиозные учения, конфессии и деноминации, профессионально построенная эзотерика
художественная культура	бытовое, «само-развлекательное» искусство, а также разные виды имитационно-игровой деятельности и т.п.	построенное на специальном образовании или самодеятельное искусство, но под руководством профессионалов
3) культура социальной коммуникации, накопления,		

хранения и трансляции информации		
культура меж- личностных ин- формационных контактов	реально существ- вует только в обыденной форме	

Продолжение табл. 1

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
культура массовой информации	слухи, сплетни и т.п.	профессиональные СМИ, реклама, общественные связи
информационно-кумулятивная культура	предания, верования, легенды и т.п.	система музеев, библиотек, архивов, электронных банков информации и пр.
культура межпоколенной трансляции социального опыта, культурной компетенции и знаний	система домашнего воспитания, «дворовые» компании, обыденное социальное общение, а также традиции, обычаи, нравы и пр.	система среднего и высшего образования, специальных учреждений дошкольного воспитания, клубов и кружков по интересам и др. институций социализации и инкультурации личности
4) культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека		
сексуальная культура	с точки зрения решения задач продолжения рода, существует только в обыденных формах	
культура физического развития	физкультура, массовый спорт	профессиональный спорт и

	ный туризм, культуризм и т.п.	близкие к нему формы туризма
культура поддержания и восстановления здоровья	самолечение, знахарство и пр.	медицина и система санаторно-лечебного обслуживания

Продолжение табл. 1

Социальные практики	Уровни культуры	
	Обыденная	Специализированная
культура отдыха, психической рекреации и реабилитации человека	неорганизованные формы досуга, сон, алкоголизм, наркомания и пр.	система организованного досуга, домов отдыха, «культурного» туризма, клубов и иных средств релаксации
культура восстановления энергобаланса человека	кулинария, система и структура питания и пр.; четкое разделение на специализированную и обыденную составляющие здесь, видимо, возможно, но затруднительно	

Любопытно, но в классификации А.Я. Флиера не нашлось место для популярного деления культуры на массовую и элитарную. Это деление рассматривается А.Я. Флиером в другой статье,¹⁹⁷ в которой **массовая культура** рассматривается как средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на людей информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы к примитивным дуальным оппозициям («хорошее-плохое»),

¹⁹⁷ Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. – М.: Высшая школа культурологии Государственного университета культуры. URL: <http://www.culture.circle.ru/index.htm>

«наши-чужие» и т.п.), дающее индивиду возможность «отдохнуть» от социальной ответственности, личного выбора, растворить его в толпе зрителей «мыльных опер» или механических потребителей рекламируемых товаров, идей, лозунгов и т.п. На наш взгляд, это несколько упрощенное понимание массовой культуры.

К этому же кластеру комплексных моделей мы относим классификацию, выполненную по критерию социальной структуры общества. С этой точки зрения выделяют четыре сферы общественной жизнедеятельности:

- 1) политика;
- 2) экономика;
- 3) социальные отношения;
- 4) духовная жизнь.

Отношения между сферами жизнедеятельности общества описываются следующим образом (*табл. 2*).

Таблица 2

Основные сферы жизнедеятельности общества

Сферы общества	Общественные отношения	Учреждения (организации)
Экономическая сфера	Отношения, складывающиеся при производстве, распределении, потреблении материальных благ, отношения собственности	Заводы, производственные фирмы, банки, рынки и др.
Социальная сфера	Отношения между классами, сословиями, нациями, профессиональными и возрастными	Система социального обеспечения, здравоохранения, профессиональные союзы, неправи-

	группами, деятельность по обеспечению социальных гарантий	тельственные общественные организации, землячества и др.
Политическая сфера	Отношения между гражданским обществом и государством, между государством и политическими партиями	Парламент, правительство, политические партии, судебные органы и др.
Духовная сфера	Отношения, возникающие в процессе создания духовных ценностей, их распространения, сохранения, использования	Учреждения системы образования и науки, театры, музеи и др.

Опираясь на такое деление, выделяют **экономическую культуру** (в терминах А.Я. Флиера – хозяйственную культуру, в других терминах – деловую культуру, бизнес-культуру и т.д.); **политическую культуру**, **гражданскую культуру**, **духовную культуру** и т.д. и т.п.

Однако, на наш взгляд, в центре всех этих сфер существует еще одна, которую, до поры до времени, не замечали – коммуникационная сфера. Она организует отношения, возникающие в процессе обмена информационными продуктами. Для эффективного функционирования этой сферы выработаны философия, идеология, технологии, которые можно назвать коммуникационной культурой. По поводу взаимоотношений между коммуникацией и культурой существуют разные точки зрения. Основоположник теории межкультурной коммуникации Э. Холл высказал идею об однородности

и взаимодействованности коммуникации и культуры. По его мнению, культура – это коммуникация, а коммуникация есть культура.¹⁹⁸

В другой своей работе Э. Холл предложил положить в основу деления культур такую категорию, как коммуникативный контекст, который он определил как обстановку, в которой проходит процесс коммуникации, – *environment in which communication process takes place*. Культуры, в которых коммуникация во многом определяется контекстом, он назвал *high-contextcultures* («высококонтекстные культуры», в русском языке лучше «ширококонтекстные культуры»). Культуры, в которых коммуникация незначительно зависит от контекста, – *low-contextcultures* («низкоконтекстные»)¹⁹⁹.

Весьма распространенным является тезис о том, что культура развивается только благодаря коммуникации. М. Гирдхам по этому поводу пишет: «Культуры – это не что иное, как одинаковый образ мыслей и способ деятельности, существующие по причине относительно изолированной внутригрупповой коммуникации. Культуры различаются одна от другой потому, что уровень общения между представителями разных культур ниже, чем между представителями одной культуры. Если бы люди из разных культур общались между собой столько же, сколько они общаются в рамках своей культуры, то сами культуры скоро бы исчезли».²⁰⁰

Б. Хаслетт отмечает, что культура и коммуникация приобретаются одновременно и не могут существовать одна без другой.²⁰¹ На органическую связь между культурой и коммуникацией указывал Ю.М. Лотман, который отмечал, что культура является коммуникационной системой, обслуживающей коммуникативные функции.²⁰²

¹⁹⁸ Hall E.T. The silent language. – Greenwich: CT, 1959.

¹⁹⁹ Hall E.T. Beyond Culture. – N.Y.: Doubleday, 1976

²⁰⁰ Guirdham M. Communicating across Cultures. – Palgrave, 1999. P. 60.

²⁰¹ Haslett B. Communication and language acquisition within a cultural context / S. Ting-Toomey, F. Korzeny (eds.) // Language, Communication and Culture: Current Directions. Newbury Park, CA: Sage, 1989.

²⁰² Лотман Ю.М. Семьюсфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 396.

Подчеркивая связь культуры и коммуникации, В.Ю. Боров и А.В. Коваленко вводят понятие культурно-коммуникативной системы, определяя ее как «интегрированное множество всех основных способов передачи культурной информации».²⁰³ Культурно-коммуникативная система «характеризует комплекс средств, способов и форм накопления, фиксации, трансляции и распространения культурного арсенала, осуществления механизма функционирования социальной (внегенетической) памяти человечества».²⁰⁴

О. Бузская утверждает, что коммуникации являются первичным условием взаимопонимания и согласования ценностей, интересов людей, координации социальных институтов, организаций, национальных, этнических, конфессиональных, профессиональных и других общностей. Они по-своему моделируют и организуют социокультурную систему, представляя ее как специфическую матрицу, в которой отражается многомерность бытия современного человека. Поэтому можно сказать, что коммуникации выражают как субъективные – коллективные и индивидуальные – позиции людей, так и объективные системные процессы в культуре и обществе. Более того, они обеспечивают связь и согласование этих и всех других отношений в бытии социокультурной системы в целом. Закономерно, что преобразование и усовершенствование коммуникаций стало в XX веке необходимым фактором и условием развития пространства культуры, всего планетарного человечества. Это значит, что изменение социокультурных коммуникаций, способа их организации и функционирования сегодня является важной детерминантой реформ культуры и преобразований общества.²⁰⁵

²⁰³ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М., 1986. С. 111.

²⁰⁴ Там же. С. 110.

²⁰⁵ Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение. URL: <http://av.disus.ru/dissertatciya/16225-1-sovremennie-sociokulturnie-kommunikacii-ekologo-aksiologicheskoe-izmerenie.php>

На наш взгляд, взаимодействие культуры и коммуникации носит более сложный характер, о чем пойдет речь в следующих разделах этой работы.

ГЛАВА 1.5

КУЛЬТУРА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Жизненный мир: очередная трансформация или переход в новое качество?

15 ноября 2017 года по каналам ТАСС прошла информация о том, что изменение образа жизни и увеличение доходов населения способствовали увеличению ожидаемой продолжительности жизни (показатель средней продолжительности предстоящей жизни) в 35 странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на 10 лет.²⁰⁶ Увеличение показателя зафиксировали за последние 50 лет. Средняя продолжительность жизни во всей группе стран, включая США, Канаду, Австралию, Японию и большинство стран Евросоюза, сейчас составляет 80,6 года. В 1970 году этот показатель составлял 70,6 лет. Наибольшая продолжительность жизни зафиксирована в Японии и Швеции – 83,9 года, далее следуют Испания и Швейцария – 83 года. Наименьшая продолжительность жизни в Латвии – 74,6 года и Мексике – 75 лет.

При этом более половины взрослого населения стран ОЭСР (54%) имеют избыточный вес, а 9% из них страдают от ожирения. Самые высокие показатели ожирения (более 30% населения) в Венгрии, Новой Зеландии, Мексике и США. Если сократить показатели курения и употребления алкоголя вдвое, ожидаемая

²⁰⁶ Ожидаемая продолжительность жизни в странах ОЭСР увеличилась на 10 лет. URL: <http://tass.ru/plus-one/4731891>

продолжительность жизни возрастет еще на 13 месяцев, говорится в докладе.

Что касается России, то глава Минздрава В. Скворцова заявила, что продолжительность жизни россиян увеличилась до 72,6 лет, а смертность снизилась на 2,8%. С 2000 года средняя продолжительность жизни в России увеличилась на семь лет. Казалось бы, радоваться надо. Однако аналитики утверждают, что в современном мире неустойчивость и неопределенность все глубже проникают в социальную жизнь. Общество находится в состоянии опасности, социальной турбулентности, так как отсутствует уверенность в завтрашнем дне, нарастают неопределенность, тревожность, страх перед будущим. По мнению У. Бека, такое состояние характерно для «общества риска».²⁰⁷ Источником формирования угроз и рисков, создающих опасность для жизнедеятельности населения, являются социетальные трансформации и соответственно актуальными становятся проблемы социальной безопасности.²⁰⁸

В качестве основных компонентов социетальных трансформаций чаще всего выделяются три: **информатизация (включая медиатизацию), глобализация, массовизация**. На наш взгляд, это один и тот же процесс, имеющий три обличья, но мы сейчас не будем вдаваться в рассмотрение этого тезиса. Для нас важно показать, что эти процессы являются факторами радикального преобразования жизненного мира, а значит и всех его компонентов, включая культуру. В настоящее время жизненный мир испытывает глубокие потрясения, вызывающие массовые переживания.²⁰⁹

²⁰⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000.

²⁰⁸ Данилова З.А. Социальная безопасность региона: уровень угроз и тревожности населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-bezopasnost-regiona-uroven-ugroz-i-trevozhnosti-naseleniya>

²⁰⁹ Вот лишь несколько фундаментальных работ, посвященных этой теме: Арон Р. Мир и война между народами. – М., 2000; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999; Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998; Глобализация: человеческое измерение. – М., 2002; Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. – М., 1981; Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000; Кеннеди П. Вступая в XXI век. – М., 1997; Мегатренды мирового развития. – М., 2001; Многополюсная глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект-пресс, 2004; Новая постиндустриальная волна на Западе.

В различных разделах данной монографии многократно возникал вопрос о влиянии глобализационных процессов на культуру вообще и коммуникационную, медийную культуру, в частности. Сейчас пришло время рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

Для начала немного истории. Одной из основополагающих тенденций второй половины XX века можно считать возникновение дискурса о концептуализации различий между старой, замкнутой в пределах национального государства социальной организации, и новой, распространяющейся на группы стран или даже весь мир. Как показано в работе М. Кистриной,²¹⁰ термин «глобальное» появился в середине 1960-х годов, когда В. Мур ввел в оборот понятие «глобальная социология»,²¹¹ а М. Маклюэн – словосочетание «глобальная деревня».²¹² Мощный импульс исследованиям в этом направлении дали работы И. Уоллерстайна и его последователей, которые с середины 1970-х годов разрабатывали теорию мир-системы или мир-экономики.²¹³ В эти же годы активно разрабатывалась концепция мировой системы (мирового общества). Наиболее показательны в этом отношении работы В. Мура,²¹⁴ Дж. Неттла и Р. Робертсона,²¹⁵ Дж. Бартона.²¹⁶ Первоначально дискуссия строилась вокруг понятий «мировое», «международное», «интернационализация». В социологии дискурс глобализации возникает в середине 1980-х годов, когда

Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999; Печчен А. Человеческие качества. – М., 1980; Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000; Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. – М., 2000; Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2002; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2001; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М., 2001; Хелд Д., Гольдблатт Д., Макрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. – М., 2004; Шинковский М.Ю. Глобальные проблемы современности: Учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М., 2001.

²¹⁰ Кистрина М. Соотношение процессов глобализации и локализации. URL: <http://soloviev.blogspot.co.il/2006/02/correlation-of-globalization-and.html>

²¹¹ Moore W. Global Sociology: The World as a Singular System // American Journal of Sociology. 1966. N 5.

²¹² McLuhan M. War and Peace in the Global Village. – New York, 1968.

²¹³ Wallerstein I. The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European world-economy in the Sixteenth Century. – New York, 1974.

²¹⁴ Moore W. Global Sociology: The World as a Singular System // American Journal of Sociology. 1966. N 5.

²¹⁵ Nettl J., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies. – New York, 1968.

²¹⁶ Burton J. World Society. – Cambridge, 1972.

это понятие стал разрабатывать и популяризировать Р. Робертсон.²¹⁷ С конца 1980-х годов большинство поисков в области теории изменений сосредоточено на новом генеральном направлении – разработке теорий глобализации. В 1990 году выходит программный сборник статей «Глобальная культура»,²¹⁸ в котором опубликованы работы ведущих теоретиков И. Уоллерстайна, М. Арчер, Р. Робертсона, М. Фезерстоуна, А. Аппадурай, Б. Тернера и др. С этого времени одна за другой появляются фундаментальные монографии о глобализации, написанные Л. Склэром,²¹⁹ Р. Робертсоном,²²⁰ О. Ианни,²²¹ М. Уотерсом,²²² А. Аппадурай,²²³ У. Бекком²²⁴ и др.

В ходе развернувшейся в эти годы дискуссии о перспективах мировой цивилизации и глобальной культуры выявились разные точки зрения. Сторонники одной из них, абсолютизируя интеграционные тенденции в мире, прогнозировали появление глобальной культурной ойкумены и единой планетарной цивилизации с единым разумом и общей шкалой ценностей. Сторонники другой считали, что глобализация приведет к возникновению метацивилизации, но последняя выступит лишь «общим знаменателем», не поглощающим и не вытесняющим локальные этнические и культурные различия. Сторонники третьей точки зрения полагали, что мировая цивилизация и глобальная культура – не более чем футурологический плод утопического сознания. Были и до сих пор есть исследователи, которые скептически относятся к идее глобализации. Они полагают, что говорить о глобализации преждевременно, поскольку «большая часть наиболее впечатляющих проявлений

²¹⁷ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // *Theory, Culture & Society*. 1985. N 3; Robertson R. Globalization Theory and Civilization Analysis // *Comparative Civilizations Review*. 1987. Vol. 17.

²¹⁸ *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / M. Featherstone (ed.). – London, 1990.

²¹⁹ Sklair L. *Sociology of the Global System*. – Hemel Hempstead, 1991.

²²⁰ Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – London, 1992.

²²¹ Ianni O. *A sociedade global*. – Rio de Janeiro, 1992.

²²² Waters M. *Globalizacao*. – Oeiras, 1999.

²²³ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis, 1996.

²²⁴ Beck U. *Was ist Globalisierung?* – Frankfurt a. M., 1998.

этой тенденции, по сути, локальна и проявляется преимущественно в зоне постиндустриальных стран и в тончайшем слое интернет-электронных связей, протянувшихся от них в другие части мира».²²⁵ А.И. Уткин считает, что глобализация является лишь политически востребованной концепцией.²²⁶ По мнению У. Бека, в регионах мировой экономики протекают процессы не глобализации, а интернационализации. Это проявляется в том, что мировая торговля и зарубежные инвестиции в основном развиваются внутри Америки, Азии и Европы, а также между высокоразвитыми странами, представляющими эти пространства.²²⁷ В. Иноземцев тоже критикует проект глобализации как не вполне отражающий реальные процессы, разворачивающиеся в сегодняшнем мире. Контролируя мировое производство технологий и сложных высокотехнологичных товаров, обеспечивая себя необходимой промышленной и сельскохозяйственной продукцией, обладая относительной независимостью от поставок энергоносителей и сырья, постиндустриальный мир вошел в XXI век автономным образованием.²²⁸

Близиких позиций придерживаются и те, кто считает, что в качественном отношении глобализация представляет собой заурядное явление: под новым термином скрываются давно известные процессы роста взаимозависимости и формирования единого мирового пространства, лишь претерпевающие количественные изменения и приобретающие иные формы. На различных этапах всемирной истории их основой были, например, экспансия Римской империи; колониальные завоевания, ставшие следствием великих географических открытий, научных и технологических революций и распространения рыночных отношений; освоение наи-

²²⁵ Богатуров А.Д. Брюссельско-вашигтонский порядок? // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002. С. 376.

²²⁶ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2002.

²²⁷ Бек У. Что такое глобализация? – М., 2007. С. 205-207.

²²⁸ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000. С. 217–235.

более удобных и экономически выгодных коммуникаций между народами и континентами, подобных Великому шелковому пути.

Ситуация коренным образом изменилась в 90-х годах XX века. Произошли события, которые существенно изменили облик постсовременного мира: во-первых, развернулась информационная революция; во-вторых, бурная экспансия транснациональных корпораций привела к сокращению влияния национальных государств в международной экономической жизни; в-третьих, крах коммунистического блока оставил в прошлом биполярный мировой порядок; в-четвертых, государства, развивающиеся на постиндустриальной основе, обеспечив себе абсолютное превосходство над аграрно-индустриальным миром, сами встали на путь локализации, все более явно образуя замкнутую и самодостаточную систему.²²⁹

Некоторые исследователи стали использовать понятие «глобализация» для обозначения широкого спектра событий и тенденций: развития мировых идеологий, интенсивной борьбы за установление мирового порядка; скачкообразного роста числа и влияния международных организаций, ослабления суверенитета национальных государств; роста международной торговли; интенсивных миграционных процессов; экспансии западной культуры во все регионы мира и т.д.

Например, Р. Робертсон предлагает понимать под глобализацией процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п.²³⁰ М. Делягин, один из первых в России исследователей рассматриваемого феномена, полагает, что глобализация характеризуется такими чер-

²²⁹ Лубский А.В. Конфликтные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. URL: <http://www.podelise.ru/docs/8022/index-1627.html?page=5>

²³⁰ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London, 1992.

тами, как «разрушение административных барьеров между странами, планетарное объединение региональных финансовых рынков, приобретение финансовыми потоками, конкуренцией, информацией и технологиями всеобщего мирового характера. Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества».²³¹ По мнению В.М. Межуева, под глобализацией следует понимать «усиливающуюся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения».²³²

Обобщение разных точек зрения позволяет выделить несколько конкурирующих между собой теорий глобализации:

- 1) теории, отождествляющие глобализацию с процессом модернизации;
- 2) теории, рассматривающие глобализацию в русле миросистемного подхода;
- 3) теории, интерпретирующие глобализацию как процесс формирования «мироцелостности»;
- 4) теории, описывающие глобализацию как взаимодействие цивилизаций.²³³

Помимо концептуальных различий, среди исследователей глобализационных процессов отчетливо наблюдаются различия в отношении к этим процессам. Обычно выделяются четыре позиции.

1. Восторженно позитивная, сторонники которой убеждены в том, что, несмотря на временные

²³¹ Делягин М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000. С. 133-134.

²³² Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Политика. 2000. № 3. С. 102-115.

²³³ Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. URL: <http://www.podelise.ru/docs/8022/index-1627.html?page=5>

трудности, глобализация победит во всем мире и принесет с собой всеобщее развитие. Очень часто сторонники этой позиции увязывают идею глобализации с идеей сингулярности, то есть стремительного развития нано-, био-, информационных технологий.

2. Умеренно позитивная, сторонники которой полагают, что глобализация не решит всех проблем человечества, но будет способствовать развитию демократии и более справедливому решению глобальных проблем.

3. Относительно негативная, сторонники которой указывают на то, что основные выгоды от глобализации получают высокоразвитые страны, которые будут определять в будущем судьбу менее успешных стран и народов. Понятно, что ущемленные страны и народы будут требовать своей доли мировых богатств, что вызовет нескончаемые войны.

4. Радикально негативная позиция антиглобалистов, которые указывают на то, что различные народы и государства входят в глобализацию значительно различающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу. И этот разрыв между ними не сокращается в глобализирующемся мире, а, напротив, растет. Возникает увеличивающийся разрыв между богатым Севером и бедным Югом. В ходе такой глобализации мир остается разобщенным и внутренне конфликтным, разделенным на активные, господствующие и относительно пассивные элементы. Такой образ современного мира отрицает конструктивную роль в процессе глобализации якобы подчиненных элементов и позволяет списать на глобализацию имеющиеся экономические, политические и культурные трудности и проблемы. Среди них: разрушение природной среды, экономические беженцы, глобальные финансовые спекуляции, мировые компьютерные преступления, международная преступность, меж-

дународный терроризм, угроза утраты национальной и культурной идентичности народов и многое другое.

Антиглобалисты утверждают, что миром правит теневое мировое правительство из влиятельных финансистов, которые, обладая несметными активами, управляют ими безответственно и не эффективно, не считаясь ни с чьими интересами. Поэтому антиглобалистское движение выступает против усугубления противоречий в экономической, социальной, политической сфере, связанной с засильем транснациональных корпораций и усилением их негативного влияния. Кроме этого, они достаточно последовательно выступают против различных международных образований, финансовых торговых институтов, призванных повышать открытость национальных экономик, таких как МВФ, Всемирного Банка, Всемирная Организация Торговли, и др.

В той или иной степени критика процессов, подпадающих по понятие «глобализация», содержится в работах серьезных ученых. Стоит привести большую цитату из З. Баумана, который считает, что глобализация и локализация выступают как движущие силы; формы выражения новой поляризации и стратификации жителей планеты на глобальных богачей и локальных бедняков.

«Глобализация и локализация могут быть двумя сторонами одной медали, но две части населения планеты живут на разных сторонах и видят лишь одну сторону – точно так же, как люди на Земле видят и наблюдают лишь одну сторону Луны. Одни могут жить на всей планете, другие прочно привязаны к определенному месту... Глокализация являет собой в первую очередь новое распределение привилегий и бесправия, богатства и бедности, перспектив и безнадежности, силы и бессилия, свободы и закабаления. Можно сказать, что глокализация есть процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерар-

хия. Различия и коммунальные идентичности, двигающие вперед и делающие "неизбежной" глобализацию рынков и информации, порождают не разнообразных, а одних и тех же партнеров. То, что для одних – свобода выбора, для других – не знающая пощады судьба. Поскольку число этих других неудержимо растет и поскольку они все глубже погружаются в отчаяние, вызванное бесперспективностью существования, то можно с полным правом утверждать, что глобализация есть не только концентрация капитала, финансов и всевозможных ресурсов, дающих свободу выбора и эффективного действия, но и в первую очередь концентрация свободы действий... Свобода (действий и прежде всего движения капитала) есть та теплица, в которой богатство растет быстрее, чем когда-либо до этого; но если богатство приумножается, оно будет больше давать и другим, говорят утешители. Однако бедняки планеты, новые и старые, наследственные и порожденные компьютером, вряд ли узнают свое отчаянное положение в этом фольклоре.»²³⁴

Чтобы как-то примирить разные подходы к оценке глобальных процессов, Р. Робертсон предложил теорию «глокализации». Согласно развиваемым им взглядам, глобализационные процессы могут и должны принимать форму, отражающую местные особенности, обычаи, традиции. Отсюда появление таких социологических понятий, как «локализация» и «глокализация». Локализация направлена на сохранение и развитие традиционных ценностей. Глокализация (сочетание значения антонимов «глобальный» и «локальный») предполагает соединение глобального с локальным, всемирных центров с периферией; то есть сближения всемирного и местного.²³⁵ Локальное и глобальное, утверждает Р. Робертсон, не исключают друг друга.²³⁶ Напротив: локаль-

²³⁴ Bauman Z. Schwache Staaten, Globalisierung und die Spaltung der Weltgesellschaft / Beck U. u.a. (Hg.). Kinder der Freiheit. S. 323-331.

²³⁵ Эпштейн М. Дар слова. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar19.html>

²³⁶ Robertson R. Globalization // Global Modernities / Featherstone M. u.a. (Hg.). – London, 1995.

ное нужно рассматривать как аспект глобального. Глобализация, помимо прочего, означает также стягивание, столкновение локальных культур, которые должны получить новое определение в этом столкновении локальностей.

Точка зрения Р. Робертсона и теория «глокальных» культур получили развитие в работах А. Аппадурай, который теоретически обосновывает относительную автономию, самостоятельность и внутреннюю логику этой глокальной культурной экономики. В этой связи А. Аппадурай среди прочего говорит о процессах движения людей, определяющих характер беспокойного, меняющегося мира, в котором мы живем; это туристы, иммигранты, беженцы, эмигранты, иностранные рабочие и другие подвижные люди или группы людей; процессах движения технологий, не признающих государственных границ; процессах движения минующих национальные преграды громадных денежных сумм через валютные рынки, национальные биржи и спекулятивные сделки с огромной скоростью, процессах мгновенной пересылки «электронных картинок» и т.п.

Еще дальше пошли создатели концепции «неоглобализма», в рамках которой формируется постсовременная концепция мироцелостности. Суть этой концепции – «мир один, но не един», афористически выраженной М.Я. Гефтером еще в 80-х годах прошлого века, – предполагает видение глобального целого как образования, где его локальные компоненты необходимо соотнесены посредством всеобщих, прямых и обратных связей, где процессы глобализации и регионализации разворачиваются одновременно и взаимонеобходимо, где глобальное формирует региональное, а региональное – глобальное.

Вызовы нового мира

Более четверти века назад Н.Н.Моисеев определил наше время как эпоху цивилизационных разломов²³⁷.

Попытавшись проследить предысторию цивилизационных разломов со времени возникновения цивилизации неантропов, академик отмечал, что «основной разлом цивилизаций происходил, вероятнее всего, по характеру места личности в семье, племени и обществе в целом, в понимании степени соответствия ее личной свободы и способности индивидуума подчинять свои действия общей необходимости»²³⁸.

Модернизация, по его мнению, необходимо рождает предпосылки для столкновения цивилизаций: «процессы модернизации в Тихоокеанском регионе будут основным вызовом западно-европейской (и американской) цивилизации. И по этому разлому, носящему ярко выраженный цивилизационный характер, неизбежно пройдет новая линия «фронта», противостояние будет, вероятнее всего именно здесь – по линии разлома этих двух, только внешне совместимых цивилизаций»²³⁹.

Обобщение существующих работ дает основание для формулирования фундаментальных вызовов, возникающих в точках цивилизационных разломов. Ответ на эти вызовы определит ближайшее и более отдаленное будущее человечества.

Экономические вызовы

Экономические аспекты глобализации, как указывалось выше, проявляются в следующих процессах:

- свободном движении капиталов и свободной торговле;

²³⁷Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. – М., 1994. С.17.

²³⁸Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. – М., 1994. С.17.

²³⁹Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. – М., 1994. С.28.

- усилении роли транснациональных корпораций;
- простоте перемещения отраслей промышленности между различными государствами в интересах уменьшения издержек на труд и природные ресурсы;
- снижении налогов на прибыль предприятий;
- слиянии компаний внутри стран и на транснациональном уровне, сопровождающемся радикальной реструктуризацией и уменьшением количества занятой рабочей силы;
- быстром распространении финансовой информации по всему миру благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям;
- мощном потоке рекламы во всех средствах массовой информации и размывании четких различий между информацией и рекламой;
- стирании национальной принадлежности продукции;
- сближении развитых и развивающихся стран по уровню зарплат, цен на товары и прибыльности предприятий;
- растущем расслоении по доходам как в развитых, так и в развивающихся странах.

Глобализационные процессы в экономике связаны не только с чисто экономическими аспектами, но и с серьезной перестройкой в управленческой сфере, с новациями и использованием современных информационных технологий в производстве и пр. Основные направления такой перестройки приведены ниже.

1. В мире сформировалась практически единая хозяйственная система, в центре которой находятся развитые демократические страны Запада. Основными драйверами глобализации экономики становятся транснациональные компании. На современном этапе

стратегии ТНК характеризуются стремлением к образованию региональных, а нередко и глобальных сетей, в рамках которых интегрируются научные исследования и разработки, материальное обеспечение, производство, распределение и сбыт. Проявляется, в частности, тенденция к распространению инновационной активности транснациональных корпораций. Происходит это путем создания в других странах научно-исследовательских центров и технологических парков, а также поглощение местных фирм с высоким инновационным потенциалом.

2. Появление глобальной экономики, связано с изменением методов управления процессами производства и распределения, а также с производством как таковым. Новая производственная система основана на стратегических альянсах и сотрудничестве по временным проектам между корпорациями, децентрализованными частями крупных компаний, малыми и средними предприятиями, объединенными в сети между собой или с крупными корпорациями. Для работы в условиях изменчивой геометрии производства и системы распределения фирме необходима очень гибкая форма управления, основанная как на гибкости самой фирмы, так и на доступе к необходимым коммуникациям и производственным технологиям.

3. Новая экономика в максимальной степени использует новые информационные технологии и новые методы управления, коренным образом отличающиеся от тех, которые в свое время применяли Тайлор, Файоль, Форд, Кейнс, заложившие основы индустриального менеджмента. «Информационная экономика, – пишет М. Кастельс, – заключается в глубоком улучшении технологии и использовании знаний и информации во всех процессах материального производства и распределения на основании гигантского скачка вперед, в размахе и возможностях системы обращения».²⁴⁰

²⁴⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М., 2000. С. 106.

Переход к этой новой экономике, по мнению М. Кастельса, может быть приравнен к величайшему перевороту, который когда-либо происходил в жизни человечества. Он не идет ни в какое сравнение с переходом от сельскохозяйственной к индустриальной экономике и даже от индустриальной экономики к экономике услуг, который произошел относительно недавно и который привел к коренным переменам в жизни как минимум четверти населения Земли, проживающего в странах так называемого «золотого миллиарда».

Но глобализация имеет и явные негативные последствия. Главное среди них то, что она усиливает и закрепляет экономические, технологические и культурные расколы современного мира. Предполагается, что успешное «включение в глобализацию» невозможно без утверждения в экономической и социальной жизни тех институтов, которые господствуют в развитых демократических странах. А это отнюдь не всегда легко (а подчас и нереально) в силу культурных и религиозных причин, исходного уровня развития общества.

Экологические вызовы

В 60-е годы XX века Римский клуб попытался ответить на вопрос: может ли мир развиваться так, как это было до сих пор? Ответ был таков: нет, не может, иначе произойдет катастрофа. Как основные тогда были обозначены: проблема истощения природных ресурсов; экологическая катастрофа, грозящая техногенной цивилизации; как результат – опасное для человека состояние окружающей среды и источников его жизни. Призыв Римского клуба обратить внимание на экологические проблемы был услышан. Так, на угрозу очередного продовольственного кризиса мир ответил примерно в те же годы созданием высокоурожайных сортов зерновых культур для развивающегося мира и некоторым повышением культуры земледелия в узловых, кризисных

районах мира (например, в Индии, Мексике). В 1992 году на конференции ООН «Саммит Земли» в Рио-де-Жанейро была принята резолюция «Повестка дня на XXI век». В этом документе была изложена программа всемирного сотрудничества, направленного на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. В преамбуле этого документа констатируется, что человечество сталкивается с проблемой увековечения диспропорций как между странами, так и в рамках отдельных стран; обостряющимися проблемами нищеты, голода, ухудшения здоровья населения и неграмотности; и с продолжающимся ухудшением состояния экосистем, от которых зависит наше благосостояние.

К сожалению, многие из пунктов этого документа так и остались нереализованными. Так что экологические опасности по-прежнему стоят на пороге человечества. Продолжается истощение окружающей среды и ее ресурсов. С середины XX века Земля лишилась 1/5 урожайных почв, 1/5 тропических лесов, десятков тысяч видов растений и животных. В основном из-за производственной деятельности людей. Продолжаются процессы опустынивания, засоления почв, истощения подземных источников. Ухудшаются условия жизни самого человека: качество воды, продуктов, воздуха. Особенную тревогу вызывает процесс деградации сферы существования человека в так называемом развивающемся мире. Здесь срабатывают несколько разнонаправленных факторов. Во-первых, в странах этого сектора нередко сосредоточены «выкинутые» из стран «золотого миллиарда» вредные производства. Во-вторых, велика доля традиционных для индустриального общества собственных «грязных» производств и одновременно очень мала доля финансирования экологических программ. В-третьих, экологическая угроза вызывается деградацией традиционного хозяйства (сельское хозяйство, ремесла), вызванной в первую очередь неконтролируемым ростом

населения. Деградация почв в сельской местности ведет к уменьшению выпуска продовольствия. В ряде стран ощущается и резкий недостаток водных ресурсов. Во многих развивающихся странах невозможно обеспечить жизнь человека на основе самых минимальных стандартов – 2–3 тысячи калорий и 2,5 литра воды в день. Не случайно огромные массы людей из сельских районов стекаются в многомиллионные мегаполисы, надеясь найти там работу, превращая города в трущобы, (Каир, Бомбей, города Бразилии, Пекин и др.).

Между тем, в условиях экологической глобализации деградация природы и сферы жизнеобитания в развивающемся мире негативным образом сказывается на мире в целом. Характерный пример – судьба тропических лесов, «легких» Земли. Количество их уменьшается в связи с экономическим развитием ряда стран Латинской Америки и Азии. Протесты же развитых стран парируются доводами, наподобие приведенных однажды в заявлении правительства Индонезии: «Поскольку 170 млн. жителей страны имеют такие же желания, как и жители Соединенных Штатов, 20% лесов страны должны быть вырублены, и эти земли должны быть превращены в сельхозплощади».

Политические вызовы

Политические аспекты глобализации заключаются в ослабевании национальных государств в результате того, что, во-первых, эти государства в настоящее время делегируют все больше полномочий влиятельным международным организациям; во-вторых, сокращается государственное вмешательство в экономику, а снижение налогов увеличивает политическое влияние предприятий (особенно крупных транснациональных корпораций); в-третьих, свободное перемещение капиталов за границу и легкая миграция людей уменьшает власть государств по отношению к своим гражданам.

Сегодня принятие глобальных решений зависит не только от государств. Возникли и обладают немалыми полномочиями международные структуры. Некоторые исследователи полагают, что уход в прошлое Вестфальской системы (основанной на примате нацигосударства, суверенитета и государственного интереса) почти автоматически влечет за собой передачу некоторых компонентов государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов. С этой точки зрения большой интерес вызывает деятельность Интерпола, Гаагского международного суда, Трибунала по бывшей Югославии, подписание рядом стран Соглашения о международном преследовании военных преступлений и др.), которыми государства по взаимному согласию передают часть своих прав в этой области наднациональным учреждениям. Это заставляет многих исследователей видеть будущее современной международной системы именно в многоуровневом ключе.²⁴¹ А это, в свою очередь, невозможно без существенной коррекции существующего международного права, в том числе некоторых его принципиальных основ.²⁴²

²⁴¹ Waltz K. *Theory of International Politics*. McGraw Hill. – New York, 1979; Oran R. Young. *Systems of Political Science*. Englewood Cliffs. – N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1968; Kaplan, Morton A. *System and process in international politics*. ECPR Press, 2005; Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // *Философские перипетии*. Вестник Харьковского государственного университета. №409/98. Серия: Философия. ХГУ, 1998. С. 198-203; Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. – Seattle, 1987; Андре Гундер Франк и Барри К. Джиллс. Пять тысяч лет мировой системы в теории и практике. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=40; Малахов В.С. *Государство в условиях глобализации: учебное пособие*. – М.: КДУ, 2007; Кортунов С.В. *Крушение Вестфальской системы и новый мировой порядок*. URL: http://www.zlev.ru/125/125_36.htm; Лебедева М.М. *Политическая система мира: проявление «внесистемности», или основные акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты*. – М.: Голден Би, 2008; Albrow M. *The Global Age*. – Cambridge, 1996; Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the possibilities of Governance*. – Cambridge, 1996; Coglianesi Cary. *Globalization and the Design of International Institutions // Joseph S. Nye Jr. and John D. Donahue (eds). Governance in a Globalizing World*. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2000. P. 10-18; Scholte J.A. *Globalization and Governance: From Statism to Polycentrism // CSGR Working Paper N. 130/04*. P. 34-42; Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism, and Rationalities of Government. Andrew Barry, Thomas Osborne & Nikolas Rose (eds.). – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1996; Бек У. *Что такое глобализация?* – М., 2001; Giddens A. *Globalization: a keynote address // UNRIST News*. 1996. № 15; Хелд Д. и др. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. – М., 2004; Ortega M. *Building the future: the EU's Contribution to Global Governance // Chaillot Paper 100 (April 2007)*. URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp100.pdf>; Prado C. de. *Global multi-level governance: European and East Asian leadership*. United Nations University, 2007.

²⁴² Торкунов А. От «холодной войны» к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России. URL: <http://textarchive.ru/c-1779658-pall.html>

Активно продвигаются в международную практику модели организации жизни, включающие такие компоненты, как правовое государство, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое развитое гражданское общество. Один из центральных пунктов глобальной политики права человека, провозглашенные, как известно, в принятой ООН после второй мировой войны Декларации прав человека. Выполнение этой декларации используется в качестве критерия оценки мировым сообществом, и в особенности развитыми странами, политики некоторых государств. Возникла мощная международная сеть правозащитных организаций, осуществляющих мониторинг прав человека в мире и воздействие мирового общественного мнения на нарушителей прав человека. Зачастую мировое сообщество или отдельные государства предъявляют некоторым государствам практические требования по осуществлению прав человека. Эти требования подкрепляются дипломатическим, политическим, экономическим давлением (вплоть, как показывают события последних лет, до применения военной силы). Это говорит о том, что старое понимание абсолютного суверенитета отдельного государства в эпоху глобализации меняется.

Однако эти процессы вызывают недовольство национально ориентированных политических элит. Различные мозговые центры и отдельные авторы разрабатывают концепции информационного, политического, идеологического, правового, культурного и прочих суверенитетов.²⁴³ Нарастает явление, получившее название «война суверенитетов», которая сопровождается локальными и региональными конфликтами. При этом почему-то больше всех беспокоятся о защите суверенитета государства, которые, разрабатывая оружие массового

²⁴³ Ашманов И.С. Информационный суверенитет. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf>; Слесарчук О.М. Современное состояние информационной сферы России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. Вып. № 93; Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. URL: <http://uchebnik-online.com/133/1264.html>; Зорина Е.Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 345–348 и др.

уничтожения, бросают вызов мировому сообществу, оправдывая свои действия интересами национальной безопасности; правящие клики, которые используют принцип государственного суверенитета для предотвращения международного вмешательства по поводу нарушений прав человека, массовых репрессий и геноцида; лидеры, которые под лозунгом противостояния однополярной модели мироустройства, стремятся сохранить свою монополию на принятие любых решений, сохранение удобных им правил игры в политике, торговле, финансах и т.п.

Очевидно, что ссылаясь на право народов самим определять свою судьбу, сохранять свою культурную, историческую и цивилизационную идентичность, эти элиты на долгие годы замораживают интеграционные процессы. Это, видимо, побудило французского ученого П. Аснера утверждать: «Мы находимся в периоде размытости: сейчас недостаточно сказать "государство", "суверенность", "политика", чтобы оживить эти реалии. Но другого принципа, который бы их заменил, тоже нет. Быть может, нам предстоит пережить периоды настоящей анархии, гражданской войны, и только потом родится нечто другое».²⁴⁴

Социальные вызовы

К социальным вызовам следует в первую очередь отнести неравенство в развитии и, как следствие этого, разрыв в уровне жизни. Характерный пример – США, на которых приходится около 4% мирового населения, потребляют четверть производимой в мире нефти. И это неравенство становится все больше. ВВП на душу населения в Лихтенштейне составляет 118000 долларов; в Люксембурге 108004 долларов; в Швейцарии 79347; в Норвегии 72046. А в Афганистане, Демократи-

²⁴⁴ Аснер П. 1999. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999. С. 331–332.

ческой Республике Конго, Либерии, Нигере, Мозамбике и десятках других стран от 300 до 500 долларов на душу населения. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) количество людей, страдающих от голода по всему миру составляет более одного миллиарда. Из них 642 миллиона живут в Азии, 265 миллионов – в Африке, 42 миллиона – в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, а также 15 миллионов – в развитых странах. По данным ФАО, в мире складывается критическая ситуация, так как число голодающих стремительно увеличивается.²⁴⁵

Другая социальная проблема связана с демографическими процессами. В XVIII веке население мира увеличивалось на 250 млн. за 75 лет, а сейчас примерно за три года. Недавно ООН опубликовала прогноз, касающийся роста численности населения на планете. Основной вывод: население будет постоянно возрастать, люди будут позже стареть и дольше жить. Согласно последним данным численность населения мира на 2017 год составляет больше 7,5 миллиардов.²⁴⁶ Мировое сообщество разделилось в современном демографическом процессе. Две тенденции: сокращение рождаемости (на грани депопуляции) в большинстве развитых стран и продолжающийся рост народонаселения в большинстве стран развивающегося мира. Изменения в демографической структуре несут также и расовый, конфессиональный, национальный характер. По прогнозам, больше всего рождаемость повысится в Африке (вскоре количество людей, проживающих на этом континенте, возрастет до 4 миллиардов, а это примерно половина от всей цифры), при этом во многом этому поспособствует то, что смертность от СПИДа среди африканцев существенно сократилась. В целом, азиатский континент пик роста

²⁴⁵ ООН: Более миллиарда человек в мире голодают. URL: <https://newsland.com/user/4297663821/content/oon-bolee-milliarda-chelovek-v-mire-golodaiut/4037818>

²⁴⁶ Численность населения мира на 2017 год составляет... URL: <http://russinfo.net/otdyh/naselenie-zemli/chislennost-naseleniya-mira-na-2017-god-sostavlyayet.html>

ожидает примерно в 50-м году, после чего прирост будет падать, однако в других странах он продолжится.

Неравенство в развитии плюс рост народонаселения порождают третью социальную проблему – массовое перемещение населения из развивающихся стран в развитые. Многих пугают демографические последствия глобальной миграции, меняющие состав и размер населения как страны отправления, так и принимающих стран. Эти последствия для современных развитых капиталистических государств часто оцениваются как катастрофические. По мнению П. Бьюкенена, к началу XXI века количество населения США, родившегося за их пределами, или некоренных американцев, уже перевалило за 30 млн. Каждый год в США приезжает около миллиона официальных иммигрантов.²⁴⁷

Глава представительства управления верховного комиссара по делам беженцев ООН в России В. Цюрко заявил о росте масштабов миграции в мире. «Общее число мигрантов сегодня составляет около 250 млн человек, большинство из них перемещаются по собственной воле, в основном в поисках работы. Масштаб миграции беспрецедентный, такого никогда не было, и эти цифры продолжают расти», – приводит его слова «Интерфакс».²⁴⁸ Часть иммигрантов, особенно старых, в основном встроились в структуру принимающих государств, получили образование и работу, многие частично ассимилировались. Однако часть иммигрантов, особенно новых, которые во многом чужды и даже враждебны европейской цивилизации, эксплуатируют ее социальную систему обеспечения, замыкаются в своеобразных этнических гетто.

Это приводит к формированию крупных социально-этнических групп, находящихся на нижних этажах общественной иерархии. Возникает новый узел

²⁴⁷ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М., 2003.

²⁴⁸ ООН насчитала 250 млн мигрантов в мире URL: <https://news.rambler.ru/community/38483378-oon-podschitala-chislo-migrantov-v-mire/>

не только экономических, но и – что весьма важно – острых политических и идеологических противоречий, способных дестабилизировать и международную, и во многих случаях внутривнутриполитическую ситуацию. Учитывая демографические прогнозы, согласно которым к 2050 году население Европы и Японии резко сократится (например, в Италии и Болгарии на 25–30%), а количество трудоспособных лиц в отношении к лицам старше 65 лет сократится более чем на половину: с 4 или 5 до 2, что ставит под угрозу систему социального обеспечения пенсионеров и нетрудоспособного населения в целом, приходится признать, что замещающая иммиграция является практически единственной возможностью ответить на эти вызовы. В результате число иммигрантов и их потомков в 2040 году составит, например, в Японии, Германии и Италии – от 30 до 39%.

Проблемой являются и взаимоотношения коренных жителей и мигрантов, которые зачастую принимают не межличностный, а межгрупповой характер, создают основу для межгрупповых конфликтов.

По нашему мнению, к социальным вызовам, получившим глобальный масштаб, следует отнести и международный терроризм. Не имея возможности всесторонне рассмотреть причины и факторы развития терроризма, укажем лишь на то, что террористы, как правило, выходцы из бедных стран и маргинальных групп. Многие молодые люди, в том числе образованные, не находят работы, соответствующей их ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. В этой среде активно действуют организации, рекрутирующие новых приверженцев терроризма и формирующие его агрессивную идеологическую доктрину. В рамках этой доктрины развитый мир в целом и, особенно, лидирующие в нем страны воспринимаются как средоточие зла и угрозы, как источник насилия, разрушающего привычные установления и условия жизни. Противодействие ему объявляется священным долгом, а силовые акции, в том числе терро-

ристические, – оправданным, а в ряде случаев и единственным средством борьбы. «Жизнь в глобализованном мире неопределенности, гибридности, текучести и спорности, – писала в этой связи профессор Йельского университета С. Бенхабиб, – представляет наибольшую сложность для фундаменталистов... Но поиски "чистоты" – будь то мечтания нацистов прошлого века о расовой чистоте или современные мечты о "подлинном исламе" – обречены на поражение, хотя и не ранее, чем они принесут множество бед и человеческих страданий, нестабильность и страх».²⁴⁹

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты, нищета и отсталость, поразившие обширные регионы, неизбежные издержки глобализации и модернизации, массовые миграции населения, подъем экстремистских движений, распространение оружия массового уничтожения предопределяют нестабильность мировой политики.

Социально-психологические вызовы

В эту группу можно включить нарастающую тревогу как интеллектуалов, так и миллионов простых граждан по поводу собственной идентичности.²⁵⁰ Жизнь на сломе эпох всегда вызывает мировоззренческие проблемы. Еще Герцен писал: «Мы живем на рубеже двух миров – оттого особая тяжесть, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены – но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически

²⁴⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры. – М.: Логос, 2003. С. 222.

²⁵⁰ См.: Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.

спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки. Люди внешние предаются в таком случае ежедневной суете; люди созерцательные – страдают: во что б ни стало ищут примирения, потому что с внутренним раздором, без краеугольного камня нравственному бытию человек не может жить»²⁵¹.

Глобализация обострила стремление к защите собственной идентичности и способности сопротивляться и вместе с тем в значительной степени привела к изменению границ идентичностей и, соответственно, культур, которые теперь все меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и все больше и больше – со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные культуры.²⁵²

Однако проблема такого выбора не так проста. Как пишет О.Б. Скородумова, «экспансия постмодернистского варианта культуры порождает состояние отчаяния, выход из которого может быть найден на пути крайних насильственных действий. Наиболее адекватной формой такого отторжения является терроризм, который становится постоянным спутником постмодернистской культуры, проявляясь в различных формах, начиная от погромов фанатов, кончая расстрелами школьников и взрывами кинотеатров».²⁵³

Историограф В.В. Носков в статье «Методологические аспекты идентичности»²⁵⁴ ссылается на доклады своих коллег, в частности бразильского историка Э. Де Резенде Мартинса, который указывает, что «в послед-

²⁵¹ Герцен А. «О дилетантизме в науке». <https://www.libfox.ru/655086-aleksandr-gertsen-diletantizm-v-nauke.html>

²⁵² Castells M. (2009). The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture, vol. II, London: Wiley-Blackwell; Tomlinson J. (1999). Globalization and Culture, Chicago: University of Chicago Press; McCracken G. (2008). Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture, Urbana: Illinois University Press.

²⁵³ Скородумова О.Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/>

²⁵⁴ Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США / Сб. науч. ст. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 24–25.

нюю четверть века мы стали свидетелями мощного проявления «коллективной идентичности», которая бросает вызов глобализации и космополитизму во имя культурного своеобразия и права народов самим определять свою жизнь».²⁵⁵ «В условиях глобального общества на первый план стали выходить деловые и производственные аспекты, в результате чего человек стал осознавать себя скорее специалистом в той или иной области, чем представителем какой-либо конфессии или этноса», – констатирует И.В. Лысак.²⁵⁶

Феномен этой культуры состоит в том, что ради успеха и признания «члены клуба» принимают правила игры, надевают на себя маску европейских ценностей: «бегло говорят по-английски, соответствующим образом одеваются и ведут себя, работают, развлекаются, а в какой-то степени и мыслят по-английски. Однако многие из "давосцев" столь европеизированы лишь "на людях", в общественной жизни. В частной жизни они во многом остаются в рамках своих традиционных установок».²⁵⁷ В этом и состоит такая тенденция культурной глобализации как сатурация – «культурная адаптация в форме гибридного синтеза универсального и локального», посредством которой локальная, самобытная культура постепенно унифицируется.²⁵⁸

Многие исследователи указывают, что в условиях глобализации политические, социальные, профессиональные, культурные, этнические, религиозные признаки, объединяющие людей, становятся более весомыми, чем формальная принадлежность к определенному государству. Подобное положение приводит к формированию и расширению политических, социальных, экономических, культурных, религиозных формаций, свобод-

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91.

²⁵⁷ Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. С. 203.

²⁵⁸ Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 94.

ных от государственных и территориальных факторов. По определению Дж. Камиллери, «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности».²⁵⁹

Проблема становится актуальна в свете усиления экономической глобализации и миграции. Она остро осознается мировым сообществом, о чем свидетельствует принятие 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии», в которой утверждается, что «культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. Оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений».²⁶⁰

В Декларации также отмечается, что залогом культурного разнообразия является свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, многоязычие, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям и обеспечение всем культурам доступа к средствам выражения и распространения идей. Но для того, чтобы сохранять, нужно видеть границу общечеловеческих ценностей от национальных, а также границу ценностей одной национальной культуры от соседствующей с ней, что вероятнее всего, будет поставлено в задачи культурологам в ближайшее время. И хотя Ф. Фукуяма утверждает, что существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом,²⁶¹ результатом действия обозначенных выше факторов является тенденция к воз-

²⁵⁹ Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.

²⁶⁰ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>

²⁶¹ Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. N 2. P. 5–20.

никновению так называемой «множественной идентичности».

Суть этого явления заключается в том, что в такой сложной системе как современное информационное общество, в котором основной проблемой индивида оказывается автономная адаптация к динамически меняющемуся миру, расширяется степень свободы личности и идентичность приобретает множественный, процессуальный и ситуативный характер. Сложность описываемой ситуации заключается в том, что эти различные идентичности не всегда осознаются и могут находиться в противоречивом отношении друг с другом.²⁶² Будучи глубоко погруженным в процессы, происходящие в информационном обществе, человек может переживать неустойчивость, гибкость и множественность идентичности как естественное и даже не воспринимать как проблему.

Особую проблему описываемого процесса представляет то, что при недостаточно развитых и осознанных практиках автокоммуникации и саморефлексии феномен множественной идентичности может приводить к распаду человека как целостности.²⁶³

Объективные факторы формирования внутреннего мира человека действуют, в общем и целом, как стихийные силы, прокладываящие себе дорогу через массу случайностей. Однако совершенно очевидно, что внутренний мир человека не является автоматическим следствием объективных факторов. В определенной мере (правда, в значительно меньшей, чем это обычно думают) на него оказывается сознательное, целенаправленное воздействие со стороны различных социальных институтов и организаций.

²⁶² Разлогов К.Э. Полилог и множественность идентичностей // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 61.

²⁶³ Краснопольская А.П. Становление множественной идентичности и принципы коммуникативной рациональности. URL: <http://cult-cult.ru/the-formation-of-multiple-identities-and-principles-of-communication-rationality/>

Государство может воздействовать на процесс формирования идентичности различными способами: экономически (обеспечение и защита соответствующего жизненного уровня), идеологически (образование, пропаганда), политически (в том числе использование аппарата принуждения), юридически (создание соответствующей законодательной базы). Хорошо известно, что важным фактором формирования национального самосознания в конце XIX – начале XX века была школа. Как пишет А. Лукина, «стандартизированное образование и унификация литературного языка помогает гомогенизовать общество».²⁶⁴ Другой культурный механизм, о котором пишет Лукина – музеи. В своей работе Лукина отмечает: «В долгосрочной перспективе музей как пространство четко структурированных классифицированных, переписанных, датированных экспонатов, упорядоченных в серийные ряды выстраивает историческую глубину национальной истории. Открытие Третьяковской галереи, музея Александра III (Русского музея), Исторического музея, Политехнического, Этнографическая выставка 1867, и т.д. во второй половине XIX века создавали нарратив национальной истории как основы построения воображаемого сообщества нации. То есть через музей идея русской нации, имеющей глубокие исторические корни, богатую многовековую культуру становилась видимой, а значит, действительной для посетителя музея/выставки».²⁶⁵

Помимо музея, консолидировать нацию в XIX веке были призваны музыка (М. Глинка и «могучая кучка»), народная музыкальная драма), живопись («Передвижники») и театр.

Однако есть основания предполагать, что все эти механизмы в современных условиях теряют свое могущество. «Новая самобытность, устремленная в буду-

²⁶⁴ Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности. – Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2004. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/340/2/urgu0269s.pdf#2>

²⁶⁵ Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности. – Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2004. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/340/2/urgu0269s.pdf#2>

щее, – подчеркивает М. Кастельс, – возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления».²⁶⁶

М. Кастельс приводит основные группы сообществ, которые, по его мнению, могут через самобытность сопротивления перейти к самобытности, устремленной в будущее (*project identity*) и тем самым способствовать преобразованию общества в целом. Это, прежде всего, религиозные, национальные и территориальные сообщества. Территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведет к возвращению на историческую сцену «города-государства» как характерной черты эпохи глобализации. Женские сообщества и экологические движения также имеют этот потенциал. Признаком соответствия этих сообществ архитектуре нового общества является их сетевая децентрализованная форма организации и самоорганизующаяся система информационного обмена внутри сообщества.

Подчеркивая значимость описанных выше объективных факторов, влияющих на процесс формирования индивидуальной идентичности, следует, тем не менее, сказать о том, что каждый человек проходит свой уникальный путь развития, что, естественно, определяет и уникальность ее индивидуальности. Причем, под индивидуальностью следует понимать не просто отличимость одного человека от другого по тому или иному признаку, а именно уникальность, мера которой определяет ценность человека и в пределах профессиональной среды и в рамках общества. Индивидуальность, таким образом, это характеристика не только своеобразия, но и высшего уровня развития человека.

Еще одним социально-психологическим вызовом, связанным с проблемой идентичности, является важная, но малозамечаемая тенденция современного

²⁶⁶ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Academia, 1999. С. 300.

мира, по крайней мере, его западной части – стремление к индивидуализации, персонификации значительной части населения. Например, Х. Шрадер приводит доказательства того, что в глобализованной экономике существуют многочисленные хозяйственные связи, которые базируются на личных отношениях. «Глобализация и персонализация с этой точки зрения, – отмечает Х. Шрадер, – одновременные процессы, и оба процесса ставят под вопрос национальное государство и государственное гражданство как значимый, создающий солидарность образов идентичности».²⁶⁷ Новое общество отличается от предшествующих не только повышением темпа жизнедеятельности, но и ростом индивидуализации. Оно становится мозаичным, состоящим из личностей, живущих на своих индивидуальных местах и работающих своими индивидуальными средствами производства. Этим объясняется и повысившаяся персонализация спроса. Люди стали отвергать все стадное. Теперь их значительно меньше интересуют чье-то мнение или вкус, чем свои собственные. Таким образом, достижение некой индивидуальной неповторимости, непохожести человека на других людей является не только субъективным пожеланием индивида, но и существенным фактором его успешности.

«Персонификация – это целый комплекс тенденций изменения и развития личности, который включает в себя процесс ее духовного обогащения, рост ее самосознания, развертывание ее духовного потенциала. Она проявляется и в наличии развитых потребностей личности: познавательных (потребность в познании и развитии самопознании), коммуникативных (потребность в духовном общении, понимании и признании), конструктивных (потребность в самовыражении, самоутверждении и творческой деятельности). Безусловно,

²⁶⁷ Шрадер Х. Глобализация, цивилизация и мораль // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.1. № 2; Гуторов В.А. Концепция киберпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество. Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 1998 г.: Тезисы докладов. – СПб., 1998. С. 81.

этот процесс имеет своей основой освоение личностью требований социальной среды, ее включение в систему социальных отношений и определяется в конечном счете характером последних. Это значит, что персонификацию можно рассматривать как двусторонний процесс социализации индивида и индивидуализации личности. Обе стороны этого процесса находятся друг с другом в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости».²⁶⁸

Причины персонификации личности – в совершенствовании быта и отдыха людей, увеличении предметного мира, а следовательно, и знаний о нем, в расширении контактов людей друг с другом. Люди становятся все более непохожими друг на друга, что приводит к целому ряду существенных последствий в жизни общества.

Основные общественные проявления персонификации личности обнаруживаются в следующем.

- Растет образованность людей, повышается средний уровень культуры.
- Развиваются потребности каждого человека, каждому человеку теперь надо все больше и больше, и он хочет достичь всего все быстрее и быстрее.
- Формируются способности к выбору ценностей, принятию самостоятельных решений. Человек все более стремится к тому, чтобы иметь возможность принимать решения самостоятельно, без подсказки, указаний, давления со стороны.
- Растет чувство собственного достоинства у всех категорий людей.
- Растет уровень притязаний личности. Человек начинает претендовать на то, на что раньше и не думал претендовать.
- Увеличивается тяга к обновлению впечатлений. Люди стремятся к поездкам, путешествиям,

²⁶⁸ Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. – СПб., 1999. С.111–112.

нуждаются в новой и постоянно обновляющейся информации.

- Растет мобильность личности. Люди перестают держаться за одну работу, за одно место жительства, легче меняют работу и место проживания, легче совершают переезды.

- Растет взаимная требовательность людей в коллективе, семье.

- Уменьшается время, проводимое людьми в семье, возрастает время, проводимое за ее пределами, на работе, на дополнительных «подработках».

- Увеличивается дистанция между поколениями, между родителями и детьми, между старшими и младшими.

- Увеличивается число микрогрупп в коллективах, число объединений людей по групповым интересам.

Возможно, следствием тенденции к персонализации является существенное изменение межличностных отношений, которые оказываются все менее устойчивыми. Доминирующее положение получают кратковременные модульные отношения функционального характера, каждый из участников которых взаимозаменяем.²⁶⁹

Информационно-коммуникационные вызовы

Важным вызовом является формирование глобальных коммуникационных сетей. Этот процесс характерен для большинства стран с развитой экономикой. В современном мире прекращается сосуществование относительно замкнутых, соединенных друг с другом лишь немногочисленными каналами локальных, регио-

²⁶⁹ См.: Информационное общество / Интернет-версия издания : Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М.: Мысль, 2000-2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1265.html>.

нальных, национальных и континентальных коммуникационных систем; их место во все большей мере занимает глобальная коммуникационная сеть, основной структурной характеристикой которой является разделение на центр и периферию. Старые локальные, региональные и национальные коммуникационные центры, встраиваясь в новую глобальную сеть, подчиняются новой глобальной дифференциации. В новом глобальном мире обычная газетная редакция, радио- или телевизионная станция может добыть собственными силами, проанализировать и прокомментировать лишь ничтожную часть информации, интересующей целевую аудиторию. Ей приходится пользоваться сообщениями централизованных источников, каковыми являются ведущие национальные или международные информационные агентства. Таким образом, все редакции являются включенными в единую глобальную информационную систему, структурированную по принципу «центр – периферия». Редакционный журналист обеспечивается информацией и сообщениями со всего мира, однако сам он не имеет никакого влияния на продуцирование этой информации и этих сообщений. Журналист включен в коммуникационный процесс, который практически не поддается его контролю. Стандартизуется, например, новостной поток: информационное агентство должно выдать потребителям строго определенное количество информационных сообщений за соответствующий промежуток времени, информация должна быть представлена в строго регламентированном порядке, отзывы к публикациям чаще всего модерируются. Стандартизуется и сам процесс восприятия информации.

Стремясь освоить возможности мирового информационного рынка, крупнейшие медиаконцерны в послевоенный период перешагнули национальные границы, их деятельность приобрела транснациональный характер. Наиболее крупные и экономически могущественные объединения, использующие новейшие комму-

никационные технологии и огромные материально-финансовые ресурсы, сегодня доминируют на международном рынке новостей, их операции приобрели поистине всемирный размах. Сегодня на мировом рынке информации и коммуникаций ведущие позиции занимают могущественные корпорации, базирующихся в основном в США. В этом же списке стоят такие крупнейшие американские компании, как *CNN*, *The Walt Disney Company* и *Euronews*.

В информационном пространстве появляются так называемые «глобальные новости», которые важны для жителей всех стран. Пример – американские выборы, прошедшие в ноябре 2016 года, по результатам которых победу одержал Дональд Трамп. Информационные ресурсы по всему миру – американские, европейские, азиатские – на протяжении нескольких дней были заполнены информацией о Д. Трампе: они приводили статистику выборов, биографию политика, рассказывали о его предвыборной кампании. В ночь выборов на многих российских площадках шла онлайн-трансляция, несмотря на то, что событие происходило в другой стране. Также по всему миру освещаются церемонии вручения международных премий (Нобелевская премия, Премия Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар») или крупные спортивные соревнования (Олимпиада 2016 года в Рио-де-Жанейро). Таким же охватом обладают новости о крупнейших терактах (взрыв в редакции *Charlie Hebdo*, теракт в Париже 13 ноября 2015 года).

Объединение информационного поля неизбежно приводит и к объединению моделей СМИ. Несмотря на то, что в разных странах они различные, существуют определенные принципы и стандарты, по которым работают журналисты в Америке и в России, в Англии и в Израиле. В конечном счете, это обуславливает и появление общих форматов в СМИ. Например, в 2012 году в Америке с подачи *The New York Times* поя-

вился первый в мире лонгрид. Назывался он *Snowfall: The Avalanche at Tunnel Creek* («Снегопад: лавина в проходе Крик») и был посвящен группе горнолыжников, совершивших поход в Каскадные горы в США. При подъеме их застала лавина, из-за которой несколько человек погибли. Этот лонгрид породили так называемый формат «длинных форм», на пару лет захлестнувших мировые СМИ. Например, в России лонгриды начали выпускать такие издания, как *Lenta.ru*, «Коммерсантъ» и ТАСС.

Этот переход форматов особенно хорошо заметен на примере телевидения. Одна из наиболее знаменитых передач, которая транслируется по всему миру, модифицируясь в зависимости от страны, – телевизионная игра «Кто хочет стать миллионером?». Первая версия под названием «*Who Wants to Be a Millionaire?*» появилась в Англии в 1998 году и к настоящему моменту уже завоевала весь мир. К этому списку можно добавить такие телепередачи, как «Голос» (вокальное телевизионное шоу, представляющее собой российскую адаптацию «*The Voice of Holland*» – «Голос Голландии»), «Фактор А» (российская версия британского проекта «*The X Factor*»), реалити-шоу «Последний герой» (аналог американского «*Survivor*»), «Дом» (формат программы был приобретен у английской телекомпании *Zeal*), «Холостяк» (аналог американского проекта «*The Bachelor*», который реализуется в восьми странах мира). Более крупная вариация такого культурного обмена – схожие фильмы и сериалы. Одним из наиболее явственных прецедентов был российский телесериал «Не родись красивой», адаптация колумбийской теленовеллы «*Yo soy Betty, la fea*» («Я – Бэтти, дурнушка»), которая вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самая успешная теленовелла всех времен. Ее аналоги вышли как минимум в 28 странах.²⁷⁰

²⁷⁰ 'Yo soy Betty la fea' entra al libro de los Guinness Records. URL: <http://www.colombia.com/entretenimiento/autonoticias/television/2010/02/11/DetalleNoticia8870.asp>

Таким образом, наиболее важными факторами становления глобального информационного общества являются:

- развитие глобальной системы спутникового телевидения и радиовещания;
- уровень развития информационных технологий и глобальных информационно-телекоммуникационных сетей (в первую очередь интернета);
- появление качественно новейших средств и технологий для осуществления информационных взаимодействий (компьютеры, планшеты, телефоны, устройства виртуальной реальности и т.п.);
- глобализация индивидуального и общественного сознания.²⁷¹

Все эти аспекты формируют единое глобальное информационное общество, чьи политические, технологические и правовые принципы были впервые сформированы в Окинавской хартии глобального информационного общества в 2000 году.²⁷² Как отмечает Н. Панарина в работе «Глобализация и информационное общество», «очевидное усиление потребностей мирового сообщества в объективной, достоверной и своевременной информации об общественных процессах является одной из важнейших особенностей современного этапа глобализации, широкого применения глобальных информационных систем, поэтому вопросы правового обеспечения информационной безопасности приобретают особое значение, поскольку оказывают существенное воздействие на правовые, государственные и политические системы государств и на процесс построения информационного общества в России».²⁷³

²⁷¹ Гвоздева В.С. Глобализация информационного пространства: проблемы и тенденции. URL: http://www.sociosphera.com/publication/conference/2011/99/globalizaciya_informacionnogo_prostranstva_problemy_i_tendencii/

²⁷² Панарина Н.Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-informatsionnoe-obschestvo>

²⁷³ Там же.

В условиях усиливающейся активности транснациональных медиакорпораций на мировом информационном рынке ряд государств мира и их национальные медийные организации стремятся выработать альтернативу растущему конкурентному давлению.²⁷⁴

Еще один вызов – медиатизация социальных институтов. Речь идет о том, что в процессе взаимодействия социальных институтов с массмедиа происходит инкорпорирование схем и правил, характерных для деятельности средств массовой коммуникации, в систему правил, организующих действия и взаимоотношения людей в рамках определенного социального института; превращение социальных институтов в активных субъектов медиaprостранства, использующих медиаресурсы для создания благоприятных условий для своей деятельности; постепенный переход от сотрудничества со СМИ к управлению ими.

Культурные вызовы

Особая непримиримость разных позиций проявляется в вопросе о тенденциях развития культуры в связи с интеграционными процессами в сфере экономики, торговли, политике и т.д. Очевидно, что культурная глобализация решительно изменяет контекст, в котором происходят воспроизводство и развитие национальных культур, вовлекая в этот процесс новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, которые обеспечивают большие возможности проникновения элементов той или иной культуры через границы государств.

Вот лишь некоторые из процессов, которые очевидным образом определяют процессы культурной глобализации.

²⁷⁴ См.: Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. – М. – Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003.

1. *Развитие общего языка международного общения (английского) и интенсивное изучение иностранных языков во всем мире.* Знание языков обеспечивает трансляцию «суперстандартов» и ноу-хау, возможность интенсивной межнациональной коммуникации. Однако язык – важнейший ресурс, изучение которого требует, как и другие ресурсы, инвестиций и окупаемости. Отсутствие системы образования, в которой бы качественно изучались иностранные языки, влечет за собой экономическую и культурную отсталость, углубляет «информационное неравенство». Кроме того, в глобальном мире по экономическим законам начинают конкурировать и языки. Ущемление прав национальных языков – глубокая проблема, которую несет с собой глобализация.

2. *Развитие международного туризма.* Туризм – коммерчески-потребительский канал глобального культурного обмена. Культура и традиция оформляются как товар, который выставляется на ярмарке культур. Туризм, превращающийся в могущественную отрасль, – один из символов глобализации. Тем не менее, далеко не все страны в силах создать и поддерживать инфраструктуру туризма, что опять ведет к коммуникационному неравенству. Там, где культура не успевает оформиться в товар, она предается забвению.

3. *Международный образовательный обмен.* Для стран, которые являются привлекательным местом получения образования это престижный культурный продукт. Не меньше получают и страны, которые импортируют образование, т.е. посылают учиться свою молодежь.[8] Образовательный обмен является формой технологического трансфера, международной культурной интеграции, в котором особенно нуждаются развивающиеся страны, однако именно молодежь этих стран наиболее стеснена в своих возможностях. Элитарность международного образования служит росту коммуникационного неравенства.

4. *Рост научных и экспертных контактов.* Образуя основу развития международной дискурсивной культуры эти контакты, как и в случае с образованием, замыкаются кругом ученых богатых стран. Как показывает статистика, доминирование в науке почти с точностью соответствует структуре экономического и политического доминирования.[9] Это не может не отразиться на характере культурной коммуникации. Отсутствие в экспертном хоре представителей этих наций как нельзя более понижает их статус в мировом культурном обмене и служит углублению коммуникационного неравенства.

5. *Развитие международных средств массовой информации.* Те средства массовой информации, которые завоевали доступ на мировой рынок, – среди них не только телегиганты, такие как CNN, но и влиятельные газеты и журналы, такие как Financial Times, Economist, News Week, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Spiegel, Le Monde и др., – стали важнейшими каналами влияния на политику²⁷⁵. Благодаря им формируется поле мнений межнациональной общественности. Не будет преувеличением назвать международные СМИ генератором глобальных дискурсов и глобального общественного мнения.

6. *Унификация культурных стандартов в «легкопереводимых» сферах, таких как кино, музыка, шоу-бизнес, художественная культура, дизайн²⁷⁶.* Культурный обмен, посредством которого транслируются универсальные ценности, происходит, прежде всего, по этим каналам. Но именно здесь очевидно обеднение культуры, к которому приводит доминирование транс-

²⁷⁵ Примером достаточно агрессивной глобализации массмедиа является успех американского телеканала MTV. Цель и политика MTV формулируется следующим образом: «распространять международную молодежную культуру и доставлять глобальную аудиторию молодых людей транснациональным производителям». Banks J., MTV and the Globalisation of Popular Culture. // Gazette. The International Journal for Communication Studies. 1997/59. С. 43-60.

²⁷⁶ Если культурные явления, опирающиеся на язык, остающийся основой социальной интеграции общества, «труднопереводимы» и будут сохранять свое доминирующее положение, то «легкопереводимые» элементы культурной традиции, опирающиеся, прежде всего на образное мышление, стремительно утрачивают свое значение в национальных культурах. Примером этой тенденции может служить упадок национального фольклора.

национальных гигантов. Шансы малоразвитых стран в медиа-бизнесе почти равны нулю. Культура имеет мало шансов стать привлекательным продуктом для рынка, если она не является частью мощной индустрии, поддержание которой по силам только лидерам глобализации. Гиганты транснациональной *издательской индустрии* формируют потребности, ожидания и ценности, мировое сообщество потребителей. Коммерциализация культуры вследствие глобализации обнаруживает еще один феномен антропологического значения: «Человек есть то, что он может купить. Этот закон культурной глобализации действует даже там, где покупательная способность равна нулю. Вместе с покупательной способностью завершается *социальное бытие* человека, угрожает, начинается исключение (Exclusion)», – замечает У.Бек, утверждающий, что конститутивной чертой глобализации является *«тождество между бытием и дизайном»* (Sein und Design)²⁷⁷.

7. Развитие Интернета и электронной почты создает площадки для непосредственного общения (как личного, так и производственного) граждан разных стран и образует пространство нового единого коммуникационного сообщества. Информация, досуг, электронные конференции, культурные проекты, отражающие культуру разных стран, становятся равно доступны для всякого пользователя Интернет. Подобные легкость и низкая стоимость создания и использования информации, достижимые в сети, уникальны. Интернет нередко называют шансом для третьего мира. Но, как уже было сказано, это впечатление обманчиво. Именно благодаря Интернету человечество прорезала граница информационного разделения, обозначившая еще одну грань неравенства возможностей²⁷⁸.

²⁷⁷ Beck U., Was ist Globalisierung? Frankfurt a.M., 1999, С. 97.

²⁷⁸ Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества.
http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/nasarchuk_etika/01.aspx

Это приводит к тому, что у многих исследователей возникает ощущение, что глобализация унифицирует и стандартизирует культурные традиции, подрывает жизнеспособность незападных цивилизационных структур. Например, Н.Е. Покровский пишет: «В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентаций, но не только в виде создания разного рода депозитариев, памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их деятельности-вариантах».²⁷⁹

Примерно об этом же пишет А.И. Кравченко: «Расширение культурных контактов в современном мире, общение и познание способствует сближению народов. Однако чрезмерно активное заимствование опасно потерей культурной самобытности. Молодое поколение перенимает друг и друга моду, привычки, пристрастия, обычаи, в результате чего они становятся похожими, а часто просто близкими. Возможность утраты культурной самобытности кроется в нарастающей угрозе ассимиляции – поглощении малой культуры со стороны более крупной, растворении культурных особенностей национального меньшинства в культуре большой нации, забвении отеческой культуры при массовой эмиграции в другую страну и получении там гражданства. При этом утрата культурной самобытности и культурное растворение может быть полным и частичным. Открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение могут привести, с одной стороны, к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъему ее на более высокую ступень развития, с другой – к ее культурному истощению за

²⁷⁹ Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 30.

счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру».²⁸⁰

М.В. Льюса в своем эссе «Культура свободы» довольно язвительно отзывается об авторах публикаций, в которых утверждается, что исчезновение национальных границ и создание мира, соединенного рынками, нанесет смертельный удар по региональным и национальным культурам. М.В. Льюса называет эти утверждения бредом преследования, возбуждаемого неприязнью и мстительной злобой по отношению к североамериканскому гиганту. А страх перед американизацией планеты является, по его мнению, в большей степени идеологической паранойей, нежели отражением реальности. Возражая авторам этих кошмаров, М.В. Льюса пишет о том, что процесс отказа основной части общества от «фольклорно-этнографического своеобразия» вовсе не связан с глобализацией. Этот процесс является скорее следствием модернизации, результатом, но не причиной которой оказывается глобализация. Можно, конечно, сожалеть о том, что этот процесс имеет место, и испытывать чувство ностальгии по прежним формам жизни, которые, особенно с нашей нынешней точки зрения, кажутся наполненными весельем, оригинальностью и красками. Но этот процесс неизбежен.²⁸¹

Действительно, пишет М.В. Льюса, модернизация ведет к исчезновению многих форм традиционной жизни. Но в то же время она открывает возможности и представляет собой важный шаг вперед для общества в целом. Вот почему народы тогда, когда они могут совершать свободный выбор, без малейшего колебания отдают предпочтение модернизации, иногда вопреки тому, чего желали бы их лидеры или интеллектуальные традиционалисты.

²⁸⁰ Кравченко А.И. Культурология: Словарь. – М.: Академический проект, 2001. С. 117-118.

²⁸¹ Льюса М.В. Культура свободы // Foreign Policy. 2001. Январь-февраль / Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>

И еще одна цитата: «Понятие "культурная идентичность" опасно. С социальной точки зрения оно представляет собой лишь сомнительную, искусственную концепцию. Но в политическом плане оно угрожает наиболее драгоценному достижению человечества: свободе. Я не отрицаю, что люди, говорящие на одном языке, родившиеся и проживающие на одной территории, сталкивающиеся с одинаковыми проблемами и придерживающиеся одинаковых религиозных убеждений и обычаев, обладают общими характеристиками. Но этот коллективный знаменатель никогда не может полностью охарактеризовать каждого из них. Он служит лишь для того, чтобы упразднить или оттеснить на малозначительный вторичный план сумму уникальных особенностей и черт, отличающих каждого члена данной группы от остальных ее членов. Концепция идентичности, тогда, когда она не используется на исключительно индивидуальном уровне, является по сути своей редуционистской и дегуманизирующей – некой коллективистской и идеологической абстракцией всего того, что представляет собой оригинальное и творческое начало в человеческой личности, всего того, что не внесено в нее наследованием, географией, или социальным давлением. Подлинная идентичность проистекает, скорее, из способности человеческой личности сопротивляться этим воздействиям и противопоставлять им свои собственные свободные действия».²⁸²

Скорее всего, М.В. Льюса прав. В последнее десятилетие возникают все более регулярные сомнения в однозначно негативном воздействии глобальной культуры на культуры национальные или локальные. Зарождающийся культурный космополитизм, который отбросил бы идею нации как первичной политической и культурной общности, не показал своей живучести в рамках такой культурной общности, как Европейский Союз. И

²⁸² Льюса М.В. Культура свободы // Foreign Policy. 2001. Январь-февраль / Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>

это произошло, невзирая на примерно сорок лет активной пропаганды общеевропейских ценностей.²⁸³

Тем не менее, государственные институты многих стран обратили внимание на защиту, а иногда и конструирование своей идентичности. Одновременно отмечается стремление к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет. В ряде случаев локализация проявляется в стремлении некоторых сообществ к автаркии, демонстрации своей исключительности и самодостаточности, вплоть до стремления некоторых сообществ к экономическому, политическому, культурному обособлению, а иногда и к сепаратизму.

Разумеется, перечисленные выше вызовы жизненному миру современного человека отнюдь не исчерпывают возможных поводов для беспокойства. Растут риски, связанные с крупномасштабными техногенными катастрофами, уничтожением больших количеств накопленного ядерного, химического, биологического оружия, утилизацией выслуживших свой срок средств его доставки, захоронением радиоактивных отходов и пр.

²⁸³ Щеглов В.В. Глобализирующийся мир и культура. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/75/160-167.pdf>

Новая культура для нового жизненного мира?

Напомним, что мы понимаем под культурой систему эффективных матриц жизнедеятельности; комплекс ценностей, ориентирующих людей в существующих и желаемых общественных отношениях; и комплект архетипов, мифологем, идеологем, придающих смысл всему, что человек делает или должен делать. Что же происходит с культурой в связи с описанным выше радикальным преобразованием жизненного мира? Обобщение огромного количества высказываний по этому поводу дает основание для нескольких выводов.

1. Культура перестала быть чем-то стабильным, неизменным, надежным. Она меняется на глазах одного поколения, что вызывает беспокойство у старших поколений, и формирует весьма скептическое отношение к любому культурному высказыванию у молодежи.

В течение многих столетий культура была достаточно устойчивой системой. Человек рождался в рамках определенной культуры и умирал в ней же. Необходимость осваивать какие-то новые ценности и матрицы возникала очень редко, в периоды революционной ломки социально-экономических систем. Разумеется, культура никогда не оставалась неподвижной: она все время пополнялась новыми материальными и духовными продуктами. Однако эти изменения были медленными и люди могли к ним приспособиться и как-то их оправдать. Сейчас новые ценности, новые правила, новые нормы возникают непрерывно и, возникнув, немедленно отрицают ценности, правила и нормы, еще вчера казавшиеся незыблемыми. Более того, если в прошлые времена любая новация должна была пройти проверку на совместимость с прошлым опытом, получить санкцию авторитетных носителей культуры, то сейчас новация

принимается сразу и с помощью массмедиа немедленно внедряется в массовый оборот. Очень интересно в связи с этой особенностью современной культуры наблюдать за динамикой культуры здоровья и питания. Еще вчера кофе признавался вредным напитком, а уже сегодня авторитетные врачи со всех экранов сообщают о замечательных лечебных свойствах кофе.

Модное у некоторых «хранителей культуры» понятие «кризис» культуры фиксирует лишь резкое увеличение скорости разрушения старых ценностей, сжатие временных рамок этого процесса, что не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Это положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, объективно являются носителями прошлой по отношению к сегодняшней культуре, а потому они оценивают это как бы из прошлого. Они воспитаны в определенной системе традиций и естественно рассматривают их как некий культурный эталон. Подняться над этим личностным образованием очень трудно и для многих мыслителей просто невозможно. Так было всегда. Но на современное состояние культуры стал оказывать колоссальное влияние научно-технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, который изменил сами способы общения между людьми, а некоторые из них, например, письма как особые формы общения, просто на наших глазах исчезают из жизни.

Однако следует учитывать, что чрезмерно высокая скорость продвижения культурных новообразований не дает возможности адаптироваться к ним. Тогда начинается либо сопротивление этим нововведениям, либо их бездумное потребление.

2. Вторая очевидная тенденция – культура становится мозаичной.

Много лет назад французский исследователь А. Моль в его широко известной книге «Социодинамика культуры», показал, что, под влиянием средств массовой коммуникации и превращения их в основной источник информации для миллионов, формируется особый социальный тип личности с «рацепленным» сознанием, с искаженным мировосприятием, деформированной шкалой ценностей. Отличительной характеристикой этого типа личности является то, что он познает окружающий мир по законам случая, через множество проб и ошибок. «Совокупность его знаний определяется статистически; он черпает их из жизни, из газет, из сведений, добытых по мере надобности. Лишь накопив определенный объем информации, он начинает обнаруживать скрытые в ней структуры. Он идет от случайного к случайному, но порой это случайное оказывается существенным».²⁸⁴ Этот человек обладает культурой особого типа, которая возникает под воздействием хаотического потока сообщений, который обрушивается на индивида из всех источников информации. «Экран знаний» в «мозаичной» культуре больше похож на волокнистое образование или на войлок: «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования».²⁸⁵

В этой культуре нет «точек отсчета», мало подлинно общих понятий, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.п.). Как показывает практика и результаты многочисленных социологических исследований, вы-

²⁸⁴ Моль А. Социодинамика культуры. – М. 2008. С. 45.

²⁸⁵ Там же. С. 44.

полненных за последние годы, сегодня значительная часть тех, кто проживает в странах «золотого миллиарда», обладают культурой подобного типа и можно предположить, что их доля будет увеличиваться по мере того, как будет деградировать сложившаяся система образования и будет возрастать роль СМИ как основного канала передачи информации и приобщения к культурному наследию.²⁸⁶

Однако дело не только в том, что человек получает обрывки знаний и формирует мозаичную картину действительности. Ситуация усугубляется тем, что если раньше человек имел дело с более или менее строго иерархизированной системой ценностей, довольно жестко требовавшей от него следования определенным канонам, то теперь он входит в мир культуры как в супермаркет, где перед ним на полках лежат разные культуры, упакованные в очень яркие обертки, и он волен выбрать себе ту культуру, которая ему по вкусу. Более того, индивид может выбрать себе в этом супермаркете несколько разных культур, перемешать их и соорудить индивидуальный микст, который и станет визитной карточкой его личности. Былое относительно строгое деление культур на официальную и неформальную, доминантную и комплементарную, элитарную и массовую теряет свой смысл. Не случайно Д. Белл писал о том, что в процессе становления нового общества культура обретает все более ярко выраженный автономный характер. Если в индустриальную эпоху экономика, политика, социальная структура общества и сфера культуры связывались общей системой ценностей, то в современных условиях наблюдается тенденция к их нарастающей разъединенности. Происходит радикальное разобщение между общественной структурой и культурой, что выражается в формировании особого «протестного типа

²⁸⁶ Шендрик Г.Н. Информационное общество: вызовы культуры. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/01/19/1107001829/%D0%A8%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%BA.pdf>

сознания», в принципиальном отказе от канонов в искусстве, музыке и литературе, в разрушении общепринятых норм семейной и сексуальной жизни, антиинтеллектуализме и т.д. Д. Белл считал, что дальнейшая автономизация культуры, может привести к утрате чувства реальности, к исчезновению социальных ориентиров, к радикальному отрешению от всего земного, что, в свою очередь, приведет к разрушению скреп, связующих общество, к утрате чувства солидарности и взаимной поддержки. С его точки зрения, противоречие между культурой и имманентными потребностями человека как рода будет главным противоречием информационной эпохи.²⁸⁷

3. Культура все отчетливее становится неким знаком социального статуса.

Когда-то М. Маклюэн сформулировал тезис о возникновении монокультурного мира, где исчезают различия между странами не только по уровню технического развития, но и по культуре, где люди ориентируются на одни и те же ценности и стандарты потребления, используют одни и те же алгоритмы деятельности, придерживаются одного и того же стиля в одежде, в проведении досуга и т.д. Ему принадлежит знаменитое определение современного мира как «глобальной деревни», где утрачено представление о расстоянии, где всем становится известно обо всем практически мгновенно, где регулятором отношений между людьми выступает общественное мнение и т.д. Однако есть все основания считать этот прогноз несбывшимся.

Очевидно, что в глобальном мире культурное неравенство различных групп станет еще более глубоким и ярко выраженным. Уже сегодня ясно, что уровень культурного развития человека определяется не столько

²⁸⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. URL: <http://www.twirpx.com/file/682165/http://www.twirpx.com/file/682165/>

тем, какое учебное заведение он окончил и даже не тем, в какой семье он родился и кем он является по социальному положению, а, прежде всего, тем, имеет или нет он доступ к основным источникам информации, есть ли у него возможность беспрепятственно получать сведения о том, что происходит в мире и в стране, в науке и в искусстве, в политике и в экономике. В информационном обществе явно произойдет разделение членов общества на тех, кто имеет доступ к информации, и тех, кто его лишен в силу тех или иных причин. Первые постепенно превратятся в элиту общества, вторые – в аутсайдеров со всем вытекающим из этого последствиями.

4. Культура потеряла присущее ей в прошлые времена свойство обязательности.

Культура перестала – точнее, перестает – считаться индикатором цивилизованности. Это проявляется как в мелочах (отказ мужчин носить галстук и вообще нежелание и мужчин, и женщин считаться с требованиями дресс-кода), так и в более серьезных вещах, вроде демонстративного нарушения моральных предписаний. Более того, нарушение казавшихся общепринятыми норм культуры становится специфическим способом доказать свою личностность, выразить свое творческое начало. Если в прошлые времена сторонники любой субкультуры понимали, что, помимо разделяемой ими субкультуры, есть еще и культура стержневого мейнстрима, то теперь представители любой субкультуры с помпой извещают о конце всех иных культур и объявляют свою субкультуру единственной верной.

5. Постепенно кристаллизуется некая глобальная культура, знание которой в той или иной степени становится обязательным для любого современного человека.

Специфическими носителями так понимаемой глобальной культуры являются джинсы, фаст-фуд, телевизор по вечерам, социальные сети, мобильный телефон, современная архитектура, персональный автомобиль, права человека и некоторые другие знаки. Эта культура повсюду встречает сопротивление, но, тем не менее, неостановимо завоевывает мир. Собственно культурная продукция этой поп-культуры справедливо ассоциируется с упрощением всего культурного ландшафта, культивированием пестрого и поверхностного искусства, огрублением чувств и утратой глубины. Однако было бы неверно игнорировать и позитивные функции поп-культуры: она связана с привлечением самых широких народных масс, которые прежде практически не были вовлечены в художественную культуру. И надо отметить – поп-культура никак не посягает на территорию так называемой высокой культуры и с уважением относится к ее проявлениям.

6. Есть все основания полагать, что новая глобальная культура формируется под сильнейшим воздействием стандартов и ценностей западного мира.

Этот тезис, разумеется, подвергается ожесточенной критике. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» констатирует, что постепенное овладение благами цивилизации – как бы медленно оно не происходило – постепенно сгладит, по его мнению, модернизационное преимущество Запада и вернет ситуацию, которая существовала столетиями и в которой основной доминирующей силой будут державы, богатые людскими ресурсами, – Китай и Индия. Параллельно с утратой властных позиций и технологического превосходства неизбежна утрата культурного влияния. С. Хантингтон отмечает, что нации, успешно скопировавшие основы технологической цивилизации, довольно быстро

возвращаются к основам собственной традиции и практикуют жесткую критику западных ценностей. Цивилизационный прогресс и грамотность населения нигде еще не приводили к «озападниванию», но, напротив, вызывали то, что С. Хантингтон называет «отуземливанием». Мы переживаем конец «прогрессивной эры», – заключает автор, – которая была охвачена западными идеологиями, и вступаем в новую эру, в которой множество различных культур друг с другом сосуществуют, взаимодействуют и конкурируют.²⁸⁸

Для характеристики процесса реструктурирования культурных и геополитических влияний С. Хантингтон выбирает метафору «столкновение цивилизаций». Власть – тем более мировую – не отдадут без боя. Интеграции всего со всем не произойдет. С. Хантингтон рисует вероятные сценарии развития событий, в которых одни цивилизации, подобно Восточно-Азиатскому региону, будут стремиться обыграть Запад на почве модернизации, другие, подобно исламской цивилизации, будут готовы к конфронтации с ним. Целью книги является подготовить Запад к поражению, смягчить удар столкновения. Больше, чем подобного поражения, Хантингтон опасается усиления борьбы за лидирующие позиции. Он призывает политическое сообщество к необходимости смягчения остроты глобальной конфронтации.

Однако наблюдение за реальной практикой культурного развития в разных странах мира свидетельствует, что, хотя сегодня национальными правительствами, международными и национальными общественными организациями, в том числе и ЮНЕСКО, а также отдельными энтузиастами предпринимаются титанические усилия, направленные на сохранение многообразия культурных миров, тем не менее процесс американиза-

²⁸⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. URL: <http://e-libra.su/read/139924-stolknovenie-civilizacij.html>

ции национальных культур, начавшийся после Второй мировой войны, нарастает.

Впрочем, можно предположить, что взаимодействие культур Запада и Востока будет порождать новые жизненные смыслы, формировать культурный фундамент нового цикла цивилизационного развития. На этой основе возникает идея о метакультуре (сверхкультуре) как общем культурном знаменателе и перспективе развития глобальной (мировой) цивилизации, при сохранении мозаичности, специфики локальных культур и цивилизаций.

Метакультуру в этом случае рассматривают как накопление общечеловеческих ценностей, способствующих выживанию и развитию человечества как единого целого. Чаще всего подчеркивают, что формирование метакультуры, во-первых, можно рассматривать только как тенденцию, во-вторых, как перспективу на будущее, а в-третьих, как фактор преодоления общечеловеческого кризиса и перехода к новому типу цивилизации, к принципиально новой человеческой истории²⁸⁹.

Реальна ли такая перспектива? Однозначно ответить на этот вопрос сегодня трудно, т.к. человечество, обремененное духовным кризисом в конце второго тысячелетия, оказалось перед лицом трудного выбора социокультурных ценностей, которые должны составить ядро новой цивилизации. Кроме того, если, как утверждают этнографы, существует некий "оптимум различий", считающийся постоянным условием развития человечества, то можно быть уверенными, что различие между отдельными обществами и группами внутри них ис-

²⁸⁹ Гончаров П.А. Глобальное культурное пространство – результат межкультурного и межцивилизационного диалога. В кн.: Мир человека и человек в мире: философско-теоретические и научно-методологические аспекты. – Ставрополь: СГУ, 2007. – с. 32.

чезнет только для того, чтобы появиться в иной форме²⁹⁰. Самобытность – основополагающее условие универсальности.

7. Параллельно с формированием глобальной культуры нарастает противодействие ее продвижению.

Многие страны, в том числе и Россия, столкнулись с необходимостью выбора стратегической модели развития. Точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к Закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями: гражданское, открытое, информационное общество.

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить понятием «вестернизационный проект», другой – «модернизационный проект», третий «фундаменталистский (или, в других терминах, архаический) проект».

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

²⁹⁰ Леви-Строс К. Наука о человеке //Курьер Юнеско за 30 лет: Антология. - М., 1990. С. 149.

Сторонники модернизационного проекта считают, что «западный проект мироустройства» сталкивается с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности собственной культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. и т.п.

Наконец, «фундаменталистский проект» ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости», «защиты национальной культуры» и т.д.

Можно констатировать, что крах тоталитарного режима в России создал некоторые условия для пробуждения гражданской активности. Однако в силу ряда обстоятельств, после краткого периода перестройки эта активность пошла на спад и не привела к возникновению устойчивых массовых гражданских социально-психологических ориентаций, к формированию такой системы массовых социальных представлений, которая могла бы лечь в основу развития гражданского общества.

Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества – отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Исследователи этой культуры много раз ука-

зывали на то, что для россиян традиционно характерен, во-первых, государственно-патерналистский комплекс: к власти не испытывают ни любви, ни доверия, но от нее, и только от нее зависит как хорошее, так и плохое в жизни индивида. Во-вторых, для этого менталитета характерна психология уравниательства, не имеющая ничего общего с ценностью равенства в западной демократической культуре. На индивидуальном уровне ее (как и государственно-патерналистский комплекс) питает осознанное или подсознательное ощущение социальной слабости личности. Уравнительство играет роль компенсатора: если человек живет бедно и плохо, его «утешает», что окружающие живут так же. Того, кто с помощью неординарного поведения добивается более высокого материального и социального статуса, осуждают, потому что он лишает других этого утешения, становится для них источником психологического дискомфорта. Легитимным считают только такое повышение статуса, которое происходит не в результате личных усилий, а по воле судьбы или начальства. В традиционной русской культуре уравнительство связано с отсутствием в ней этики успеха и достижения, сыгравшей столь большую роль в развитии западных обществ. Слабая ответственность за собственную жизнь, перенесение этой ответственности на надличностные инстанции (судьба, Бог, власть, социальные институты), комплекс социальной слабости типичны для исторически сложившегося типа российской ментальности. И именно в этом кроется главное психологическое и культурное препятствие развитию гражданского общества.

Именно в силу массового нежелания идти по вестернизационному сценарию он и провалился в России, и страна вытолкнула на поверхность те силы, которые вовремя ухватились за маятник, со все возрастающей скоростьюдвигающийся от вестернизационного проекта через модернизационный к фундаменталистско-

архаическому. Все, что сейчас происходит, легко прочитывалось еще в 2000 году.

Однако возникает вопрос: каковы глубинные механизмы, приведшие к провалу вестернизационного проекта и есть ли предпосылки для формирования в России того типа отношений, которые связаны с этим проектом?

Один из ответов предполагает ссылку на неискоренимые глубинные схемы жизнедеятельности, обозначаемые понятием «национальная культура». По словам бывшего президента Чехии В. Гавела, «по сути, свежий покров всемирной цивилизации едва скрывает находящееся под ним богатое разнообразие культур, народов, религиозных миров, традиций и исторически сформировавшихся подходов – всего того, что в определенной степени камуфлируется им». Становление новой цивилизации, отмечал В. Гавел, сопровождается появлением новых форм сопротивления и борьбы, а также требованиями сохранить «право поклоняться... древним богам и следовать старым священным пророчествам».²⁹¹

Другой ответ предполагает, что продвижение культурных матриц, ориентированных на западные модели жизнедеятельности, вызывает более или менее жесткое противодействие со стороны культурных и политических элит разных стран, поскольку культура является силой, связывающей воедино системные области общества, переводящей язык системных закономерностей на понятный людям язык их жизненного мира. Разрушение этого языка влечет за собой паралич социальных систем. Поэтому в ряде случаев национальные элиты готовы для удержания своего господства пойти на возрождение самых архаических, самых примитивных культурных моделей. Особенно ярко это противодействие наблюдается в странах, где сильны позиции монотеологии и патриархальных отношений. Исходя из этого, С.

²⁹¹ Havel V. A Conscience Slumbers in Us All: Commencement Speech at Harvard University. 1995.

Хантингтон справедливо диагностирует неизбежный рост значения религий в ходе преодоления модернизационного кризиса культур.²⁹²

Третий ответ обосновывается, прежде всего, утверждением, что претендующая на универсальность западная культура обладает рядом уникальных конкретных черт, делающих ее непригодной для повсеместного использования.

К.-О. Апель подчеркивает, что попытки увязать искомое общекультурное ценностное основание с вопросом социокультурной идентичности обречены на провал: «Причина этого в том, что идентичность определенной личности не может быть признана, если при этом не будет признана ее принадлежность к определенной социокультурной жизненной форме».²⁹³ Попытки придать универсальную значимость ценностям демократии будут рушиться, «пока в дискуссии о правах не будет найдено трансцендентальное ядро универсально значимых прав человека».²⁹⁴

Однако встречаются и более алармистские высказывания. По мнению некоторых исследователей, глобализация во многом способствует исчезновению национальной идентичности. Современные процессы зачастую отождествляют с американизацией: большинство фильмов, которые выпускаются на экраны, являются продукцией американского производства, большинство программного обеспечения также изготовлено в США. Кроме этого, именно в Америке находятся крупнейшие корпорации, марки которых присутствуют на рынке практически каждой страны: большинство из нас пользуются айфонами, выпущенными американской компанией *Apple*, ходят в Макдональдс и пьют кока-

²⁹² Huntington S., *The Clash of Civilisation*. – N.Y., 1996. С. 143.

²⁹³ См.: ApeI K.-O. *Das Problem der Gerechtigkeit in einer multikulturellen Gesellschaft* / Fornet-Betancourt R. (Hrsg.). *Armut im Spannungsfeld zwischen Globalisierung und dem Recht auf eigene Kultur*. – Frankfurt a.M., 1998. С. 108. Апель критикует видного политика немецкого ХДС В. Шойбле, призывающего рассматривать в качестве культурного базиса «свободолюбивой демократии» христианскую традицию. Тем самым объявляются неспособными к демократии нехристианские государства.

²⁹⁴ Там же. С. 129.

колу. Противники глобализации видят в этом угрозу исчезновения многих традиций, что неизменно повлияет на наше будущее, обеднив мировую культуру.

В качестве примера можно указать на книгу «Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения». ²⁹⁵ Автор этого труда утверждает, что мы стали свидетелями (и продолжаем ими оставаться до сих пор) исторической драмы, характеризующейся глобальной аксиологической катастрофой, сравнимой разве что со всепланетным стихийным катаклизмом. Вот лишь несколько цитат. Автор рассматривает «все происходящее на обширном постсоветском пространстве стран СНГ как результат преступного невнимания руководителей Советского Союза к аксиологической безопасности, закономерно приведшего к глобальному краху ценностных миров представителей нескольких поколений». По его мнению, «в результате разрушения ценностных систем подавляющее большинство граждан бывшего Советского Союза оказались социально атомизированы и потребностно горизонтализированы». «Объективно современный мир оказался перед лицом почти полного разрушения системы трансляции традиционных ценностей. Угасание традиционных институтов семейно-родового, церковного и культурно-государственного воспитания не могло не сказаться на благополучии людей. Рост преступности, углубление эскапизма молодежи и распространение суицида и наркомании среди подростков недвусмысленно указывают на необходимость скорейшего внедрения адекватной системы ценностного воспитания».

Впрочем, К. Сельчёнок не одинок в своем неприятии преобразований ценностной системы современного человека. Еще более апокалиптическую картину рисует А.С. Запесоцкий. По его мнению, развитые культуры европейского типа: США, Евросоюза и России –

²⁹⁵ Сельчёнок К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. – Минск, 2000.

переживают в настоящее время трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого фиксируются массой разноплановых исследований. Новые поколения, вступившие в детство и юность в последние десятилетия, в среднем существенно отличаются от своих отцов и дедов. Различия фундаментальны: они произрастают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Нового человека формирует общественная практика новой эпохи, новая культура, которую по отношению к предшествующей можно характеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, разрушившие процесс культурной преемственности поколений и конструирующие иную, весьма самобытную культурную систему. Ее, к сожалению, трудно считать магистральным путем развития мировой цивилизации.²⁹⁶

Есть и другие сторонники такой парадигмы.²⁹⁷

Вот еще одна цитата из коллективного труда: «Совокупным итогом нравственной деградации общества явились раздвоенность нравственного сознания, ущербность и однобокость нравственного сознания советского человека как социально-исторического типа. Под раздвоенностью нравственного сознания имеется в виду сосуществование двух ранговых порядков (систем) ценностных предпочтений и ориентаций, одна из которых соотносится исключительно с порядком (структурой) влечений, устремлений, потребностей, а другая – исключительно с нормами господствующей в обществе морали, с моральными кодексами окружающих социальных групп, с т.н. неписаными правилами социального поведения. Ущербность и однобокость нравственного сознания советского

²⁹⁶ Запесоцкий А.С. Медиа и культура в условиях глобализации. http://www.gup.ru/uni/rektor/cult_media.pdf

²⁹⁷ Денисовский Г.М. и др. Посттоталитарное общество на рубеже веков. – М., 1992. С. 31.

человека как социально-исторического типа заключается в недоразвитости в нем человеческой индивидуальности в той мере, в какой индивидуальная свобода и индивидуальная личностная ответственность подавлялись в советском человеке тоталитарным государством и коллективной (классовой, социально-групповой) ответственностью».²⁹⁸

И еще одна цитата: «Ни в одной стране мира не происходило столь стремительного и бесповоротного разрушения традиционного общества, как в России в XX веке; особенно это касается самих основ национальной жизни. И нынешние поколения русских едва ли не столь же далеки от своих культурных корней, как современные греки от великой Древней Греции».²⁹⁹

В практическом плане борьба с глобальной культурой выражается в параде культурных суверенитетов.

8. В культурном пространстве современного мира нарастает интерес к диалогу культур.

По мнению Ю. Хабермаса,³⁰⁰ в настоящее время существуют три конкурирующие концепции по поводу ответа на вопрос, можно ли постичь глобальное общество в категориях социальной эволюции, считываемых с западной модели, или же нам следует пересмотреть стандартную модель высококомобильных, в возрастающей степени индивидуализирующихся, бюрократически организованных и научно рационализированных рыночных обществ.

Первая концепция предложена Н. Луманом, который полагал, что с распространением цифровой связи и складыванием модели ускоренного и глобально не-

²⁹⁸ Денисовский Г.М. и др. Посттоталитарное общество на рубеже веков. – М., 1992. С. 31.

²⁹⁹ Там же. С. 75.

³⁰⁰ Хабермас Ю. Религия, право и политика. Справедливость в мультикультурном мир-обществе. URL: http://www.studmed.ru/view/haermas-yu-religiya-pravo-i-politika-politicheskaya-spravedlivost-v-multikulturnom-mir-obschestve_10fe9e7fbe1.html

ограниченного обмена людьми, товарами и капиталом начинают без усилий проникать сквозь границы между государствами и культурами также и другие подсистемы, такие как наука и техника, музыка и массовая культура, спорт и организованная преступность, право, медицина, организация образования и так далее. После самой последней фазы экономической глобализации не остается каких-либо возможностей уклониться от цепкой хватки капитализма. Наоборот, та же инфраструктура разворачивается во всех регионах планеты – те же схемы урбанизации и транспортных сетей, сходным образом организованные системы администрирования, охраны здоровья, образования, одинаковые средства массовой информации и т.п.

Вторая концепция так или иначе восходит к различению культуры и цивилизации (А. Тойнби, О. Шпенглер) и применяет, к обществам, организованным в качестве государств, аналогию с цивилизациями, преобразуя их в коллективных акторов. В данной интерпретации предполагается, что они отгораживаются друг от друга в качестве целостностей и «сталкиваются» друг с другом.

Третья концепция опирается на идею создания многокультурного мир-общества, которое отъединяет себя от всех традиционных цивилизаций (включая и цивилизацию Запада) посредством своей глобальной динамики модернизации. Это предполагает понимание культуры как некоей общей арены, на которой разные цивилизации встречаются одна другую по мере и пытаются договориться о том, как можно модифицировать мировую инфраструктуру.

Далеко идущие усилия в направлении конституционализации международного права могут рассчитывать на успех, только если мировое общество способно интегрироваться в культурном смысле – то есть через признанные в различных культурах принципа политиче-

ской справедливости – поверх уровня функциональной интеграции.

Абстрактный ответ ясен: все участники такого разговора, без привязки к их соответствующей культурной подоплеке, должны быть готовы рассматривать дискуссионные проблемы одновременно в своей собственной перспективе и в перспективе каждой из остальных сторон; кроме того, даже в случае вопросов о справедливости они должны быть готовы использовать только те аргументы, которые могли бы убедить любого в принципе, безотносительно к основным подспудным метафизическим или религиозным позициям. Результатом этих когнитивных предпосылок является выделение идеологически нейтрализованного, и в этом смысле светского, уровня понимания.

Проблемы культурного диалога одно время были в центре внимания западных обществ. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии есть специальная Статья 2. «От культурного разнообразия к культурному плюрализму». В этой статье констатируется, что «В нашем обществе, которое становится все более разнообразным, следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной самобытностью. Политика, поощряющая интеграцию и участие всех граждан, является залогом социальной сплоченности, жизнеспособности гражданского общества и мира. В этом смысле культурный плюрализм представляет собой политический ответ на реалии культурного разнообразия. Культурный плюрализм, неразрывно связанный с демократией, создает благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества».

В статье 6 этого же документа «К культурному разнообразию, доступному для всех» говорится о том, что, «обеспечивая свободное распространение идей

словесным и изобразительным путем, следует добиваться, чтобы все культуры могли быть объектом самовыражения и распространения. Залогом культурного разнообразия является свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, многоязычие, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям, в том числе в цифровой форме, и обеспечение всем культурам доступа к средствам выражения и распространения идей».

В ходе Первого саммита глав государств и правительств стран-участниц Совета Европы (1993 г.) было подтверждено, что культурное многообразие является отличительной чертой богатого культурного наследия Европы и что толерантность гарантирует построение открытого общества. Результатом этого саммита стал ряд инициатив, включая Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.), создание Европейской комиссии против расизма и нетерпимости и развертывание Общеввропейской молодежной кампании против расизма, антисемитизма, ксенофобии и нетерпимости под девизом «Все различны – все равны».

Эти же идеи зафиксированы в Опатийской декларации, принятой на Конференции министров культуры стран-участниц Совета Европы 2003 года.

На Третьей встрече глав государств и правительств Совета Европы (Варшава, май 2005 г.) было принято решение поддерживать межкультурный диалог, этот раздел был включен в принятый на саммите План действий.

В «Декларации Фару», принятой на конференции европейских министров культуры (г. Фару, Португалия, октябрь 2005 г.), была сформулирована стратегия Совета Европы по развитию межкультурного диалога.

Парламентская ассамблея Совета Европы, начиная с 1980-х годов, внесла свой вклад, приняв целый ряд рекомендаций, резолюций, проводя слушания и де-

баты по разным аспектам межкультурного и межрелигиозного диалога.

Важным механизмом мониторинга выступает Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРИ), которая отслеживает проявления расизма и все связанные с этим факты нетерпимости и дискриминации в государствах-членах, разрабатывает Общие политические рекомендации и активно работает с представителями гражданского общества по распространению знаний в данной области. ЕКРИ активно взаимодействует с секретариатом Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) и Агентством по основным правам Европейского союза.

Это с одной стороны...

А с другой стороны, нарастает критика мультикультурализма и культурного плюрализма. Известные выступления канцлера ФРГ А. Меркель, бывшего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, бывшего президента Франции Н. Саркози, президента РФ В.В. Путина стимулировали массовый отказ властей многих стран от идей и практики мультикультурализма. И все чаще на улицах европейских городов можно услышать лозунги: «Европа только для белых», «Германия для немцев», «Англия для англичан», «Франция для французов», «Россия для русских» и т.д. И, по-видимому, это только начало процесса.

В этой ситуации проблема формирования индивидуальной идентичности становится почти неразрешимой.³⁰¹ В работе «Провинциальная и туземная наука»³⁰² ее авторы предложили концепцию, которая разделяет участников академического дискурса на жителей научной столицы, провинциалов и туземцев. Слегка ироничная тональность этой статьи не должна закрывать

³⁰¹ Дзялошинский, И.М., Пильгун, М.А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.

³⁰² Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019/sokolov_titaev.pdf

важность поставленной проблемы. Дело не в том, что научный работник может жить в центре мировой науки, который, как правило, размещается в США, или в менее известном академическом заведении, размещающемся в столице некой научной провинции, или вообще на периферии мировой науки. Дело в том, что включаясь в столичное, провинциальное или туземное научное сообщество, научный работник впитывает – вольно или невольно – специфическую научную культуру, включающую идеологию, оправдывающую все его действия. Например, авторы на большом фактическом материале показывают, что главная особенность туземной науки в том, что коммуникация между действующими лицами предполагает забвение о существовании столичной науки. В тех зонах научного сообщества, которые ближе к провинциальному полюсу, это вытеснение принимает эксплицитные формы и выглядит как работа по сознательному построению оппозиционной идентичности – выработке идеологии, отрицающей, что к происходящему в столице стоит прислушиваться. Ключевая задача провинциальной науки – доказать ее равенство с происходящим во всем остальном мире, а чаще – превосходство.

Авторы сравнивают разные зоны науки с аэропортом. Провинциальная наука подает сигналы настоящим самолетам, которые этих сигналов не слышат и никогда на него не садятся. Туземная наука – это аэропорт, который подает сигналы самолетам воображаемым и эти воображаемые самолеты регулярно садятся на такой аэродром. Разница между провинциальной и туземной наукой заключается в том, что провинциальная постоянно доказывает самой себе и тем, кто согласится слушать, что ее аэропорт и самолеты – такие же, как настоящие, а туземная наука успешно забывает, что эти настоящие где-то существуют.

Стремясь обосновать свое право игнорировать или не замечать существование научных столиц,

провинциальное и туземное научные сообщества придумывают множество интеллектуальных уловок, объясняющих и оправдывающих собственную изоляцию.

Сформулированная авторами метафора столичности, провинциальности и туземности помогает понять процессы, происходящие не только в науке. Примерно то же самое происходит и со всеми другими сообществами и каждым индивидом, попавшим в этот новый глобализирующийся мир. В этом мире культура предстает перед индивидом в виде пестрого, сложного множества культур, размещающихся на трех уровнях.

Нижний слой – культура конкретной организации или социальной группы. То, что обычно называется субкультурой. Вероятно, сюда уже можно отнести и региональные культуры в ситуации относительной культурной самостоятельности регионов в крупных государствах.

Средний слой – то, что можно назвать общегосударственной культурой, в качестве которой выступает конгломерат ценностей и представлений, чье признание считается обязательным для гражданина определенного государства. Особенно наглядно специфичность этой культуры и ее отличие от так называемой национальной культуры проявляется в государствах типа российского, включающих в свой состав множество племен и народов.

Третий слой, возникающий у нас на глазах и становящийся все более мощным, – описанная выше глобальная культура, вызывающая ужас у одних и восторг у других.

В этих условиях человек должен приспособиваться не к одной, а сразу к нескольким культурам. При этом далеко не всегда индивид волен в своем выборе. Независимо от того, где живет человек: в огромном мегаполисе, среднем по мировым масштабам городе или глухой деревне, он находится под влиянием сообщества (или сообществ) членом которых является или мечтает быть. Именно эти сообщества, управляемые региональными или местными элитами, как правило, определяют выбор между глобальной или провинциальной (региональной, мест-

ной).³⁰³ Самый простой пример – образ жизни иммигрантских общин в крупнейших мировых столицах. Понятно, что традиционное понятие «идеология» здесь приходится брать в кавычки, поскольку это не система взглядов и представлений, а нечто, более похожее на менталитет, или мировосприятие. Но в этом комплексе представлений есть и рационализированные, осознанные представления и установки людей относительно своей жизни, общественной жизни и относительно той политики, в результате реализации которой они живут на этой земле. Главная особенность того, что мы назвали идеологией, – отсутствие рефлексии по поводу содержания тех утверждений, которые составляют основу идеологии. Она просто принимается и не обсуждается.

³⁰³ Определение «провинциальный» в данном случае используется лишь для обозначения локальности, а не как оценочное суждение.

РАЗДЕЛ 2

**КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА:
ОСОБЕННОСТИ И
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ**

ГЛАВА 2.1

КОММУНИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Виды и типы коммуникации

Существует огромное множество различных теорий коммуникации.

Модель Аристотеля. Аристотель выделял три компонента коммуникации: оратор - речь - аудитория. Эта триада, правда, в несколько новом звучании - “коммуникатор - сообщение - коммуникант” - присутствует во многих последующих моделях коммуникации.

Модель Г.Лассуэлла была предложена в 30-е г. Г.Лассуэлом, который выделил пять наиболее значимых компонентов процесса коммуникации: Кто говорит? - Что сообщает? - Кому? - По какому каналу? - С каким эффектом?

Отвечая на каждый из этих вопросов, мы и составим себе представление о конкретном коммуникационном процессе с помощью разнообразных моделей.

Модель Ю.Воронцова. В качестве компонентов Воронцов выделяет:

- источник информации,
- коммуникатор,
- сообщение,
- коммуникант,
- коммуникационный канал,

- экстралингвистический параметр сообщения,
- источник механических помех,
- источник семантических помех,
- классовые и социальные фильтры,
- личностно-индивидуальные фильтры,
- семантические поля,
- поля коммуникационной обстановки,
- потери информации,
- обратная связь “коммуникант - коммуникатор”,
- обратная связь “коммуникант - источник информации”³⁰⁴.

Обобщение этих частных теорий позволило исследователям авторы объединить их в различные парадигмы. Обычно выделяют три парадигмы в духе реализма, номинализма и чего-то третьего между ними, например, социального конструкционизма. Однако промежуточная территория между реализмом и номинализмом часто растягивается в две парадигмы. Соответственно, коммуникация рассматривается в рамках четырехчастного подхода, при этом наряду с термином «парадигма» используются такие понятия, как «метатеория», «перспектива», «область» и т. д. Все они, по сути, означают тот или иной максимально широкий взгляд на природу коммуникации. Так, выделяются позитивистская, системная, интерпретативная и критическая парадигмы³⁰⁵; механистическая, символически-интеракционистская,

³⁰⁴ Подробно эти и другие модели коммуникации рассмотрены в книгах: Клюканов И.Э. Коммуникационный универсум. М.: РОССПЭН, 2010.; Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. Монография / И.М. Дзялошинский. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

³⁰⁵ Baxter L., Babbie E. Communication research. Elmont (CA), etc., 2004

системная и семиотическая перспективы³⁰⁶; механистическая, психологическая, интеракциональная и прагматическая перспективы³⁰⁷; интерпретативная, нормативная, критическая и диалогическая тенденции³⁰⁸; постпозитивистская, герменевтическая, нормативная и критическая категории коммуникативной теории³⁰⁹ и т. д.

Одной из последних развернутых попыток осмысления коммуникации в рамках четырехчастного подхода является работа Дж. Андерсона и Дж. Бэйма (2004)³¹⁰, в которой область коммуникации рассматривается на основании координат онтологии, эпистемологии, праксиологии и аксиологии. Взаимосвязь онтологии и эпистемологии образует одну (горизонтальную) ось философского осмысления коммуникации, другую (вертикальную) ее ось образует взаимосвязь праксиологии и аксиологии. При этом каждая ось образуется двумя полюсами: горизонтальная проходит от основополагающих до рефлексивных теорий, вертикальная - от эмпирических до аналитических теорий.

В онтологическом плане основополагающие теории рассматривают реальность как объективно существующую, а рефлексивные теории — как возникающую в процессе дискурса. В эпистемологическом плане основополагающие теории рассматривают знания как прямое соответствие между умственными представлениями и независимо существующими объектами окружающей действительности, а рефлексивные теории видят в них социальные конструкции. В праксиологическом плане эмпирические теории считают, что знания приобретаются опытным путем, аналитические теории рассматривают их как результат умственного конструирования. В аксиологическом плане эмпирические теории рассмат-

³⁰⁶ Liska J., Cronkhite G. An ecological perspective on human communication theory. Fort Worth, etc., 1995. p. 93-94.

³⁰⁷ Fisher B. A. Perspectives on human communication. N.Y., 1978.

³⁰⁸ Deetz S. Conceptual foundations // Jablin F. M., Putnam L. L. (Eds.). The new handbook of organizational communication: Advances in theory, research, and methods. Thousand Oaks (CA), 2001. P. 3—46.; Cooren F. et al. Communication as organizing. Empirical and theoretical explorations in the dynamic of text and conversation. Mahwah (NJ), 2006.

³⁰⁹ Baran S., Davis D. Mass communication theory: Foundations, ferment, and future. Boston (MA), 2009. p.

11

³¹⁰ Anderson J., Baym G. Philosophies and philosophic issues in communication, 1995—2004 // Journal of Communication. 2004. Vol. 54. Issue 1. P. 589—615.

ривают знания о коммуникации как свободные от всяких ценностей, аналитические теории утверждают, что они наделены субъективными ценностями.

Тем самым вся область коммуникации предстает в виде четырехчастной матрицы: левый верхний ее сектор включает теории, которые носят основополагающий и эмпирический характер; правый верхний сектор включает теории, которые носят рефлексивный и эмпирический характер; правый нижний сектор включает теории, которые носят рефлексивный и аналитический характер; и, наконец, левый нижний сектор включает теории, которые носят основополагающий и аналитический характер³¹¹.

Опираясь на работы перечисленных выше авторов, И.Э.Клюканов предложил свою концепцию коммуникации, в рамках которой коммуникация предстает как процесс, в котором то, что испытывается ее участниками, становится (обще)значимым. Процесс коммуникации представляет собой ряд трансформаций, или (превращений, при этом результат каждого (пре)вращения (каждой трансформации значения) может быть представлен в виде точки, в которой опыт кажется осуществленным и признается общезначимым. Кажется, что в этой точке движение останавливается, но это лишь кажется, так как коммуникация - это постоянный процесс значимых трансформаций.

Клюканов считает не всегда оправданным использовать в качестве синонима понятия «коммуникация» слово «связь». «В слове «связываемость» слышатся оттенки механических действий, например, плетения сетей (включая электронные сети). Может быть, поэтому у данного слова в различных контекстах бывают отрицательные коннотации, ср. «быть связанным по рукам и ногам» или «опасные связи», но не «опасные соединения». Главное же различие, пожалуй, состоит в том, что в слове «связываемость» не так отчетливо проступает

³¹¹ Подробно см.: Клюканов И.Э. Коммуникационный универсум. М.: РОССПЭН, 2010.

значение (со)единения чего-то и чего-то в одно единое (живое) целое. Иными словами, говорить о коммуникации как о связываемости правомерно до определенной степени; следует иметь в виду ее живую природу, которая проявляется в со-общаемости чего-то с чем-то, их (со)единяемости в одно постоянно меняющееся и в то же время остающееся самим собой существо коммуникации. По мнению Клюканова, имеет смысл говорить не столько о связи/связываемости, сколько о соединяемости/сообщаемости. Суть коммуникации — это связываемость, со-единяемость, со-общаемость. Коммуникация - это постоянная попытка установить единение между собой и другим, между собой и миропорядком, между собой и собой, между собой и всем/и³¹².

Так понимаемая коммуникация может осуществляться – и осуществляется – в пяти разных формах, которые И.Э.Клюканов называет стадиями коммуникативного процесса. Критерием выделения типов (стадий) коммуникации, по Клюканову, являются особенности отношения субъекта коммуникации (в нашей терминологии инициатора коммуникации) к себе и к адресату коммуникации.

С точки зрения этого критерия Клюканов выделяет следующие уровни (стадии) коммуникации.

На первой стадии коммуникация предстает как линейный процесс передачи (трансмиссии) сообщения. Коммуникация как линейный однонаправленный процесс выступает в инструментальной функции. Данный процесс представляет собой не столько непрерывную линию, сколько серию дискретных точек, которые расположены в пространстве. Именно через эти дискретные компоненты достигается цель коммуникации, т. е. осуществляется обращение отправителя сообщения к его получателю, его вызов. Связь между ними устанавливается с помощью различных сигнальных средств. Акцент

³¹² Подробно см.: Клюканов И.Э. Коммуникационный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. С.214-215.

здесь делается на отправителе сообщения; например, с точки зрения классической риторики и классической теории информации, задача коммуникации заключается в том, чтобы вызвать у аудитории (получателя) ту или иную реакцию. Данная задача решается устранением нежелательной неясности. На первой стадии объекты коммуникации лишь узнаются отправителем как (якобы) неизменная данность. Иными словами, получатель не учитывается, т. е. не учитывается тот факт, что получатель способен выбрать не всегда то (а иногда — совсем не то), что было задумано отправителем.

На второй стадии коммуникация носит характер символического действия. Между отправителем и получателем устанавливается прямой контакт, поскольку отправитель начинает всматриваться в получателя, в его «лицо». В результате коммуникации как символического взаимодействия отправитель по-настоящему обращает внимание на объект, таким образом, на данной стадии основное внимание направлено на Другого. Попытка понять объект в лице Другого требует его интерпретации. Соответственно, вместо стремления к вневременному контролю над объектом мы вступаем с ним в диалог и даем ему возможность раскрыться. В то же время субъект (отправитель) - через Другого - начинает понимать себя, свою роль в процессе коммуникации. Вернее, мы понимаем не столько Другого и себя, сколько себя по отношению к Другому; понимание — это всегда понимание себя по отношению к какому-то (другому) объекту, причем в качестве объектов могут выступать люди (как тексты) и тексты (как люди), т. е. все то, что требует интерпретации и способствует формированию субъекта.

На третьей стадии коммуникация предстает как конституируемость общезначимого опыта. В фокусе внимания оказываются не столько сами эмпирические факты, сколько утверждения об этих фактах; иными словами, важным оказывается теоретическое знание, нацеленное не на использование в практических целях, а на уразу-

мение всеобщего миропорядка, первоначал и причин бытия. Соответственно, на данной стадии коммуникативная природа выступает как особый дискурсивно созданный миропорядок. Подобный миропорядок - это иерархическое образование, созданное в результате координированных действий по определенным правилам и на основе определенных ресурсов. Такие коммуникативные системы должны признаваться значимыми всеми, кто участвует в их конструировании. Таким образом, коммуникация здесь рассматривается как процесс сведения значения к чему-то общему, к определенному порядку, intersubjectively создаваемому и признаваемому в качестве общезначимой действительности.

На четвертой стадии акцент делается на получателе сообщения, который оказывается со-участником коммуникации и со-автором сообщения. Таким образом, природа коммуникации сводится к осознанию субъектом себя, т. е. своей роли в процессе коммуникации, и принятию им решения о своей и, соответственно, ее дальнейшей судьбе. Субъект пытается решить парадоксальную задачу, которую нельзя решить или же которую можно решить только путем создания новых задач. Иными словами, окончательного ответа для этой задачи найти нельзя; задачу коммуникации можно лишь постоянно решать, создавая новые задачи, новые значения, т. е. переозначивая коммуникацию. Коммуникация здесь — это творчество, посредством которого субъект создает возможности ее дальнейшего существования.

Здесь коммуникация предстает как процесс, в котором границы между ее участниками почти исчезают. На данной стадии субъект стремится соотнести себя со всем сущим и ничто не мыслить как чужое.

На последней – пятой – стадии коммуникация становится ритуальной. Ритуал как искусственная естественность — эта самая незащищенная коммуникация,

требующая особенно бережного отношения, что и достигается путем ее постоянного воссоздания³¹³.

Конкретизируя особенности каждой стадии, Клюканов выделяет следующие моменты.

Цель коммуникации.

На первой стадии происходит только узнавание реальности субъектом, который начинает находить объекты как бы в открытом пространстве. Здесь цель коммуникации можно считать достигнутой, если субъект каждый раз узнает объект все в том же (неизменном) значении, т. е. если объект отвечает на вызов субъекта каждый раз одним и тем же образом.

На второй стадии происходит позна(ва)ние Другого (и начало позна(ва)ния себя); здесь цель коммуникации достигается, если субъект узнает что-то новое (т. е. изменяющееся во времени, другое) об объекте и на основании этого (по)знания определяет свою роль, т. е. (по)знает, как осуществлять интеракцию с Другим в той или иной ситуации.

На третьей стадии формируется общее созна(ва)ние коммуникации; здесь цель коммуникации — сконструировать мир (значений), который разделяется как можно большим количеством участников коммуникации (в идеале — всеми).

На четвертой осуществляется осозна(ва)ние субъектом (своей роли в) коммуникации; здесь цель коммуникации достигается, если субъект соотносит себя с коммуникацией как миром значений, существующих к на-

³¹³ Надо сказать, что И.Э.Клюканов относится к ритуальной коммуникации и к ритуалам очень почитательно. На наш взгляд - чересчур почитательно. Очевидно, что любой ритуал является формой реализации некоего культа. Культ семьи проявляется в брачном ритуале и комплексе ритуалов внутрисемейных отношений. Культ социальной иерархии - в ритуале избрания государственных и общественных лидеров, в ритуале отношений между членами коллективов и других сообществ. Культ природы - в ритуалах почтения и поэтизации земли-матери и природных стихий, в восприятии и отображении растительного и животного миров, родных ландшафтов как гармоничных и прекрасных. Культ предков - в похоронных обрядах и ритуалах увековечивания, почитания. Наличие культов и обеспечивающих эти культы ритуалов – один из основных признаков традиционного (архаического) общества. Именно в традиционном обществе и на уровне отдельного человека, и на уровне сложившейся общности людей заданная социумом ритуальность воспринимается как незыблемая духовная ценность, освященная традицией и высшим разумом - Богом. В обществах модерна и постмодерна отношение к культам и ритуалам меняется вплоть до их полного отрицания.

стоящему моменту, и осуществляет акт переозначивания, в процессе которого проявляется его уход за коммуникацией/в коммуникацию.

На пятой стадии целью коммуникации является воссоздание значимой реальности, т. е. ее воссознание всеми (и всех), кто выступает частью данного процесса; здесь *цель* коммуникации - стать частью коммуникации, ее существом, забыть «свое ненужное я» и участвовать в ритуальных актах, которые не имеют никакой инструментальной значимости, возрождая саму возможность коммуникации.

Основной фокус.

На каждой стадии в фокусе внимания оказывается определенный аспект коммуникации, который совпадает с основным «агентом» коммуникации, тем существом, которое прежде всего лежит в основе ее движения.

На первой стадии в центре внимания — объективная (мате)реальность как таковая, воспринимаемая как природная данность; данную (мате)реальность составляют объекты, которые «изначально существуют», воспринимаемая органами чувств субъекта и отвечая на его вызов.

На второй стадии объекты (мате)реальности приходят в движение, и каждый объект предстает в каком-то новом, другом качестве; соответственно, в фокусе внимания оказывается Другой, в который субъект начинает всматриваться, как в зеркало.

На третьей стадии внимание переключается на действительность как определенный (дискурсивно созданный) миропорядок; здесь уже в фокусе не просто объекты, и «данные как таковые», а различные значимые конструкции, созданные в результате взаимодействия субъекта с Другим/и.

Основным объектом внимания на четвертой стадии выступает сам субъект, который теперь осознает свою роль в процессе коммуникации.

Наконец, на пятой стадии основным «агентом» коммуникации является коммуникация как таковая, здесь

уже нельзя выделить какой-то один ее аспект, на котором фокусируется внимание. Внимание обращено на весь коммуникативный универсум, т. е. обращается на себя. На данной стадии следует говорить уже не о «природной данности» (мате)реальности, а о ее воссозданности, т. е. о культивируемой («окультуриваемой») природности или естественной («натурализуемой») культуре («транс) культуре»).

Модус коммуникации.

Модус как модальность обычно понимается как способ существования чего-либо, как способ, которым нечто мыслится или описывается.

На первой стадии природу коммуникации, как было сказано выше, можно отождествить с (мате)реальностью; здесь природа коммуникации существует в буквальном смысле как ее природа, т. е. нечто наиболее естественное.

На второй стадии в природе коммуникации проявляется ее актуальный характер: важным становится то, что происходит здесь и сейчас, в конкретно-эмпирических ситуациях.

На третьей стадии коммуникация предстает как (сконструированная) действительность, т. е. не просто как природная данность, а как мир значений.

На четвертой стадии она может быть отождествлена с виртуальностью, когда каждый ее акт как бы существует и не существует в действительности; иными словами, коммуникация существует фактически.

Наконец, на пятой стадии коммуникация предстает как потенциальность, где/когда все, что существует, существует как возможность (продолжения коммуникации).

Соглашаясь – в принципе – с предложенной И.Э.Клюкановым схемой, считаем возможным добавить одно уточнение. На наш взгляд, речь должна идти не столько о стадиях некоего абстрактного коммуникативного процесса, сколько о видах (или типах) коммуника-

тивных актов, используемых конкретными коммуникантами в конкретных обстоятельствах. Выбор того или иного типа определяется особенностями участников коммуникации, из взаимоотношениями и характером обсуждаемого предмета.

Культура информационная или коммуникативная?

Высочайшая популярность понятийного аппарата теории информации, освященной такими именами, как Н. Винер, К. Шеннон, Р. Эшби и многие другие, стимулировала понимание коммуникации как процесса обмена информацией. При этом само понятие «информация» используется в литературе, по крайней мере, в четырех значениях. Под информацией понимается:

- 1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми;
- 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщения;
- 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик;
- 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (живой и неживой природы).

Вместе с тем, несмотря на различия в предлагаемых концепциях информации, нетрудно усмотреть то общее, что объединяет все определения. Этим инвариантом является положение о том, что информация – это сведения об окружающем мире и внутреннем состоянии системы, которые являются объектом хранения, преобразования, передачи и использования.³¹⁴

³¹⁴ О различных определениях понятия информации см.: Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1958; Эшби Р. Введение в кибернетику. – М., 1959; Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетики.

Принципиально важно подчеркнуть, что уже в классической книге Н. Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», положившей начало этому направлению исследований, информация начала пониматься как феномен, органически связанный с управлением, как необходимая предпосылка и условие оптимальности управления.

Логично, что сторонники этого подхода используют для обозначения процессов производства и распространения смыслов, упакованных в различные тексты, понятие «информационная культура». Это понятие стало активно использоваться в 70–80-е годы XX века.

Современные исследователи по-разному трактуют термин «информационная культура». ³¹⁵ Вот лишь некоторые из определений.

- Информационная культура – область культуры, связанная с функционированием информации в обществе и формированием информационных качеств личности. ³¹⁶
- Информационная культура личности – гармонизация внутреннего мира личности в ходе освоения всего объема социально-значимой информации. ³¹⁷
- Информационная культура – информационная деятельность аксиологического характера, то есть обусловленная ценностями культуры. ³¹⁸

– М., 1963; Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. – М., 1965. Т. 7. Вып. 1. Хабаров И.А. Философские проблемы семиотики. – М., 1978.

³¹⁵ Обзор подходов к пониманию информационной культуры представлен в работе: Елистратова Н.Н. Информационная культура как критерий информатизации высшего образования в современных условиях реформирования. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/07/15770>. Теоретический и методологический анализ проблематики информационной культуры представлен в работе: Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: Учебно-метод. пособие. – М., 2002.

³¹⁶ Вохрышева М.Г. Формирование науки об информационной культуре // Проблемы информационной культуры: Сб. ст. Вып. 6. Методология и организация информационно-культурологических исследований / Науч. ред.: Ю.С. Зубов, В.А. Фокеев. – М.: Магнитогорск, 1997. С. 57.

³¹⁷ Зиновьева Н.Б. Информационная культура личности: Введение в курс: Учеб. пособие для вузов культуры и искусства / Под ред. И.И. Горловой. – Краснодар: Краснодар. гос. акад. культуры, 1996. С. 141.

³¹⁸ Гречихин А.А. Информационная культура: Опыт типологического определения // Проблемы информационной культуры: Сб. ст. /Под ред. Ю.С. Зубова, И.М. Андреевой. – М., 1994. С. 15.

- Информационная культура – качественная характеристика жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации, где приоритетными являются общечеловеческие духовные ценности.³¹⁹

- Информационная культура – совокупность информационных возможностей, которые доступны специалисту в любой сфере деятельности в момент развития цивилизации.³²⁰

- Информационная культура- уровень знаний, позволяющий человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию.³²¹

- Информационная культура – степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией: ее получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, ее передаче, практическом использовании.³²²

- Информационная культура характеризует уровни развития конкретных обществ, народностей, наций, а также специфических сфер деятельности (например, культура труда, быт, художественная культура). Информационная культура неразрывно связана со второй (социальной) природой человека. Она является продуктом его творческих способностей, выступает содержательной стороной субъект–субъектных и объект–объектных отношений, зарегистрированных при помощи различных материальных носителей.³²³

³¹⁹ Хангельдиева И.Г. О понятии «информационная культура» // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф. Краснодар – Новороссийск, 23-25 сент. 1993 г.: Тез. докл. – Краснодар 1993. С. 2.

³²⁰ Семеновкер Б.А. Информационная культура: от папируса до компактных оптических дисков // Библиогр. 1994. № 1. С.12.

³²¹ Медведева Е.А. Основы информационной культуры // Соис. 1994. № 11. С. 59.

³²² Семенюк Э.Л. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. Сер.1. 1994. № 7. С. 3.

³²³ Соснина Т.Н., Гончуков П.Н. Словарь трактовки понятия «информация». – Самара, 1997. С. 48.

- Информационная культура - это 1) качественное состояние системы производства, распространения, потребления социальной информации в обществе, отвечающей целям его самосохранения и развития; 2) свод умений и навыков человека оценивать, потреблять, усваивать, передавать воспринимаемую по межличностному, групповому и массовому коммуникативным каналам социальную информацию.³²⁴

Обобщение этих и других высказываний дает основание для выделения двух основных подходов, в рамках которых преимущественно ведется рассмотрение понятия «информационная культура». В рамках первого подхода преобладающее внимание сосредоточено на характеристиках, отражающих возможности индивида в области работы с информацией (поиском, отбором, систематизацией, анализом), наличие у него знаний, умений, навыков, связанных со структурой и содержанием информационных практик. Этот подход представлен в работах Г.Г. Воробьева, Л.В. Гугля, К.Т. Аудриной, Л.В. Нургалеевой, Г.Б. Паршуковой, А.А. Парахина и др. В рамках второго подхода информационная культура представляется как способ жизнедеятельности человека в информационном пространстве общества, как важная составляющая культуры человека и человечества (работы И.Г. Белоглазкиной, А.А. Витухновской, Н.Б. Зиновьевой, В.Е. Леончикова, Э.П. Семенюка и др.).

Н.Н. Елистратова, обобщив работы коллег, предложила следующую модель структурных элементов информационной культуры:

- а) коммуникативная культура (культура общения);
- б) лексическая (языковая, культура письма);
- в) книжная;

³²⁴ Киричѣк П.Н. Информационная культура и этика журнализма. В кн.: Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб.: Роза мира, 2006.

г) интеллектуальная (культура научного исследования и умственного труда);

д) информационно-технологическая (культура использования современных информационных технологий);

е) информационно-правовая;

ж) мировоззренческая и нравственная.³²⁵

В этой же работе представлена модель информационной культуры личности³²⁶ (табл. 3).

В связи со сказанным выше возникает проблема соотношения категорий «информационная культура» и «коммуникационная культура». Мы склоняемся к мысли о том, что наиболее абстрактным является понятие «коммуникационная культура», которое вбирает в себя все остальные понятия, связанные с процессами производства, распространения, восприятия информации.

Если исходить из предложенного выше понимания культуры как сложноорганизованной системы, внутренняя сторона которой представлена знаниями, ценностями и нормами, а внешняя – матрицами и смыслами, то понятие «коммуникативная культура» приобретает необходимую ясность. Этим понятием стоит обозначать накопленные в сфере коммуникации знания, ценности и нормы, проявляющиеся себя, во-первых, в разнообразных философско-идеологических концепциях, задающих смысловые рамки понимания функций коммуникации и во-вторых, технологиях коммуникации, которые мы обозначили понятием «коммуникационные матрицы».

Таблица 3

Компоненты информационной культуры личности

³²⁵ Елистратова Н.Н. Информационная культура как критерий информатизации высшего образования в современных условиях реформирования // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 7. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/07/15770>

³²⁶ Там же.

Когнитивный	Эмоционально-ценностный	Действенно-практический
<p>1. Компьютерная грамотность.</p> <p>2. Навыки обращения с информацией:</p> <ul style="list-style-type: none"> - умение организовать поиск информации; - умение работать с отобранной информацией: структурировать, систематизировать, обобщать; - умение использовать информацию в коммуникации. 	<p>1. Содержание информационных потребностей и интересов.</p> <p>2. Мотивы обращения к различным источникам информации.</p> <p>3. Предпочтительность каналов получения необходимой информации.</p> <p>4. Самооценка степени удовлетворения информационных потребностей.</p> <p>5. Отношение к компьютерным технологиям.</p>	<p>1. Способы поиска и каналы получения необходимой информации.</p> <p>2. Интенсивность обращения к различным источникам информации.</p> <p>3. Применение полученной информации в различных сферах своей деятельности.</p> <p>4. Степень включенности в интернет-сообщество.</p> <p>5. Формы деятельности в интернете.</p>

Основные смыслы, вкладываемые в понятие «коммуникации» в современной науке, достаточно подробно описаны в зарубежной и отечественной литературе.³²⁷ С обзором этой литературы и взглядами автора этой книги можно ознакомиться в работе «Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты».³²⁸ Поэтому вряд ли имеет смысл снова пересказывать длинную и противоречивую историю становления теории коммуникации. Обозначим лишь некоторые ключевые моменты.

Коммуникация как активность

Прежде всего, следует заметить, что существуют различные подходы к соотношению понятий «коммуникация» и «общение». Многие авторы придерживаются подхода, в соответствии с которым эти понятия этимологически и семантически тождественны. Сторонники такого подхода видят в коммуникации (общении) процесс передачи некоего содержания от одного субъекта

³²⁷ Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001; Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999; Конечная В.П. Социология коммуникации. – М., 1997; Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005; Луман Н. Теория общества // Теория общества. Сборник. – М., 1999. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культурой. – Киев, 2003; Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005; Маклюэн М. Понимание медиа. – Жуковский: Канон-пресс Ц, 2003; Мальковская И.А. Знак коммуникации. – М.: УРСС, 2004; Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1994; Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973; Основы теории коммуникации. – М., 2003; Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М., 1998; Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб., 2002; Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – М.: Наука, 2006; Черных А.И. Мир современных медиа. – М., 2007; Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. – М., 2008; Яковлев И.П. Основы теории коммуникаций. – М., 2001; Balle Francis *Medias et societates*, 10e ed., Montchrestien, 2001; Castells M. *The Rise of the Network Society*. L.: Blakwell Publishers, 1996; De Fleur M.L., Ball-Rokeach S.J. *Theories of Mass Communication*. New York, 1989; Eisenstein E. *The printing revolution in Early Modern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Flichy P. *Une histoire de la communication moderne*, Paris : La Découverte, 1991; Garnham N. *Capitalism and Communication (Media, Culture & Society)*, London: Sage Publications, 1990; I in the Sky: *Visions of the Information Future* / Ed. A.Scammell. Aslib, 1999; *Information Insights: Case Studies in Information Management* / Ed. S.Simmons. Aslib, 1999; McQuail D. *Mass Communication Theory: An Introduction*. London: Sage, 1983; McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory*, London: Sage Publications, 2000; McQuail D. *Media Performance: Mass Communication and the Public Interest*. London: Sage, 1992; Mosco V. *The Political Economy of Communication (Media Culture & Society series)*, London: Sage Publications, 1996; Rifkin J. *The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, Where all of Life is a Paid-For Experience*. N-Y: Tarcher, 2001; *Shaping the future media system*, edited by Zassoursky Y., Moscow: Unesco, 2004; *The Internet: its Impact and Evaluation* / Ed. D. Nicholas, I. Rowlands. Aslib, 2000; Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture*. Oxford: Polity Press, 1990.

³²⁸ Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. Монография. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

(индивидуального или коллективного) к другому посредством знаков. Иногда акцент делается на том, что коммуникация не просто передает информацию, а объединяет людей в некие общности. Таким образом, коммуникация может рассматриваться как система, обеспечивающая взаимодействие различных социальных субъектов в социокультурном пространстве на основе процессов создания, обмена, хранения и трансляции культурных смыслов, ценностей и образов действий.

Однако есть другая точка зрения, согласно которой понятие «коммуникация» применимо к любым контактам любых систем, включая институциональные и технические, в то время как понятие «общение» фиксирует исключительно взаимодействие между людьми. Однако было бы неверным полагать, что понятие «коммуникация» полностью покрывает понятие «общение». Разумеется, сфера, способы и динамика общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных отношений, принадлежностью к той или иной общности; они регулируются факторами, связанными с производством, обменом и потреблением, с отношением к собственности, а также сложившимися в обществе писаными и неписаными правилами, нравственными и правовыми нормами, социальными институтами, службами и т.д.

Есть еще один немаловажный аспект: общение неразрывно связано с психикой человека. Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития. Но эта детерминанта не есть нечто внешнее по отношению к психическому. Общение и психика внутренне связаны. В актах общения осуществляется как бы презентация «внутреннего мира» субъекта другим субъектам и вместе с тем самый этот акт предполагает наличие такого

«внутреннего мира»,³²⁹ в то время как коммуникация может вполне обходиться без психических процессов. Общение предполагает не только восприятие и понимание, чего достаточно для коммуникации, но и сопереживание. Если коммуникация может осуществляться индивидом как чисто технический процесс, в котором и он, и адресат выступают в роли технических устройств, воспринимающих, перерабатывающих полученную информацию и действующих по заданному в этой информации алгоритму, то общение предполагает вовлечение и раскрытие субъективного мира личности – его мотивов, целей, склонностей, образа мышления, эмоций и т.д. Специфика общения, в отличие от любых других видов взаимодействия, как раз и состоит в том, что в нем прежде всего проявляются психические качества людей.

Мысль о том, что основной формой постижения субъективности, внутреннего мира «другого» является общение, (субъект–субъектная коммуникация, которая радикально противоположна отношению «субъект–объект») многократно высказывалась в работах К. Ясперса, Э. Гуссерля, М. Бубера, М. Хайдеггера, Э. Левинаса, Ю. Хабермаса и многих других исследователей. В той или иной степени эту позицию излагали А. Швейцер, Ж.-П. Сартр, Г. Маркузе и Т. Адорно.

Известный американский теоретик коммуникации У. Шрамм в свое время писал: «Коммуникация (во всяком случае, человеческая коммуникация) – это то, что совершается людьми. Сама по себе, без людей – она не существует. В ней нет ничего магического, кроме того, что в нее вкладывают люди, вступая в коммуникационные связи. В сообщении нет другого содержания, помимо того, которое в него вложили люди. Таким образом, изучающий коммуникацию изучает людей, вступающих в отношения друг с другом, со своими группа-

³²⁹ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.

ми, организациями и обществом в целом. Они воздействуют друг на друга, информируют одних и являются информированными со стороны других, обучают одних и учатся у других, развлекают одних и развлекаются благодаря усилиям других при помощи определенных знаков, существующих независимо от каждого из них. Чтобы понять процесс человеческой коммуникации, необходимо понять, как люди общаются между собой».³³⁰

Другими словами, речь идет о том, что коммуникация представляет собой такую сферу, которая обеспечивает возможность и определяет способы реализации коммуникативной активности людей.

В современной литературе понятие «коммуникативная активность» чаще всего используется для обозначения некоей количественной меры представленности субъекта в информационном пространстве. В различных текстах мелькают выражения: «коммуникационная активность компании», «коммуникационная активность после сделки» и т.п. Иногда это понятие используется как синоним для понятия «общение». Тогда говорят о том, что общение как форма коммуникативной активности определяется социальными функциями людей, их положением в системе общественных и производственных отношений, ролью в той или иной общности людей, сложившимися в обществе писаными и неписаными правилами, нравственными, правовыми нормами и т.д.

Определяя место коммуникационной активности в системе «активностей» человека, в качестве гипотезы можно предположить, что активность человека представляет собой многослойный «пирог», состоящий, по крайней мере, из трех слоев:

- ведущая активность (например, трудовая, политическая, гражданская или любая другая);

³³⁰ Schramm Wilbur. The Nature of Communication Between Humans // Process of Effects of Mass Communication / Rev. ed. by Wilbur Schramm and Donald F.Roberts. – Urbana, 1971. P. 17.

- коммуникативная активность, направляющая энергетику личности на поиск связей и контактов, необходимых для реализации ведущей активности и проявляющаяся в осознаваемой потребности искать и получать информацию и в не менее яркой потребности сообщать свои мысли другим людям;

- медиа-активность, управляющая действиями индивида по поиску (или производству) информации в медиасфере.

Деятельностный подход к коммуникации

Еще один комплекс представлений, связанных с категорией «коммуникация», опирается на понимание коммуникации как деятельности. Обычно, говоря о деятельностном подходе к коммуникации, указывают на необходимость различения *механистического* и *деятельностного подхода к коммуникации*. При этом понятием «механистический подход» обозначают сформулированную классиками теории коммуникации концепцию процесса кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения, а понятием «деятельностный подход» – совместную деятельность участников коммуникации, в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними.

Дальнейшее развитие деятельностного подхода к коммуникации предполагает понимание деятельности как специфического вида активности человека, направленной на познание и творческое преобразование окружающего мира, включая самого себя и условия своего существования. В деятельности человек создает предметы материальной и духовной культуры, преобразует свои способности, сохраняет и совершенствует природу, строит общество, создает то, что без его активности не существовало в природе.³³¹

Всякая деятельность имеет определенную структуру. В простейшем варианте структура акта деятельности включает следующие элементы: «Цель» – «Средство» – «Результат». Согласно этой парадигме, любую деятельность можно рассматривать как состоящую из трех компонентов (обычно чередующихся последовательно):

³³¹ Большой вклад в становление и разработку деятельностного подхода к пониманию коммуникации внесли отечественные ученые М.М. Бахтин, А.В. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Г.С. Батищев, А.А. Брудный, Г.И. Богин и другие исследователи. Подробный анализ высказанных этими учеными взглядов представлен в книге: Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М., 2012.

- в начале любой деятельности человек, синтезируя большое количество информации, вырабатывает цель деятельности, то есть начинает представлять более или менее ясную картину желаемого будущего, то конечное состояние, в которое он хочет привести ситуацию и себя;

- далее в ход идут средства, то есть ресурсы, который человек готов истратить на достижение цели,³³²

- итогом любой деятельности является актуализация результата – того итога, которого достиг человек.³³³

Более сложная модель включает в свой состав и самого субъекта, в качестве которого может выступить отдельный индивид, группа людей или общество в целом, а также цель, средство, предмет, действие, операции, результат. «Действием, – пишет А.Н. Леонтьев, – мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчиненный сознательной цели». Действие всегда отвечает какой-либо задаче, которая и является целью, данной в определенных условиях.³³⁴

Действие имеет интенциональный (то есть *что нужно делать*) и операциональный аспекты (*как этого достигнуть*).³³⁵

Существуют еще более сложные модели деятельности. Разработка современных основ теории деятельности была выполнена в трудах Г.П. Щедровицкого, высказавшего важную мысль о том, что человеческая деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная це-

³³² Понятие «средство» иногда заменяют понятием «инструментарий».

³³³ В современной литературе понятие «результат» очень часто заменяется понятием «эффект».

³³⁴ Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв. Т. 2. М., 1983. С. 153, 156.

³³⁵ Все действия и поступки человека должны быть признаны мотивированными и целенаправленными. И в так называемых импульсивных, и в автоматизированных действиях есть потребность (желание) и цель. Импульсивные действия всегда преднамеренные и произвольные, но при формировании намерения в импульсивных действиях ослаблен волевой и нравственный контроль за процессом мотивации. В автоматизированных действиях волевой и нравственный контроль за процессом мотивации игнорируется ввиду стереотипности ситуации.

лостность, значительно более широкая, чем сами «люди»: «Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она сама «захватывает» их и заставляет «вести» себя определенным образом».³³⁶

Коммуникации: институциональный подход

В России в течение довольно долгого времени массовую коммуникацию рассматривали чаще всего в рамках научного направления, основателем которого считается Ю.В. Рождественский,³³⁷ а именно как периодический комплексный (включающий различные компоненты: радио, кино, телевидение, газету, рекламу) текст (дискурс), «назначение которого состоит в распространении новой текущей общественно значимой информации».³³⁸

Ю.В. Рождественский рассматривает язык как историко-культурный объект, основным назначением которого является фиксация и хранение достижений культуры.³³⁹ В предлагаемой ученым классификации словесности по родам, видам и разновидностям отражены основные этапы последовательного становления и развития человеческой речевой деятельности: УСТНАЯ РЕЧЬ → ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ → ПЕЧАТНАЯ РЕЧЬ → МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ.

Согласно такому представлению, массовая коммуникация относится к наиболее позднему по происхождению роду словесности. Она объединяет в себе все характерные черты более ранних родов словесности и сочетает в себе устную и письменную формы речи, объединяет все виды искусств и обращена к массовой аудитории.

³³⁶ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., 1995. С. 232-298.

³³⁷ Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М., 1979; Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996; Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1999.

³³⁸ Волков А.А. Филология и риторика массовой информации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. С. 61.

³³⁹ Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996.

В филологических науках принято считать, в частности, журналистику и рекламу видами массовой коммуникации и выделять в них аналогичные признаки.³⁴⁰

Не отрицая правомерности филологических подходов к массовой коммуникации, все большее количество специалистов склоняется в мысли о том, что массовая коммуникация есть специфический социальный институт. Так, Дж. Томпсон пишет: «массовая коммуникация представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации».³⁴¹

В международной энциклопедии социальных наук констатируется: «Массовая коммуникация включает институты, посредством которых специализированные группы используют технологические устройства (пресса, радио, кино и т.д.) для распространения символического содержания большим, гетерогенным и рассредоточенным аудиториям».³⁴² Как и любой общественный институт, СМИ возникают в ответ на общественную потребность в объективном процессе разделения труда, а в более общем плане – в процессе дифференциации человеческой чувственно-предметной деятельности и общественных отношений. Потребности и условия их удовлетворения формируют соответствующие интересы и целевые установки, которые и выступают уже непосредственными детерминантами генезиса становления и развития общественных институтов. Поэтому одна из специфических особенностей возникновения последних состоит в том, что они есть результат совместной целенаправленной деятельности группы людей, реализации их целевых установок. Институционализация деятельности предполагает известную стандартиза-

³⁴⁰ Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2003. С. 57.

³⁴¹ Tompson J. Ideology and Mass Culture. – Oxford, 1990. P. 219.

³⁴² The Study of the Mass Communication // International Encyclopedia of the social Science. Vol. 3. – N.Y., 1968. P. 47-53.

цию этих установок, закрепление в определенных формах и создание условий для их воспроизводства.

Начиная с Э. Дюркгейма и Г. Спенсера, социальные (иногда их называют «общественные») институты рассматриваются как определенные способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивида. В современной науке понятием «институт» обычно обозначается система устойчивых отношений по поводу согласования (упорядочения) форм совместных взаимодействий индивидов на основе использования норм и правил, разделяемых участниками взаимодействий.³⁴³

Естественно, что в различных ситуациях формы поведения отличаются и обусловлены различными привычками, обычаями, традициями. Т. Веблен и современные авторы называют их институциями. Таким образом, институции – представления о формах жизни; традиции, ценности, обычаи, определяющие общественные отношения. Можно сказать, что институция является самодостаточной категорией и представляет собой базовый элемент института, то есть является «ядром» института и, соответственно, у каждого института оно свое (*рис. 5*).

³⁴³ Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 45.

Рисунок 5. Взаимосвязь категорий, входящих в понятие «институт»

Институты возникают органически, то есть спонтанно, как результат бесчисленного воспроизводства одних и тех же процессов взаимодействия. Однако выполнение ими необходимых функций в современном сложном обществе требует специального – организационного – оформления. Организации – это также социальные институты, но особого рода, а именно: сознательно выработанные и целесообразно сконструированные образования, предназначенные для выполнения определенных функций. Главное отличие организации от института состоит в том, что институт возникает, если так можно сказать, органически, он – результат естественного развития общества, тогда как организация – сознательно создаваемое образование, результат рационального творчества. В этом смысле организации представляют собой артефакт, функционирующий на основе принятого институционального поведения. Если произ-

водство, экономика, образование, здравоохранение, защита собственной территории, борьба с преступностью, религия, коммуникация – это институты, то промышленные предприятия, университеты, больницы, армии, тюрьмы, церкви, газеты, радио и телеканалы – организации. Можно сказать, что организация – это та конкретная форма, которую каждое данное общество находит для соответствующего социального института.

Многообразие форм взаимодействия людей подразумевает и разнообразие видов институтов. Существуют мировые, национальные, региональные институты, институты на макро- и микроуровнях.

В отличие от старых институционалистов неинституционалисты – прежде всего Д. Норт – придают понятию «институт» более широкий смысл. Согласно известному определению Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере и экономике. Д. Норт считает, что формальные институты устанавливаются и поддерживаются сознательно, в основном силой государства. Они выстраиваются в определенную иерархию: правила высшего порядка изменить труднее, чем правила низшего порядка (конституцию труднее, чем закон, а закон труднее, чем административный акт). Неформальные институты складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы.

М. Дерябина отмечает, что формальные институты более легко поддаются изменениям, поскольку после принятия юридических решений формальные правила могут меняться одномоментно (изменения в конституции, решения суда). В свою очередь, неформальные институты (общепринятые привычные стереотипы и нормы поведения,

укоренившиеся в индивидуальном и общественном сознании) составляют наиболее прочное «ядро» системы институтов. По мнению М. Дерябиной, в большинстве случаев (за исключением, когда допущенные нарушения реально и неотвратно влекут за собой карающие санкции властей) люди предпочитают опираться на неформальные институты, соблюдая требования формальных в той степени, в какой они не противоречат сложившимся интересам.

Анализируя взаимодействие индивидов и институтов, Дж. Найт указывает, что происхождение и изменение институтов представляет собой «продукт усилий отдельного актора ограничить действия других акторов, с которыми он взаимодействует».³⁴⁴ Далее те акторы, которые занимают наиболее выгодные с точки зрения стратегических ресурсов позиции, осознают ограниченность своих действий, которую на него накладывают уже существующие институты. Именно поэтому он заинтересован в изменении социальных институтов за счет существующих ресурсов для достижения «стратегических преимуществ».³⁴⁵ А поскольку все институты тесно связаны в сети с другими институтами, образуя «плотно взаимосвязанные институциональные матрицы»,³⁴⁶ изменения в одном институте влекут к реформатированию других институтов.

В поздних работах Д. Норта³⁴⁷ также можно найти объяснение изменения институтов с точки зрения политических процессов. Среди этих факторов особое значение приобретает роль государства, которое может вы-

³⁴⁴ Knight J. *Institutions and Social Conflict*. – Cambridge, 1992. P. 19. Цит. по: Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Клемент К.М. и др. *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России* / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Pierson P. *Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics* // *American Political Science Review*. 2000. Vol.94, No.2. P.264. Цит. по: Дука А. *Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты* // *Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей* / Под ред. А.В.Дуки. – СПб: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 162-186. URL: <http://politstudy.info/?p=209>

³⁴⁷ См., напр.: North D. *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge University Press, 1996; North D. *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton University Press, 2005.

брать одну из двух стратегий поведения. Одна из них предполагает предоставление населению общественных благ в обмен на уплату налогов. В этом случае государство будет способствовать формированию экономически эффективных и безличных институтов. Другая стратегия направлена на максимизацию монопольной ренты, составляющей разницу доходов и расходов государственного бюджета. В этом случае возможно не только сохранение неэффективных институтов ради сохранения ренты, но и изменение существующих, если перераспределение собственности в случае изменения принесет больше выгод.

В ходе социализации индивидов происходит «субъективация» институтов, когда соответствующие модели поведения интегрируются в психический строй личности. Процесс, в ходе которого индивид признает и принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, называется в социологии интернализацией (в психологии для обозначения этого феномена используется понятие интериоризации). Представление о мире и должном поведении только тогда устойчивы, когда они становятся частью психической структуры, то есть интериоризированы.

По мнению Э. Гидденса, рассматривающего структуру (то есть институты) как часть деятельности, а точнее, поведения индивидов, «структуры могут ограничивать нашу деятельность, но они не могут детерминировать ее. Преодолению противоречия между «структурным» и «деятельностным» подходами могло бы способствовать осознание того, что в ходе нашей повседневной деятельности мы активно создаем и изменяем социальную структуру».³⁴⁸ Э. Гидденс особо подчеркивал роль элиты как специфического актора, принимающего стратегические решения, а значит обладающего особыми ресурсами. Именно элиты способны утвер-

³⁴⁸ Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 632.

ждать новые практики, которые «утвердившись, приобретают автономию по отношению к субъекту и начинают форматировать его деятельность»,³⁴⁹ это определяет дуальность любой структуры, то есть способность изменяться под влиянием деятельности индивидов и способность влиять на эту деятельность.

Один из путей трансформации институтов – это неформальная институционализация, то есть процесс изменения формальных институтов под влиянием неформальных практик. В этом случае особое значение имеют те поведенческие установки, что наиболее характерны для представителей элиты: чем более устойчивыми будут эти практики, чем больше будет разрыв двух институциональных систем, тем более будет приложено усилий для изменения институтов.

Применительно к анализируемой проблеме можно сказать, что коммуникация – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма символического взаимодействия между людьми. Или – по-другому – это «определенная организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему обусловлены содержанием конкретной, решаемой социальным институтом задачи».³⁵⁰

Начало институциональному подходу к коммуникации заложил Ч. Кули, автор теории «приобщения» индивидов к «большому сознанию» как совокупности накопленных социально значимых «состояний чувствования» и «отображений (*imaginations*)». Он выделил коммуникацию в качестве средства актуализации «органически целого мира человеческой мысли».³⁵¹ Дж. Г.

³⁴⁹ Цит. по: Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис. ... докт. пед. наук. – М., 2004.

³⁵⁰ Основы социологии: Учебное пособие / Под общ. ред. М.В. Прокопова. – М.: Издательство РДЛ, 2001. С. 128.

³⁵¹ Cooley C.H., Berelson B., Janowitz M. The Significance of Communication // *Opinion and Communication*. – N.Y., 1953. P. 149

Мид в русле таких же рассуждений рассматривал общество как результат совокупности процессов взаимодействия индивидов друг с другом. Он отмечал, что тождество образующихся в сознании индивидов значений актов взаимодействия позволяет каждому из них принимать на себя роль «другого», в том числе и «обобщенного другого», когда накопленный ими опыт предстает редуцированным таким образом, что выступает по отношению к ним в качестве общезначимого и общедоступного.³⁵² Отсюда уже как бы само собой напрашивается представление о «коммуникации», или общении коммуникатора и аудитории, как отношений «социальных актеров», которых объединяет одинаковый смысл, вкладываемый ими в распространяемые при этом сообщения.

С точки зрения этого подхода, любые коммуникации являются социальным институтом, организующим деятельность включенных в сферу его влияния людей по определенным жестким правилам, сформировавшимся столетиями и чрезвычайно трудно поддающимся трансформации. Как писал Томас Манн, «каждый человек исполняет свою роль, воссоздавая определенные заданные формы, определенные мифические схемы, установленные предками». Даже страдание, реакция, которую невозможно контролировать, является, по мнению этого писателя, лишь «подражанием и продолжением»: когда в романе «Иосиф и его братья» рассказывается о поведении и словах Иакова, оплакивающего смерть Иосифа, Т. Манн комментирует их так: «То не были собственные его слова... так говорил уже Ной при виде потопа, и слова Ноя Иаков присвоил себе... Иаков мог применить к своему горю слова подобной чеканки... хотя не следует думать, будто это лишало их непосредственности». Комментируя этот эпизод, Милан Кундера пишет «Важное замечание: подражание не означает отсутствие

³⁵² Mead G.H. *Self and Society*. – Chicago, 1934. P. 3.

подлинности, поскольку индивидуум не может не подражать тому, что уже имело место; каким бы искренним он ни был, он только перевоплощение, и каким бы достоверным он ни выглядел, он всего лишь производное от советов и наказов, исходящих из колодца прошлого».³⁵³

Это означает, что СМИ в целом представляют собой не просто совокупность организаций и коллективов, исполняющих добровольно взятые на себя определенные обязанности. Это довольно жесткая система правил, норм, общественных ожиданий, в соответствии с которыми должны исполняться эти обязанности.³⁵⁴ Эти правила, нормы, ожидания объективируются в виде определенного статуса людей, обеспечивающих функционирование системы массовой информации, а также в виде ролей, исполнение которых возлагается (а иногда навязывается) на людей, ассоциирующихся с данным институтом.

Многие исследователи указывают, что, несмотря на всю свою масштабность, чаще всего институты массовой коммуникации обеспечивают реализацию целей других – более влиятельных – социальных институтов. Так, например, Б.Н. Лозовский включает в число субъектов, которые манипулируют средствами массовой информации: государство и его многочисленные структуры, включая силовые; финансово-промышленные системы; политические объединения и партии; общественные организации; специализированные рекламные, «пиаровские», консалтинговые предприятия; социальные группы. Имеют свои особенности и ресурсы манипулятивного воздействия как аудитория периодической печати, радио и телеканалов, так и сама цеховая корпорация, журналистское сообщество. У всех них разная степень воздействия на СМИ. Самая высокая (эффек-

³⁵³ Кундера М. Нарушенные завешания. – СПб., 2008. С. 19.

³⁵⁴ «Журналисты должны...». «Журналисты не должны...». Президент, Премьер-министр, спикеры обеих палат, министры, олигархи – далее по списку до малолетнего ребенка – знают, что журналисты должны делать и чего они делать не должны. И горе журналисту, мнение которого о своих обязанностях не совпадает с общественными ожиданиями.

тивная) за учредителями, издателями, органами, которые финансируют СМИ в значительных объемах; партнеры по бизнесу, крупные подписчики (например, информационных агентств); все остальные, кто намерен за счет СМИ подавить конкурентов, получить бесплатную рекламу, повлиять на определенный сегмент аудитории.³⁵⁵

Коммуникационные матрицы как структурные элементы коммуникативной культуры

Современная наука доказала, что любое коммуникативное действие опосредовано обязательными нормами и правилами, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания и которые должны пониматься и признаваться, по крайней мере, двумя субъектами, осуществляющими коммуникацию. В работах Е. Гоффмана³⁵⁶ и Х. Сакса³⁵⁷ показано, что любая беседа возможна, только если все стороны соблюдают строгий набор правил, руководящих, например, чередованием реплик или сменами темы. Небольшого неповиновения им достаточно, чтобы превратить любую коммуникацию в хаос. В свою очередь, следование этим правилам подразумевает следование другим, более общим, руководящим решением таких поведенческих задач, как распределение внимания. Продвигаясь еще дальше, необходимость решения этих задач и их точные условия вытекают из более широкого определения социальной ситуации, в которой происходит разговор.

Существует большое количество содержательно близких понятий, с помощью которых обозначаются эти «регуляторы» коммуникативного поведения: аксиомы, принципы, установки, постулаты, нормы, пра-

³⁵⁵ Лозовский Б.Н. Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации. – Екатеринбург, 2007. URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1434/5/1324647_schoolbook.pdf

³⁵⁶ Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. – Glencoe: The Free Press, 1963; Goffman E. Forms of Talk. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

³⁵⁷ Sacks H. Lectures on Conversation. – Oxford, UK&Cambridge, Mass.: Blackwell, 1992.

вила, дискурсы, конвенции, кодексы, паттерны и т.д.³⁵⁸ Однако ряд российских исследователей предпочитает использовать вместо них понятие «матрица».³⁵⁹ Оно происходит от латинского *matrix* (матка) и используется в металлообработке для обозначения инструментов со сквозным отверстием или углублением, используемых при штамповке, прессовании, а также в полиграфии для обозначения металлической пластинки с углубленным прямым изображением буквы или знака, служащей формой для отливки литер. И этот смысл – форма, задающая параметры для чего-то, – предоставляет широкие возможности для использования данного понятия. Автор этой монографии также исходит из того, что для обозначения систем знаний, ценностей и норм, определяющих специфику коммуникации разных субъектов в разных ситуациях, целесообразно использовать понятие «коммуникационная матрица», проявлениями которой выступают описанные выше аксиомы, принципы, дискурсы, конвенции, кодексы, паттерны.

На наш взгляд, система матриц, определяющих коммуникативное поведение человека, может быть представлена в виде сложноорганизованной многоярусной системы. В фундаменте этой системы располагаются скрытые от непосредственного созерцания и освоения глубинные матрицы, связанные с устройством данного общества, описанные в разделе, посвященном анализу понятия «культура».

Над так понимаемым фундаментом надстраиваются матрицы, задающие общие правила функциони-

³⁵⁸ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: технологии манипулирования в интернете. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.

³⁵⁹ Иванова Т. Стратегическая матрица России // Экономические стратегии. № 01-2008. С. 76-84; Иванова Т. Стратегическая матрица России. Главные тенденции в 2009 г. // Экономические стратегии. № 1–2/2010; Логинов Е. Стратегическая матрица развития России в условиях глобальной конкуренции // Экономические стратегии. № 02-2008. С. 32-37; Никонов В.А. Российская матрица. – М.: «Русское слово – учебник». 2014; Матрица русской культуры. Миф? Двигатель модернизации? Барьер? – М., 2012; Лелехин В. Глобальная матрица. Может ли Россия ей противостоять. URL: https://ria.ru/zinoviev_club/20170502/1493496891.html; Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуниктивистики // Полифония медиатекста. Сборник научных статей. – М.: РГСУ, 2011. С. 4-32; Шевцова Л. Русская матрица: искусство перевоплощения. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=53781> и др.

рования коммуникативных систем. Примером таких матриц являются общие правила функционирования коммуникативных систем. Их особенности хорошо видны при анализе работ, посвященных типам журналистской деятельности.³⁶⁰

И на самом верху размещаются матрицы, определяющие конкретные параметры создаваемых текстов. Именно этот уровень является предметом многочисленных филологических исследований. Достаточно указать на давнюю традицию описания жанров литературы, публицистики и журналистики. Так, например, под жанром в журналистике понимают форму отражения действительности, выраженную в виде журналистского произведения, созданного на основе выработанных профессиональной средой образцов.³⁶¹ В сфере корпоративных коммуникаций выработана своя классификация коммуникационных матриц.³⁶²

В статье В.И. Убийко предложена следующая классификация риторических матриц (именуемых автором дискурсами) и соответствующих им форм речевого поведения:

- **акционально-прагматический** (ключевыми словами являются *дело, делать, строить, спасать*; идет апелляция к деятельности);
- **рационально-идеалистический** (*честный, бесчестный, понять*; апеллирует к разуму и идеалу);
- **иррационально-романтический** (ключевые слова – *духовность, вера, православие, покаяние*; апеллирует к духовным архетипам культуры);
- **провокационно-эмоциональный** (широкий выбор ключевых экспрессивных выражений, апеллирует к эмоциям);

³⁶⁰ Подробно типы журналистской деятельности описаны в кн.: Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

³⁶¹ См., напр.: Тertychnый А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2008.

³⁶² См.: Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. – М.: Дело, 2014.

- **цинично-прагматичный** (апеллирует к деляческой хватке, к цинично-приземленному взгляду на жизнь) и иные.³⁶³

М.А. Пильгун, изучая коммуникативное поведение пользователей российского интернета, выделила пять основных коммуникативных матриц (именуемых типами коммуникативного поведения).

- **Информативно-аналитический** тип коммуникативного поведения. Этот тип присущ молодому поколению. Он предполагает очень представительное присутствие в интернете, наиболее активную деятельность и создание контента.

- **Коммуникативно-гедонистический** тип (35% среди респондентов 21-26 лет; 45% среди молодежи 18-20 лет). Менее заметная представленность пользователя в соцсетях и блогах. С помощью веб-инструментов такие пользователи поддерживают имидж активных интернет-тусовщиков.

- **Презентативный** тип присущ пользователям, которые, как и первая группа, уверенно обосновались в интернете. Они имеют аккаунты не менее чем в пяти социальных сетях и не менее чем в трех блогах. Эта группа участвует в определенной активности (отзывы, комментарии). Но главная цель таких пользователей – создание собственного имиджа в интернете и самопрезентация. Важно, что виртуальный образ может сильно отличаться от реального.

- **Имитационный** тип коммуникативного поведения свойственен более старшему поколению: людям 27-34 лет (21% опрошенных этого возраста) и даже в большей степени – тем, кому 35-55 лет (42%). Число их аккаунтов не так велико. Они участвуют в форумах, очень редко читают и оставляют отзывы или какие-либо комментарии. Эту стратегию пользователи применяют

³⁶³ См.: Убийко В.И. О типологии политических дискурсов и их прагматической обусловленности // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания. – М., 2000. С. 102.

для решения разных коммуникативных задач: получения оперативного ответа или эмоциональной поддержки, замены/имитации офлайн-общения и пр.

- **Потребительский** тип наиболее «возрастной» – в этой группе преобладают пользователи 35-55 лет (28% опрошенных этого возраста) и старше 55 лет (26%). Они имеют по одному аккаунту в соцсетях и блогах, не участвуют в форумах, но читают комментарии. Представители данного типа активно читают и отслеживают посты, но слабо участвуют в онлайн-взаимодействии.³⁶⁴

С. Дацюк выделил три типа коммуникативных стратегий (в нашей терминологии – матриц. – ИД): **конвенция, презентация, манипуляция.**³⁶⁵

Автор данной работы выделяет четыре класса матриц, выступающих в форме технологий воздействия на сознание и поведение адресата коммуникации:

- **безопасные матрицы** коммуникативного воздействия (информирование, убеждение, диалог);

- **относительно опасные матрицы** коммуникативного воздействия (управление коммуникативной ситуацией, использование провокативных высказываний и действий, имитационные матрицы, матрицы социальной ответственности);

- **опасные матрицы** коммуникативного воздействия (дезинформирование, «черная риторика», психологическое манипулирование, психологическое насилие);

- **высокоопасные матрицы** коммуникативного воздействия (матрицы социальной индукции, суггестивные матрицы, нейролингвистическое программирование).³⁶⁶

³⁶⁴ Пильгун М.А. Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде // Вопросы психолингвистики. 2015. Т. 2(24).

³⁶⁵ Дацюк С. Коммуникативные технологии. URL: <http://www.korolewstov.narod.ru/psychostat/comstr.htm>

³⁶⁶ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

С учетом этих соображений, попробуем построить модель коммуникационной культуры. Если рассматривать коммуникацию как процесс, то обычно выделяют следующие компоненты этого процесса.

Со стороны инициатора коммуникации.

- Принятие решения о необходимости общения. На этом этапе формулируется основная мысль и отбирается информация, предназначенная для передачи.
- Кодирование информации и формирование сообщения. Речь идет о выборе знаковой системы: вербальной, невербальной, акустической и пр.
- Выбор канала связи и передача сообщения. Одновременно с кодированием отправитель выбирает и канал связи, соответствующий типу символов, использованных для кодирования, и целям коммуникации. Выбрав канал, отправитель использует его для передачи сообщения получателю.

Со стороны адресата коммуникации.

- Умение пользоваться тем каналом связи, который выбрал инициатор коммуникации;
- Декодирование информации, то есть перевод знаковой системы, использованной инициатором коммуникации в ту, которая понятна адресату.
- Интерпретация сообщения, то есть приписывание данному сообщению какого-то понятного адресату смысла.

Разумеется, это очень упрощенная схема, на самом деле процесс существенно сложнее, но она дает основание для определения таких существенно важных компонентов коммуникационной культуры, как культура принятия решения по поводу вступления в коммуникационный процесс; культура изложения своих смыслов, включающая устную и письменную речевую культуру, культуру управления невербальными реакциями, культуру презентации и т.п.; культура пользования раз-

личными инструментами и каналами связи; культура слушания, чтения; культура понимания чужих смыслов. Под инструментами и каналами мы понимаем телефон, телеграф, радиосвязь, компьютерные и другие технологии, словом, различных посредников, которых теперь называют медиа. Многообразие таких посредников стимулирует возникновение таких культур, как «экранная культура», «аудиовизуальная культура», «электронно-компьютерная культура», «сетевая культура» и др. На наш взгляд, все эти культуры являются формами, или субкультурами системы, которая сейчас называется медиакультурой.

Коммуникативная культура и коммуникативная компетентность

Одной из главных задач, к решению которых стремится ЮНЕСКО, является продвижение концепции общества знания, которое основано на таких принципах, как свобода слова, расширение доступа к информации и знаниям, содействие культурному разнообразию, равный доступ к качественному образованию. Очевидно, что решение этой задачи невозможно без формирования такого качества людей, которое определяется понятиями «информационная грамотность», «медиа- и информационная грамотность», «медийная компетентность», «медиакультура» и т.п. В Пражской декларации ЮНЕСКО (2003 г.) информационная грамотность была признана основным правом человека и необходимым условием для эффективного участия в информационном обществе.

Большую работу по исследованию проблем повышения медиа- и информационной грамотности ведет Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». К числу важнейших конференций, специально посвященных информационной и медиаграмотности, относятся: Международная конференция «Формирование информационной культуры личности:

вызовы глобального информационного общества» (Москва, 2006 г.); Всероссийский научно-практический семинар «Формирование медиа- и информационной грамотности – императив XXI века» в рамках Всероссийского библиотечного конгресса – 16-й ежегодной конференции Российской Библиотечной Ассоциации (Тюмень, 2011 г.); Международное совещание экспертов по вопросам адаптации для России Учебной программы ЮНЕСКО по медиа- и информационной грамотности для учителей и преподавателей (Москва, 12–13 декабря 2011 г.); Международная конференция «Медиа- и информационная грамотность в обществах знания» (Москва, 24–28 июня 2012 г.), на которой была принята «Московская декларация о медиа и информационной грамотности». В этой декларации сформулировано следующее определение медийно-информационной грамотности: «Медиа- и информационная грамотность – это совокупность знаний, установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к информации и знаниям, анализировать, оценивать, использовать, создавать и распространять их с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека».

Следующий шаг был предпринят на Международной конференции «Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства», прошедшей в июне 2016 года в Ханты-Мансийске в рамках восьмого международного IT-форума с участием стран БРИКС и ШОС. В итоговом документе этой конференции, опубликованном под названием «Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства», определены основные направления повышения компетентности граждан в сфере современных коммуникаций.

Однако, на наш взгляд, пришло время ставить вопрос не просто о грамотности в сфере медиа и информации,

а о формировании интегральной коммуникативной культуры, включающей в себя понимание особенностей и умелое использование всех ресурсов и возможностей коммуникации.

Неслучайно в Стратегии устойчивого развития, которую ЮНЕСКО приняла в 2015 году, прямо говорится о необходимости развивать культуру коммуникации.³⁶⁷

Понятие «коммуникативная компетентность» интенсивно разрабатывается во многих направлениях: в философии, психологии, лингвистике и др. Однако это приводит к возникновению различных интерпретаций, и, следовательно, к основательному размыванию сути понятия. Так выделяется: речевая компетентность, вербально-коммуникативная компетентность, коммуникативная грамотность, коммуникативная способность и т.д. Такое положение дел требует внесения ясности в определение понятия «коммуникативная компетентность».

Исходным понятием в этом словосочетании является «компетентность». В свою очередь, оно этимологически связано с понятием «компетенция». В официальных документах и словарях даются самые разнообразные толкования понятия «компетенция» и связанного с ним понятия «компетентность».

В «Большой советской энциклопедии» понятие «компетенция» определяется следующим образом: «**Компетенция** (лат. *competentia*, от *competere* – совместно достигаю, добиваюсь; соответствую, подхожу) совокупность полномочий (прав и обязанностей) какого-либо органа или должностного лица, установленная законом, уставом данного органа или другими положениями».³⁶⁸

«Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова: «**Компетенция**, компетенции (латин. *competentia*) (книжн.) 1) круг вопросов,

³⁶⁷ Sustainable Development Goals for Communication and Information. URL: <http://en.unesco.org/sdgs/ci>

³⁶⁸ Российская педагогическая энциклопедия. – М.: Просвещение, 1993. С. 555.

явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; 2) круг полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений (право). **Компетентность**, компетентности (книжн.) – осведомленность, авторитетность».³⁶⁹

Толковый словарь С.И. Ожегова дает следующее определение: «**компетенция** – 1) круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен; 2) круг чьих-нибудь полномочий, прав». **Компетентный** – 1) знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области; 2) обладающий компетенцией».³⁷⁰

А.В. Хуторской полагает, что **компетенция** включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. **Компетентность** определяет как владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. И в дальнейшем он, где это возможно и необходимо, пытается разделять данные понятия, имея в виду под компетенцией некоторое отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке ученика, а под компетентностью – уже состоявшееся его личностное качество (характеристику).³⁷¹

И.А. Зимняя с позиций личностно-деятельного подхода различает «**компетенцию**» как совокупность знаний, правил оперирования ими и их использования и «**компетентность**» как основанный на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека, личностное свойство, проявляющееся в его

³⁶⁹ Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова / Большой словарь русского языка. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov>.

³⁷⁰ Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова. – М.: Азбуковник, 1997. С. 288.

³⁷¹ Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

поведении и характеризующееся когнитивными, мотивационными, смысловыми, отношенческими и регуляторными составляющими.³⁷²

По мнению В.Н. Введенского **«компетентность»** – это некая личностная характеристика, а **«компетенция»** – совокупность конкретных профессиональных или функциональных характеристик.³⁷³

Г.К. Селевко обращает внимание на то, что понятия «компетенция» и «компетентность» значительно шире понятий знания, умения, навыки, так как включают направленности личности, ее способности преодолевать стереотипы, чувствовать проблемы, проявлять проницательность, гибкость мышления, характер. Он считает, что эти понятия являются системными и многокомпонентными, так как они характеризуют определенный круг предметов и процессов, включают различные умственные операции, практические умения, здравый смысл и имеют свою классификацию и иерархию. Этот автор рассматривает **компетенцию** как образовательный результат, выражающийся в готовности выпускника справиться с поставленными задачами; как совокупность знаний, умений и навыков, которые позволяют ставить и достигать цели по преобразованию окружающего мира, как интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности ее деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности.³⁷⁴

Федеральный образовательный стандарт трактует компетенцию как круг задач, которые будущий профессионал уполномочен решать в соответствии с нормативными документами, и как способность приме-

³⁷² Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. Понятие парадигмы в связи с изменениями в сфере образования. URL: <http://www.aspirant.rggu.ru>

³⁷³ Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. 2003. № 10. – С. 51.

³⁷⁴ Селевко Г.К. Компетентности и их классификация // Народное образование. 2004. №4. С.139.

нять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.³⁷⁵

Мы предлагаем понимать **компетенции** как совокупность внешних по отношению к субъекту требований к теоретическим *знаниям* и опыту их применения на практике (*умениям и навыкам*), необходимым для эффективной деятельности субъекта в определенной предметной области. **Компетентность** будем рассматривать как *владение* субъектом деятельности требуемыми компетенциями и его *способность применять* эти компетенции при осуществлении соответствующей деятельности. Все эти способности могут существовать на начальном, среднем и высоком уровнях. Вопрос об этапах формирования профессиональных компетенций применительно к профессии журналиста подробно рассматривается в ряде работ.³⁷⁶

С этой точки зрения, в самом общем виде **коммуникативная компетентность складывается из способности воспринимать, понимать и излагать мысли и чувства, смыслы и сведения**. В состав коммуникативной компетентности входят следующие структурные элементы: система личностных качеств; языковая компетентность; культурная компетентность; социальная компетентность.

Система личностных качеств включает в себя:

- стремление к новому знанию;
- творческое мышление;
- самонастройку на общение, позитивное восприятие коммуникативных действий партнера по общению (неконфликтность, умение проникнуться интересами другого человека и др.);

³⁷⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>

³⁷⁶ См., напр.: Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. – М.: Издательство Юрайт, 2016; Горохов В.М., Дзялошинский И.М. Масс-медиа: творчество и институты // Медиаскоп. 2012. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1219>

- психоэмоциональная регуляции своего состояния (ассертивность – уверенность, эмпатия – сопереживание и др.);
- использование жестов, мимики, пластики движений.

Языковая компетентность предполагает:

- развитость устной речи;
- владение навыками письменной речи;
- знание лексики предлагаемой для общения сферы;
- степень практического освоения синтаксиса, морфологии, грамматики и др.

Культурная компетентность предъявляет следующие требования:

- Освоение образцов коммуникации (умение организовать и выстроить переговоры; владение коммуникативными технологиями; умение анализировать невербальные сигналы; владение навыками активного слушания и др.);
- Освоение образцов культуры (умение соблюдать этику и этикет общения в заданных условиях; знание существующих традиций и ограничений).

Социальная компетентность ориентируется на существование различных социальных пространств коммуникации: приватное пространство, публичное пространство, общественное пространство – каждое из которых требует своих специфических компетенций. В современных условиях от субъекта требуется готовность и умение взаимодействовать в любых социальных пространствах.

Таким образом, коммуникативную компетентность целесообразно рассматривать как систему внутренних ресурсов и регуляторов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций взаимодействия. И успешность участия субъекта в коммуникации будет зависеть от двух аспектов: 1) от разнообразия освоенных им компетенций, позволяющих взаимодействовать во всевозможных обстоятельствах; 2) от интеллектуального уровня и психо-

логических особенностей, налагающих специфические ограничения на возможности освоения и использования компетенции.

Кроме того, коммуникация, как сфера человеческой активности, состоит из множества сегментов. Например, есть деловые коммуникации, корпоративные коммуникации, политические коммуникации, межличностные коммуникации. Есть основание полагать, что все эти сегменты связаны друг с другом по принципу сообщающихся сосудов. Вряд ли возможно повысить, например, медиакомпетентность, не повышая компетентность в других сферах коммуникации.

При таком подходе можно выделить следующие компоненты коммуникативной компетентности:

- **коммуникативно-диагностическую** (диагностика социопсихологической ситуации в условии будущей коммуникативной деятельности, выявление возможных социальных, социально-психологических и других противоречий, с которыми возможно предстоит столкнуться личности в общении);

- **коммуникативно-программирующую** (подготовка программы общения, разработка текстов для общения, выбор стиля, позиции и дистанции общения);

- **коммуникативно-организационную** (организация внимания партнеров по общению, стимулирование их коммуникативной активности и т.д.);

- **коммуникативно-исполнительскую** (диагноз коммуникативной ситуации, в которой разворачивается общение личности, прогноз развития этой ситуации, осуществляемый по заранее осмысленной индивидуальной программе общения).³⁷⁷

ГЛАВА 2.2

³⁷⁷ Руденский Е.В. Социальная психология: Курс лекций. – М.: ИНФА-М; Новосибирск: ИГАЭиУ, 1997.

ТИПЫ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУР

В зависимости от конфигурации описанных в предыдущем разделе коммуникативных матриц, в определенном обществе формируются доминантная и комплементарная коммуникативные культуры. На сегодняшний день существует множество типологических моделей коммуникативных культур. Вот лишь некоторые из них.

Модель Г. Хофстеде

Одной из самых популярных типологий коммуникативных культур принадлежит Г. Хофстеде, который выделил четыре основных проявления культуры: 1) символы; 2) ритуалы; 3) герои; 4) ценности. По Г. Хофстеде, существуют пять основных измерений любой коммуникативной культуры: 1) дистанция власти; 2) индивидуализм, противостоящий коллективизму; 3) мужественность, противостоящая женственности; 4) избегание неопределенности; 5) долгосрочная ориентация.³⁷⁸

³⁷⁸ Описание и анализ этой модели представлены в работах: Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the Mind. – New York: McGraw-Hill, 1991; Mooij M. de. Global Marketing and Advertising. Understanding Cultural Paradoxes. Sage Publications, Inc. – California, USA, 1998.

Модель Р.Д. Льюиса

Другая популярная типология коммуникативных культур изложена в упомянутой выше работе Р.Д. Льюиса «Деловые культуры в международном бизнесе». ³⁷⁹ Несмотря на то, что автор ограничился сферой бизнеса, выделенные им коммуникационные матрицы обладают значительно большей эвристичностью. Р.Д. Льюис выделяет три типа коммуникативных культур: моноактивные (или линейно организованные), полиактивные и реактивные.

В *моноактивной культуре* человек, пользуясь терминами Р.Д. Льюиса, приучен делать какое-либо дело, разбивая деятельность на следующие друг за другом этапы, не отвлекаясь на другие задачи. Типичными представителями такой культуры являются англосаксы: американцы, англичане, немцы, северные европейцы, методично, последовательно и пунктуально организующие свое время и жизнедеятельность.

В *культуре полиактивной*, типичными представителями которой выступают латиноамериканцы, южные европейцы, принято делать одновременно несколько дел (заметим попутно, нередко не доводя их до конца).

В *реактивной культуре*, характерной для азиатских стран, деятельность организуется также не по строгому и неизменному плану, а в зависимости от меняющегося контекста, как реакция на эти изменения. Пользуясь этой классификацией, Р.Д. Льюис дал великолепное описание основных коммуникационных культур современного делового мира.

Чрезвычайно важная идея Р.Д. Льюиса, о которой он неустанно напоминает, заключается в том, что тип коммуникационной культуры далеко не всегда связан с особенностями национальной культуры или

³⁷⁹ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001.

тем, что считается национальной культурой. Р.Д. Льюис пишет о том, что в некоторых странах региональные особенности столь сильны, что отодвигают национальные черты на второй план. Кроме испанского паспорта, баски и жители Андалузии имеют мало общего; деловым людям Милана гораздо легче общаться с австрийцами и французами, чем с сицилийцами. В некоторых случаях города отличаются столь сильной культурной индивидуальностью, что она выходит за пределы региональных особенностей. Так, жители Лондона – это не просто южные британцы, парижане – больше, чем северные французы, по акценту и стилю жизни ливерпульцы сильно отличаются от окружающих северян. А Гонконг даже после слияния остается особым анклавом в составе Китая.

Культурные сообщества могут выходить за границы отдельных государств и наций и выделяться, и не только по географическому признаку. Мусульмане и христиане – группы культур, то же можно сказать об инженерах и бухгалтерях. Выпускники университетов Оксфорда, Кембриджа, Йеля и Гарварда считают, что отличаются друг от друга как культурные сообщества. В той или иной мере жизнь многих из нас определяется *корпоративной культурой*. Она особенно сильна в Японии. В других странах, таких, как Италия, Испания и Китай, более важной считается *семейная культура*. Исходный элемент культуры – индивид с присущей ему *личной культурой*. В таких странах, как Великобритания, США, Франция и Австралия, к личным взглядам относятся с большим уважением. Быть может, самым общим критерием культурного деления людей является не национальное, религиозное, корпоративное и профессиональное, а гендерное – по признаку пола. Вполне возможно, что по своему мировоззрению итальянка

окажется ближе к женщине-немке, чем к итальянцу-мужчине.³⁸⁰

Типология по отношению к адресату

Возможен еще один подход к типологии коммуникативных культур, опирающийся не критерий отношения к адресату как мишени воздействия, объекту управления и подчинения, или как союзнику, партнеру совместного поиска решения проблем. С точки зрения этого критерия можно выделить три типа коммуникативных культур: технократическую, сциентистскую и гуманитарную. Ниже эти типы культуры рассматриваются более подробно.

³⁸⁰ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М. Дело, 2001. С. 22-23.

Технократическая коммуникативная культура

Существуют как минимум два подхода к осмыслению понятия «технократизм». Один из них связан с социально-философскими и социально-экономическими представлениями и концепциями, которые обосновывают необходимость и неизбежность возрастания в обществе роли технической интеллигенции (специалистов). Этот подход возник как отражение противоречий между собственниками бизнеса и управляющими бизнесом специалистами. Предполагалось, что технократы являют собой носителей совершенно нового типа мировоззрения, основанного на научно-технических знаниях и информации, не подвластного идеологиям классического типа. В 50-60-е годы XX века начинается второй этап в развитии идеи технократизма. Технический прогресс и связанные с ним организационные сдвиги стали пониматься как процесс, приводящий к образованию и доминированию в экономике крупных корпораций, власть в которых принадлежит технократам. Третий этап (70-90-е годы) эволюции технократизма связан с еще большим возрастанием в мире роли информационных технологий, формированием единой информационной инфраструктуры, усилением влияния техники. Традиционные механизмы принятия политических решений по идеологическим мотивам рассматриваются как причина некомпетентности и безответственности. В такой ситуации возрастает значение технических специалистов, способных повлиять на принятие адекватных решений в качестве экспертно-консультационной структуры власти. Так понимаемая доктрина технократизма вызывает сопротивление со стороны демократической общественности. Сдержанное отношение к идеям технократии западного общества объясняется желанием сохранить плюрализм мнений, избежать монополии на власть одной социальной группы.

Второй подход к пониманию технократизма связан с толкованием особенностей всей современной цивилизации как «машинной», или техногенной. Человек в такой цивилизации рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью. Суть технократизма хорошо выразил Н. Бердяев: «Человек делается орудием производства продуктов. Вещь становится выше человека».³⁸¹

Глобальную идею технократизма развил в своих трудах Л. Мэмфорд. При своем возникновении, техника была связана со всей природой человека. По его мнению, с созданием коллективных машин работа, став самоценной и отделившись от всей остальной жизни, стала проклятием, ношей, жертвой, формой наказания. Воплощением принципа Мегамашины, по Л. Мамфорду, стал образ «Человека-Организации»: «Система, как таковая, является продолжением такого человека – от самых примитивных форм политической власти он выступает одновременно и как творенье, и как создатель, и как последняя жертва Мегамашины». Человек-Организация, не есть изобретение нынешней эпохи, или исключительно продукт современной техники. Лучшими считаются те его качества, которые соответствуют данному типу машины.³⁸²

Технократическое мышление ориентируется на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию, о чем писали Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе. М. Хайдеггер пишет о таком мышлении, как о «бегстве от мышления», противопоставляя ему «осмысляющее мышление». «Вычисляющее мышление» ограничено, это частный вид мышления. «Его специфичность состоит в том, что, когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы заранее рас-

³⁸¹ Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники). URL: <https://studfiles.net/preview/2690030/>

³⁸² Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115>

считываем на определенные результаты».³⁸³ Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором и компьютером.

Философы, психологи, педагоги сформулировали множество довольно жестких обвинений технократизму.

- В сфере воспитания, технократизм – это убеждение в воспитуемости каждого под влиянием идеологического, инженерного, массового и технократического воздействия.

- Технократический разум породил вечно скучающего человека-потребителя, для которого ценности заключены только в материальном достатке и оснащении.

- Утрата гармонии с миром рождает болезненные, искаженные представления о мире и о себе, большие мысли порождают нездоровое мировоззрение, оно в свою очередь, порождает безнадежно больные и деструктивные социальные «структуры»: тоталитарные секты, шоу-бизнес.

- Деформации в развитии личности, в целостности проявления человеческих сил и способностей являются имманентными для технократического подхода, в рамках которого человек не интересен сам по себе, не ценен сам по себе, а рассматривается исключительно как средство для достижения внешней для него, для его развития цели.

- Техника материализует волю разума человека-завоевателя и человека-хищника. Такое видоизменение статуса техники в обществе узаконивает завоевательно-потребительское отношение к природе, ведущее к экологическому, моральному и духовному кризису.

³⁸³ Хайдеггер М. Отрешенность. URL: http://kirill-berezovik.narod.ru/0001_1.html

- Способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. Этот способ закрепляется в мышлении и распределяется на другие сферы человеческой жизни. Человек при таком подходе рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью. Суть технократизма – в нарушении целостности человека, закреплении односторонности, частичности, одномерности, «линейности» его мышления и деятельности, их запрограммированности, связанности и обусловленности.

- Технократизированный человек не видит пользы в морали. Быть моральным – становится бессмысленно для человека организации, так как он – часть большего технизированного, и вместе с тем аморального «общества-машины», технополиса, или Мегамшины. Законы в этом технополисе таковы, что чем быстрее освобождаешься от морали, тем легче выжить в этой огромной смертоносной машине, где все регулируемо, стандартизируемо, управляемо по шаблону (тоже аморальному), куда не вписываются вечные истинные законы морали и красоты, основанные на благе всеобщего.

- Технократизм в мысли и действии ведет не только к обесцениванию человеческого мира. Важным его последствием является широкая возможность для манипулирования человеком как винтиком в большой, сложной системе достижения цели, системе, которая часто остается вне осознания, и тем более вне сферы влияния задействованного в этот процесс человека-исполнителя.

К сожалению, критика технократизма очень часто ведется с позиций реставрации утопических идей о вселенской гармонии в искусстве и культуре, с позиций возвращения к религиозным концепциям, что, конечно, никак не способствует преодолению недостатков этой доктрины.

В сфере коммуникации технократическая доктрина рассматривает коммуникацию как технологический процесс передачи количественной, точной и измеримой информации и допускает любые формы воздействия на людей, если эти формы приводят к нужному результату. Этот подход сформировался на основе теоретических положений теории информации К. Шеннона и кибернетики Н. Винера. Принципы изучения коммуникации как передачи информации в технических устройствах переносились на принципы изучения социально-политической коммуникации между людьми в социальных науках.

В частности, характерной особенностью технократической парадигмы коммуникации является высокий уровень агрессии. Современные подходы к изучению агрессии в контексте культуры опираются на то, что существует культурная обусловленность самих норм и понятия агрессии. Так, А. Усманова в своей работе «Насилие как культурная метафора» резюмирует: «Насилие сопровождало культуру с момента ее появления».³⁸⁴ Достаточно вспомнить ритуалы жертвоприношений. Целью таких мероприятий было получение одобрения у богов. Жрецами совершалось насилие во имя чего-то благого. То есть, по сути, агрессию по отношению к живому существу (животному, молодой девушке, младенцу) оправдывали всеобщим добром: богатым урожаем, победой в войне, прекращением засухи и болезней. На этом этапе развития общества, когда помимо первородных инстинктов приходит нечто большее, высокое – культура, искусство – насилие начинает облагораживаться. Важно не само совершение, а его значение, вера в сакральный смысл подобных действий. Впервые мысль о том, что «насилие – это сакральный акт», была высказана Р. Жираром.³⁸⁵

³⁸⁴ Усманова А. Насилие как культурная метафора URL: <http://dironweb.com/klinamen/dist2.html>

³⁸⁵ Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.

В античные времена существование таких богов, как Немезида (богиня мщения) или Арес (бог войны), заранее оправдывали действия людей. Одно из самых жестоких зрелищ за всю историю человечества – гладиаторские бои, где тысячи зрителей становились свидетелями кровопролитных битв. Публика ликовала, а сам поединок превращался в настоящее шоу: громкая церемония открытия, приветственные жесты императору, демонстрация мощи оружия и силы человека, участие хищных животных, выбор зрителей и решение судеб участников сражения. Казалось бы, идеальный пример восхваления насилия. Однако гладиаторские бои устраивались не в угоду публике, а ради идеи. «Мы жертвуем живыми, чтобы накормить мертвых!» – так была объяснена целесообразность первого гладиаторского сражения.³⁸⁶ Римляне, позаимствовавшие у этрусков древний обряд погребения, верили, что принесенная на поле битвы жертва успокоит души усопших. Таким образом, гладиаторские бои первоначально обладали божественным предназначением.

Стоит отметить, что сама жестокость в рассмотренных нами примерах остается незамеченной, так как акцент делался на сакральности поступков. Р. Жирар говорит об этом так: «Жертвенная процедура... предполагает определенное недопонимание. Верующие не осознают и не должны осознавать роль насилия».³⁸⁷ Таким образом, необходимость убийства или насильственных действий отделяется от инстинкта выживания. Причина поступков меняется от первостепенных, необходимых для выживания, до удовлетворения второстепенных потребностей. Подобное можно трактовать как неявное или же неосознанное насилие, так как целью было не «насилие во имя насилия», а благое дело посредством жестоких мер.

³⁸⁶ Буровский А.В. Древний Рим. 1000-летняя биография. – М.: Эксмо, 2013. С. 235.

³⁸⁷ Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 9.

Так, постепенно мысль о насилии как о чем-то необходимом, оправданном, развивалась и в итоге достигла своего апогея в виде христианской традиции. Идею «Иисус страдал ради нас» можно отнести к культивированному мотиву страдания во имя всеобщего блага. Сама интерпретация казни Христа представляет собой не что иное, как эстетизацию насилия, а изображение этой сцены в живописи репрезентует насилие. Как отмечает искусствовед М. Ямпольский, говоря о традиции религиозной живописи, «невидимое (трансцендентное, божественное) обнаруживается только тогда, когда видимое уничтожается».³⁸⁸ Таким образом, в культуре мы ретранслируем сцену насилия не просто для того, чтобы оправдать насильственные действия, а чтобы познать их смысл. Иными словами, мы репрезентуем насилие, чтобы постичь духовную суть случившегося.

Обратимся к практике публичных казней, широко распространенной в Средние века в Западной Европе. Возникает вопрос: для чего нужно было убивать человека прилюдно? Только ли для того, чтобы предостеречь других от совершения злодеяния или инакомыслия? Как известно из исторических источников и произведений литературы, сам процесс требовал подготовки: людей заранее оповещали, на казнь собирался весь город, в качестве места расправы выбирали центральную площадь, виновного демонстративно вели к месту казни, выбирали способ убийства, а после совершения насильственных действий зачастую выставляли тело на всеобщее обозрение. Обсуждение случившегося еще долго занимало умы горожан. Все это «представление» является эстетизацией и воспеванием смерти как акта «правоты вероучения». А.Я. Флиер отмечает, что казнь отнюдь не была развлечением, она была «религиозным долгом».³⁸⁹

³⁸⁸ Ямпольский М.Б. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 500.

³⁸⁹ Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Гуманитарные науки: теория и методология. 2012. № 1. С. 21.

И сегодня массовая коммуникация, особенно телевидение, пропитана сценами агрессии и насилия.³⁹⁰ «Сцены насилия появляются на телеэкранах гораздо чаще, чем в жизни, и телевидение обеспечивает гораздо больше возможностей «испытать» это насилие на себе, нежели в «обыденной жизни».³⁹¹ Эстетизация насилия становится полноценным элементом драматургии многих известных телесериалов наших дней: «Клан Сопрано», «Во все тяжкие», «Игра престолов», «Ганнибал», «Настоящий детектив», «Фарго». Современные телесериалы, эстетизирующие насилие, входят в список самых популярных в мире телесериалов за последнее десятилетие.³⁹² «Клан Сопрано», «Во все тяжкие», «Игра престолов», «Американская история ужасов», «Настоящий детектив», «Ганнибал», «Фарго» собирали за просмотром эпизода аудиторию в 4-5 млн человек, а суммарно за сезон – 14–18 млн человек.³⁹³ Так, «Клан Сопрано» собрал аудиторию в 18,2 млн человек³⁹⁴ и занял 5 место в рейтинге «50 величайших телешоу всех времен» по версии *TV Guide*.³⁹⁵ Четвертый сезон «Игры престолов» бил рекорды – его смотрели в среднем 18,4 млн человек (включая повторные показы).³⁹⁶ Сериал «Фарго» получил не только положительные отзывы критиков, но и

³⁹⁰ Барабаш Н.А. Телевидение и театр. Игры постмодерна. – М.: КомКнига, 2010; Давыдов М. Типология телевизионных многосерийных художественных фильмов // Академия медиаиндустрии. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1583>; Ениколопов С. Средства массовой коммуникации и насилие // Проблемы медиапсихологии. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/45.htm>; Полуэхтова И. Доходное мыло // Искусство кино. 2001. № 4; Пресс С. Как пишут и продают сценарии в США для видео, кино и телевидения. – М.: Триумф, 2012; Тарасов К.А. Насилие в произведениях аудиовизуальной культуры: отображение, воздействие, социальное регулирование (на материале киноискусства). Дис. ... д-ра культурологических наук. – М., 2006; Тропина И.Г. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2012; Усманова А.Р. Насилие как культурная метафора // Визуальное (как) насилие. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.Р. Усманова. – Вильнюс: ЕГУ, 2007; Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Гуманитарные науки: теория и методология. 2012. № 1.

³⁹¹ Ениколопов С. Средства массовой коммуникации и насилие. // Проблемы медиапсихологии. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/45.htm>

³⁹² Графический роман // Диаграммы популярности телесериалов. URL: <http://www.kinomania.ru/article/50907/>

³⁹³ Most watched seasons of HBO original series since 2004 // *Vulture* - Entertainment News. URL: <http://www.vulture.com/2013/06/game-of-thrones-huge-ratings-chart.html>

³⁹⁴ Сериал «Игра престолов» стал самым популярным в истории канала HBO, побив рекорд «Клана Сопрано» // Broadcasting: Телевидение и радиовещание URL: http://www.broadcasting.ru/newstext.php?news_id=100440

³⁹⁵ *TV Guide's* 50 Greatest TV Shows of All Time // IMDb. URL: <http://www.imdb.com/list/ls000996988/>

³⁹⁶ Сериал «Игра Престолов» побил рекорд по просмотрам // *filmpo*. URL: <http://www.filmpo.ru/materials/30703>

стал лучшим сериалом по мотивам полнометражного фильма.³⁹⁷ О популярности телесериалов также свидетельствуют победы в номинациях на различные награды, в числе которых «Эмми» («Клан Сопрано», «Декстер», «Игра престолов», «Американская история ужасов», «Настоящий детектив», «Фарго», «Во все тяжкие»³⁹⁸).

³⁹⁷ «Fargo»: The Pivotal Decision That Made the FX Miniseries Shine // Variety. URL: <http://variety.com/2014/tv/news/fargo-the-pivotal-decision-that-made-the-fx-miniseries-shine-1201265082/>

³⁹⁸ «Настоящий детектив» и «Игра престолов» получили первые «Эмми» // Кинопоиск. URL: <http://www.kinopoisk.ru/news/2462593/>

Сциентистская коммуникативная культура

Сциентизм как доктрина представляет собой систему утверждений, согласно которым научное знание (естественно-математическое и техническое) является абсолютной ценностью, а наука в целом истолковывается как главная сила общественного развития. Так понимаемый сциентизм основывается на трех основных положениях:

1) наука может заменить собой философию и метафизику в области разрешения основных моральных и этических проблем.

2) в науке заключены решения всех проблем человечества.

3) методы точных наук являются единственными верными научными методами и что эти методы должны применяться также и к гуманитарным и социальным наукам.

Положительная сторона сциентизма как доктрины заключается в нетерпимости к мистицизму, астрологии, историям про посещение нашей планеты космическими пришельцами, об исцелении верой, хиромантии и прочих подобных вещей. Не случайно сторонники всевозможных антинаучных миропониманий: паранауки, религии, парарелигии (оккультизма) и т.д. отчаянно стремятся отвергнуть, развенчать, преодолеть классическую западную науку. Это – давнее, упорное, но в последнее время усилившееся внутрикультурное противоборство науки и антинауки.

Что касается коммуникации, то сциентизм опирается на представление о том, что в сегодняшних условиях профессионал в сфере коммуникации должен использовать самые современные научные данные из психологии, коммуникативистики, нейропсихологического программирования и других областей знания, помогающих правильно формулировать цели, выбирать способы и оценивать результаты коммуникации. Отсюда

интерес к научным исследованиям в сфере коммуникации; готовность организовывать обратную связь с адресатом коммуникации; эксперименты в сфере интегрированных коммуникаций и т.п.

Научному исследованию подвергаются процессы духовного потребления, которые рассматриваются как часть более общего процесса «обработки людей людьми». Разрабатываются технологии управления процессом формирования ценностных ориентиров личности, ее установок на определенные духовные ценности.

В каком-то смысле сциентистский подход представляет собой изощренную версию технократизма, но поскольку современная наука доказывает, что человек существенно более сложная система, чем это представляется технократам, и методы работы с человеком должны склоняться к больше вариативности, то иногда сциентизм смыкается с гуманистической, солидаристской моделью коммуникации.

Современная версия сциентизма пользуется самоназваниями «постгуманизм», «трансгуманизм». Постгуманисты при всем их различии сходятся в одной точке: в отказе принимать классический гуманизм, которому они стремятся противопоставить образ «постчеловека», обладающего невиданными способностями. Другая версия сциентизма, называемая трансгуманизмом, представляет собой мировоззрение, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение человека и смерть, а также значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Главной целью трансгуманизма является бесконечное совершенствование человека, основанное на новейших открытиях научно-технического прогресса. Для достижения этой цели трансгуманизм предлагает:

- поддерживать технический прогресс;
- изучать достижения науки и техники, вовремя предотвращать опасности и нравственные проблемы, которые могут сопутствовать внедрению этих достижений;
- расширять свободу каждого отдельно взятого человека, используя научно-технические достижения;
- как можно более отдалить, а в идеале – отменить старение и смерть человека, дать ему право самому решать, когда умирать и умирать ли вообще;
- противостоять учениям и организациям, имеющим цели, противоположные идеям трансгуманизма – энвайронментализм в фанатичной форме (отказ от технического развития, «возвращение к природе»), религиозный фундаментализм, традиционализм, и прочие формы идеологий антимодернизма и антипрогрессизма.

Однако чрезмерные претензии сциентистов на объяснение всех процессов привели к возникновению антисциентизма, который основан на недоверии к возможностям науки и разума, на критике научных методов познания. Уже в конце XVIII века, как реакция на крайний рационализм, появились разнообразные романтические, антропологические, феноменологические, герменевтические и иные концепции, ориентировавшиеся на иные формы и методы познания, нежели наука. В XIX–XX веках антисциентистское направление развивалось в концепциях таких западноевропейских мыслителей, как Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс. В этом же направлении разрабатывали свои концепции и некоторые представители Франкфуртской школы, например: Т. Адорно, В. Беньямин и М. Хоркхаймер.

Общим местом антисциентизма является утверждение, что наука и техника антигуманны, так как, особенно в их сочетании, заставляют человека забыть о ценности его собственного существования. Результаты

деятельности человека приобретают космический характер и в плане создания, но и в плане разрушения. Подчиняя мир, человек не осознает, что на самом деле он подчиняет мир технике, выступая всего лишь средством такого подчинения. «Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни... Исключительная власть технизации и механизации влечет именно к этому пределу, к небытию в техническом совершенстве».³⁹⁹

Антисциентисты возлагают на науку вину за образование тоталитарных государств. Более того, общий стиль мышления человека, необходимый для науки, является пагубным для культуры. «Наука – корень нашей цивилизации – автоматически превращает его в первобытного человека, в современного варвара».⁴⁰⁰

³⁹⁹ Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 157.

⁴⁰⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119.

Гуманитарная коммуникативная культура

К. Салютати в конце XIV века ввел в обиход слово *humanitus*, то есть способность совершать добродетельные поступки. Именно это свойство воспитывается в человеке в процессе образования (изучение гуманитарных дисциплин – грамматика, риторика, философия, этика) и работы души – накопления жизненного опыта. По мнению К. Салютати, несмотря на то, что земная жизнь дана людям от бога, их собственная задача состоит в построении жизни в соответствии с природными законами добра и справедливости.

В широком смысле гуманизм – это исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми.

Основными принципами так понимаемого гуманитарного подхода можно считать приведенные ниже.

- **Антропологический принцип:** уважение к человеку, к его достоинству, к его интересам и потребностям. Этот принцип призывает нас учитывать индивидуальность человека во всей ее полноте и способствовать развитию ее сущностных сил.

- **Принцип свободы независимого развития человека.** Каждый человек имеет право самостоятельно реагировать на обстоятельства и поступать так, как он считает нужным, он имеет право на чувство собственного достоинства. Свобода рассматривается, с одной стороны, как самоценное, сложноструктурное личностное образование, с другой – как форма индивидуального бытия, как необходимое условие полноценного проявления и развития собственно человеческого начала в человеке.

- **Принцип реальности человеческого бытия.** Никто не может быть средством для блага другого, каждый сам добивается своих целей.

- **Принцип самореализации.** Признание разносторонности человека и его способности самому определять свою жизнь, взгляды, деятельность и поведение.

- **Принцип мотивации.** Становление целостной мотивации, а не только мотивации достижения, содействует самосовершенствованию индивидуальности человека. Необходимо учитывать наличие у индивида мотивации познания, мотивации труда, мотивации аффилиации, мотивации самопознания и самосовершенствования, мотивации конфликта и др.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов ряд мыслителей и ученых-обществоведов фиксируют так называемый «диалогический поворот» в коммуникации. «Диалогический поворот» – это возврат на новом уровне к идеям М. Бубера, М. Бахтина, Дж. Мида, Х-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса и других мыслителей.

Несмотря на то, что современное понятие диалога возникло относительно недавно, понятие диалоговой ситуации и сама она присутствуют в западной культуре давно, вместе с понятиями и реалиями либерализма и демократии. Присутствие диалоговой ситуации на уровне обыденного сознания характерно для всей истории западных обществ, что выражается в европейских языках. Семантика ключевых для понятия «диалог» слов в европейских языках свидетельствует о наличии в них элементов, отражающих диалоговую ситуацию: слово «говорить» («парле») носит оттенок заявления своего мнения. Отсюда – «парламент» как место высказывания именно своих интересов. В слове «справедливость» («жюстис») представлены, прежде всего, идеи равенства, пропорции и компенсации во взаимоотношениях сторон. Слово «договор» в своей основе содержит понятие «консенсус», «соглашение» и производные от него

«братство», «согласие», «гармонию», «интеллидженс», «мир», «союз». Слово «согласие» носит оттенок «компромисса», является аналогом понятия «стейт», «эта» («состояние») – в результате улаживания отношений на основе взаимных уступок.

Проблема диалога с давних пор интересовала философов, социологов, психологов, филологов, представителей самых разных отраслей гуманитарного знания. Прекрасный обзор взглядов великих мыслителей прошлого содержится в известной работе Ю.В. Рождественского «Теория риторики».⁴⁰¹ В XX веке идея диалога вошла в проблемное поле философского мышления и неуклонно расширяет сферу своего влияния – от первых подступов к ее осмыслению в 20-е годы в работах М. Бубера и М. Бахтина на ограниченном пространстве этических и эстетических проблем до определения максимально широких концепций диалога как формы человеческого бытия.

Глубокий анализ проблем диалога провел Г.С. Батищев,⁴⁰² который полагал, что если бы все человечество и каждый из нас обладал достаточно развитой культурой глубинного общения, то мы не пришли бы к столь трагически грозной глобальной ситуации, избежали бы тех исторических тенденций, которые ныне ведут пока лишь к ее большему обострению по главным трем измерениям: чреватой тотальным самоубийством вооруженности; экологической неадекватности и, следовательно, космической неуместности слишком многих черт нашей цивилизации; наконец, опасности личностной деградации, то есть своего рода энтропии души и духа.

Размышляя об отличиях общения и коммуникации, Г.С. Батищев вводит понятие «онтокоммуникация», с помощью которого он обозначает глубинное общение, предполагающее слияние в Уни-

⁴⁰¹ Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.

⁴⁰² Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 95-129.
URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3597/>

версуме и указывает, что в резком контрасте с онто-коммуникацией общение представляет собой процесс, «ничего бытийственного не открывающий и ни к чему слишком судьбическому не обязывающий, – процесс текстовых, жестовых и эмоциональных сообщений, циркуляцию (прием и передачу) информации, контакты-соприкосновения. Все это вполне вписывается в предметы ведения психологии, лингвистики, а постольку процесс этот можно поименовать лингво-психо-коммуникацией, или, ради удобства – психо-коммуникацией».

В психо-коммуникацию человек вступает не иначе, как частично, фрагментарно, функционально-избирательно, отделяя от себя нечто для сообщения другому, а все остальное в себе удерживая. В психо-коммуникации нет места для свято чтимых ценностей. В противовес психо-коммуникации с ее заведомой частичностью человек вступает в онто-коммуникацию во всей своей становящейся целостности, единой и неделимой, ничего не оставляя в себе не ввергаемым в обращенность: здесь адресуется не нечто от себя и вместо себя, но человек всего себя адресует сознающего, мыслящего, бытийствующего, виртуально-ведомого и неведомого, ставшего и становящегося.⁴⁰³

Отношение к диалогу как технологии поиска истины и согласования точек зрения никогда не было однозначным. Многие великие мыслители вслед за Сократом относились к диалогу как к самому совершенному способу общения и обсуждения различных вопросов. Однако было и есть немало сторонников других точек зрения. Есть люди, которые считают невозможным вступить в диалог с теми, кто отрицает «основы»,⁴⁰⁴ по-

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ «Как-то раз, когда я сказал, что не согласен с тем, что все сущее состоит из четырех элементов, я услышал в ответ следующее гордое заявление: с тем, кто отрицает основы, нельзя вступать в спор» (Gassendi. Opera omnia, Lyon, 1658. Cit. Lenoble. la Pensue scientifique, in Histoire de la scirnce, Encydropndie de la Rniade. Paris, Gallimard, 1957. P. 432).

литические⁴⁰⁵ или религиозные постулаты.⁴⁰⁶ Так, например, многие религиозные мыслители высказывались и продолжают высказываться в том смысле, что идея толерантного диалога уничтожает такое понятие, как абсолютная истина. Вместо него возникает расплывчатая идея различия между идеологическими кланами.⁴⁰⁷ По их мнению, сущность истины в ее нетерпимости: «Истина (...) в высшей степени нетерпима».⁴⁰⁸ И воинствующий атеист Анахарсис Клоотц, считающий, что «нетерпимость истины упразднит в один прекрасный день само слово «храм», fanum, производное от «фанатика», смыкается в этом смысле с архиепископом нью-йоркским Шинаном, который писал в 1955 году: «Церковь – как и каждый, кто любит истину, – должна неизбежно быть нетерпимой по отношению к заблуждениям. Пресловутая толерантность, свойственная нашему времени, является следствием нашей неспособности к твердой позиции и всеобщего равнодушия к религии».⁴⁰⁹

Православные мыслители тоже весьма подозрительно относятся к идее толерантного диалога. Вот фрагмент текста, обнаруженного в интернете и озаглавленного «Толерантность и истина»: «К особым качествам, отличающим современного мирового гражданина, принадлежит толерантность (терпимость). Все более и более поднимается вопрос о том, где же терпимость в религии имеет свои границы. В большинстве областей

⁴⁰⁵ Инстинктивный патриот, единственно настоящий, говорит: «Не хочу ничего знать. Человек, ты иностранец, и ты попираешь землю, по которой ходили мои предки. Закрой свой рот, полный сладкоречивой лжи. Бесплезно. Я ненавижу тебя» (Jacques Roumain, in *Le Petit Impartial*, 2.06.1928. Цит. Nicholls D. *Te naffionalisme haitien*, in *LesAnnales*, 1975. P. 662).

⁴⁰⁶ Герберт Спенсер пишет, как однажды в молодости, после бурной дискуссии по теологическим вопросам с одним из своих друзей, он получил письмо, в котором тот объявлял о разрыве отношений с тем, как он выразился, кто пытается «поколебать веру, чью истинность я так сильно ощущаю» (Spenser H. *Autobographie*. – Paris, 1907. P. 123). В своей проповеди, произнесенной в Лилле 29 августа 1976 года, епископ Лефевр гневно осуждает равноправный диалог между истиной и ложью: «Нельзя дискутировать с протестантами; мы любим их и поэтому хотим обратить их в свою веру. Нельзя вступать в диалог с франкмасонами и с коммунистами, потому что с дьяволом не ведут диалогов» (*Le Monde*, 31 августа 1976 г.)

⁴⁰⁷ Danietou R.P. *Lacrise du Sensde laViW*, in *L'enseignement dela philosophie. Recherches et Dubats*, 1961. P. 151.

⁴⁰⁸ Anacharsis Clootz. Цит. в *Un so'our en France de 1792, 1795. Lettres d'ub tumin de fe Revolution fransaise*. Trad. par H.Taine. Paris, 1872. P. 161.

⁴⁰⁹ Цит. по: *Le Monde*, 13 июля 1973 г. См. также: «Сегодня толерантность стала расплывчатым понятием; отсутствие твердых убеждений выдается за добродетель» (Jean-Michel Gros, предисловие к P. Bayle. *De te tolerance*. Paris, Presses Pocket, 1992).

нашей жизни требование терпимости здорового человеческого разума подвергается чрезмерным нагрузкам, так как способность к точным суждениям – отличию правильного от фальшивого и истины от лжи – жизненно важно... Как можем мы быть терпимы и акцептировать другие религии как равноценные на пути к Богу? Что же мы тогда делаем по отношению к нашим неверующим окружающим, если мы в этом взгляде не совсем решительны, а терпимы? Или мы и сами не совсем во всем уверены? Для учеников Христа дело было ясно: в этом вопросе у них не было никаких компромиссов. Как быть с терпимостью относительно тех, кто называет себя христианами, если они, например, поклоняются мертвым (католицизм) или их Иисус не воскрес (либеральные теологи)? И как распространяется среди нас, верящих в Библию, евангелие о терпимом Боге, который и действительно имеется из-за нашей такой потребности? Говорим ли мы еще людям о том, что они как грешники должны исповедать свои грехи перед святым Богом? Или мы призываем чаще к тому, чтобы только «решиться для Иисуса», ибо так идет лучше? Верить в то, что Иисус умер за наши грехи, означает: осознать, что мы являемся грешниками, что Божье наказание за грехи справедливо и что Иисус это наказание взял на Себя. Как могут христиане быть другими в этом вопросе, как только абсолютно не терпимыми? Попробуйте, например, в некоторых спорных вопросах, как гомосексуальность или теория эволюции, по которым везде и громче всего призывается к толерантности, выразить свое (христианское) мнение? По всем правилам мгновенно будет видно, что терпимость тут только односторонне распределенное требование. Терпимым можно быть только относительно твердой и ясной позиции. Без такой позиции человек не является терпимым, он является неуверенным. Истинная проблема в дискуссии о толерантности заключается в том, что наши позиции становятся все время расплывчатее и бледнее. Почему нам так непри-

ятно, когда нас клеймят «фундаменталистами»? Потому что мы не в состоянии ясно и однозначно обозначить наш фундамент, наше основание, встать и призвать наших критиков к ясности в этом. Мы должны, хотя бы в своих собственных рядах, обращать внимание на то, почему и в каких вопросах мы призываемся к терпимости: может можно быть великодушным в одном каком-то определенном пункте, исходя из ясно и четко изложенной точки зрения, или может здесь кроется неуверенность, так как своя собственная позиция потеряна?».⁴¹⁰

Правда, и среди религиозных мыслителей есть такие, которые полагают, что человек может заблуждаться, что оппонент может быть прав и что необходимо изучить его точку зрения, какова бы она ни была.⁴¹¹ С их точки зрения толерантность рассматривается как другая сторона погрешимости. Один только Бог мог бы быть нетерпимым – в таком смысле: «Высшее разумное существо по самой своей природе необходимо должно быть нетерпимым»,⁴¹² являясь непогрешимым.

Отказ от диалога может быть скрытым. Диалог предполагает желание понять другого, желание объективно оценить его утверждения и аргументы. Но выражения «понять другого, объективно оценить его утверждения и аргументы» таят в себе некую двусмысленность. «Понять другого» может означать принять на время его точку зрения, увидеть ее сильные стороны, поставить себя на его место; но это же может означать, напротив, включить его в мою собственную систему, объяснить его позицию с точки зрения того, что мне кажется истинным. Гегель не вступает в диалог с оппонентом, он его «переваривает». Коммунисты, ленинцы и сталинцы старались не себя поставить на место оппонента, а его поставить на свое место; даже не пытались

⁴¹⁰ Толерантность и истина. URL: <http://www.maranatha.org.ua/lib/protestant/Protestant02.pdf>

⁴¹¹ «Если вы закроете двери перед всеми заблуждениями, истина также останется снаружи» (Рабиндранат Тагор).

⁴¹² Bonald L. De. Mubnges M/raes, poltiques, phibsophiques. – Paris, 1819. P. 258-259.

искать оправдание его позиции, они все сводили к обвинениям, в лучшем случае учитывая смягчающие обстоятельства. Психологи видят за произнесенными словами нечто другое, явление иного порядка, относящееся к области чувств, а не рассудка. Таким же образом «объективно оценить» означает оценить идеи оппонента согласно тому, как он мыслит, но это также означает называть вещи своими именами; то есть, если идеи ложны, следует об этом сказать и продемонстрировать их ложность. В этом случае понять и объективно оценить позицию собеседника можно только во втором смысле этих выражений. Он не может быть прав, его аргументы излишни, он передергивает; в лучшем случае, он просто не знает истинных причин своих мыслей, а нас интересуют именно они, эти истинные причины, побудившие говорить то, что он говорит, его прошлое и его социальное положение, его психологический портрет, его место в системе.⁴¹³

На самом деле, слушать оппонента – означает принимать всерьез его аргументы, то есть, прежде всего, видеть их такими, какими они представлены. И не для того, чтобы их отвергнуть. Для начала следует признать его правоту. Пусть даже собеседник кажется мне безумцем или фанатиком – и безумец, и фанатик могут оказаться правы. И если его аргументы плохо изложены, тем более важно выслушать его – тезис может быть плохо аргументированным, но истинным. Именно поэтому в суде обвиняемые не защищаются сами, а прибегают к помощи адвокатов – чтобы обеспечить, по крайней мере, теоретически, одинаковое качество защиты противоположных точек зрения.

В диалоге следует идти еще дальше: надо стать самому адвокатом своего оппонента.⁴¹⁴ Это не значит,

⁴¹³ Каплан Ф. Толерантность и истина // Вестник Европы. 2006. № 17. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ka21-pr.html>

⁴¹⁴ В одной хасидской сказке повествуется о жене раввина, подавшей в суд на свою служанку. Раввин собирается пойти вместе с ней. Та протестует: «Ты мне не нужен, я сама смогу себя защитить!» На что раввин отвечает: «Ты – да, а она?».

что я должен оставить свою позицию без борьбы, что я должен вести себя подобно флюгеру, для которого, как говорят в народе, чье последнее слово, тот и прав. Потому что в этот момент мой первоначальный тезис станет противоположным – и его я должен защищать изо всех сил, в него я должен поверить. Дело в том, что я вынужден защищаться с помощью клятвы верности самому себе против слишком красноречивых аргументов собеседника, против доказательств, слишком сильных или слишком изошренных, против аргументов, бьющих по моим чувствам: «Когда мой мозг испытывает сильное потрясение, вызванное волнующим событием или чьим-либо красноречием, или же прочитанной книгой, я замыкаюсь в своей крепости и организую оборону. И после нелегкой битвы я замечаю на следующее утро, что оборона была крепка, а враг не так силен, как сначала казалось». Но вот штурм отбит, страсти утихли, и мне надо освободиться от клятвы верности; теперь я должен встать на сторону оппонента и вновь рассмотреть его аргументы, чтобы вынести решение со всем знанием дела.⁴¹⁵

В современной России также есть немало людей, весьма настроенно относящихся к идее диалога. Так, например, Е. Наумов в статье «Коварное обаяние диалога» с раздражением пишет, что «диалог – одно из самых модных, и, если так можно выразиться, агрессивных слов в научной, культурной и общественно-политической лексике человечества последних десятилетий XX века. Этим словом нередко пытаются обозначать (или маскировать) совершенно различные явления, вследствие чего оно становится не только знаковым, но почти сверхъестественным, присутствуя, кажется, везде, где речь идет о предметах или людях, числом более двух: «диалоги у камина», «диалог с читателями», «воскресные диалоги», «диалог культур», «плоды политиче-

⁴¹⁵ Каплан Ф. Толерантность и истина // Вестник Европы. 2006. № 17. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ka21-pr.html>

ского диалога», «диалог историка с источником», «диалогический метод обучения», «диалогизм мышления», «автодиалог» и, наконец, «диалогичность монолога» и «безмолвный диалог». Венцом этой пирамиды смыслов нужно, очевидно, считать, «диалоги в живой природе». Неужели «слово найдено»? Уж не является ли панацеей этот самый диалог?». ⁴¹⁶

В XX веке, – продолжает Е. Наумов, – диалог из способа обмена и обогащения идеями, поиска общего, взаимопознания и взаимопонимания все более превращается в инструмент целенаправленного воздействия одних его участников на других, инструмент тем более опасный, что совершенствование приемов и методов манипулирования и программирования чужого сознания и поведения далеко опережает вооружение человека эффективными средствами защиты своего внутреннего мира от нежелательных и, главное, непрощенных вторжений извне.

Думается, автор в своем сомнении по поводу культуры диалогической коммуникации опирался на формальное определение диалога как способа обмена репликами. Между тем, у диалога есть еще и содержательные признаки, о которых говорилось выше и которые исключают манипуляцию и вмешательство во внутренний мир человека.

Применительно к деятельности СМИ концепцию гуманитарной коммуникативной культуры развивает Т.И. Фролова. В ее докторской диссертации ⁴¹⁷ сформулированы и доказаны несколько важных положений. В частности, констатируется, что от качества гуманитарной повестки СМИ зависит уровень гуманистичности медиаконтента и степень эффективности его влияния на позитивные преобразования в социальной сфере, на создание благоприятных условий для повседневного бытия

⁴¹⁶ Наумов Е.Ю. Коварное обаяние диалога // Права человека в диалоге культур. – М., 1998.

⁴¹⁷ Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2015.

людей, для поступательного развития человека и общества.

Особый интерес проблематика диалога приобретает в ситуации развития так называемых новых медиа. По мнению некоторых исследователей, именно интернет дает возможность для диалога. Так, например, М. Постер считает, что ни телевидение, ни печатная пресса не могут быть площадкой для диалога: Коммуникация требует не только «самопредставления» (*self-positioning*), но и непосредственного общения, которое невозможно в случае чтения или просмотра телепередач. В интернете люди не только читают, но и интерпретируют, отвечают на мнения, формируя свою личную позицию.⁴¹⁸ Аналогичной позиции придерживается С. МакКаллаг⁴¹⁹ и некоторые другие исследователи.

Однако другие авторы более осторожны. М. Кастельс еще в 1996 году заметил, что «...социальные вызовы схемам господства в сетевом обществе главным образом принимают форму создания автономных идентичностей. Мы станем свидетелями того, что вместо социальных классов возникнут племена, ... мы сможем наблюдать, как господствующие мировые элиты окапываются в нематериальных дворцах, созданных из коммуникационных сетей и информационных потоков».⁴²⁰ Эти изменения, внешние по отношению к институтам и ценностям общества, М. Кастельс оценивал скорее как фрагментирующие, чем реконструирующие. Э. Вильгельм⁴²¹ утверждает, что интернет не только подрывает сам процесс принятия решений избирателями, но и приводит к исчезновению публичной сферы, а это главная угроза демократии.

⁴¹⁸ Poster M. The Mode of Information and Postmodernity // Communication Theory Today / D. Crowley, D. Mitchell (eds). – Cambridge: Polity, 1994. P. 173–192.

⁴¹⁹ McCullagh C. Media Power: a sociological introduction. – London: Palgrave, 2002.

⁴²⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 505–506.

⁴²¹ Wihelm A. Democracy in the digital age. – New York: Routledge, 2000.

К. Санштейн⁴²² утверждает, что новые медиа могут ослабить демократию, потому что, используя интернет как площадку для коммуникации, пользователи разделяются на группы по интересам, тем самым отрезая себя от глобального информационного поля. К. Санштейн вводит понятие «кибербалканизация».⁴²³ Кибербалканизация характеризует состояние групп, которые используют интернет для общения в своем сообществе, исключая из этого поля любые другие существующие точки зрения, мнения и вопросы. Возможное последствие этого процесса – крайняя поляризация групп с экстремистскими взглядами, неспособными на диалог.

К. Санштейн полагает, что такая поляризация может навредить всем пользователям, так как информация преувеличивается, искажается и этот «негативный каскад» распространяется на всю аудиторию. «Специализация – привлекательная сторона новых медиа, но в то же время угроза для построения социального капитала. Реальные связи заставляют нас принимать разнообразие, в то время как виртуальный мир может быть более гомогенным в контексте интересов и мнений».⁴²⁴

Многие блоги действительно функционируют как некие закрепители определенной точки зрения, а их аудитория помогает друг другу консолидировать систему взглядов на мир. Санштейн называет такие блоги «палатой эхо» (*echo-chamber*): пользователи не вступают в споры и не критикуют противоположные точки зрения, а лишь ищут людей, которые разделяют их предпочтения. Такие сообщества на уровне всей блогосферы подрывают идею новых медиа как площадки для дискуссии, а не монолога.

Многие исследователи приходят к выводу, что в политической блогосфере блоги, которые придерживаются центральной позиции в идеологическом спек-

⁴²² Sunstein Cass R. Republic.com. Princeton University Press, 2007.

⁴²³ Статья «кибербалканизация» в Википедии. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Cyberbalkanization>

⁴²⁴ Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon and Schuster, 2000. P. 177.

тре, наименее популярны. Н. Глэнс и Л. Адамик обнаружили, что цитирование и ссылки на сообщества крайних политических взглядов встречаются в интернете гораздо чаще.⁴²⁵ М.Д. Трейман⁴²⁶ в исследовании отклика блогосферы на войну в Ираке пришла к выводу: очевидно, что блогеры по разные стороны стремятся изолироваться, опираясь только на те мнения и те СМИ, которые отражают их идеологические представления, однако существует небольшой кластер в центре, где все еще может происходить дискуссия.

Если раньше традиционные СМИ, выделяя небольшое количество тем и, концентрируя на них внимание аудитории, обеспечивали некое согласие массовой аудитории по поводу предпочтительных тем для диалога и возможных подходов к осмыслению этих тем, то с помощью новых медиа у пользователя есть возможность идентифицировать себя с более индивидуальными повестками. Падение влияния традиционных медиа и мультипликация новых площадок СМИ ведет к снижению интереса к национальным, наднациональным проблемам и повышению внимания к локальным. По мнению многих исследователей, такая тенденция грозит увеличением и углублением социальных расколов.⁴²⁷

Таким образом, возможности новых коммуникационных технологий как ресурса реального гражданского форума, возможности deliberation и влияния на политическую повестку дня на деле оказываются не более чем иллюзией.⁴²⁸

ГЛАВА 2.3

ОТ КУЛЬТУРЫ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ К МЕДИАКУЛЬТУРЕ

⁴²⁵ См., напр.: Adamic L., Glance N. The Political Blogosphere and the 2004 U.S. Election: Divided They Blog, 2005.

⁴²⁶ Tremayne M., Zheng N., Lee J., Jeong J. Issue Publics on the Web: Applying Network Theory to the War Blogosphere // Journal of Computer Mediated Communication. 2006. 12(1).

⁴²⁷ Takeshita T. Current critical problems in Agenda-setting research // International Journal of Public Opinion Research. 2005. Vol. 18. N 3.

⁴²⁸ Подробно диалогические коммуникации описаны в кн: Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.

Медиакультура: сущность и основные подходы к пониманию

Параллельно с осмыслением места и особенностей медиа в системе человеческой коммуникации, возникло и стало набирать популярность понятие «медиакультура». Поначалу речь шла о культуре вообще, воспроизводимой для рядового человека текстами массмедиа. В каком-то смысле понятие «медиакультура» отождествлялось с понятием «массовая культура». Именно этот акцент на современных средствах коммуникации как проводниках актуальных духовных продуктов привел к закреплению понятия «медиакультура». Среди зарубежных авторов, заложивших основу для изучения так понимаемой медийной культуры, можно выделить В. Беньямина, М. Маклюэна, М. Кастельса, Н. Лумана.

В. Беньямин в своем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» одним из первых обратил внимание на техническую составляющую в художественном творчестве.⁴²⁹ По его мнению, в мире художественной культуры возникла принципиально иная ситуация – появилась возможность репродуцировать и тиражировать произведения искусства, в результате чего они лишились своей «ауры», утратив связь с историей и традицией.

М. Маклюэн не только ввел в медиатеорию ряд новых тезисов и понятий: «средство есть сообщение», «расширение человека», «глобальная деревня», «электронное сообщество», но и дал характеристику культурных эффектов средств коммуникации, среди ко-

⁴²⁹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996.

торых гипнотический и трайбализирующий эффекты, эффект специализации новых медиа и т.д.⁴³⁰

Свой вклад в осмысление медийной культуры внес М. Кастельс, утверждая, что формирование культуры определяется коммуникационными возможностями, мощное воздействие которых в настоящее время рождает «культуру реальной виртуальности».⁴³¹

Много внимания уделили исследованию проблем, связанных с погружением медиатекстов в символическую среду культуры, такие авторы, как А. Моль, Р. Вильямс, Ж. Бодрийяр, К. Дженкс, Дж. О'Доннелл, Дж. Томлинсон, К. Хейли, Э. Дарли, Дж. Люлль, Д. Келлнер, Ф. Джеймсон, Н. Луман и др.

Исследователи выделяют несколько направлений и подходов, в рамках которых изучаются медиа и медийная культура.

- **Философский**, исследующий общеполитические и гносеологические проблемы медиареальности.
- **Социологический**, предполагающий анализ социальных контекстов медиакультуры.
- **Психологический**, в рамках которого исследовались механизмы смысловых самовыражений героев медиакультуры, где важной стороной аналитической деятельности является постановка себя на место персонажей, а также мысленное внедрение в ситуацию других персонажей, что изменяет суть социокультурной ситуации и позволяет «проиграть» варианты развития информационных событий.
- **Собственно культурологический** подход, в рамках которого медиакультура рассматривается как особый тип культуры информационного общества.
- **Аксиологический**, акцентирующий внимание на богатстве и оригинальности художественной

⁴³⁰ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2007.

⁴³¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

концепции продукта медиакультуры, его соответствии конкретно-историческим и общечеловеческим культурным ценностям, общей значимости в формировании социализированной и самоценной творческой личности.

- **Искусствоведческий**, представляющий медиакультуру как актуальную форму инновационного проявления художественной деятельности на базе новых информационно-коммуникативных технологий.

- **Лингвистический**, направленный преимущественно на постижение правил, норм языка современной медиакультуры и раскрытие ее специфики.

- **Технологический** подход к медиакультуре, согласно которому медиакультура представляет собой комплексное явление, включающее в себя различные средства, формы, виды коммуникативных технологий, особым образом организованную систему, отличающую ее от других коммуникативных систем.

Значительную часть исследований медиакультуры составляют работы журналистской направленности. В них медийная культура выступает как медиасистема, которая активно влияет на формирование общественного сознания людей, нормы их жизнедеятельности в целом.

Еще одним направлением, в рамках которого у нас в стране изучается медиакультура, является медиаобразование.⁴³²

Различия в подходах очевидным образом сказываются на определении понятия «медиакультура». Можно выделить широкие – иногда очень широкие –

⁴³² См.: Варганова Е. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Т. 5. № 4. Российское общество и средства массовой коммуникации. – Осень, 2000; Гук А.А. Медийная культура как техногенный феномен. URL: <http://mic.org.ru/new/542-medijnaya-kultura-kak-tekhnogennyj-fenomen>; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. – М.: МГУ, 1999; Кашкина М.Г. Медиакультура информационного общества в аспекте философского дискурса. Автореф. канд. дисс. – Краснодар, 2012; Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2005; Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций: монография. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008; Савчук В. Невозможность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/; Третьяков В.Т. Теория телевидения: ТВ как неоязычество и как карнавал. Курс лекций. – М.: Ладомир, 2015.

определения и более или менее ограниченные определения.

К широким определениям мы относим такие, в которых медиакultura практически отождествляется с культурой вообще, да еще в ценностно-содержательном плане. В той или иной степени отождествление медиакультуры и массовой культурой встречается во многих работах.⁴³³

Существует точка зрения, согласно которой медиакultura является ядром информационной культуры.⁴³⁴ При этом формирование информационной культуры является стратегической целью государственной культурной политики и важнейшей задачей информационной доктрины. Информационная культура и ее ядро – медиакultura основывается на принципах свободы творчества для ее создателей, но и их ответственности, устанавливаемой определенными «правилами игры».

Н.Б. Кириллова определяет медиакultura следующим образом: «это детище современной культурологической теории, введенной для обозначения особого типа культуры информационного общества, являющейся посредником между обществом и государством, социумом и властью».⁴³⁵ И дальше: «Медиакultura можно определить как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакultura включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; она может выступать и системой уровней развития личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать но-

⁴³³ См. работы Д. Белла, Д. Макдональда, Б. Розенберга, Э. Фромма, Ж. Фридмана, Р. Хоггарта и др.

⁴³⁴ Астафьева О.Н. Медиакultura и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства. URL: <https://www.ronl.ru/referaty/raznoe/690885/>

⁴³⁵ Кириллова Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2006. С. 7.

вые знания посредством медиа и т.д.⁴³⁶ При этом Н.Б. Кириллова приписывает медиакультуре массу функций: информативную, коммуникативную, нормативную (идеологическую), релаксационную, креативную, интеграционную, посредническую. На наш взгляд, столь широкое понимание медиакультуры приводит к отождествлению медиакультуры и массовой коммуникации.

Существуют еще более «крутые» определения. Например, «медиакультура есть процесс повседневной деятельности информационного общества и представляет собой жизненный совокупный опыт мировой и отечественной культуры».⁴³⁷ В другом месте этой работы написано, что современная медийная среда сформировала определенный уровень медиакультуры, куда традиционно принято включать прессу, телевидение, кинематограф, радио, звукозапись, компьютеры и интернет. Как увязать эти два толкования – непонятно.

Ряд авторов полагает, что в современном информационном социуме медиакультура рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале массмедиа с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов.⁴³⁸

Есть и более узкие определения. Например, А.А. Гук определяет медийную культуру как совокупность информационно-коммуникативных технологий, использующих машинный способ продуцирования и распространения сообщений, конвергентных и тиражных по своей природе, рассчитанных как на массовое, так и на индивидуальное потребление.⁴³⁹ Рассматривая

⁴³⁶ Там же. С. 8.

⁴³⁷ Кашкина М.Г. Медиакультура информационного общества в аспекте философского дискурса. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Краснодар, 2012.

⁴³⁸ Федоров А.В. Организация и проведение научных исследований в области медиакультуры и медиаобразования. – М., 2008 и др.

⁴³⁹ Гук А.А. Медийная культура как техногенный феномен. URL: <http://mic.org.ru/new/542-medijnaya-kultura-kak-tehnogennyj-fenomen>

медиакультуру как становящуюся реальность, базовым принципом и природным качеством которой является ее принадлежность к технике и более конкретно к машине, предназначенной для осуществления процессов человеческой коммуникации, А.А. Гук включает в состав медийной культуры цифровую и аналоговую культуру, электронную и механическую культуру, экранную и неэкранный культуру и т.д. Данным средством (посредником) является машинный способ коммуникации, который, кардинально меняет качественные характеристики коммуникативного процесса. В содержание коммуникативного сообщения (текста) в этом случае входит не только общезначимая информация, но и информация, идущая от возможностей того или иного технического средства как знаковой системы. Самое общее определение медийной культуры может быть такое – это тип культуры, функционирующий на основе механизированных информационно-коммуникативных технологий.⁴⁴⁰

Сказанное выше дает основание для формулирования тезиса о том, что в настоящее время в научном обороте в понятии «медиа» вложены три комплекса смыслов:

- 1) на самом абстрактном уровне понятие «медиа» представляет собой синоним понятия «коммуникация»;
- 2) на более конкретном уровне медиа рассматриваются как обусловленные современными инструментально-технологическими системами матрицы оформления смыслов;
- 3) на эмпирическом уровне медиа рассматриваются как система технических устройств, приспособленных для передачи смыслов.

Наше понимание концепта «медиа» формулируется следующим образом. Внутри того, что М. Мак-

⁴⁴⁰ Гук А.А. Медийная культура как техногенный феномен. URL: <http://mic.org.ru/new/542-medijnayakultura-kak-tekhnogennyj-fenomen>.

люэн и его последователи именуют медиа, отчетливо выделяются три совершенно разные подсистемы.

1. Инструментарий коммуникации (названные М. Маклюэном электрический свет, дороги, одежда, жилище, город, деньги, часы, колесо, велосипед, автомобиль, самолет, автоматическое оборудование, пишущая машинка, телефон, фонограф, кино, радио, телевидение, оружие и др.). Видимо, здесь надо подчеркнуть, что так понимаемый инструментарий существует до акта коммуникации. Инструментарием эти предметы, вещи и сущности становятся в процессе человеческого взаимодействия. То есть способность быть медиа приписывается человеком предметному миру как его функция. И по мере усложнения человека он использует в качестве инструментария все более широкий круг ресурсов.

Необходимость в инструментарии подобного рода появляется там и тогда, где и когда нужно уничтожить или уменьшить дистанцию между двумя субъектами, независимо от того, что мы понимаем под субъектами и дистанциями. Вероятно, именно это имел в виду Ф. Хайдер, который в 1926 году опубликовал эссе «Вещь и Медиум».⁴⁴¹ Именно Ф. Хайдер предложил называть некую материальную данность, исполняющую функции опосредования, словом «медиум», а саму опосредованную данность – словом «вещь». Развивая эту мысль, Л. Стародубцева констатирует, что в принципе любая «вещь» может послужить «медиумом», если она, в свою очередь, скрывает и тем самым являет собою другую «вещь». Совершенно очевидно, что само свойство медиальности вовсе не принадлежит ни вещи, ни взгляду, на нее направленному: это всего лишь ситуативная переменная, зависящая от возможности перемены взгляда «на» (вещь) взглядом «через» (медиум). И в этом смысле проницаемость (не столько для зрения, сколько для умозрения – степень прозрачности вещи для направленного

⁴⁴¹ Heider F. Ding und Medium / Fritz Heider // Symposion. 1926. № 1. S. 109–157.

на нее сознания – способна превратить ее в медиальную оболочку. Слово – «медиум» молчания, письмо – «медиум» слова, печатная книга – «медиум» рукописи, электронный гипертекст – «медиум» книги...⁴⁴²

Этот ряд медиальных «расширений» чем-то напоминает встроенные друг в друга медиасферы Режи Дебре (мнемосфера – логосфера – графосфера – видео-сфера – гиперсфера...)⁴⁴³

И еще раз обратимся к тексту Л. Стародубцевой: Очевидно, «медиум» появляется там и тогда, где и когда разворачивается «дистанция», которую необходимо преодолеть (так появляется письмо, чтобы соединить пишущего и читающего; так появляется музыка, чтобы связать извлекающего звуки и того, кто им внимает; так появляется рисунок, чтобы объединить рисующего и смотрящего). И, с этой точки зрения, именно опыт снятия «дистанции» призывает «медиума» и дает ему возможность сбыться.⁴⁴⁴

2. Технологии коммуникации (устная речь, письменная речь, формулы, комиксы, фотографии, кинофильм, видеофильм, книга, рекламный текст, балет, живопись, опера и т.п.). Довольно часто встречается утверждение, что технологии всегда деформируют информацию. (Знаменитое тютчевское: «мысль изреченная есть ложь».) На наш взгляд, этот популярный тезис, восходящий к Платону и подразумевающий, что мысль существует до слова и лишь потом ищет нужные слова (пусть не слова – звуки, иконы, ландшафты) для своего воплощения, нуждается в глубоком исследовании. Л.С. Выготский писал о том, что мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении мысли в слове. Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отно-

⁴⁴² Стародубцева Л.В. Медиум и дистанция. Международный журнал исследований культуры. № 3(4) 2011: Культурная история медиа. С. 12.

⁴⁴³ Дебрэ Р. Введение в медиологию. – М.: Праксис, 2010. С. 80-81.

⁴⁴⁴ Стародубцева Л.В. Медиум и дистанция. Международный журнал исследований культуры. № 3(4) 2011: Культурная история медиа. С. 15.

шение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание, то есть мысль выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу. Это течение мысли совершается как внутреннее движение через целый ряд планов, как переход мысли в слово и слова в мысль.⁴⁴⁵ Это очень важная идея. Она перекликается с тезисом М. Маклюэна о том, что медиа есть сообщество. Вполне вероятно, что действительно готовая идея, выраженная в одной знаковой системе, при ее перекодировке в другую систему деформируется. Но возможна ситуация, когда некий смысл сразу возникает в медиаформатах, и тогда никакой деформации нет.

3. Посредники коммуникации (медиумы).

Это третий участник любой коммуникации, если осуществление коммуникации требует посредника. Это гонец, это писец, это телеграфист, это переводчик, это рекламист, это журналист, пресс-секретарь и т.п. Функция посредника – помочь участникам коммуникации максимально полно и максимально комфортно донести смыслы друг до друга. Очень интересным в этой связи представляется замечание Б. Маркова о том, что первоначально в качестве медиумов выступали особые люди, к которым предъявлялись особые требования. Будь то авторы-гуманисты, священники, миссионеры, слуги короля, почтовые работники, государственные служащие, современные информационные службы – все они соблюдают особый этос служения. Суть его в том, что медиум служит не себе, а чему-то высшему. Поэтому проблема неисполнительности, коррумпированности служащих медиасистемы является вечной. Она решалась приданием особого статуса: медиумы занимают определенное положение, имеют особые привилегии, но ведут при этом аскетический образ жизни. Знаки, которые они распространяют, имеют особую форму. Так еще во времена фараонов были выработаны специальные требова-

⁴⁴⁵ Выготский Л.С. Мышление и речь. URL: <http://works.doklad.ru/view/qbfB17fuQm4/69.html>

ния к качеству и формату папируса, на котором записывались государственные постановления. И сегодня государственный документ подписывается официальным лицом и подтверждается гербовой печатью. Все это говорит о том, что даже письменные документы черпают силу авторитета не от истины, а от иных свидетельств.⁴⁴⁶

Однако у посредника могут быть свои интересы, и не всегда эти интересы совпадают с интересами участников коммуникации. Также очевидно, что один из участников коммуникации может завербовать посредника, перекупить его, что, собственно, и происходит в этом мире постоянно. Кроме того, важно, чтобы и субъекты коммуникации, и посредник были вписаны в одну коммуникативную культуру, чтобы они были готовы взаимодействовать друг с другом.

Взятые в своей совокупности эти три подсистемы должны называться медиасистемой. Исследуемыми компонентами медиасистемы являются: медиаинструментарий, медиатехнологии и медиапосредники. Отсюда наше понимание медиакультуры: это совокупность знаний, умений, навыков, обеспечивающих эффективное использование медиаинструментария, медиатехнологий и медиапосредников. Примерно об этом пишет О.В. Сергеева, когда утверждает, что медиакультура понимается как ценности, нормы, образцы, регулирующие практики использования средств коммуникации:

- 1) практики получения новостей;
- 2) практики передачи опыта и знаний при помощи медиа;
- 3) практики отдыха, развлечения, творчества, возможные благодаря медиа;
- 4) практики общения.⁴⁴⁷

⁴⁴⁶ Марков Б. Проблема человека в эпоху масс-медиа. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1785>

⁴⁴⁷ Сергеева О.В. Медиакультура в практиках повседневности. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a26.php>

Поставив вопрос о том, как различаются средства коммуникации, О.В.Сергеева предложила следующие шкалы:

- а) материал фиксации текста;
- б) знаки, используемые для хранения текста;
- в) средства, необходимые для представления текста, и знаки, представляющие текст;
- г) вместимость носителя текстов;
- д) продолжительность «жизни» носителя текстов;
- е) особенности воспроизводства одного и того же текста;
- ж) способы навигации в тексте.

Выделенные шкальные признаки позволяли ей сформулировать тезис о том, что медиакультура включает в свой состав такие области как книжная, экранная и цифровая культуры.⁴⁴⁸

Нам представляется, что это деление достаточно корректно и позволяет обойтись без множества новообразований типа «сетевая культура»,⁴⁴⁹ «электронная культура»⁴⁵⁰ и т.д.

Центральным элементом так понимаемой медиакультуры является медиаграмотность, или, пользуясь другой терминологией, медиакомпетентность.

Медийные субкультуры

Коммуникационная культура может делиться в соответствии с типами коммуникационных институтов. Обычно выделяют такие коммуникационные институты, как журналистика, реклама, пропаганда, PR; литература и искусство; неформальные коммуникационные институты и др. В свою очередь, внутри этих институцио-

⁴⁴⁸ Сергеева О.В. Медиакультура в практиках повседневности. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-sotsiologiya/a26.php>

⁴⁴⁹ Астафьева О.Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства. URL: <https://www.ronl.ru/referaty/raznoe/690885/>

⁴⁵⁰ Шлыкова О.В. Горизонты электронной культуры: новации коммуникации. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-268477.html>

нальных культур возникают разнообразные субкультуры.

Так, например, в журналистике в настоящее время отчетливо выделяются несколько субкультур.

Германские исследователи разработали модель различий между онлайн-СМИ, печатными изданиями, телевидением и радиожурналистикой.⁴⁵¹

Ф.С. Сиберт, У. Шрамм и Т. Питерсон в своей, ставшей уже классической, работе «Четыре теории прессы»⁴⁵² назвали совокупность профессиональных норм и правил «теориями прессы» и выделили четыре таких теории, которые, на наш взгляд, можно считать профессиональными субкультурами в сфере журналистики:

- **авторитарная теория**, суть которой заключается в том, что пресса должна поддерживать политику правительства и не имеет права критиковать власть и государственных чиновников;

- **либертарианская теория**, предполагающая, что главная цель прессы – информировать читателей, развлекать их, помогать им находить истину, а также контролировать правительство; **теория социальной ответственности**, в основе которой лежит регулируемая профессиональными кодексами деятельность прессы, направленная на объективное информирование читателей, а также предоставление им возможности обсуждать социально значимые проблемы и конфликты;

- **советская (коммунистическая) теория**, базирующаяся на доминирующей роли коммунистической партии и предписывающая прессе быть проводником идей партии и безоговорочно поддерживать советскую социалистическую систему.

⁴⁵¹ Вейлер К., Инго Маурер Р. Сетевые СМИ – другая журналистика? URL: <https://studfiles.net/preview/5711024/>

⁴⁵² Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. – М.: Национальный институт прессы; Изд-во Вагриус, 1998.

Согласно концепции Р. Уильямса,⁴⁵³ система СМИ может быть:

- **авторитарной**, основной задачей которой является передача инструкций, идей и подходов правящей группы;

- **патерналистской** – это вариант авторитарной модели, в которой у правящей группы, помимо задачи сохранения власти, существует еще и ответственность перед обществом;

- **коммерческой**, отличающейся от авторитарной и патерналистской большей степенью внутренней свободы, ограниченной, однако, одним условием: можно говорить все, что угодно, если вы можете позволить себе это говорить с прибылью;

- **демократической**, опирающейся на выработанную систему принципов, которыми следует руководствоваться.

К. Норденстренг предложил пять теорий прессы:

- **либерально-индивидуалистическая** теория берет за основу известную либеральную теорию;

- теория **социальной ответственности** предполагает служение обществу и гражданским интересам;

- **критическая** парадигма базируется на радикально-демократической концепции;

- **административная** парадигма обслуживает интересы элиты;

- парадигма **культурного посредничества** воспитывает чувство коммунитаризма и взаимопонимания.

Дополнительно к этому К. Норденстренг выделяет четыре роли прессы:

⁴⁵³ См.: Sparks C., Reading A. Communism, Capitalism and the Mass Media. – London, Thousand Oaks, New Delhi. SAGE Publications. 1998. P. 52.

- 1) сотрудничество с национальным государством;
- 2) наблюдение и информирование общества о важных вопросах;
- 3) помощь в организации общественных дебатов;
- 4) критические расследования со стороны общественных групп.⁴⁵⁴

Еще одну концепцию предложили Д. Халлин и П. Манчини.⁴⁵⁵ Для анализа социальных и политических контекстов они предложили использовать следующие критерии:

- 1) развитие медийных рынков;
- 2) политический параллелизм, то есть степень и характер связей между медиа и политическими партиями;
- 3) развитие журналистского профессионализма;
- 4) степень и характер вмешательства государства в медийные системы.

На основании этих критериев Д. Халлин и П. Манчини выделили три модели медийных систем:

- **североатлантическую, или либеральную модель;**
- **североевропейскую, или демократическую корпоративистскую модель,**
- **средиземноморскую, или поляризованную плюралистическую модель.**

Д. МакКуэйл предлагает несколько иные формулировки теорий прессы:⁴⁵⁶

- **теория свободной прессы** (аналогична либертарианской теории прессы Ф.С. Сиберта, У. Питерсона и Т. Шрамма);

⁴⁵⁴ См.: Медиа и политика в переходный период. Культурная идентичность в эпоху глобализации. – М.: Наука, 1998.

⁴⁵⁵ Халлин Д., Манчини П. Сравнение медийных систем. Три модели медиа и политики. – М., 2004.

⁴⁵⁶ МакКуэйл Д. Журналистика и общество. – М.: МедиаМир, 2013. С. 48-74.

- **теория ответственности перед обществом;**
- **теория «пресса как четвертая власть»;**
- **теория публичной сферы** (идея заимствована у Ю. Хабермаса, который понятием «публичная сфера» обозначил места, где интеллектуалы могут обсуждать проблемы текущей политики);
- **критическая теория**, согласно которой пресса должна вскрывать несправедливость, неравенство и ложное сознание;
- **теория медиаменьшинств и демократического участия (повстанческая коммуникация)** – медиа, защищающие угнетенные меньшинства.

С. Оутс, занимающаяся изучением медиасфер и медиаполитики постсоветских стран, сравнила советскую и российскую медиасистемы. По ее мнению, в СССР государственное влияние на медиа было практически абсолютным, в современной России оно более разнородно и может осуществляться через финансирование, запугивание журналистов, изъяны в законодательстве или другие практики. На основании проведенного анализа она выделила **неосоветскую** медиамодель.⁴⁵⁷

Эта же особенность находит отражение и в концепции **евроазиатской** медиаполитической модели, предложенной бельгийской исследовательницей Х. де Смеле.⁴⁵⁸ Используя дихотомию западных/восточных медиамodelей, Х. де Смеле отмечает, что влияние «западной модели» ограничивается развитием рыночных отношений, остальные компоненты медиасистем постсоветских государств во многом перекликаются с азиатскими прототипами. Для них характерны патернализм, низкая субъектность медиа (на уровне агентов влияния),

⁴⁵⁷ Oates S. The Neo-Soviet Model of the Media // Europe-Asia Studies. Vol. 59. N 8, December 2007. P. 1279-1297.

⁴⁵⁸ Smaele H. de. The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System // European Journal of Communication. 1999. № 14 (2).

жесткая подотчетность СМИ и опосредованное влияние рыночных отношений.

В России проблемами типологизации СМИ активно занимались А.И. Акопов, Л.Л. Реснянская, М.В. Шкондин и многие другие исследователи.⁴⁵⁹ Правда, чаще всего предметом их интереса был поиск эффективной формальной классификации СМИ, позволяющей четко разделить все существующие массмедиа на группы в соответствии с присущими им конкретными характеристиками.

Автор этой книги много лет назад предложил подход, согласно которому в рамках российской профессиональной журналистской культуры сосуществуют несколько альтернативных парадигм профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический. Все они располагаются в своеобразном «пространстве», образуемом векторами, в качестве которых выступают фундаментальные социально-профессиональные установки, определяющие общий характер отношения журналиста к аудитории.

Журналистика воздействия

Первая из таких установок ставит журналиста **над аудиторией**, определяя его право рассматривать своих читателей (зрителей, слушателей) как объект управления (воспитания, формирования), а себя – как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня. Конечным смыслом деятельности журналиста в рамках данного подхода является **«влияние» («воздействие»)**. Чаще всего такой подход к

⁴⁵⁹ См.: Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий. – Иркутск, 1985; Бакшин В.В. Типологические характеристики еженедельника. – Владивосток, 1984; Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. – М., 2001; Методика типологического анализа периодической печати. – М., 1995; Реснянская Л.Л., Фомичева И.Д. Газета для всей России. – М., 1999; Средства массовой информации России. – М., 2005; Типологическое развитие журналистики. – Р.н/Д., 1993; Типология изданий. – М., 1990; Типология периодических изданий. – Р.н/Д., 1983; Типология периодической печати. – М., 1995; Шкондин М.В. Системная типологическая модель СМИ. – М., 2002; Шкондин М.В., Реснянская Л.Л. Типология периодической печати. – М., 2007.

журналистике реализуется через понятие «четвертой власти». Журналист, разделяющий эту идеологию, рассматривает себя как агента политической, экономической или социальной деятельности, достигающего поставленных перед ним целей путем влияния на общественное сознание. Другими словами, целью такой журналистики является управление сознанием и поведением людей.

Подобного рода журналистская практика получила достаточно фундаментальное обоснование в работах многих теоретиков и исследователей, создавших комплекс стройных и по-своему совершенных концепций управляющего воздействия, опирающихся на представление об активной роли СМИ, выступающих в качестве субъекта пропаганды, и пассивной (несмотря на многочисленные оговорки) роли аудитории, рассматривавшейся в качестве объекта идеологического, пропагандистского воздействия.⁴⁶⁰

Следовательно, влияние можно рассматривать как весь комплекс ресурсов воздействия на публичный дискурс. «Контроль над публичным дискурсом – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу», – отмечает представитель направления критического дискурс-анализа Т. ван Дейк.⁴⁶¹

Те, кто имеет доступ к массмедийному дискурсу и способен осуществлять контроль над СМИ, как правило, выступают частью символической элиты, обладающей определенными преимуществами и вла-

⁴⁶⁰ Считаем необходимым обозначить существенные различия между понимаемой таким образом журналистикой влияния и PR и рекламой. Специалист в сфере PR и рекламы выполняет внешний заказ. Его отношения с клиентом строятся на договорных отношениях, которые четко прописывают взаимные обязательства. Журналист, разделяющий философию влияния, действует по внутреннему побуждению. Цель своей деятельности он формулирует сам, и в этом смысле он – субъект деятельности, в отличие от рекламиста и пиарщика, которые являются не субъектами, а исполнителями.

⁴⁶¹ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Либроком, 2013.

стью.⁴⁶² П. Бурдьё, равно как и Т. ван Дейк, относит к их числу политиков, журналистов, ученых, режиссеров, писателей, общественных деятелей и другие группы, имеющие относительную свободу в выборе форм и жанров презентации дискурса.

Интерпретацию дискурса как части властных практик мы находим у М. Фуко, с чьим именем связана теория дискурс-анализа, сосредоточенная на властных отношениях, которые воспроизводятся посредством языка и практик. М. Фуко указывает, что нормы могут быть встроены за пределами восприятия людей, но, тем не менее, будут заставлять их действовать тем или иным образом без всякого видимого внешнего принуждения.⁴⁶³

В рамках другой теории влияние СМИ на аудиторию описывается через понятие «формирование повестки дня». О функции установления повестки дня (*agenda-settingfunction*) СМИ впервые заговорили М. МакКомбс и Д. Шоу в начале 1970-х годов, изучив степень влияния медиа на общественное мнение и их способность определять политические предпочтения людей. «Повестка дня новостных организаций проявляется в их схемах/сетях/принципах/моделях/шаблонах по освещению общественно значимых событий/проблем за определенный период времени, недели, месяца, целого года. За этот период времени, чтобы это ни было, часть вопросов будет подчеркнута, некоторые из них никогда не получат огласки, о многих редко или никогда не упоминалось <...> Повестка медиа представляет общественности результаты ежедневных бесчисленных решений множества разных журналистов и их руководителей относи-

⁴⁶² Dijk T van. Ideology. A Multidisciplinary Approach. – London, 1998. P. 265–266.

⁴⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

тельно новостей на данный момент», – поясняет М. МакКомбс.⁴⁶⁴

За счет мультипликации публикаций в СМИ у аудитории создается впечатление высокой значимости и важности вопросов, поднимаемых в повестке дня, а мнения, доминирующие в новостях, начинают восприниматься как «правильные».⁴⁶⁵ Именно постоянное воспроизведение проблемы гарантирует ее закрепление в дискурсе, реализуя концепт «цикличности внимания». Многократный повтор тематических материалов закрепляет в сознании аудитории ощущение общезначимости вопроса. При этом доминирование позитивных или негативных оценок вопроса в медиаповестке может оказывать разные эффекты. В то же время эмоциональные атрибуты медиатекста, такие как оценочный тон, могут прямо или косвенно влиять на восприятие предмета обсуждения благодаря эффекту прайминга. С точки зрения когнитивной психологии все социополитические концепты, оцениваемые индивидом, становятся «эмоционально заряжены» – в той или иной степени позитивно или негативно. Негативная оценка объекта увеличивает его важность и заметность в повестке дня, в то время как позитивный тон не дает такого эффекта либо производит прямо противоположный.⁴⁶⁶

В результате сформулированная СМИ повестка дня способна влиять на представления людей об общественных проблемах и их иерархии, не просто создавая картинку дня в наших головах, но и указывая, о чем она.⁴⁶⁷ Признавая влияние людей, вовлеченных в процесс создания новостей и самой повестки дня, теория *agenda-setting* концентрируется на эффектах, оказываемых медиа на аудиторию, оставляя за фокусом опосре-

⁴⁶⁴ McCombs M. The Agenda-Setting Role of the Mass Media in the Shaping of Public Opinion, 2003. URL: http://www.infoamerica.org/documentos_pdf/mccombs01.pdf

⁴⁶⁵ Weaver D., McCombs M., Shaw D. Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // Handbook of Political Communication Research. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2004. P. 257–282.

⁴⁶⁶ Sheafer T. How to Evaluate It: The Role of Story-Evaluative Tone in Agenda Setting and Priming // Journal of Communication. Vol. 57. 2007. P. 21–39.

⁴⁶⁷ Там же. P. 6.

дованное воздействие различных субъектов и факторов на создание медиаконтента.

Внутри сторонников философии влияния можно выделить по крайней мере две группы. К одной относятся те, кто исповедует принципы высокой публицистики. Обычно публицистику определяют как область литературы, которая занимается политическими, общественными вопросами с целью проводить определенные взгляды в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение, возбуждать определенные политические кампании. Не пересказывая огромное количество подобных определений, скажем лишь, что главное в публицистике – искренняя, живая вера публициста в те идеи и взгляды, которые он стремится сделать всеобщими. Достаточно вспомнить Эразма Роттердамского с его «Похвалой глупости» и Иоганна Рейхлина с «Письмами темных людей», Лютера и Мюнцера, Мильтона и Марата, Гейне и Маркса, Белинского, Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Каткова, Достоевского, Плеханова, Ленина и т.д. И в нашей современности были и есть люди, охваченные публицистической страстью: достаточно вспомнить Юрия Щекочихина, Отто Лациса и десятки, а то и сотни других имен.

В прежние времена в русской журналистике очень жестко разводились понятия «журналист» и «публицист». Журналистами называли всех, кто имел отношение к производству массовой информации, это слово имело либо нейтральную, либо слегка ироническую эмоциональную окраску. Словом «публицист» обозначали человека, который действительно влияет на общественное сознание, предоставляя ему собственные, независимые объяснения, мнения и оценки по волнующим общество проблемам. Было время, когда культурный человек знал, понимал и чувствовал разницу между этими словами. Потом появилась точка зрения, что публицистика – это все, что предлагается публике, общественности, а следовательно, каждый журналистский текст есть

публицистика и каждый пишущий есть публицист. Кончилось все это тем, что у нас исчезло и понятие «публицистика», и то, что этим понятием обозначалось. Последние научные публикации, в которых использовалось понятие «публицистика», вышли в конце 1980-х годов. Слово «публицист» приобрело какой-то трудноуловимый насмешливый оттенок.

В другую группу входят профессиональные исполнители пропагандистских, пиаровских и рекламных заказов, авторы заказного компромата и т.п. Разумеется, строгие ревнители профессии могут сказать, что они не относятся к журналистике. И очень часто так и говорят. Но опыт показывает, что между откровенной рекламой или открытой пропагандой и журналистикой влияния в ее «джинсовом» варианте находится очень широкая «серая зона», где невозможно провести жесткую разделительную линию.

В классическом виде журналистика влияния существует в тоталитарном обществе (где нет разделения государственной власти и, соответственно, никаких ее ветвей). СМИ полностью монополизированы государством, их материальная база является его собственностью, а сами СМИ представляют собой обычные государственные организации, находящиеся на содержании государства и выполняющие его идеологический заказ. Но в этом случае природа СМИ как орудия власти не позволяет рассматривать их не только как ветвь государственной власти, но и как самостоятельный компонент политической системы общества.

Что касается положения СМИ в нетоталитарных общественных системах, то политизированные СМИ могут находиться в руках различных политических сил (государства, партий и др.). И именно эти силы, а не сами СМИ, являются элементами политической системы. О СМИ можно говорить как об общественном институте (и, следовательно, об их институализации), но в смысле особого общественного явления, а не особого,

самостоятельного элемента политической системы общества.

Журналистика – медиа-бизнес

Вторая установка размещает журналиста **рядом с аудиторией** и ориентирует его на отношения **информирования**. В этом случае журналист считает своей основной профессиональной обязанностью поставлять аудитории разнообразные интересующие ее сведения, оказывать помощь в выражении мнений. Такую журналистику можно обозначит понятием **«медиа-бизнес»**. Эта журналистика ориентирована на коммерческий успех. Поэтому выбор и трактовка темы, авторское самовыражение в ее системе полностью подчинены маркетинговой стратегии издания. Редакция становится бизнес-структурой, производящей некий продукт, востребованный на рынке.⁴⁶⁸

В рамках этой модели журналист рассматривается (и сам себя рассматривает) как производитель товара под названием «информация». Его главная цель – делать пользующийся спросом товар. Журналисты, придерживающиеся этой идеологии, полагают, что медиа должны работать по законам рыночного спроса и предложения и снабжать потребителей товаром, хотя этот товар и несколько необычного качества – информация. Аудитория свободно выбирает, что ей читать, смотреть и слушать. Тот, кто предлагает аудитории более интересный материал, привлекает ее внимание, которое и перепродается затем рекламодателю. На самом деле такая журналистика производит товар под названием «внимание аудитории». Точнее, товаром, выставляемым на рынок, является сама аудитория. Платят за аудиторию рекламодатели.

⁴⁶⁸ Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2003; Гуревич С.М., Иваницкий В.Л., Назаров А.А., Щепилова Г.Г. Основы медиамаркетинга / Под ред. С.М. Гуревича. – М.: МедиаМир, 2007; Энциклопедия мировой индустрии СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2006; Основы медиабизнеса : учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2009.

Именно такая модель поддерживается как владельцами медиаресурсов, так и властью. Выступая перед студентами факультета журналистики Белгородского университета, заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ А. Волин заявил студентам: «Любой издатель или любой главный редактор будет брать вас на работу с единственной целью – чтобы вы увеличили капитализацию того издания, которым он руководит. И надо будет идти за пользователем, предлагать продукт. Журналистика – это бизнес. У журналистики нет задачи формировать потребности, нет задачи спасения человеческой души – за этим надо идти в церковь. Какая нахрен социальная роль журналистики?».⁴⁶⁹

В этой логической цепочке есть одно уязвимое звено: перепутаны понятия «интересы» и «потребности». О том, к чему приводит ориентация на эту идеологию – особенно в России, в условиях высокой зависимости медиа от власти и бизнеса, в условиях аудитории, которая в большинстве своем не готова платить за качественную информацию, – говорить много не надо.

Однако и в других странах к этой модели возникает все больше вопросов. Поскольку главным (а иногда и единственным) критерием эффективности СМИ, действующих по этой модели, является прибыль, полученная за счет продаваемого тиража и доходов от рекламы, то выигрывают вовсе не классические медиа, стремящиеся предоставить широкому кругу читателей серьезную и полную информацию об актуальных событиях локального, национального и глобального масштаба. Читателей таких газет становится все меньше, они превращаются в особую, довольно узкую социальную группу. Выигрывают как раз другие, которые ориентируются на массового потребителя с очень невзыскательными вкусами.

⁴⁶⁹ См.: У журналистики нет задачи спасения души - за этим надо идти в церковь. Как замминистра связи России спорил с руководством белгородского журфака. URL: <http://fonar.tv/article/2016/02/19/uzhurnalistiki-net-zadachi-spaseniya-dushi-za-etim-nado-idti-v-cerkov-kak-zamministra-svyazi-rossii-sporil-s-rukovodstvom-belgorodskogo-zhurfaka>

Кроме того, стремясь минимизировать издержки, владельцы СМИ создают большие комплексы, состоящие из газет, журналов, радиостанций, телевизионных каналов. Эти комплексы оказываются встроенными в предпринимательские структуры, зачастую вообще не связанными с медиальной отраслью. В этой отрасли нередко делают инвестиционные приобретения совершенно посторонние концерны. Вымирают издатели, отличавшиеся духом журналистского «миссионерства». Газетные издательства приобретаются, содержатся, перепродаются или ликвидируются концернами по чисто экономическим соображениям. В результате идея медиабизнеса как объективистской, этичной, социально ответственной журналистики вырождается в журналистику «чего изволите», развлекательную, бульварную, сенсационную журналистику.

Что касается России, то массовизация и коммерциализация российских медиа происходила под воздействием трех групп факторов.

1. Установки высшего политического руководства, которое во имя укрепления властной вертикали устраняло и минимизировало возможность влияния любых самостоятельных политических субъектов.

2. Экономические интересы крупнейших собственников, которые устраняли «неудобства разнообразия», сказавшиеся на рубеже 80–90-х годов и в первой половине 90-х годов XX века, оттесняли конкурентов, укрупняли собственность и т.д.

3. «Новое» самоопределение более молодых и прагматичных руководителей медиа, которые демонстративно перестали принимать во внимание разную публику с ее разным уровнем, разными запросами, интересами, их динамикой, а стали работать, по крайней мере в публичном поле, адресуясь к некоей фикции «большинства», «массы», которая-де ждет, требует, которой вот это нужно, а другого она не хочет и не поймет и т.д. Для этого был циничный синоним – «пипл хавает».

При этом мало кто задумывался о том, что говорить о действительно рыночных подходах к деятельности СМИ можно только в том случае, если соблюдаются следующие принципы рыночной экономики:

- свободное предпринимательство, предполагающее право любого хозяйствующего субъекта выбирать желаемый, целесообразный, выгодный, предпочтительный вид экономической деятельности;
- многообразие форм собственности на средства производства, возможность осуществлять предпринимательскую деятельность в любой допустимой законом форме;
- рыночное ценообразование;
- договорные отношения между хозяйствующими субъектами;
- ограниченное вмешательство государства в хозяйственную деятельность.⁴⁷⁰

Однако некоторые эксперты полагают, что говорить о том, будто в России существует медиабизнес в чистом виде, довольно затруднительно. Учредителями большинства региональных муниципальных газет России по-прежнему остаются органы государственной и муниципальной власти, что отражается и на редакционной политике этих изданий, и на их экономической независимости, поскольку так или иначе все они субсидируются из средств региональных и местных бюджетов. Ряд городов и областей дотируют данные издания или переходят к выпуску бесплатных изданий, используя для этого бюджетные средства, как напрямую, так и косвенно за счет оплаты публикации документов региональных и муниципальных органов власти.

Результатом этих и некоторых других процессов стало превращение организаций СМИ и работающих

⁴⁷⁰ См.: Отчет о НИР «Проведение систематических научных и статистических исследований развития рыночных отношений в отрасли». URL: <http://www.fapmc.ru/Reports/item776.html>

в них журналистов в структуры совсем другой профессиональной направленности.

Экономические факторы подталкивают редакции к роли агентства по сдаче в аренду своих возможностей влиять на аудиторию. В этой связи наблюдается следующая тенденция: журналистские материалы часто становятся лишь рамкой для рекламирования тех или иных отраслей, предоставляющих потребителям определенные товары и услуги. Целые разделы газет специализируются на туризме и путешествиях, строительстве коттеджей и дач, размещении частных денежных вкладов, вопросах садоводства и цветоводства, поддержании здоровья, компьютерной технике; журналистские материалы этих разделов служат всего лишь обрамлением для рекламы соответствующих товаров и услуг. Журналы, посвященные автомобилям, парусному спорту, строительству и обустройству собственного дома, садоводству, видеотехнике, компьютерам, фотографии, туризму, здоровью выполняют в конечном счете функцию посредников между соответствующей отраслью экономики и клиентурой этих отраслей. Вклад подобных медиа в формирование общественного мнения состоит в стыковке интересов производителей с интересами потребителей; соответствующие журналистские материалы об автомобилях или туризме приносятся в публичную коммуникацию без должного критического осмысления.

Еще один вариант предательства принципов журналистики связан с таким явлением, как скрытое продвижение заказчика. Вот лишь один пример: «Высший пилотаж для создателей заказных материалов – максимальное приближение к редакционным, именно в этом сегодня заключается главная тенденция развития рынка скрытой рекламы в прессе. Если сохранится тенденция "улучшения маскировки", то огромный потенциал существует для использования в прессе наработок *product placement*, чрезвычайно востребованных в об-

ласти брендинга. Тогда, описывая интерьеры, одежду или часы ньюсмейкеров, журналист, скажем, "Известий", в соответствии с договором об информационной поддержке и техническим заданием, будет упоминать в своих репортажах конкретные марки. Например: "Во время суда президент "Альфа-банка" Петр Авен нетерпеливо поглядывал на свои часы Frederique Constant".⁴⁷¹

Одна из версий описанного выше подхода предлагает рассматривать **журналистику как сервис**. Несколько лет назад в российских СМИ прошла оставшаяся почти незамеченной дискуссия между несколькими известными журналистами о состоянии современной журналистики в России. Сначала в «Известиях» появилась статья «Пластмассовые мальчики» бывшего главного редактора «Московских новостей», потом главного редактора «Огонька», а ныне директора по стратегии ИД «Коммерсантъ» Виктора Лошака. Автор с грустью констатировал, что в профессию пришли «пластмассовые мальчики и девочки, которые, вылупившись из Интернета, живут с твердым ощущением, что до них никого не было, и производят специфическую "пластмассовую журналистику" – что-то вроде зимней клубники: тусклая, неживая, придуманная, но хорошо упакованная». В заключение В. Лошак заявил: «Маятник нашей журналистики очень сильно качнулся от литературного, несвободного письма советской эпохи к текстам, холодно безразличным по принципу: "Меня послали – я написал"».

Затем в этой же газете было предоставлено слово Л. Бершидскому, издателю еженедельных журналов «Огонек» и «HELLO!» ИД «ОВА-Пресс». Его статья называлась «Журналистика стала сервисной профессией». Отвечая на вопросы Лошака, Бершидский утверждал, что журналистика, как это ни обидно всем потенциальным «золотым перьям», стала сервисной профес-

⁴⁷¹ Сапкин А. Скрытая реклама в печатной прессе // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций. Вып. 3. – М., 2006.

сией. «Журналистика и литература ныне – не две грани одного таланта, а отчетливо разделенные области. Читатель через редактора говорит репортеру: поди и принеси то, что у меня, читателя, нет времени выяснять самому. Сочинителю аналитических текстов: разложи по полочкам то, что у меня нет времени обдумывать. Щелкнув каблуками, репортер и аналитик удаляются». И в заключение Бершидский пишет: «А для собратьев по цеху есть одна хорошая новость. Пусть от них нынче зачастую требуется этакое буддистское самоотречение – зато ремеслу теперь можно научиться. Пропуском в профессию служит не столько божий дар – это раньше без него не принимали в привилегированную касту, каковой почитали себя советские мэтры пера, – сколько любопытство и честность. Остальное – навыки».⁴⁷²

В полемику включилась «Российская газета», на страницах которой появились хлесткая статья Ю. Богомолова «Беру уроки пластмассовой журналистики»,⁴⁷³ ответ на нее Л. Бершидского и комментарий главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктова. Ю. Богомолов высмеял «Манифест пластмассовых мальчиков», как он назвал статью Бершидского, и заявил, что ирония, житейский опыт, талант, индивидуальность – не побрякушки-завитушки или украшения; это оптика, инструментарий журналиста, который значит в его ремесле несколько больше, чем компьютер с мобильником.

Отвечая Ю. Богомолу, Л. Бершидский вновь заявил, что главное в журналистике – это профессиональные умения и навыки: «умение работать по телефону; более развитое, чем у среднего обывателя, умение находить информацию в Интернете (скажу еще раз: качественно искать в Сети умеют не просто не все – немногие); знание языков; умение работать в команде и, значит, подавлять авторское самолюбие; способность

⁴⁷² См.: Известия. 2005. 22 февраля.

⁴⁷³ См.: Российская газета. 2005. 15 марта.

разбираться в цифрах – то есть базовые познания в области статистики, социологии и экономики. Плюс, конечно, то, что требовалось всегда: новостное чутье, коммуникативные способности, грамотность. Всему перечисленному можно научиться. Журналистика – ремесло, она по природе своей не более креативна, чем работа копирайтера в рекламном агентстве». И вновь сослался на то, что сейчас изменился читатель, который читает периодику урывками: в метро, в обед, в туалете, наконец.

Полемика быстро угасла, но фраза о том, что журналистика – сервисная профессия – в профессиональной коммуникации осталась. Более того, в настоящее время появляются различные версии медиасервиса.

Исключительно маркетинговая ориентация руководителей и собственников изданий, погоня за рейтингом любой ценой часто приводят к снижению содержательности СМИ. В этом случае СМИ теряют возможность выполнять функции общенациональной гражданской коммуникации. Результатом такой ориентации являются:

- отчуждение от аудитории;
- зависимость от власти и бизнеса;
- потеря доверия и уважения со стороны элит.

Фактически, как писал известный социолог Б. Дубин, со второй половины 90-х годов XX века российские СМИ работают в двух режимах. Во-первых, это рассеянная остаточная мобилизация, когда точечными напоминаниями нам вводят через телеэкран напоминания об угрозе нашему социальному, политическому, бытовому – какому хотите – порядку. Это могут быть сообщения о шпионах, врагах, технических катастрофах и т.д. Важно поддержание легкого воспоминания о режиме чрезвычайности. Его оказывается вполне достаточно: народ ученый. Нет необходимости опять возводить из соответствующих материалов занавесы, натягивать проволоку и т.д. – вполне достаточно намека. Другой режим

– кулинарно-развлекательный, привычно-успокаивающий, что-то вроде массажа, поглаживания.

Журналистика как общественная служба

Третья установка требует от журналиста находиться **внутри определенного человеческого сообщества**, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем. Эта журналистика самоопределяется в таких терминах, как «**гражданская**», «**коммунитарная**», «**гуманитарная**», «**журналистика соучастия**», «**партнерская**» и т.п.⁴⁷⁴ Данный тип журналистики подразумевает реализацию СМИ определенных функций, наиболее важными среди которых являются: налаживание диалога между обществом и властью, побуждение граждан к активной общественной и политической жизни, устранение конфликтных ситуаций. Предполагается, что роль журналистов в данном случае заключается в полном и адекватном информировании аудитории о происходящих событиях. Приоритетом для работников СМИ становятся общественные интересы. При этом политики, представители общественных организаций получают равные возможности для высказывания своих взглядов в СМИ. Кроме того, идеальным воплощением идеи общественной журналистики является независимость радио- либо телевизионной станции от идеологического влияния государства и частного капитала.⁴⁷⁵

Гражданская журналистика

⁴⁷⁴ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М., 1996; Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. – М.: Престиж, 2006; Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. – М.: Юрайт, 2016.

⁴⁷⁵ Кляйнвахтер В. Общественное вещание в Европе. Амстердамский протокол ЕС 1997 г. и переговоры по GATS в рамках ВТО. URL: <http://www.medialaw.ru/projects/1/3/k6.htm>

Это прямой перевод американского понятия *civic journalism*.⁴⁷⁶ Гражданская журналистика возникла в США в конце 80-х гг. XXв. как комплекс предвыборных проектов, где журналисты отождествляли свой долг с «поиском проблем избирателей, а не кандидатов»⁴⁷⁷ (газеты *TheCharlotteObserver* и *TheWichitaEagle*). Гражданская активность тогда волновала (и продолжает волновать сейчас) многих исследователей и политиков. Было показано, что длительное устранение граждан от участия в местном сообществе приводит к тому, что граждане все меньше и меньше доверяют друг другу и реже участвуют в публичных делах. Р.Патнэм призывал развивать социальный капитал, который он определяет как сети, нормы и социальное доверие, что помогает объединиться и координировать действия для взаимной выгоды.⁴⁷⁸

Р. Харвуд в работе «Гражданин и политика», основываясь на дискуссиях фокус-групп, констатировал, что мнение о том, будто граждане не заинтересованы в политике и не хотят активно участвовать в публичной жизни, некорректно. Скорее, заключает Харвуд, граждане чувствуют себя исключенными из пространства публичной жизни по причине закрытости политической системы и не могут предположить для себя никакой политической роли. Граждане хотят быть вовлеченными в гражданские дела их сообщества, но только когда они верят, что такое вовлечение действительно принесет изменения. Журналисту следует переориентироваться с информирования элиты на проблемы, которые касаются граждан, и в то же время он должен помогать создавать пространство, где граждане могут обсуждать проблемы и предпринимать действия для их решения. При таком подходе исключается суждение, что граждане пассивны.

⁴⁷⁶ Эту журналистику называют также общественной (*public journalism*), общинной, или коммунитарной (*community journalism*), рефлексивной, гуманитарной, проектной.

⁴⁷⁷ Schaffer J. Civic Journalism: A Decade of Civic Innovation. URL: <http://www.pewcenter.org/doingcj/civiccat/index.php>

⁴⁷⁸ Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster. 1995.

Речь идет о том, что журналисты должны создавать условия для участия.⁴⁷⁹

В дальнейшем концептуализация этих идей⁴⁸⁰ стала возможна при участии различных исследовательских и научных центров (Центр гражданской журналистики Пью, Школа журналистики и массовых коммуникаций Университета Висконсин-Мэдисон, Центр коммуникаций и демократии и др.), благодаря чему «322 американские ежедневные газеты занимались некоторой формой гражданской журналистики между 1994–2001 гг.».⁴⁸¹

Основные различия между традиционной и гражданской журналистикой формулируются следующим образом. Традиционной журналистике не нужны партнеры, в то время как гражданская журналистика невозможна без партнеров. Кроме сообщения новости, у репортеров традиционных СМИ нет никаких обязательств перед читателями. Гражданская журналистика старается вовлечь читателей в публичную жизнь. Традиционная журналистика формирует образ журналиста-героя, разоблачающего обман, коррупцию, зло. Гражданская журналистика убеждает, что имеется и другой вид героизма, когда журналист действует как коммуникатор.⁴⁸²

Основная особенность гражданской журналистики заключается в формах и методах журналистской работы. Главный организатор проектов гражданской журналистики Д. Шаффер⁴⁸³ насчитывает четыре инструмента гражданской журналистики, составляющие

⁴⁷⁹ Harwood R. Citizens and Politics: A View from Main Street America. Bethesda, MD: The Kettering Foundation and The Harwood Group; Dayton, OH : Kettering Foundation, 1991.

⁴⁸⁰ Преодолев политическую направленность, гражданская журналистика стала некоей методологией для малой (региональной) прессы в вопросах расширения «гражданского капитала» – преодоление не только отчуждения между прессой и обществом, но и развитие социального диалога, организация совместной с аудиторией деятельности на пути к гражданскому обществу.

⁴⁸¹ Friedland L. Community Impact, Journalism Shifts Cited in New Civic Journalism Study. URL: <http://www.pewcenter.org/doingcj/speeches/index.html>

⁴⁸² Rosen J. What Will Historians Say? // Civic Journalism: a Living Legacy. The 2002; James K. Batten Awards and Symposium for Excellence in Civic Journalism. Pew Center for Civic Journalism, 2002; James K. Batten Awards and Symposium for Excellence in Civic Journalism. Pew Center for Civic Journalism, 2002.

⁴⁸³ Schaffer J. The Role of Newspapers in Building Citizenship // 5th Brazilian Newspaper Congress. São Paulo, Brazil. 2004. September, 13. URL: http://www.pewcenter.org/doingcj/speeches/s_brazil.html

единый комплект: 1) новое определение новостей; 2) новые источники новостей; 3) новое взаимодействие с читателями; 4) список вопросов для самопроверки.

Гражданская журналистика в Рунете в значении *citizen journalism*⁴⁸⁴ ограничено практиковалась с начала нулевых годов. Перелом случился в 2007 году, когда в России произошел массовый выход в блогосферу. В этом же году был проведен первый в России форум гражданских журналистов⁴⁸⁵. Начиная с 2007 года термин «гражданская журналистика» стал привычным в интернете. Примерно через два года, в 2009, этот термин в значении *citizen journalism* уже присутствует в академической сфере.⁴⁸⁶

На наш взгляд, непрофессиональная информационная и коммуникативная деятельность в интернете часто характеризуется отсутствием гражданственности, производит информационный шум. Безусловно, блогеры еще раз доказали растущую важность интернета в освещении событий. Однако называть блогерство на этом основании «гражданской журналистикой» вряд ли целесообразно. Перед наукой стоит задача раскрыть потенциал классической гражданской журналистики, который может быть использован профессиональными журналистами и медиаактивистами в интернете. Особенно востребованы работы, обобщающие реальный опыт до уровня тиражируемых технологий, то есть те, в которых излагается ответ на вопрос, каким образом развивать общественные инициативы.

Журналистика соучастия

В России идеи, близкие к идеям гражданской журналистики, разрабатывались автором этой книги,

⁴⁸⁴ В данном случае речь идет исключительно о технологических навыках; содержательный аспект гражданской журналистики теряется.

⁴⁸⁵ Проект «Realno.info». URL: www.realno.info

⁴⁸⁶ См.: Новые медиа в коммуникативном процессе // Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Журналистика-2008». – М.: Факт журналистики МГУ, 2009. С. 270–295.

который пользовался понятиями «журналистика соучастия» и «гуманитарная журналистика», и И.Д. Фомичевой, которая ввела в оборот понятие «партиципаторная коммуникация». Эта модель журналистики требует, чтобы журналист находился внутри определенного человеческого сообщества, рассматривал себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем. Главная идея такой журналистики заключается в том, что журналистам следует рассматривать читателей, зрителей, слушателей не в качестве фона, или пассивных наблюдателей, или жертв различных обстоятельств, а как участников решения важных вопросов.

Основной функцией/ролью понимаемой таким образом журналистики становится «модератор диалога». Это означает, что журналистика может и должна создавать среду для равноправного диалога между социальными группами – вне зависимости от их размеров и различий идей, целей и организации, – в ходе которого могут разрешаться социальные противоречия и конфликты. Журналистика может и должна объединять в едином информационном пространстве противоречивые мнения и установки, которые, став достоянием общественности, именно на этом пространстве могут найти пути сближения или, во всяком случае, аргументы для доказательства собственной состоятельности. Данная функция особенно необходима в обществе, раздираемом конфликтами и расколотом на лагеря, не способном найти пути примирения на площадях и трибунах. Это та функция, которая способна перевести конфликт, разрушающий единство, в конфликт, выявляющий проблему, и тем самым приблизить его разрешение не на уровне уличной потасовки, но на позициях разумного и прагматического публичного диалога.

Если попытаться кратко описать суть идеи журналистики соучастия, то ее можно представить в виде следующих тезисов.

1. Цель – содействие гражданам в понимании, артикулировании (выражении) волнующих их проблем и стимулирование поиска гражданами способов решения этих проблем.

2. Адресат – личность.

3. Ресурс – идея, проект.

4. Технология – диалог.

5. Переход от публикации отдельных материалов к реализации более-менее длительных акций и кампаний:

6. Переход от индивидуальной работы отдельного журналиста к созданию творческих временных коллективов (команд), включающих в свой состав как журналистов, так и экспертов и заинтересованных граждан.

Социальная журналистика

Потребность придать журналистике новый смысл привела к формированию концепции *социальной журналистики*. Обычно это понятие используют для обозначения той ветви журналистской деятельности, предметом которой являются социальные проблемы: положение в обществе различных – в основном социально уязвимых – социальных групп: пенсионеров, сирот, многодетных семей, переселенцев и др.; соблюдение прав человека; экономическое благосостояние граждан; здравоохранение; образование и т.д. Этот предмет настолько обширен и неконкретен, что при некотором усилии под категорию «социальная журналистика» можно подвести практически все, кроме разве что курсов акций и рейтингов политиков.⁴⁸⁷

Однако в последние годы представление о сущности социальной журналистики стало меняться.

⁴⁸⁷ Впрочем, примерно такая же судьба ждет любого исследователя, который попытается определить предметную сферу «деловой журналистики», «криминальной журналистики», «политической журналистики» и всяких иных «журналистик».

Споры по ее поводу инициировали работники некоммерческих организаций, которые стали требовать от СМИ и журналистов более активно возбуждать общественное мнение и помогать некоммерческим организациям решать социальные проблемы.⁴⁸⁸ Чувствуя неудовлетворенность таким чисто предметным определением социальной журналистики, некоторые теоретики и практики стали указывать на то, что она отличается от всех других «журналистик» тем, что не просто отображает действительность, информируя аудиторию о происходящих событиях и давая возможность обменяться мнениями по различным поводам, но и особым образом участвует в регулировании отношений между людьми и социальными общностями, стремясь позитивно повлиять как на сами эти отношения, так и на социальные структуры, управляющие различными сферами общественной жизни. В результате понятием «социальная журналистика» стала обозначаться особая сфера журналистской практики, имеющая явно выраженную предметную, функциональную, технологическую и организационную определенность, ориентированная на реализацию гуманистической миссии.

С этой точки зрения социальная журналистика обладает функциональной спецификой, поскольку ориентируется не на информирование и выражение общественного мнения, а на непосредственное вмешательство в реальную жизнь. По сути, это вера в то, что журналистика имеет гораздо большую обязанность перед общественной жизнью, чем просто сообщать новости или раскрывать множество фактов. Исследователь социальной журналистики Т.И. Фролова считает, что без

⁴⁸⁸ Эти ожидания обусловлены самой природой общественной деятельности как коллективной, сложно организованной деятельности, направленной на реализацию групповых целей и интересов, затрагивающих все общество. Коллективный характер реализуемых в деятельности некоммерческих организаций целей предполагает их обязательное осознание разделенными в пространстве членами коллектива (государства, нации, группы, партии и т.п.) и координацию деятельности людей и организаций. Все это обычно невозможно при непосредственном, контактном взаимодействии граждан и требует использования специальных средств передачи информации, обеспечивающих единство воли, целостность и единую направленность действий множества людей. Этими средствами как раз и являются СМИ (СМК, массмедиа).

полноценной, сильной социальной журналистики невозможен эффективный общественный диалог.⁴⁸⁹

Интегративная журналистика

В последние годы появилось несколько новых типов журналистской деятельности, которые не укладываются в описанные выше три типологические модели или пытаются совместить особенности всех трех типов. Условно эту типологическую группу можно назвать «**интегративной**». Ниже приведены примеры моделей журналистики, входящих в эту группу.

Объяснительная журналистика

Анализ этой модели представлен в работе Е.В. Сивяковой.⁴⁹⁰ Автор пишет о том, что речь идет именно об актуализации использования термина, поскольку изучение особенностей «разъясняющей» функции журналистики началось еще в 1980-е годы. Например, американский журналист Р.П. Кларк в эссе *Making Hard Facts Easy Reading* еще в 1984 году сформулировал список рекомендаций по созданию ясных, логичных и понятных массовой аудитории журналистских текстов. В 2014 году в своей колонке для *Poynter.org* Р.П. Кларк вернулся к этой идее и еще раз обратил внимание на то, что именно такие тексты и нужны читателям, а значит, журналисты должны привести свои материалы в соответствие с этим общественным запросом.⁴⁹¹ В условиях информационного общества медиа стремятся помочь аудитории сориентироваться в возрастающих информационных потоках и возвращаются к традиционному

⁴⁸⁹ Фролова Т.И. Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. – М., 2003.

⁴⁹⁰ Сивякова Е.В. «Объяснительная журналистика» как феномен новой информационной среды: функциональные особенности // Международная научно-практическая конференция «Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов». – М.: Факт журналистики МГУ, 2015. С. 75–79.

⁴⁹¹ Clark R.P. A New Explanatory Journalism Can Be Built on a Strong Foundation. 2014. Nov. 25. URL: <http://www.poynter.org/how-tos/writing/244285/a-new-explanatory-journalism-can-be-built-on-a-strong-foundation/>

формату «вопрос – ответ», реализуя его на новом технологическом уровне с использованием интерактивных технологий.

В 2014 году американский издательский дом *Vox Media* запустил общественно-политическое издание *Vox*, идея концепции которого принадлежит журналисту Э. Кляйну, который в течение нескольких лет вел блог о публичной политике под названием *Wonkblog* на сайте качественного издания *The Washington Post*. Миссия его нового проекта формулируется так: помочь аудитории понять новости, для чего нужно их объяснить. Причем объяснение не является синонимом упрощения, о серьезных темах нужно и говорить серьезно, «ориентируя людей в освоении больших информационных потоков и большого списка тем, от политики до бизнеса, спорта и еды – всего того, что имеет значение для массовой аудитории». ⁴⁹² Формат карточек *Vox* позволяет интерактивно рассказать читателям о самом важном и визуализировать большой объем данных для удобства восприятия и понимания. ⁴⁹³

Россия в 2014 году тоже оказалась в общемировом тренде, так как тогда для русскоязычной аудитории были запущены несколько новых медийных проектов, в основе концепции которых учтены принципы объяснительной журналистики: *Meduza*, *The Question* и пермский проект «Звезда». Все они используют формат «вопрос – ответ»; и если для концепции *The Question* это основополагающий принцип, то *Meduza* и «Звезда» использовали его для работы с жанром «карточек».

В разделе «Картотека» на сайте *Meduza* публикуются материалы, каждый из которых представляет собой список вопросов и ответов по выбранной редакцией актуальной теме. Одна карточка – это один вопрос с ответом; в среднем в таком материале бывает пять–

⁴⁹² Vox: Understand The News. URL: <http://www.voxmedia.com/brands/vox>

⁴⁹³ Трабун Д. Сайт Vox помогает разобраться в мировых новостях. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/opinion/202773-vox>

семь карточек. Издатель проекта И. Красильщик обратил внимание на функции и задачи этого формата: «не только информировать, а объяснять: не пересказывайте новости, а разбирайтесь и объясняйте. Сделать подборку судебных кейсов про нацистскую символику – круто, но это не карточки. Разобраться, как устроено законодательство и посмотреть, как оно работает в судах, это к нам».⁴⁹⁴

Объяснение сложного материала становится более эффективным в рамках диалогического общения с аудиторией, говорят руководители анализируемых медиа. Красильщик даже предлагает пишущему карточки журналисту представлять конкретного читателя и мысленно выстраивать с ним диалог: «Задавайте вопросы в том порядке, в котором их задает читатель. Составляя карточки, мы говорим с воображаемым читателем – представьте этот разговор и выстройте вопросы в том порядке, в котором вам их будет задавать читатель».⁴⁹⁵ Главный редактор издания *The Question* С. Ореханов считает, что нужно обязательно «делиться властью» с пользователями – именно так озаглавлен его текст, в котором он рассказывает об особенностях взаимодействия редакции их сайта с читательской аудиторией. Работа редакции *The Question* заключается в работе с вопросами пользователей: аудитория задает вопросы, редакторы ищут экспертов, которые могли бы на этот вопрос ответить, и публикуют текст в формате «вопрос – ответ». С развитием проекта экспертами все чаще становятся сами читатели. Это означает, что журналисты добровольно отдают монополию на информацию и все больше формируют и повестку, и контент в сотрудничестве с аудиторией. Ореханов подчеркивает, что следствием вовлеченности читателей в деятельность медиа становится формирование активного и информированного сообще-

⁴⁹⁴ Красильщик И. Как правильно делать карточки. URL:medium.com/meduza-how-it-works/как-правильно-делать-карточки-2cb5991a8cc6

⁴⁹⁵ Там же.

ства. Он также подчеркивает «сервисную» составляющую в концепции издания: «*The Question* – это сервис, который сводит людей, к 20–30 годам не потерявших детского любопытства и честной любознательности, и тех, кто многое знает и готов этим знанием поделиться. На самом деле, это просто место для умных людей, потому что умный человек никогда не откажется поделиться своим знанием и никогда не побоится задать наивный вопрос».⁴⁹⁶ Эти слова не только доказывают реализацию редакцией проекта функции медиации, но и свидетельствуют о создании пространства гражданских коммуникаций для обсуждения общественной повестки дня.

Создатель проекта «Звезда» С. Якупов, также реализующий формат карточек в рамках своего СМИ, обращает внимание на результат взаимодействия журналистов с читателями в рамках диалогового общения, создающегося с помощью этого формата. Результатом, по его мнению, становится понимание широкой аудиторией сути информационной картины дня: «Мне бы хотелось делать ресурс, интересный людям, которым не хватает обычной новостной ленты, обычных пермских новостных ресурсов. То есть людям, которые хотят глубже понимать суть вещей, событий, явлений. Это – наша главная цель».⁴⁹⁷ Таким образом, внимание переносится с процесса двусторонней коммуникации, которую организуют новые медиа при помощи формата «вопрос – ответ», на ее желаемый результат – достижение аудиторией просвещенного понимания повестки дня.

Новое понимание аудиторией происходящего придает журналистским текстам «добавочную стоимость», считает профессор Университета Нью-Йорка

⁴⁹⁶ Ореханов С. Почему нужно делиться властью с пользователями. URL: medium.com/@simaorekhanov/почему-нужно-делиться-властью-с-пользователями-e91645d358cc.

⁴⁹⁷ Медведева Е. Картошка Звезды: новое объясняющее медиа из Перми. URL: <http://sila.media/kartotekaz/>; Якупов С. Что объяснила журналистика в этом году. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/14/210423-explanatory>

М. Стивенс.⁴⁹⁸ Эта добавочная стоимость является эквивалентом журналистского эксклюзива в условиях информационного общества. Если раньше качество медиатекстов определялось уровнем их профессиональной подготовки (работа с источниками, проверка фактов, предъявление позиций всех сторон), то теперь символом качественной журналистики становятся «интерпретирующие» действительность материалы, которые выполняют сразу несколько задач: информируют, осмысливают, рассказывают о своем предмете интересно и поучительно.⁴⁹⁹ Представляется, что, разрабатывая интерактивные форматы объяснительной журналистики в современном информационном контексте, СМИ способствуют формированию понятной и поэтому комфортной для граждан медиасреды.

Кураторская журналистика

Д.Ю. Кульчицкая описала новую модель журналистики, которая называется кураторской.⁵⁰⁰ О кураторской журналистике на Западе заговорили в последние несколько лет. Одним из исследователей этой темы является Ф. Герини, который провел научную работу по гранту Института журналистики Рейтер. С его точки зрения, кураторство является некой новой формой журналистики. По словам Герини, «куратор – это человек, который выбирает лучший контент в онлайн с учетом его качества и релевантности, агрегирует этот контент, давая ссылки на оригинальные источники новостей и предоставляя контекст и анализ».⁵⁰¹

⁴⁹⁸ Stephens M. Beyond News: The Case for Wisdom Journalism. June 2009. URL: http://shorensteincenter.org/wp-con-tent/uploads/2012/03/d53_stephens.pdf

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Кульчицкая Д.Ю. Кураторская журналистика как часть новой медийной экосистемы // Международная научно-практическая конференция «Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов». – М.: Фак-т журналистики МГУ, 2015. С. 61-63.

⁵⁰¹ Guerrini F. Newsroom Curators and Independent Storytellers: Content Curation as a New Form of Journalism. Reuters Institute for the Study of Journalism, 2013. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/>

По такому принципу работают многие медийные проекты на Западе. Одним из гигантов в этой сфере является портал *buzzfeed.com*. Кроме того, появляются разные инструменты и платформы, которые помогают осуществлять курирование контента, например, *Storify* или *Storyfull*. Некоторые медийные организации используют для курирования и такие стандартные блогерские платформы, как *Tumblr* или *Twitter*.

Возникновение этой модели объясняется тем, что в современном мире информационная перегрузка и избыток данных представляют собой серьезные проблемы коммуникационной среды.⁵⁰² Эти негативные явления связаны с несколькими факторами, один из которых – депрофессионализация журналистики. Сегодня производителем информации может стать любой человек, который имеет девайс, подключенный к интернету. Монополия журналистов как основных акторов в информационном поле уже давно закончилась. На первый взгляд, такая демократизация массовой коммуникации должна привести к положительным изменениям, многим дать доступ к коммуникационным каналам. Однако на деле из-за переизбытка информации и низкого качества сообщений мы сталкиваемся с эффектом информационного шума и другими отрицательными последствиями.

В условиях новой медийной экосистемы возрастает роль журналиста как куратора. Современной аудитории нужен помощник, который бы осуществлял навигацию в неконтролируемом информационном потоке, указывал на контент, заслуживающий внимания и доверия. Конечно, журналисты и раньше выполняли функции некоего куратора, или «привратника», регулируя информационные потоки. Однако сейчас эта роль возрастает в связи с новыми реалиями и особенностями медийной среды.⁵⁰³ В массовой коммуникации нужны люди с профессиональными навыками, которые способ-

⁵⁰² Варганова Е.Л. О современных медиа и журналистике. – М.: МедиаМир, 2015. С. 19.

⁵⁰³ Baker P. Mr. Gates Returns, *Journalism Studies*. 2014. Vol. 15(5). P. 596-606.

ны сортировать информацию, давать аудитории ориентиры.

Журналистика как процесс курирования контента является очень перспективным направлением, так как позволяет частично решить проблему информационного избытка и перегрузки. Как отмечают многие исследователи, журналистам иногда сложно соревноваться с блогерами в быстроте передачи новостей, однако их конкурентные преимущества – предоставление анализа и контекста, навигация в информационном потоке, способность отличить проверенную информацию от непроверенной. Именно эти навыки помогут журналистскому сообществу сохранить свои позиции в коммуникационной среде и помочь аудитории «не утонуть» в информационном потоке. В то же время некоторые исследователи отмечают, что не стоит понимать роль журналиста-куратора слишком узко и сводить его функции только к техническому отбору контента. Нужно также не забывать о миссии журналиста как генератора общественного диалога, который помогает разным группам населения быть услышанными.⁵⁰⁴

Журналистика как форма личного самовыражения

Сторонники этой модели журналистской деятельности рассматривают ее как одну из возможных форм самореализации личности. В рамках такого подхода отрицаются какие-либо социальные обязанности журналиста, здесь имеется в виду исключительно репрезентация творческого начала. В качестве самоназваний используются такие выражения, как «новый журнализм», «новая журналистика», гонзо-журналистика. Если традиционные модели журналистики требуют, чтобы журналист выступал в роли беспристрастного (а иногда

⁵⁰⁴ Hansen E. Aporias of Digital Journalism. Journalism. 2013. Vol. 14(5). P. 678.

и беспристрастного) регистратора фактов или же аналитика, сопоставляющего эти факты вместе с приглашенным экспертом, то возникший на стыке журналистики и литературы «новый журнализм» поставил своей важнейшей целью обогатить арсенал выразительных и изобразительных средств журналистики богатством приемов художественной литературы. Американская версия «нового журнализма» возникла под влиянием вьетнамской войны и нападок на журналистику президента Никсона. «Новыми журналистами» стали Т. Вулф, Дж. Брейслин, Г. Тализ, а также известные писатели Т. Капоте и Н. Мейлер.

В 1973 году выходит «Антология новой журналистики»,⁵⁰⁵ в которой сформулированы четыре основополагающих принципа новой журналистики.

1. Журналист должен наблюдать события лично, не полагаясь на источники, и предельно полно, «посщенно», излагать их.

2. Максимально точная передача диалогов создает эффект достоверности и способствует более основательному созданию характеров.

3. Для того чтобы дать читателю полное представление о происходящем, можно вести рассказ от третьего лица, превращая таким образом персонаж как бы в героя романа и «обращаясь» с ним соответствующим образом.

4. Для глубины анализа необходимо подробное наблюдение обстановки.

Именно из течения «нового журнализма» и возникла гонзо-журналистика Х. Томпсона.

Гонзо-журналистика (англ. *Gonzo* – *рехнувшийся, чокнутый, поехавший*)

⁵⁰⁵ Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики URL: <https://crowdspace.ru/files/comment/790/bac/97f/ad2a4835d4885a692f11620.pdf>

Это направление в журналистике, представляющее собой глубоко субъективный стиль повествования, ведущегося от первого лица, в котором репортер выступает в качестве непосредственного участника описываемых событий и использует личный опыт и эмоции для того, чтобы подчеркнуть основной смысл этих событий. Цитаты, сарказм, юмор, преувеличение и даже ненормативная лексика также являются неотъемлемой чертой этого стиля. Впервые термин «гонзо» был использован редактором американского журнала *The Boston Globe* Б. Кардозо после того, как он прочитал опубликованную в журнале *Scanlan's* статью Х. Томпсона «Дерби в Кентукки упадочно и порочно».

Б. Кардозо утверждал, что словом *gonzo* в ирландских кругах Южного Бостона называют человека, который последним из всей компании сможет стоять на ногах после ночного алкогольного марафона. Согласно другой версии, этот термин может происходить от испанского *gonzagas*, что означает «я тебя одурачил», «нелепости», или французского *gonzeaux* – «сияющий путь». Сам Томпсон дал этому явлению такое определение: «гонзо-журналистика» – по сути, «искусство» придания (или насильственное навязывание) журналистскому содержимому формы рассказа», и для того, чтобы этим заниматься, «необходим талант, непосредственность и спонтанность мастера живого репортажа».⁵⁰⁶

Основной жанр гонзо-журналистики, как правило, репортаж. В «гонзо» автор выступает не просто рассказчиком, а непосредственным участником описываемых событий, которые, собственно, и крутятся вокруг него. Основной идеей гонзо-журналистики является следующая формула ведения репортажа: «Не события создают репортера, а репортер события».

Главные особенности гонзо-журналистики могут быть сформулированы следующим образом.

⁵⁰⁶ Страх и отвращение покинули Лас-Вегас. URL: <https://lenta.ru/articles/2005/02/25/tompson/>

1. Автор занимает центральное положение в структуре текста, выступает в качестве главного участника событий и единственного обозревателя, то есть взгляд автора преподносится как единственно возможный.

2. Преподнесение факта или события крайне субъективно, наибольшее значение для идейной конструкции текста представляет не событие как таковое, а реакция автора на него.

3. Главная стилистическая и лингвистическая особенность текста – крайняя эмоциональность. Это проявляется в использовании эмоционально яркоокрашенной лексики, а также вопросительных и восклицательных конструкций, вне зависимости от жанра, в котором написан текст.

4. Структура текста нестабильна, непостоянна, фактически никак не регламентирована. Она также не имеет связи с жанром текста.

В России тоже есть журналисты, которым нравится гонзо-стилистика. В ходе опроса российских журналистов 6% респондентов, отвечая на вопрос «Какое из представлений о миссии журналиста вам ближе?», выбрали ответ: «Журналист – независимая личность, выражающая свое собственное мнение». Элементы гонзо-журналистики можно заметить в репортажах о музыкальной жизни и спорте. Многие блогеры пишут в манере, весьма напоминающей гонзо – сетевые ресурсы способны предоставить гонзо-журналистике удивительные технические возможности развития. Собственно, такая свобода и стимулировала развитие гонзо в России и других странах. Однако в целом отношение к гонзо-журналистике отрицательное. В качестве примера можно привести характеристику, которую дает гонзо-журналистам Д. Соколов-Митрич: «Наши гонзо – это фарисействующие борзописцы. В основном бабы и, как правило, незамужние либо пребывающие в состоянии перманентного развода. У них развита редкая разновид-

ность дальтонизма: они видят только красное, черное и белое. Остальные оттенки и полутона их глаз не ловит. Недосток профессионализма восполняется героической интонацией, нехватка информации – избытком эмоций, отсутствие взвешенности – дурной искренностью. В российской журналистике все больше журналистов-героев. Будьте осторожны – очень опасное и заразное заболевание. Иногда они называют себя "гонзо-репортерами", но на самом деле имеют к ним такое же отношение, как дарвинисты к Дарвину<...>

Если все-таки разрешить нашим героическим журналистам называть себя этим красивым словом, то надо признать, что на российской почве «гонзо» трансформировалось до неузнаваемости. Американский гонзо-журналист исполнен не только сарказма, но и самоиронии. Он не навязывает читателю свои глаза, он лишь предлагает надеть очки, которые своеобразно преломляют действительность. Там этот стиль знает свое место, он осознает себя скорее культурным феноменом, нежели инструментом отражения объективной реальности. Русский гонзо-репортер на полном серьезе ощущает себя очень честным, принципиальным и бесстрашным. Свои репортажи он мыслит как истину в последней инстанции. Его мнение – самое правильное на свете, и происходящие вокруг события в очередной раз это подтверждают. А если не подтверждают, то он их просто не заметит. Причем совершенно искренне.

По-моему, наш доморощенный гонзо – хуже папарацци. И даже хуже продажного журналиста. Первый – знает, что делает грязное дело и не претендует на роль праведника. Второй – может за деньги написать что угодно, но получится неталантливо, потому что "джинса" (заказные, тайно проплаченные материалы) – удел неудачников. Ложь, которую талантливо и искренне напишет гонзо-журналист, прочитают многие, будут ею

восхищаться и требовать на основании этой лжи принимать какие-то серьезные решения».⁵⁰⁷

Дата-журналистика

Этот странный неологизм используется для обозначения такого направления журналистской деятельности, в рамках которого с помощью современного технологического и программного инструментария обрабатываются и визуализируются большие объемы различных машиночитаемых данных, которые затем представляются широкой публике в виде текстовой истории или инфографики. Журналистика данных стремительно развивается. Во всех ведущих мировых СМИ, информационных агентствах представлены отделы и разделы сайта издания, посвященные проектам в данной области (*Guardian Datablog*, *The New York Times*, *Reuters*, *Bloomberg*, *Washington Post*, *Wall Street Journal* и др.). Обучение журналистике данных включено в образовательные программы в ведущих университетах США и Европы. Уже существуют премии в области журналистики данных (*Data Journalism Awards*).

На наш взгляд, выделение этого способа работы с большими массивами данных в качестве отдельного вида журналистики вряд ли целесообразно. Скорее это одна из возможных технологий, которые могут быть использованы в рамках описанных выше основных типов журналистской деятельности.

Существуют и другие типологические модели.⁵⁰⁸ Кроме того, есть основание предполагать, что развитие информационных технологий, изменения позиции журналистов по отношению к аудитории и аудитории по

⁵⁰⁷ Соколов-Митрич Д. Русское гонзо. URL: <http://ria.ru/authors/20090728/178891630.html>

⁵⁰⁸ Якимец К. URL: <http://www.russ.ru/politics/20030123-red.html>; Ореховский П.А. Экономика печатных СМИ в городе и регионе и институт свободы слова в Российской Федерации. URL: <http://lab.obninsk.ru/public/smi/smi.php>

отношению к медиапрофессионалам, повлечет за собой возникновение иных подходов к классификации медиаструктур и видов журналистской деятельности.

ГЛАВА 2.4

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МЕДИАСИСТЕМЫ: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коммуникационный универсум в меняющемся мире

Великое множество разнообразных матриц, определяющих формы человеческой коммуникации, существуют не сами по себе, словно литеры в наборных кассах, когда-то присутствовавших в любой типографии. Они объединены в некую сложную, многоуровневую саморазвивающуюся систему, обеспечивающую реализацию всего многообразия коммуникационных отношений в обществе. Эту систему имеет смысл обозначить понятием «информационно-коммуникационный универсум». Данное понятие еще не стало общеупотребительным, но уже используется в различных публикациях и даже в названиях диссертаций и книг.⁵⁰⁹ Так, например, И.Э. Клюканов сравнивает коммуникационный универсум с бескрайней голограммой, разные аспекты которой характеризуются разной степенью четкости.⁵¹⁰

Концепция универсума связана с представлением о мире самоорганизующихся систем, включая самоорганизующегося человека, что позволяет уловить связь между сферой природы, сферой познания и сферой жизни человека. Г. Бейтсон полагал, что «мир состоит из очень сложной сети сущностей, многие из которых имеют свои собственные источники энергии и, возможно, даже свои собственные идеи о том, куда они хотели

⁵⁰⁹ Елисеева Ю.А. Коммуникативный универсум детского чтения: автореф. канд. дисс. – Саранск, 1998; Клюканов И.Э. Коммуникативный универсум. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010; Каллиома Л.А. Инклюзивная медиасреда как составляющая информационно-коммуникативного универсума // Медиа. Информация. Коммуникация : Международный журнал. URL: <http://mic.org.ru/new/634-inklyuzivnaya-mediaseda-kak-sostavlyayushchaya-informatsionno-kommunikativnogo-universuma>

⁵¹⁰ Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: Системно-семиотическое исследование. – Тверь, 1998. С. 18.

бы двигаться. Причем в таких сложных системах с обратной связью нет фиксированных центров управления. Любое центрирование здесь – не что иное, как отсутствие системной мудрости, ибо разум при таком подходе присущ не только человеку, но, в конечном счете, и миру в целом. Это значит, что мироздание предстает как становящаяся сеть процессов, характеризуемых обратными связями, благодаря которым происходят обмены веществом, энергией, информацией и, наконец, посланиями, смысл которых мы призваны разгадать».⁵¹¹

Родоначальником идеи «информационно-коммуникационного универсума» можно считать Ю.М. Лотмана, который ввел понятие «семиотический универсум». Он полагал, что семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса. Подобно тому как, склеивая отдельные бифштексы, мы не получим теленка, но, разрезая теленка, можем получить бифштексы, – суммируя частные семиотические акты, мы не получим семиотического универсума. Напротив, только существование такого универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью.⁵¹²

В качестве основных характеристик коммуникационного универсума можно обозначить следующие:

- коммуникационный универсум – это встроенный во все живые системы механизм взаимодействия, не зависящий от воли отдельного индивида;

⁵¹¹ Бейтсон Г. Экология разума. – М., 2000. С. 293.

⁵¹² Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>

- коммуникационный универсум предстает как сложная, многоуровневая система, для понимания которой необходимо сочетание сетевого и иерархического подходов;
- коммуникационный универсум обладает явными или латентными механизмами трансляции, изменения и воспроизводства норм, традиций, ценностей, обеспечивающих его самовоспроизводство;
- коммуникационный универсум устойчив – имеет сильные механизмы самоорганизации, самовоспроизводства и саморегуляции;
- коммуникационный универсум открыт – субъекты и объекты нелокальны, легко изменяемы в своих позициях;
- человек выступает по отношению к коммуникационному универсуму ресурсом воспроизводства и саморазвития.

Будучи саморазвивающейся системой, коммуникационный универсум проходит в своем развитии ряд стадий (этапов, эпох). Опираясь на работы М. Маклюэна и других исследователей,⁵¹³ можно выделить несколько этапов (эпох) развития коммуникационного универсума.

1. Дописьменный этап

Общение между людьми начиналось со звуков, жестов, мимики, затем посредством криков люди

⁵¹³ Гринченко С.Н., Шапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества // Приложение к журналу Информационные технологии. № 8/2013. – М.: Новые технологии, 2013; Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003; Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. – М.: Пашков дом, 2007; Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 2004; Черный Ю.Ю. Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. – М.: Этерна, 2016. С. 43-67; Черный Ю.Ю. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) как инструмент геополитической экспансии развитых государств // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий». С. 56–69. URL: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf; Черный Ю.Ю. Размышления об информационном обществе // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции. – М.: МЦБС, 2014(6). С. 46–60. URL: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf; Черный Ю.Ю. Шестая волна технологических инноваций: от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к конвергентным нано-био-инфо-когнитивным (НБИК) технологиям. Текст доклада на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации». URL: [http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyy_Yu_Yu_Doklad\(1\).pdf](http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyy_Yu_Yu_Doklad(1).pdf)

передавали информацию на расстояние. В Персии в VI веке до н.э. рабы стояли на высоких башнях и звучными голосами, криками передавали сообщения от одного к другому. В Древнем Китае пользовались гонгами, а аборигены Африки и Америки пользовались деревянными барабанами-тамтамами, ударяя по ним то быстрее, то медленнее, и с разной силой. Комбинируя эти звуки, можно было передавать известия с достаточной быстротой и на значительные расстояния. Звуковые сигналы передавались также посредством рожков, труб, колоколов, а после изобретения пороха выстрелов из ружей и пушек. По мере развития человеческого общества звуковые сигналы постепенно оттесняли более совершенные – световые. К огневой сигнализации по ночам или к дымовой – днем широко прибегали на южных границах России сторожевые посты казаков. Летопись световой сигнализации была бы неполной без упоминания о том, что жителя архипелага, отделенного Магеллановым проливом от южной оконечности Южно-американского материка, также пользовались сторожевыми кострами, что дало основание английскому мореплавателю Джеймсу Куку присвоить архипелагу название «Огненной Земли».

Членораздельная речь, воспринимаемая слухом, сформировала «человека слушающего», использующего естественные коммуникационные каналы.

2. Этап рукописного текста

Письменность явилась семиотической революцией в способах организации общения. Письменность помогла решить проблему хранения информации, обеспечила связь прошлого с будущим. Как первая пространственно отделенная от субъекта форма моделирования природного и социального мира она открывает общество, в строгом, научном смысле слова, как цивилизацию, то есть дает возможность оперировать социальной семантической информацией вне прямого кон-

такта. В письменной коммуникации главенствует не слух, а зрение, не акустическое сообщение, а умпостигаемые тексты, закодированные письменами. Приобщение к умственным операциям кодирования-декодирования смыслов сделало человека наблюдателем исторического процесса.

3. Этап печатного текста

Книгопечатание обеспечило возможность сохранение авторства, интеллектуальной собственности, существенно более массовый и оперативный обмен информацией. Наступила «типографская эра», давшая возможность обращаться к массовой «безличной» аудитории. Человек становится «умнее» не за счет общения с другими людьми, а за счет индивидуального чтения. Личное мышление все больше уступает место ориентации на печатное слово и «книжные» авторитеты. Люди стали доверять «мертвой букве» больше, чем живому слову, отчуждение приобрело в обществе угрожающие масштабы. По мнению М. Маклюэна, эпоха И. Гутенберга окончательно покончила с природной гармонией первобытного человека. Массовые политические и религиозные движения, кровавые революции, мировые войны – все это следствие гипнотического воздействия печатных изданий. Такие черты европейской цивилизации, как индивидуализм, эгоизм и всеобщее отчуждение, национализм и безбожие, информационные перегрузки и психические расстройства, объясняются длительной монополией книги как господствующего средства коммуникации.

4. Этап электронных коммуникаций

В 1838 году С. Морзе изобрел телеграфный аппарат и азбуку к нему, позволяющие передавать информацию на дальние расстояния. Передачу неподвижных изображений на расстояние осуществил в 1856 году Д. Казелли. А.С. Попов сумел впервые передать по ра-

диосвязи сообщение в 1895 году. В 1911 году Б.Л. Розинг осуществил первую в мировой практике телевизионную передачу. Регулярные телевизионные передачи начались в середине тридцатых годов нашего века.

5. Этап компьютерных коммуникаций

Стремительное развитие информационных технологий на излете XX века открыло новую эру для всех видов коммуникации. В диалоге «человек – человек» появился новый посредник – всемирная электронная память. Можно выделить следующие характеристики современной коммуникационной ситуации:

- изменились информационные технологии, предоставившие новые возможности для осуществления процесса коммуникации;
- повысилась коммуникационная компетентность участников процесса;
- изменилась позиция аудитории, которая, строго говоря, уже таковой не является, а представляет собой самостоятельного субъекта коммуникационного процесса;
- стали происходить изменения в коммуникативном поведении, обусловленные формированием нового «коммуникативного сознания».

Взаимосвязи информационно-коммуникационного универсума с этапами технологического развития: направление поиска

Сам М. Маклюэн полагал, что духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика, политика или культура, а технология социальной коммуникации, то есть коммуникационные каналы, которыми располагают люди. Этот тезис М. Маклюэна часто и многими критиковался. Мы тоже полагаем, что не коммуни-

кация является движущей силой прогресса человечества, а неостановимое стремление к реализации всех потребностей, включая потребность в самореализации.

Это означает, что обрисованные выше цивилизационные уровни (этапы развития) информационно-коммуникационного универсума должны быть как-то связаны с развитием других компонентов общественной системы. Наиболее перспективное направление поиска такой связи находится, на наш взгляд, в контексте концепций промышленных революций и технологических укладов.

Что касается промышленных революций, то этим понятием обозначают периоды резкого увеличения масштабов инноваций и производимой ими пользы. В работе К. Шваба,⁵¹⁴ показано, что первый кардинальный сдвиг в образе жизни человека – переход от собирательства к земледелию – произошел примерно десять тысяч лет назад благодаря одомашниванию животных. Аграрная революция была построена на соединении силы животных и людей в целях обеспечения производства, транспортировки и коммуникации. Постепенно эффективность производства продуктов питания повышалась, стимулируя рост населения и обеспечивая жизнеспособность крупных поселений. Это со временем привело к урбанизации и расцвету городов. Но и после этого многие тысячи лет люди жили, довольствуясь первобытными инновациями и видя будущее бесконечным повторением привычной жизни. После аграрной революции последовал ряд промышленных революций, начавшихся во второй половине XVIII века. Они стали вехами на пути от использования мышечной силы к механической энергии, который привел к сегодняшнему историческому моменту, когда в процессе четвертой промышленной революции производство развивается за счет познавательной деятельности человека.

⁵¹⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция. URL: <http://avidreaders.ru/download/chetvertaya-promyshlennaya-revoluciya.html?f=txt>

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Ее пусковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства. Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX и продлившаяся до начала XX века, обусловила возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Обычно ее называют компьютерной или цифровой революцией, так как ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в шестидесятых годах прошлого века больших ЭВМ, в семидесятых и восьмидесятых – персональных компьютеров и интернета в девяностых.

Сегодня мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины. Однако четвертая промышленная революция связана не только с умными и взаимодействующими машинами и системами. Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций. Отличительными чертами четвертой индустриальной революции являются скорость, масштабность и системность. Это означает, что новая промышленная эпоха идет рука об руку с глобализацией, затрагивая все отрасли во всех странах.

Концепция промышленных революций логично связана с концепцией технологических укладов. Этим понятием обозначается совокупность производственных технологий человечества, взаимодополняющих друг друга. Смену технологических укладов предопределяет не только ход научно-технического прогресса, но и инерция мышления общества: новые технологии появляются значительно раньше их массового освоения. За свою историю человечество уже освоило пять укладов и на полном ходу (по крайней мере цивилизованные страны) приближаются к освоению шестого.

Первый технологический уклад (1770 г.).

Основной ресурс – энергия воды. Ключевой фактор первого техноуклада – прядильные машины, ядро уклада – текстильная промышленность. Новизна данного технологического уклада: механизация труда, создание поточного производства. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия.

Второй технологический уклад (1830 г.).

Основные ресурсы: энергия пара, уголь. Главные отрасли: транспорт, черная металлургия. Достижения уклада: рост масштабов производства, развитие транспорта. Ключевой фактор второго техноуклада – паровая машина, ядро уклада – паровое судоходство, угледобыча, железные дороги. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США. Гуманитарное преимущество: постепенное освобождение человека от тяжелого ручного труда.

Третий технологический уклад (1890 г.).

Основные ресурсы: электрическая энергия, неорганическая химия (конвертер, динамит). Главные отрасли: тяжелое машиностроение, электротехническая промышленность, черная металлургия, железные дороги, кораблестроение, производство взрывчатых веществ. Ключе-

вой фактор – электродвигатель. Достижения уклада: концентрация банковского и финансового капитала; появление радиосвязи, телеграфа; стандартизация производства. Страны-лидеры: Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды. Гуманитарное преимущество – повышение качества жизни.

Четвертый технологический уклад (1930 г.). Основные ресурсы: энергия углеводородов, начало ядерной энергетики. Основные отрасли: автомобилестроение, цветная металлургия, нефтепереработка, синтетические полимерные материалы. Ключевые факторы: двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия, реактивный и турбореактивный двигатели, ракеты, атомное топливо, компьютер, лазер, конвейерное производство, радиосвязь. Страны-лидеры: США, Западная Европа, СССР. Гуманитарные преимущества: развитие связи, транснациональных отношений, рост производства продуктов народного потребления.

Пятый технологический уклад (1960 г.). Пятый уклад опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т.п. Происходит переход от разрозненных фирм к единой сети крупных и мелких компаний, соединенных электронной сетью на основе интернета, осуществляющих тесное взаимодействие в области технологий, контроля качества продукции, планирования инноваций. Ключевой фактор – микроэлектронные компоненты. Преимущества технологического уклада, по сравнению с предыдущим, заключались в индивидуализации производства и потребления, в повышении гибкости производства. Гуманитарные преимущества – глобализация, скорость связи и перемещения.

Шестой технологический уклад (2010 г.).

Основные отрасли: нано- и биотехнологии, нанознергетика, молекулярная, клеточная и ядерная технологии, нанобиотехнологии, биомиметика, нанобионика, нанотроника, а также другие наноразмерные производства; новые медицина, бытовая техника, виды транспорта и коммуникаций; использование стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов, восстановительная хирургия и медицина. Преимущества технологического уклада, по сравнению с предыдущим, по прогнозу будут состоять в резком снижении энергоемкости и материалоемкости производства, в конструировании материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Гуманитарные преимущества: существенное увеличение продолжительности жизни человека и животных; повышение роботизации производства, резкое повышение потребности общества в высококвалифицированных работниках, появление новых типов профессий. На 2016 год доля производительных сил пятого технологического уклада в наиболее развитых странах составила примерно 70 процентов, четвертого – 20 процентов, а шестого – около 10 процентов.⁵¹⁵

Динамика развития коммуникационного универсума хорошо иллюстрируется историей медиасистем. Основная тенденция истории медиа – постепенный и неуклонный переход от ремесленного производства (отдельный автор – отдельный гонец – отдельный адресат), через мануфактурное производство (существование некоторого множества производителей информации и некоторого множества – впрочем, весьма ограниченного –

⁵¹⁵ Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор). URL: <http://vestnik.stavsu.ru/71-2010/24.pdf>; Гурьева Л.К. Концепция технологических укладов. URL: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adb3c325672f003bdef2/88e58149614c800fc325703000360bb53>; Технологические уклады. URL: <https://www.inventech.ru/lib/macro/macro-0026/>

потребителей), к мощным медиакорпорациям, ориентирующимся на миллионные аудитории.

Например, журналистика начиналась как способ самореализации конкретных индивидов. В эпоху Просвещения авторы в одиночку, собственными силами издавали журналы публицистической направленности. Особенность первых европейских журналов – преимущественно научная ориентация. Журналы литературно-критического содержания во Франции ведут свое начало от периодического издания *Mercurie galant* («Галантный Меркурий»), основанного в 1672 году Королевскую «привилегию» на издание этого журнала получил популярный в то время драматург и полемист Жан Донно де Визе. Особенным успехом у читающей публики пользовался раздел новостей, который можно было назвать разделом светской хроники.

Персональный журнализм закончился с появлением влиятельных газетных магнатов, которые начали диктовать информационную повестку дня данного издания или группы изданий. Понятно, что эти магнаты, определяя информационную повестку дня, учитывали интересы государственных структур и отчасти потребителей информации. Наступила эпоха «нового журнализма» или эпоха медиамануфактур. Внутри административного руководства газетного издания стали обособляться функции управления. Осознание самими журналистами конца эпохи персонального журнализма можно датировать возникновением первых журналистских объединений и ассоциаций, декларировавших в качестве своих целей защиту журналистов от всевластия редакторов и владельцев СМИ. Это произошло примерно 120 лет назад.

Нынешний этап развития массмедиа с полным правом можно назвать индустриальным. В медиасфере налицо все признаки существования особой индустрии:

1) внутренне слаженная система функций, выполняемых в обществе и соотносящихся с другими сферами человеческой деятельности;

2) материально-техническая база;

3) кадры (журналисты, сценаристы, режиссеры, редакторы, корректоры, наборщики, инженеры, художники, дизайнеры, телеведущие, *SEO*-специалисты и др.).

Медиаиндустрия представляет собой часть общественного производства, связанную с подготовкой информационных, идеологических и ценностных продуктов, направленных на удовлетворение определенных потребностей разных групп населения при условии получения выгоды или прибыли владельцами медиаресурсов. Технологические и экономические особенности деятельности предприятий и организаций медиаиндустрии, позволяющие нам говорить о некоей ее системной целостности, включают в себя:

- ориентацию на удовлетворение вполне конкретных потребностей населения;
- примерно однородный или схожий ассортимент продуктов;
- схожесть технологий производства материального продукта или оказания услуг;
- схожесть управленческих и организационных процессов в их деятельности.

Основными видами экономической деятельности в медиаиндустрии России можно считать следующие:

- деятельность, непосредственно связанная с производством продукта (в медиаэкономике его часто называют «контент») – редакционная деятельность, разработка программного обеспечения, исследование конъюнктуры рынка и выявление общественного мнения и др.;
- деятельность, направленная на доведение продукта до потребителя – СМК;

- деятельность, связанная с производством оборудования и технических средств, для нужд медиаиндустрии – производство аппаратуры для приема, записи и воспроизведения звука и изображения, например.

Индустриализация медиапроизводства способствовала существенным изменениям всей сферы медиа. Можно выделить приведенные ниже тренды современной стадии индустриализации.

- **Мультимедиа-тизация.** Совмещение различных способов передачи и представления информации (текста, графики, видео, звука).

- **Визуализация.** Опора в транслируемом контенте на визуальные образы.

- **Адаптация к мобильным устройствам.** Разработка специальных программно-технологических средств передачи контента.

- **Геймификация.** Применение подходов, характерных для компьютерных игр, в программных инструментах для неигровых процессов с целью привлечения пользователей и потребителей. Это обеспечивает «мягкое» управление вниманием и коммуникационным поведением потребителей.

- **Твиттеризация.** Коммуникационная клиповость, возведенная на уровень одного из важнейших глобальных форматов коммуникации.

- **Кастомизация.** Изготовление массовой продукции под конкретный заказ потребителя путем ее комплектации дополнительными элементами. Потенциально одна из самых эффективных и социально опасных технологий в современных интегрированных коммуникациях.

- **Многоплатформенность.** Объединение различных по технологиям трансляции контента коммуникационных платформ.

Как и любая индустрия, медиаиндустрия прошла, а кое-где проходит до сих пор, процесс концен-

трации и монополизации. В России феномен концентрации средств массовой информации стали анализировать с середины 1990-х годов. Было показано, что на отечественном медиарынке происходят постоянные трансформации организационного, экономического, содержательного характера, связанные с централизацией капитала в сфере информационно-коммуникационной индустрии. В последние годы исследователи показали, что конвергенция журналистики, внедрение в СМИ новых технологий (интернета, спутниковой и телефонной связи, цифрового телевидения) способствуют формированию крупных медиакомпаний. И на данный момент следует говорить о концентрации средств массовой коммуникации как о характерной и определяющей тенденции современной российской медиасистемы не только на общенациональном информационном рынке, но и на региональном уровне. Стали возникать медиакорпорации.

И этот процесс характерен для большинства стран с развитой экономикой. В современном мире прекращается сосуществование относительно замкнутых, соединенных друг с другом лишь немногочисленными каналами локальных, региональных, национальных и континентальных коммуникационных систем; их место во все большей мере занимает глобальная коммуникационная сеть, основной структурной характеристикой которой является разделение на центр и периферию. Старые локальные, региональные и национальные коммуникационные центры, встраиваясь в новую глобальную сеть, подчиняются новой глобальной дифференциации. В новом глобальном мире обычная газетная редакция, радио- или телевизионная станция может добыть собственными силами, проанализировать и прокомментировать лишь ничтожную часть информации, интересующей целевую аудиторию. Ей приходится пользоваться сообщениями централизованных источников, каковыми являются ведущие национальные или междуна-

родные информационные агентства. Таким образом, все редакции являются включенными в единую глобальную информационную систему, структурированную по принципу «центр – периферия». Редакционный журналист обеспечивается информацией и сообщениями со всего мира, однако сам он не имеет никакого влияния на производство этой информации и этих сообщений. Журналист включен в коммуникационный процесс, который практически не поддается его контролю. Бессилие отдельного гражданина перед лицом глобальных событий дополняется бессилием журналиста перед глобальными коммуникационными процессами. Глобализация стала важнейшей особенностью современной мировой системы, в условиях которой экономическое развитие в национальных рамках и внешнеэкономические связи неразрывно связаны друг с другом.

Существенное влияние на ситуацию в российской индустрии медиа, развлечений и рекламы оказало значительное ухудшение экономической обстановки в стране. Будучи достаточно эластичным, рекламный рынок остро реагирует на макроэкономические изменения, и именно на нем в числе первых отражается падение общего потребления. По мере того, как уровень «подключенности» потребителей в мире возрастает, их поведение становится все более и более схожим, сохраняя только два отличия. Первое отличие заключается в качестве существующей инфраструктуры, пригодной для потребления контента. Второе отличие – это общее желание потребителей получать такие впечатления от использования контента, которые имеют отношение лично к ним, в связи с чем даже в глобализированном мире решающее значение имеет понимание национальных приоритетов.

Переход от ремесленного и мануфактурного производства контента к медиакорпорациям, и представляет собой эпоху возникновения и развития массмедиа. С помощью этого понятия из всего комплекса ме-

диа выделяются общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений на большие рассредоточенные в пространстве аудитории. Прежде всего, подразумеваются книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке; а также результаты всякого рода фото- или электронного копирования, в том случае если массовые продукты производятся ими для еще не определенных адресатов. Распространение сообщений в эфире также подпадает под это понятие, если сообщения общедоступны, а не служат исключительно для телефонной связи отдельных участников. Речь идет не о докладах, театральных представлениях, выставках, концертах, а, пожалуй, о распространении этих постановок на кассетах или дисках. Это ограничение может выглядеть несколько искусственным, но основная мысль состоит в том, что только машинное производство какого-либо продукта в качестве носителя коммуникации, а не письменность как таковая, привело к обособлению своеобразной системы массмедиа.⁵¹⁶ На практике, как констатируется в фундаментальной энциклопедии журналистики, «термин *massmedia* используется для описания широкого круга печатных и электронных медиа, включая телевидение, кино, радио и звукозапись, книги и журналы, а также, так называемые «новые медиа», например интернет и видеоигры. Однако, порожденные новыми медиа три взаимосвязанных тренда: фрагментация аудитории, специализация содержания медиа и его кастомизация – требуют иной формы концептуализации терминов *massmedia* и *massaudience*».⁵¹⁷

В настоящее время в системе массмедиа как посредника происходят радикальные трансформации в связи с распространением интернета. Интернет представляет собой широчайшую информационную среду,

⁵¹⁶ Луман Н. Реальность масс-медиа. – М.: Праксис, 2005. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/soceph/luman_realnost_massm.pdf

⁵¹⁷ Encyclopedia of journalism / general editor Christopher H. Sterling. SAGE Publications, Inc. 2009. P. 876.

состоящую не только из разного рода сведений, но и из различных средств обработки и подачи информации. Это группы новостей, форумы, чаты, конференции, специализированные веб-узлы, крупные порталы, каталоги ресурсов и поисковые системы, электронные библиотеки, интернет-магазины с базами данных и прайс-листами, *ftp*-хранилища файлов, электронные торговые площадки, интернет-биржи, торгующие акциями и многое другое.

Можно выделить несколько прогнозов дальнейшего развития ситуации в медиасистемах.

По мнению Д. Кирли, ближайшее будущее будет определяться следующими десятью информационно-технологическими трендами.

1. Развитие сетей интеллектуальных устройств, устанавливающих информационный обмен друг с другом и создающих новую виртуальную реальность, а также дополненную реальность.

2. Создание новой реальности для пользователя в виде комбинации физической, виртуальной и аппаратной окружающей среды.

3. Прогресс в области материалов для 3D-печати, включая развитие печати человеческих органов.

4. Развитие алгоритмов обработки больших массивов информации с целью выявления стратегически полезных сведений. Появление новых бизнес-решений на этой основе.

5. Прогресс в области самообучения интеллектуальных устройств через получение обучающей информации из Сети.

6. Относительная автономизация интеллектуальных устройств, таких как работы, автоматические автомобили, виртуальные персональные помощники и электронные советники.

7. Адаптивная архитектура информационной безопасности.

8. Прогресс в области архитектуры информационных систем. Развитие программируемых логических интегральных матриц типа РРСА делает функционирование информационных систем весьма близким к работе человеческого мозга.

9. Развитие сервиса и программного обеспечения для сетей интеллектуальных устройств.

10. Развитие архитектуры и платформ интернета вещей.

Практически все вышеперечисленное будет обеспечено распространением связи пятого поколения – 5.0, которая базируется на новых информационных технологиях.⁵¹⁸

Однако не все так лучезарно. В докладе *The Evolving Internet* («Растущий интернет») компаниями *Cisco* и *Monitor Group* предложено четыре возможных сценария развития интернета до 2025 года. Согласно одному из них, глобальная сеть, превращаясь в критически важный для человечества фактор, продолжит двигаться по траектории быстрого развития. Три других сценария исходят из возможности реализации серьезных рисков и угроз развитию Сети (неблагоприятный экономический климат, угрозы безопасности, потеря устойчивости и управляемости Сети). Появился даже термин *Splinternet*, используемый для описания раскола и разделения Интернета из-за различных факторов, включая технологии, политику и национализм.

Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации

Выше были обозначены основные проблемы, возникающие перед культурой, вынужденной радикально меняться в условиях глобализации, с одной стороны, и сопротивления глобализационным процессам – с дру-

⁵¹⁸ Cearley D.W. Top 10 Technology Trends for 2016. Forbes, 2016, January, 15. URL: <http://www.forbes.com/sites/gartnergroup/2016/01/15/top-10-technology-trends-for-2016/#28f32b15ae93>

гой. Поскольку, как было показано, культурные факторы определяют основные особенности любой коммуникации,⁵¹⁹ есть необходимость хотя бы бегло рассмотреть динамику коммуникационных матриц в ситуации ускорения трансформационных процессов в культуре.

Несмотря на то, что эта тема активно обсуждается в литературе,⁵²⁰ более или менее общепринятого мнения о том, что происходит с медиасистемой в условиях глобализации, пока не сложилось. Но уже можно выделить несколько особенностей, характерных для глобальных медиа.

1. Стремительно развивающийся интернет, новые технологии мобильной связи, поисковые системы, блоги радикально изменили и продолжают менять конфигурацию коммуникационных процессов на индивидуальном, групповом, национальном и транснациональном уровнях.

Теперь даже те слои населения, которые раньше по образовательным, социальным, территориальным или иным причинам не могли получить информацию и обмениваться сообщениями, теперь имеют такую возможность в любое время и в любом месте. Теоретически любой человек, благодаря современным достижениям научно-технического прогресса, имеет возможность донести информацию всему миру. С другой стороны поисковые системы *Google*, *Яндекс* позволяют искать, находить информацию, которая отражает их

⁵¹⁹ Хотя, разумеется, мы ни в коей мере не отрицаем обратного влияния изменений в сфере коммуникации на культуру в целом.

⁵²⁰ Варганова Е.Л. Глобализация СМИ и масс-медиа России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – М., 2005. №4; Кирия И.В. Цифровой раскол и Глобализация СМИ и ИКТ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – М., 2005. № 4; Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Актуальные проблемы современности и журналистика // Массмедиа в условиях глобализации: Взаимосвязь глобализации, глобализма и трансформации. – СПб., 2005; Орлова В.В. Глобальные теле-сети новостей на информационном рынке. – М.: Эксмо, 2003; Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации // Социол. исслед. 2000. № 6; Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001; Liebes T., Katz E. The Export of Meaning. Cross Cultural Readings of Dallas. – Dallas: Polity Press. 1993; Sreberny-Mohammadi A., Winseck D., McKenna J., Boyd-Barret O. Media in Global Context. – London: Edward Arnold. 1997; The Business of Media. Corporate Media and the Public Interest. A Pine Forge Press Publication; Thompson J.B. The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Stanford University Press. 1995.

личные предпочтения, и действовать соответствующим образом. Личный доступ к новостям и информации больше не определяется влиятельными институтами, наделенными властью или богатством, чтобы доминировать в сфере распространения.

Развитие интернета также имеет огромное значение для глобализации традиционных СМИ. Печатные издания создают интернет-версии, телеканалы ведут он-лайн вещание, создаются специализированные электронные СМИ для широкой аудитории. Эти трансформации позволяют выпускать, анализировать и распространять новости и информацию через социальную сеть интернета в человеческих сообществах, которые географически могут отстоять далеко друг от друга, но технологически оказываются тесно связаны. Однако даже меняющиеся традиционные СМИ теперь не являются главными организаторами информационных потоков. Миллионы граждан, принимающих участие в процессе сбора, передачи, анализа и распространения новостей и информации, соперничают с редакциями и работающими в них журналистами. Разнообразные формальные и неформальные сообщества, частные предприятия, государственные учреждения, крупные, средние и мелкие компании стремятся повлиять на конфигурацию мировых информационных потоков.

Вместе с тем интернет уже представляет собой нечто большее, нежели просто «сеть сетей». Это феномен, который может выступать как канал управления техническими средствами на расстоянии, инструмент для проведения финансовых расчетов, источник и средство передачи информации, средство коммуникации, поле информационных войн и т.д.

Уже можно обсуждать глобализацию медиарынков, то есть возникновение потребности в медиапродуктах и новых технологиях со стороны потребителей различных стран. Это дает возможность продавать информацию мировой аудитории.

2. Возникли и укоренились транснациональные медиаорганизации – глобальные телеканалы, радиостанции и печатные издания.

Лидирующее положение в глобальной системе СМИ занимают мегакомпании, созданные по типу вертикальной интеграции. Среди них: *America Online – Time Warner*, *Walt Disney Co*, *Vivendi Universal Viacom*, *Bertelsmann*, *News Corporation* и другие. По данным журнала *Fortune*, вышеперечисленные компании входят в список 500 ведущих глобальных корпораций мира. Ряд менее крупных, но, тем не менее, авторитетных поставщиков информации составляют *Washington Post*, *Bloomberg*, *Reuters*, *BBC*, *New York Times*, *Dow Jones & Co* и многие другие. Новости этих компаний широко цитируются во всем мире. Информационным миром правят медиамагнаты. Из них особенно знамениты Руперт Мэрдок, лидер *News Corporation*, во владении которого находится более 150 медиакомпаний в Австралии, Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Китае; Самнер Редстоун, президент и исполнительный директор компании *Viacom*; Майкл Блумберг, владелец медиакорпорации *Bloomberg*; Майкл Эйснер, президент *Walt Disney Co* и другие.

В работе В.В. Орловой представлен впечатляющий список глобальных и крупных региональных телеканалов.⁵²¹ Исследователь показала, что глобальное телевидение, охватившее вещанием практически все регионы мира, повлияло на создание целевых аудиторий, сегментирующихся в зависимости от ценностей, вкусов и стилей жизни. Воздействие того или иного канала может быть широкомасштабным: например, телесеть популярной музыки *MTV* имеет 500-миллионную аудиторию подростков всего мира, определяя стиль жизни и поведение молодых людей. Созданы телеканалы кругло-

⁵²¹ Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – М.: Эксмо, 2003.

суточного вещания на крупные регионы мира, специализирующиеся на подаче важнейшей информации о событиях на планете в режиме реального времени. Глобальные телесети новостей можно разделить на две категории: универсальные телеканалы новостей (основное эфирное время занимают новости политики, экономики, спорта, аналитические программы), к которым относятся *CNN International*, *BBC World* и телеканалы финансово-экономических новостей – *Bloomberg TV*, *CNBC*. Их главными конкурентами выступают крупные региональные сети новостей: *Euronews*, *Sky News*, *Deutsche Welle*, *Eurosport-news* в Европе, *Al-Jazeera*, *Al-Arabiya*, *ANN* в арабских государствах и др. Глобальные телесети соперничают также с каналами новостей в различных странах: *MSNBC*, *Fox News* в США, *BBC News 24* в Великобритании, *Globo News* в Бразилии и др.

Соединив свои ресурсы с технологиями интернета глобальные медиакомпании получили дополнительные возможности расширить свою аудиторию. Электронные новости в отличие от телевизионных сюжетов могут досконально раскрыть тему, сопровождаться дополнительными ссылками, фотографиями, диаграммами, звуковыми интервью. В сети идет неограниченный и постоянно обновляемый поток информации. Интернет предполагает интерактивное общение с пользователями, которые могут участвовать в электронных конференциях, чатах с известными личностями. Именно «интернет-вещание» позволяет решить задачу «персональных заказов»: можно подписаться на рассылку новостей по электронной почте, на пейджеры и мобильные телефоны, сообщить о круге своих интересов и получать специально подобранные новости.⁵²²

⁵²² Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – М.: Эксмо, 2003.

3. Создание и развитие транснациональных медиагигантов привело к радикальному изменению глобального медиаконтента и мировой повестки дня.

Однотипная реклама в журналах разных стран и на разных языках, одинаковые телешоу, идущие хотя и на разных языках, но показывающие одинаково оформленные студии и похожих ведущих, одни и те же новости на разных телеканалах, музыка и кино, общие во всех странах. Уже никого и нигде не удивляет, что самые главные новости в любой стране – это международные новости, которые на самом деле могут не иметь никакого отношения к национальной повестке дня. Несмотря на нацеленность на конкретную аудиторию, любое СМИ исходит из некой общей «повестки дня», разделяемой СМИ глобального распространения. Общие источники новостей, универсальные информационные службы, формирующие глобальную повестку дня выступают движущими силами формирования информационной политики любого медиа.

Анализ программ различных транснациональных холдингов, позволяет выделить следующие характеристики:

- адаптацию наиболее успешных форматов в различных национальных контекстах;
- адаптацию общих стандартов журналистской культуры;
- адаптацию эффективных форм организации труда (создание мультимедийных редакций, организация работы редакции на основе непрерывной обработки потока новостей из Интернета и др.).⁵²³

Добавим к этому списку транснациональную стандартизацию контента и способов его предъявления. Включив телевизор в любой стране, вы увидите одни и

⁵²³ См.: Варпанова Е.Л. Национальные особенности журналистики и процессы глобализации. URL: <http://900igr.net/prezentacija/literatura/natsionalnye-osobennosti-zhurnalistiki-i-protsessy-globalizatsii-168624/globalizatsija-2.html>; Лукина М.М. Основы журналистики. URL: <https://en.ppt-online.org/60067>

те же развлекательные шоу, посредственные сериалы, старые передачи «в новой упаковке».

4. Изменение роли медиа в жизни общества, государства и человека.

В огромном количестве публикаций описаны функции СМИ. Не будем здесь их перечислять. Просто констатируем, что реальная практика глоболизирующих медиа демонстрирует существенные различия с констатациями теоретиков.

Глобальные медиа стали специфическим рентгеновским аппаратом для государств, сообществ и людей. Обладая экстерриториальностью, они выставляют на всеобщее обозрение то, что обычно тщательно скрывается. Страны, которые всегда старались быть закрытыми, уже ничего не могут сделать для защиты своих секретов. Государственные деятели вынуждены контролировать каждый свой шаг, каждое слово, чтобы не стать объектом заинтересованного внимания медиа, которое может находиться на другом краю света. Глобальные медиа связывают людей в наднациональные сообщества, ориентированные на определенный стиль жизни и потребления. А иногда создают искусственные сообщества, которые могут в одночасье сломать хрупкое равновесие общественных отношений.

Глобальные медиа наркотизируют человека, погружая его в некий мир, который имеет мало общего с реалиями его жизни и приучают его регулярно получать все возрастающую дозу медийного наркотика. Не случайным в этой связи является тот акцент, который критики социальных последствий глобализации делают на роли СМИ: «Проводники глобализации в каждом отдельно взятом обществе первым делом покупают средства массовой коммуникации, потому что хотят превратить озлобленного и настаивающего на своих правах гражданина в стерилизованного потребителя-конформиста. Политика, ставшая своего рода спектак-

лем и спортом, используется в качестве инструмента глобализации. Гражданин перестает быть участником исторического процесса и превращается в отстраненного наблюдателя, при этом, однако, возникает иллюзия причастности даже в том случае, когда фиктивность причастности становится очевидной».⁵²⁴

5. Считается, что влияние транснациональных медиа (точнее, сил, которые за этими медиа стоят) на бизнес и политику существенно повысилось.

Речь об этом идет давно. В 60–80-е годы XX столетия активно обсуждалась неомарксистская концепция культурного империализма. Ее сторонники утверждали, что Запад обеспечивает свою гегемонию над бывшими колониальными странами благодаря доминированию транснациональных корпораций, их широкой включенности в управление мировыми политико-экономическими и культурными процессами, а также посредством контроля над системой образования, с помощью культурных проектов и т.п.⁵²⁵ Затем появилось логическое продолжение этой концепции под названием медиа империализм. В огромном количестве работ доказывается, что глобальные информационные потоки в условиях развития капитализма и распространения его на развивающиеся страны используются для пропаганды западного образа жизни. А это ведет к усилению социально-экономической и политической зависимости последних. Есть большие сомнения в научной доказательности этих теорий. Однако факты последних десятилетий свидетельствуют о том, что медиа могут оказывать существенное воздействие на принятие важных политических решений. В 1991 году появился термин «эфф

⁵²⁴ Бойко О.В. Репрезентация социальных проблем в российской прессе 90-х гг. // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 67.

⁵²⁵ Tomlinson J. Cultural Imperialism: a Critical Introduction. 1991. – L.: Pinter; Tomlinson J. Cultural globalization and cultural imperialism // Mohammadi M., Jonson R. (eds) International Communication in a Postmodern World. – L.: Sage, 1996.

CNN» . С его помощью обозначалось влияние передач CNN на события в Персидском заливе. Резонанс в кругах международной общественности от показа войны в реальном времени был огромен.⁵²⁶

6. Создавая глобальную повестку дня, транснациональные медиа работают по принципу Руперта Мердока «Действуй глобально, мысли локально».⁵²⁷

Речь идет о реализации в деятельности транснациональных медиа принципов глокализации. свидетельствует об утопии воззрений М. Маклюэна, так как они не учитывают зависимость коммуникации от национальной структуры восприятия аудитории. М. Кастельс, оценив сегментацию и диверсификацию аудитории, возможности интерактивности коммуникационных средств в современных условиях, вывел, что «мы живем не в глобальной деревне, но в построенных по заказу электронных коттеджах, производящихся глобально, а распределяемых локально».⁵²⁸

Другими словами, новость, адресованная всему миру, хорошо понимается одними, но неизбежно плохо будет понята другими. *CNN* стала одной из первых медиакомпаний, испробовавших концепцию регионализации, то есть вещания для целевой аудитории конкретного региона мира. Например, «сетевая семья» *CNN* включает в себя сайты на различных языках: немецком, датском, итальянском, испанском, португальском, японском, корейском, а также региональные редакции *CNN USA*, *CNN Europe*, *CNN Asia*. *CNN* предлагает пользователям разнообразную тематику *CNN Money* (финансово-экономические новости), *CNN Sports Illustrated* (спортивные новости), *All Politics* (совместно с журналом *Time*, политические новости), а также индивидуальный

⁵²⁶ Royce A. *Global Television and the Shaping of World Politics*. – Jefferson: McFarland&Company, Inc., 2001. P. 132.

⁵²⁷ Афоризмы, цитаты, высказывания Мердока Руперта. URL: <http://aphorism-citation.ru/index/0-673>

⁵²⁸ Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. – М., 2000. С. 327.

подбор сообщений и информации, осуществляемый совместно с компанией *Oracle – myCNN.com*. Российская компания *Russia Today* выходит в эфир на трех языках: английском, арабском и испанском. Каждый канал имеет свою независимую редакционную политику, определяющую информационную политику и особенности видеоряда.

7. Региональные и местные медиа нуждаются очень тщательно определять свою нишу.

Пока что поддерживается теория близости, согласно которой специфика деятельности региональных и местных медиа заключается в концентрации внимания на проблематике местного сообщества. Считается, что в отличие от глобальных СМИ региональные и местные СМИ находятся «ближе» к аудитории. Во многих странах с устоявшимся потребительским спросом на медийную продукцию эта теория пока что срабатывает. Но и в Америке, и в Англии, и в Германии происходит процесс перехода местных медиа в состав крупных корпораций, газетных цепей, и как следствие – сокращение местной повестки дня. На долю региональных изданий часто выпадает роль рупора местных властей и вестника рекламы местных универмагов.

Еще сложнее обстоит дело в странах, переживающих процессы существенной политической, экономической, социальной трансформации. В такой ситуации люди ощущают свою личную зависимость от глобальных и национальных факторов и мало интересуются тем, что происходит за окном. Например, в России спрос аудитории на местные и региональные новости очень низок, и если бы не финансирование из бюджета, подавляющее большинство местных и региональных изданий просто прекратило бы существование. Кроме того, нельзя сбрасывать со счета хорошо известную аудитории тотальную зависимость российских региональных и местных СМИ от власти.

ГЛАВА 2.5

КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЙ ИЛИ КОММУНИКАЦИЯ КУЛЬТУР: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ⁵²⁹

Характеристика экспертов

Для получения компетентных мнений и оценок по рассматриваемой теме в рамках исследования был проведен экспертный опрос методом полустандартизированного интервью, для осуществления которого заранее составляется список вопросов, однако в ходе интервью инервьюер может перефразировать вопросы, менять их местами, задавать дополнительные вопросы, приспосабливаться к индивидуальности опрашиваемого, то есть углубляться в область особых его интересов.

В качестве экспертов были приглашены семь человек, по уровню образования, квалификации и характеру профессиональной деятельности отвечающие требованиям, предъявляемым к специалистам в исследуемой области. Все эксперты имеют профильное образование, а также ученые степени в сфере филологических или педагогических наук. Представлены научные сотрудники академических институтов, профессора московских и зарубежных университетов.

Все эксперты активно пользуются ресурсами современных медиа и средств коммуникации. Часть экспертов изредка пользуются сетями «Фейсбук» и «ВКонтакте». Четыре эксперта вообще не пользуются социальными сетями по причинам, которые они озвучили в ответах на данный вопрос.

⁵²⁹ Глубинные интервью проводились по программе, разработанной автором этой книги. С экспертами беседовала А. Мягкова.

- Не пользуюсь. Это мой выбор, а не то, что я не умею или не знаю. Я не хочу и не хотела никогда нигде регистрироваться, это не входило и не входит в мои потребности. Я не вижу никакого в этом смысла для себя: я не привыкла находиться бесконечно на связи с большим количеством людей, постоянно рассказывать всем все, где и что, как и почему. Может быть, я пока не нашла нишу или жанр, в котором мне было бы необходимо или комфортно самовыражаться. На данный момент меня это не мучает.

- Практически не пользуюсь. Это нужно тем людям, которым не хватает способов самовыразиться и у которых много свободного времени. У меня просто нет времени. На любой вопрос я сейчас ищу ответ в интернете. Это очень удобно, и то, что это стало мобильно, это прекрасно. И на Фейсбук я изредка захожу: там иногда удастся почитать интересные тексты.

- Не пользуюсь. Мне хватает информации из других источников.

- Не пользуюсь, хотя и зарегистрирована. Мне так комфортнее, потому что у нас все меньше и меньше остается личного пространства. И это такая форма самозащиты. Пока мне так хорошо. У меня нет стремления выкладывать все и там что-то смотреть. Я предпочитаю личное, индивидуальное общение.

Зафиксированная в экспертном опросе ситуация характерна для современного этапа развития цифровых технологий. В настоящее время участие индивида в социальных сетях рассматривается как неотъемлемый атрибут принадлежности к «социальному мейнстриму», присутствие организации в социальных сетях – как залог успешности деятельности на рынке и т.д. Однако в последнее время ситуации начала меняться «с точностью до наоборот»: атрибутом элитарности становится отсутствие представительства индивида в социальных сетях, которое чаще всего заменяется участием в очных коммуникациях, например, клубах и иных организациях,

членство в которых подразумевает определенную степень персонального контакта. Возникает новое деление людей: 1) **присутствие в социальных сетях** как маркер рядовых членов социума, на которых направляют свои коммуникационные усилия общественные институты и организации, используя эти ресурсы преимущественно как «сбытовой» канал; 2) **неприсутствие в социальных сетях** как признак принадлежности к социальным группам, которые определяют политический, экономический и иной мейнстрим общества. Кстати нередки уже случаи, когда молодые люди принципиально не регистрируются в социальных сетях, **чтобы не быть, как все!**

Далее экспертам было предложено **охарактеризовать современную медиасреду тремя словами** (максимум – тремя короткими тезисами). Их ответы приведены ниже.

- Пестро и разнообразно, но обыденно. Много информации, информация очень разнообразная, но не всегда интересная. Чаще всего это одна и та же идея, которая просто подается под разными «соусами». Скорее навязчивая, чем комфортная. Медиасреда только как источник информации, я стараюсь туда не погружаться.

- Она интерактивная. Она избыточная: много информации лишней, которую мы не хотим потреблять, но все равно ее потребляем сознательно или бессознательно, которая каким-то образом внедряется в наш мир и в наше сознание. Она все-таки больше полезная, чем вредная: я имею в виду циркулирующую в медиасреде информацию.

- Это средство общения, взаимодействия между людьми, сообществами, странами (но между людьми прежде всего). Она всеобщая, очень интерактивная, сближающая – если говорить о средствах коммуникации. Сложная своим многообразием и правилами выбора, вынуждающая нас ориентироваться в ней, понимать, с чем ты имеешь дело, – что в интернете в целом, что в социальных сетях, в частности, что в телевидении. Она

может быть дружелюбной, если человек в своей среде общается, а если он подключается к каким-то сетям, сообществам, которые не входят его ближний круг, то она может быть и враждебной. Телевидение сложно назвать дружелюбным, особенно российское. Я фактически от него отказалась, я чувствую его недружелюбность абсолютную, агрессию, к сожалению.

- Для меня лично медиасреда осталась достаточно традиционной, только она стала быстрой и удобной. Это среда, которая дает массу инструментов для того, чтобы что-то сказать, но при этом именно доступность этих средств и мгновенность возможности что-то сказать, выражается в том, что люди пользуются этим, когда на самом деле сказать нечего. То есть любой чих, любой «ах», любой «ох» может быть мгновенно коммуницирован в виде фотографий, видео, поста и т.д. И это, конечно, страшно обедняет коммуникацию, выхолащивает ее и просто как-то неприлично в этом участвовать.

- Комфортная, необъятная и доступная.
- Она разная, разнообразная, необходимая в нашем мире, но не всегда объективная. Поэтому приходится опираться на более проверенные источники, для того чтобы ее верифицировать. Бывает враждебная, бывает дружественная: все зависит от типа передаваемой информации.

- Она сложная, она непростая. Она слишком какая-то большая. Слишком неиндивидуальная. Ее глобальность не для всех. Это такая большая компания. Это – большой балаган.

В своих ответах на вопрос: «**Кто больше адаптирован к современной медиасреде?**» эксперты были практически единодушны – наиболее адаптирована молодежь, особенно студенты. «Они с этим растут, так же, как старшие поколения росли с книжками и в библиотеках. Однако те родители, взрослые люди, которые успели овладеть этими нововведениями, вполне могут соревноваться с детьми, ну а тем, которые немножечко

как-бы из другого века – тем сложнее. Хотя, конечно, все от человека зависит.» Более того, те, кто владеют «доцифровой» культурой, но при этом вписались в цифровую, находятся сейчас в наиболее выгодном положении. То есть это промежуточное состояние поколения, которое стоит одной ногой там, а другой ногой здесь. Однако постепенно пропасть будет увеличиваться, и лет через 10 лет появятся новые средства и технологии, которыми уже людям более старшего поколения овладеть будет сложно.

Это утверждение экспертов подтверждается имеющейся психологической кластеризацией информационного общества: «цифровые с рождения» – до 12 лет; «цифровые аборигены» – 13-24 года; «цифровые иммигранты» – 25-34 года; «бэби-бумеры» – 35-54 года; «компьютерно неграмотные» – 55 лет и старше. При этом выделяются психологические и социальные особенности «цифровых аборигенов», то есть тех самых молодых людей, которые, по мнению большинства экспертов, максимально адаптированы к цифровой реальности. И особенности эти удручающие: клиповое мышление; многозадачность умственной деятельности, неспособность сосредоточиться на одной задаче; привычка сортировать готовую информацию, ослабление аналитических способностей; компьютерная зависимость; ухудшение социальных навыков общения; эгоизм и безответственность за последствия своих действий.

Однако одним из экспертов было высказано и такое мнение: «Я думаю, что к медиасреде лучше адаптировано поколение среднего возраста – 30-40 лет. Не люди старшего возраста, потому что они с опаской и недоверием относятся к интернету. Не подростки, которые слишком ему доверяют и не могут фильтровать информацию». Эксперт обращает внимание на то, что поскольку далеко не вся информация, размещаемая, в интернете, в СМИ правдива, а молодые люди не понимают, что к любой информации

надо осмысленно, критически подходить, они проявляют себя таким образом как не вполне адаптированные пользователи.

Такое некритическое отношение к потребляемой медиапродукции таит в себе определенные **опасности и угрозы**: в частности, по мнению экспертов, среда пытается управлять людьми. Это происходит, например, когда соответствующие программы или сервисы фильтруют информацию за нас и для нас: они «видят», что нам интересно, и предлагают определенный контент, чтобы мы потребляли. Поэтому в современной медиасреде в безопасности может чувствовать себя только критически мыслящий человек.

Еще одна аналогичная опасность связана с тем, что молодые люди (особенно студенты) абсолютно недифференцированно используют источники информации: они не понимают, что Википедия, например, это не источник валидного знания. Не надо цитировать ее в докладе или в курсовой работе. То есть истинность информации для них не очевидна, потому что они уже росли в эпоху, когда все истины не совсем являются истинами. Это проблема для молодого поколения. Но они эту проблему не осознают. И в этом – опасность для них. Эксперты подчеркивают, что угроза дезинформации может быть многоликой, то есть можно найти информацию, в которой будет даже ссылка на какое-то научное исследование, однако, если ее не перепроверить в нескольких источниках, то может оказаться, что один автор сослался на другого, который не проверил или дал заведомо ложную информацию.

Продолжая тему медиаопасностей и угроз, эксперты подчеркивают, что все мы настолько подвержены воздействию медиасреды, что так или иначе наши мнения, которые нам кажутся нашими, на самом деле таковыми на сто процентов не являются. То есть они так или иначе сформированы под воздействием медиасреды. В наибольшей степени это опасно для более молодого по-

коления, потому что молодежь, не совсем обучена формировать свое мнение: они уже выросли в эпоху современной медиасреды, и не могут независимо от нее формировать какое-то свое мнение.

Реальную угрозу эксперты видят в снижении ценности выражаемой мысли, то есть мысли нет, а высказаться все равно имеется возможность. С этим связана и другая опасность. Современная медиасреда оказывает большое влияние на язык: на правила употребления слов, лексическое разнообразие и пр. С одной стороны, это нормально: язык всегда развивается. Однако возникновение новой лексической культуры электронной коммуникации может привести (и уже приводит) к тому, что люди – особенно молодые – будут пользоваться двумя разными языками: литературным и тем, который используется в виртуальной среде. И это явление будет только нарастать. Более того, если человек пишет какой-то пост, он свободен в выборе темы, но в выборе стиля он несвободен, он не может себя полностью проявить, выразить то, что он думает, потому что ему нужно в этом сообществе не только изъясняться «виртуальным» языком, но и поддерживать стиль этого сообщества. Поэтому угроза, потерять свой литературный стиль, свою индивидуальность есть.

В качестве вывода из анализа опасностей и угроз, которые таит в себе медиапространство, можно привести высказывание одного из экспертов: «Кухонный нож тоже может быть угрозой: им можно порезаться или зарезать, и молоток – им можно травмироваться или убить. Однако при разумном использовании угрозы нет. Такая сложная система как медиасреда должна быть прежде всего изучена. Ведь и в реальной жизни можно забрести в секту, случайно познакомиться с человеком и попасть под его влияние. В социальных сетях может быть то же самое».

Особняком стоит отмеченная экспертами опасность замещения реального человеческого общения вир-

туальным; замена действия коммуникацией. И здесь логично перейти к рассмотрению того, что же такое коммуникация, которая в современном мире поглощает человеческую сущность...

Коммуникация и культура: соотношение понятий

Большинство экспертов сошлось во мнении, что **коммуникация** – это общение, взаимодействие людей, организованное для того, чтобы решить какую-то общую задачу, достичь какую-либо цель. То есть они используют коммуникацию для достижения какой-то цели, которая лежит вне самой коммуникации. Коммуникация направлено на то, чтобы приспособиться к миру и друг к другу. В ходе этого взаимодействия один человек оказывает воздействие на другого человека. Однако взаимодействовать друг с другом можно и для того, чтобы воздействовать на мир.

Есть межкультурная коммуникация (это взаимодействие между разными культурами, между представителями разных культур), есть социальная коммуникация (взаимодействие в обществе между его членами) и пр. Коммуникация – это знаковая активность: это могут быть вербальные знаки и невербальные знаки. При этом законы коммуникации в какой-то степени базовые законы, поскольку средством коммуникации является язык.

Есть мнение, что у коммуникации есть два основных аспекта: 1) ежедневное общение вживую с друзьями, родственниками, с коллегами, со студентами и т.д.; 2) коммуникация на расстоянии, допустим, с зарубежными друзьями или коллегами, по интернету.

Один из экспертов подчеркнул, что в психолингвистике принято разграничивать коммуникацию и общение. Общение это не просто передача информации, это взаимное регулирование поведения друг друга в деятельности. А коммуникация – это передача и получение разнообразной информации от человека к человеку раз-

ными средствами, способами, с использованием разных кодов коммуникации. Некоторые эксперты считают неправильным разделять информацию как таковую и эмоции по ее поводу, поскольку эмоции, это отношение, которое мы передаем наряду с сообщением каких-то знаний. При этом коммуникация как сообщение некоторой новой информации, причем информации в самом широком смысле слова: эмоции, отношение – возможна только на фоне уже чего-то известного, старого. Нельзя абсолютно новую мысль внести человеку, она должна поместиться в какой-то уже имеющийся у него интеллектуальный, эмоциональный фонд.

Определяя свое отношение к понятию **«культура коммуникаций»**, эксперты подчеркнули, что здесь все зависит от того, какое значение вкладывается в слово «культура», которое чаще всего понимается как так называемая высокая культура: литература, музыка, живопись. Если мы говорим о культуре как способе жизни, то в этом смысле культура коммуникации зависит от культуры в широком смысле. В таком случае культура коммуникации – это правила, нормы, рамки для комфортной коммуникации, регулирующие поведение человека в процессе коммуникации. Например, громкий разговор по телефону в общественном транспорте – это свидетельство коммуникативного бескультурья человека.

Культура коммуникации в обществе зависит от страны, от языка, на котором осуществляется взаимодействие. Культура коммуникации в латиноязычном, англоязычном, русскоязычном обществе разная. Культура межличностной коммуникации предполагает определенный уровень культуры личности, владение нормами поведения («культурный человек», «воспитанный»), которые отражаются и на культуре коммуникации в обществе, в социальных сетях, в межличностном общении. Другое дело межкультурная коммуникация – это отдельная область, бесконечно сложная, с большим коли-

чеством факторов личностной культуры, воспитания и др., которые нужно изучать и учитывать. Если человек становится потребителем другой культуры, то, даже общаясь со средством массовой коммуникации, он должен учитывать некоторую специфику этой культуры, обусловленную, в первую очередь, языком. Если человек читает книгу, медиатекст на иностранном языке, он уже входит в межкультурную коммуникацию. Межличностная коммуникация, если она предполагает наличие представителей двух или нескольких культур, то это тоже отдельная история. Телевидение, радио тоже имеют какие-то национальные особенности, национальную историю: например, что и как можно или нельзя говорить на телевидении.

Таким образом, культура коммуникации не сильно отличается от культуры в целом. Потому что если есть культура, то она регулирует и отношения, и общение с другими людьми. Она в целом связана с уважением к собеседнику, с тем, что не надо переступать через какие-то границы, что есть твоя территория, а есть его территория. Это и есть культура коммуникации – не нарушить, не обидеть.

Коммуникативное взаимодействие, коммуникация в целом не существует в безвоздушном пространстве, они опираются на культурнообусловленную коммуникативную компетенцию участников коммуникационного взаимодействия. Вот эта культурнообусловленная коммуникативная компетенция и есть производное от общей культуры. Это не только тот факт, что мы с другим человеком говорим на одном языке, но и то, что у нас огромный фонд общих знаний, благодаря тому, что мы существуем в одном пространстве. При этом нас может что-то разделять: например, он принадлежит одному поколению, я – другому; у меня могут быть свои профессиональные интересы, у него другие и в этом смысле у нас разные культуры. Для этого существуют форматы коммуникации, которые отвечают за то, чтобы описы-

вать фонд знаний, в том числе культурных. Поэтому мы можем сказать, что социокультурная составляющая является основой коммуникации.

Один эксперт признался, что понятие «культура коммуникации» ему не очень понятен, привычнее, точнее, с его точки зрения, было бы говорить о «коммуникации культур» или «коммуникации носителей разных культур».

Данную позицию разделяет еще один эксперт, который полагает, что в ходе коммуникации необходимо учитывать своеобразие тех культур, в которых воспитаны участники коммуникации. Речь идет, например, о том, что представители европейской культуры, обсуждая какую-то проблематику, могут высказать свое мнение, поспорить – даже с человеком старшего возраста, преподавателем, в то время как люди, воспитанные в азиатской культуре, никогда не будут высказывать свое мнение (особенно на политическую тему, тему религии, толерантности), которое, как им кажется, может не понравиться более взрослому человеку, тем более преподавателю.

В продолжение данной темы экспертам был задан вопрос: **«Существует ли связь между содержанием сообщений, которыми обмениваются участники коммуникации, с культурой коммуникации?»**.

По мнению большинства экспертов, содержание коммуникации и культура коммуникации связаны.

Однако, предположил один эксперт, связь эта непрямая, а опосредованная – через способы коммуникации.

Экспертами было озвучено и такое мнение: содержание должно соответствовать целям коммуникации. Если цели коммуникации не предполагают никакой агрессии, то и содержание должно этому соответствовать. То есть речь идет об элементарной культуре общения.

Эту же мысль развивают еще два эксперта, которые полагают, что непосредственной связи не существу-

ет, так как культура коммуникации – это нормы, а не само содержание. Таким образом, содержание коммуникации связано не с культурой коммуникации, а с культурой человека, собеседника. То есть то, какую тему поднимает собеседник, характеризует его культуру, но не культуру коммуникации. Однако опосредованную связь проследить можно, поскольку культура коммуникации входит в общую культуру, а содержание коммуникации в какой-то степени предопределяет культуру: оно обуславливает ту или иную модель коммуникативного поведения.

Есть мнение, что эта связь зависит от того, что понимается под культурой коммуникации. Если иметь в виду культуру коммуникации внутри какого-то сообщества или даже просто внутри национальной культуры – это одно, если речь идет о межкультурной коммуникации – это другое: содержание в этом случае, естественно, должно меняться. Есть такие понятия «коммуникативно значимая ошибка» и «коммуникативно незначимая ошибка». Когда любой человек, который изучает иностранный язык, допускает коммуникативно значимую ошибку, это значит, что нарушается коммуникация. Это может быть и грамматическая ошибка: что-то такое употребил, что ничего не понятно, или фразу не смог построить – это может быть и этикетная ошибка: например, что-то спросил, чего нельзя было спрашивать. Таким образом, если это межкультурная коммуникация, то, чтобы она состоялась, чтобы ее не нарушить, содержание надо определенным образом выстраивать. То же самое касается и ситуации, если общение идет на родном языке. Если человек ориентируется на успешную коммуникацию, он должен выстраивать какую-то личностную стратегию коммуникации в зависимости от имеющейся у него коммуникативной цели. Если речь идет о взаимодействии не с человеком, а с видео- или аудиотекстом, то человек должен представлять, что он хочет извлечь из этого текста, должен быть научен как извле-

катель из него необходимую информацию, поскольку цель коммуникации не сама коммуникация, а что-то, что мы хотим получить на выходе. Поэтому, при построении сообщения необходимо учитывать и характер личности, которой оно адресовано, и специфику поля, в котором эта коммуникация происходит. Цели коммуникации можно достичь, используя конвенциональные средства культуры коммуникации, принятые в той культуре, в рамках которой осуществляется коммуникация.

Это мнение поддерживает еще один эксперт, утверждающий, что в любом случае содержание коммуникации будет находиться под влиянием культуры тех людей, которые осуществляют эту коммуникацию. Например, с человеком, представляющим восточную культуру коммуникации, обменяться каким-то содержанием иногда очень сложно, потому что всеми способами человек будет пытаться не обсуждать острые моменты.

Еще один аспект этого взгляда на проблему сформулирован экспертом, который полагает, что одно и то же содержание, переданное на каком-либо языке, может быть понято и воспринято по-разному людьми, для которых этот язык является родным или иностранным, людьми, воспитанными в разных культурах. Потому что содержание включает в себя не только собственно информацию, но и интерпретацию, и оценку того, о чем говорится, которые тоже должны восприняться адресатом.

Еще одним аргументом в пользу наличия связи между содержанием коммуникации и культурой коммуникации можно считать такое мнение эксперта: хотя содержание коммуникации в разных случаях разное, однако, так или иначе, это донесение некоторого сообщения до адресата. Естественно, содержание этого сообщения в значительной степени связано с теми фоновыми знаниями, которые есть у участников коммуникации.

Это мнение поддерживает еще один эксперт, который утверждает, что у нас нет иного способа понима-

ния содержания, извлечения смысла, кроме опоры на имеющиеся у нас фоновые знания. А эти фоновые знания во многом задаются типом культуры, к которой мы принадлежим, независимо от языка. Содержание вообще зависит от многих факторов. Оно зависит от национальной культурной специфики общения, в которую входят различные табу, различные рекомендации по общению с представителями разных социальных групп. Никуда не денешься от собственного воспитания, культуры социума, в котором ты воспитался. Определенные ограничения накладывает и сама среда, в которой происходит процесс общения.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: если говорить о культуре коммуникаций, подразумеваемая некоторые ограничения, накладываемые на эту область жизнедеятельности людей, то, по мнению экспертов, они определяются, по меньшей мере, двумя факторами: 1) культурными особенностями, культурной принадлежностью коммуникантов; 2) опытом, который коммуниканты приобрели в процессе социализации.

Следующий вопрос, на который было предложено ответить экспертам, звучал так: **«Существуют ли, по Вашему мнению, разные культуры коммуникаций?»**.

Одно из мнений было таким: «Если мы говорим о коммуникации в разных культурах, то разные культуры коммуникации, конечно, существуют. И это очевидно даже на уровне бытового общения. Родители маленького ребенка в Италии никогда, не воспользуются императивом, как это принято, например, у российских родителей. Фразы "Ну-ка, выйди отсюда сейчас же, что я тебе сказала?! ", или "Ты что, не видишь? Куда ты пошел?", или что-то в этом роде никогда не услышишь от итальянских родителей, так в культуре не принято. Они скажут: "Ты намочишь ножки" или "Осторожно, там лужа". Личное пространство, которое существует, понимается и принимается, в том числе, и как личная воля, начинается с совсем маленьких детей. Детей не держат в

клетках ограничений, бесконечных запретов, императивов, очень категоричных фраз. Ребенку задают вопросы, выясняют его намерения, желания, что-то ему объясняют и только потом запрещают. Понятно, что если он побежал под машину, то его остановят более категорично, но если нет прямой опасности, такого прямого запрета, скорее всего, не будет».

Поддержку эта позиция нашла у эксперта, который утверждает, что разные культуры коммуникации, если ее связывать с культурой разных этносов или культурой разных народов, национальностей и т.д., конечно существуют и к ним надо относиться очень трепетно. Человек их понимает только в процессе общения, но надо их именно понять, надо их суметь услышать, увидеть, прочесть.

Продолжает и развивает эту мысль другой эксперт: при необходимости человек способен адаптироваться к иной коммуникативной культуре. Например, у людей, которые часто общаются с деловыми партнерами из других стран, уже какой-то кодекс поведения выработан, и они прекрасно знают, о чем говорить с французом, о чем говорить с немцем и о чем не говорить с ними, и как вести себя с японцем. То есть они усваивают их культурные коды и используют эти коды в процессе коммуникации, что, безусловно, является одним из факторов успешности коммуникации. Таким образом, если вы заинтересованы в китайских партнерах, то не надо себя вести с ними как, например, с американцами.

Однако, полагает еще один эксперт, помимо разницы культур фактором, который позволяет говорить о существовании разных культур коммуникации, может считаться социальная характеристика, социальный статус участников коммуникации. Если общение происходит в рамках каких-то институций, то там играют роль еще и институциональные правила. Если мы общаемся в рамках социальной коммуникации, то здесь свои правила, характерные для данного общества. Если происходит

профессиональная коммуникация между коллегами, то тут и темы, и содержание в значительной степени определяют манеру поведения.

Это мнение поддержал эксперт, который подчеркивает, что есть, например, модель культуры коммуникации, когда подчиненный с начальником разговаривает: он же определенным образом это делает. Студенты между собой общаются одним образом, а с преподавателем они общаются по-другому. Существует агрессивная модель коммуникации: люди используют неличеприятные высказывания по отношению друг к другу и т.д. В восточных культурах, где существует несколько стилей, форм вежливости, в зависимости от того кто к кому обращается: мама к своему ребенку, женщина к мужу, женщина к отцу, женщина к подчиненному, – там много разных форм, у них ритуализированы эти формы общения.

И один из экспертов полагает, что самый простой ответ на данный вопрос: в зависимости от способа коммуникации существует культура коммуникации при личном общении и при опосредованном.

Отвечая на вопрос «**Что можно сказать о культуре массовых коммуникаций?**», один из экспертов задал встречный вопрос: «А есть ли такая культура? Допустим, есть – на том или ином уровне. В частности, на телевидении. Многие люди сейчас отказываются от телевидения по причине его низкой культуры: низкопробные программы, высокий уровень агрессии, огромное количество рекламных блоков. Поэтому телевидение сейчас – для людей старшего поколения, которые с трудом пользуются интернетом. Люди, более продвинутые в техническом плане, в основном уходят в интернет».

Его мысль продолжает другой эксперт, который полагает, что культура массовых коммуникаций – это еще не устоявшееся понятие, и мы только являемся свидетелями изменений в массовых коммуникациях, когда телевидение уходит на задний план. Сейчас интернет

заменяет все, в том числе новостные каналы, поэтому культура массовых коммуникаций меняется.

Однако и интернет не отличается высокой культурой, замечает еще один эксперт. Информация навязчивая, агрессивно внедряется в мир человека. «Например, я ищу определенную информацию, я вроде сконцентрировался на поиске именно этой информации, а ненароком в мое поле зрения попадает какая-то информация, которая мне совершенно не нужна, и, более того, она мне неприятна, а я ничего не могу с этим сделать. В тех же социальных сетях, там тоже реклама. Да, они пытаются делать таргетированную рекламу, но иногда мне и таргетированная реклама не нужна. Несмотря на то, что она учитывает какие-то мои интересы, может быть, действительно я могу стать потенциальным покупателем чего-то, что она мне предлагает с учетом моих бывших опытов, которые они отследили, но, может, в эту самую минуту-секунду я не хочу вообще, чтобы меня этим отвлекали.»

Было высказано экспертом и такое мнение: как таковой культуры массовых коммуникаций нет. Этот термин несколько искусственный. В массовой коммуникации наблюдается очень много разных вариантов общения: разных и по уровню общей культуры, и по типу культуры. Есть культура общения, и неважно, где она проявляется: в межличностном, в сетевом общении, массовом, публичном, каком угодно.

Прозвучало и такое умозаключение. Массовая коммуникация адресована всем, и конкретному человеку в том числе: он один из этих всех. И если у человека есть какая-то индивидуальность, то он этому очень сильно сопротивляется, но это получается даже чисто интуитивно, совершенно подсознательно. В какой-то момент человек понимает, что он индивидуальность и что он не хочет находиться в этой массе, которой адресована коммуникация подобного типа. И тогда он начинает сам выбирать, сам решать, что он хочет делать или

не делать. Человек выбирает то, что ему больше импонирует, то, что ему больше нравится, и где он себя чувствует комфортно; определяет для себя сообщения, которые больше совпадают с его мнением, какие-то утверждения, взгляды на вещи, на жизнь. В разные периоды у одного и того же человека могут быть разные «коммуникационные ориентиры». Организаторы массовой коммуникации должны учитывать такой фактор современной культуры, как стремление к индивидуализации.

В продолжение этого вопроса экспертов спросили: **«Можно ли говорить о культуре пропаганды?»**.

Можно, полагает один из экспертов. Причем, сравнивая, например, пропаганду в советское время и современную пропаганду, можно сказать о навязчивом характере пропаганды советской и скрытом характере пропаганды современной. Как известно, такая пропаганда исподтишка больше влияет на сознание людей.

О культуре пропаганды можно говорить, считает один из экспертов, потому что и во времена холодной войны, и сейчас информационные войны ведутся и пропаганда – это один из инструментов, которым пользуются очень многие государства. Они пользуются пропагандой как для того, чтобы дискредитировать политику другого государства, так и, допустим, в предвыборных дебатах, потенциальный будущий президент и его соперник обязательно будут использовать пропаганду. И есть определенная культура, определенные методы и уже зарекомендовавшие себя способы пропаганды. Это целое искусство.

Два эксперта солидарны во мнении, что понятия «культура» и «пропаганда» несовместимы. Слово «пропаганда» имеет негативную коннотацию. А культура – это о чем-то хорошем. Даже если допустить, что есть некая культура пропаганды, очень сложно будет выработать какие-то критерии, что считать пропагандой, а что нет, что относить к культуре пропаганды, а что бу-

дет выбиваться из этой культуры, что будет антикультурой.

Частично согласен с ними еще один эксперт, который полагает, что культура пропаганды как таковая отсутствует, потому что основная цель пропаганды – оказать максимальное влияние, вбить в голову человека какую-то идею, поэтому тут про культуру говорить не приходится. Однако, чтобы быть успешной, пропаганда вынуждена следовать культурным особенностям, учитывать культуру адресата.

Есть и пограничное мнение: культура пропаганды должна существовать, но фактически ее нет. Есть, конечно, некие правила, которых придерживаются или не придерживаются те, кто занимается пропагандой, но это на грани культуры и некультуры, если речь идет о культуре коммуникации, общения.

«А можно ли говорить о культуре рекламы?»

Один из экспертов высказался достаточно категорично: поскольку реклама – это форма коммуникации, то понятия «культура коммуникации» будет достаточно, чтобы им обозначать все то, что мы хотим включить в объем этого понятия, в том числе и рекламу. А дальше начинаются особенности. Основная цель рекламы – способствовать тому, чтобы товар купили. Поэтому она сама по себе уже немножко агрессивная, и должна быть такой, иначе товар не продадут.

Несколько экспертов полагают, что культура рекламы проявляется в том, что она ориентируется на конкретного потребителя. В частности, реклама должна учитывать национальные особенности потребителя: на какие подходы, в том числе языковые, «ловится» простой потребитель, имеющий определенную национальную специфику.

Развивая этот тезис, еще один эксперт утверждает, что реклама, не соотносимая с какими-то культурными аспектами конкретной страны, на жителей которой она ориентирована, не будет никому интересна, не будет

воспринята. То есть в рекламе обязательно должен быть отсыл к какому-то более крупному типу культуры: например, к культуре общения, к молодежной субкультуре и пр.

Есть эксперт, который в размышлениях по поводу культуры рекламы опирается на понимание культуры как системы норм и запретов. Соответственно, продолжает эксперт, когда речь идет о культуре современной рекламы, то имеется в виду, что в рамках рекламных коммуникаций существуют определенные правила, определенные стратегии, на которые опираются ее создатели. Причем эти стратегии меняются: есть стратегия уходящая, имеющаяся и нарождающаяся. Уходящая стратегия ориентирована на общество потребления, наслаждения статусом и пр. Сейчас большее внимание уделяется тому, чтобы удовлетворить конкретного потребителя. А нарождающаяся тенденция – реклама ведет потребителя к саморазвитию, к удовлетворению его высших потребностей. Можно сказать, что это три культуры рекламы. Но точнее будет говорить, что это именно стратегии, тренды, за которыми стоит предшествующий опыт, какая-то содержательная информация, связанная с данным сообществом, с требованиями времени и т.д.

Есть и такое мнение. Реклама очень пестрая, разная: есть та, к которой нет никаких претензий с точки зрения ее как транслятора определенной информации. Но есть такая реклама, в которой отсутствует грань между информацией и агитацией. И вот такую навязчивость рекламы можно считать отсутствием культуры.

Далее экспертам было предложено поразмышлять над вопросом: «**Мифы, ложные образы, стереотипы – это содержание коммуникации или специфическая культура коммуникации?**». Мнения были такие:

«Это особая культура, ориентированная на использование стереотипов в целях манипуляции».

«То, что входит в содержание, является частью содержания. А мифы, стереотипы – это элементы содержания».

«Исторический миф или социальный миф, стереотип – это факторы, которые существуют в коммуникации, влияют на нее, это элементы культуры коммуникации. Однако если цель коммуникации этот миф каким-то образом подтвердить, расширить, развернуть, что-то с ним сделать, то это уже содержание коммуникации».

«Любой коммуникации свойственны такие вещи. Другое дело, что складываются ли они в системы и становятся элементами культуры или проявляются эпизодически как элементы содержания. Они нередко используются в рекламе или PR. Но в принципе, все эти компоненты встречаются и в обычном общении. И люди становятся, как правило, жертвами таких приемов».

«Здесь как-то все вместе перечислено: и стереотипы, и ложные образы. Но я думаю, что все это нужно отдельно обсуждать. Миф – это неотъемлемая часть существования человека осмысленного, потому что мифы – это то, что просто необходимо человечеству для мышления, для соотнесения сегодняшнего дня с историей, для какой-то генерализации, поскольку эту уже существует в литературе, у философов, вообще в мудрости человеческой. Мифы, символы – это необязательно что-то ложное. Что касается ложных образов и стереотипов, то их очень много в молодежной коммуникации. Например, у них есть ложный образ какой-то успешной студентки, которая постоянно имеет возможность посещать какие-то приятные мероприятия в новом наряде, с новой сумкой, на прекрасном фоне и еще желательно с друзьями не менее красивыми. Мне кажется, что это стереотип и все девочки просто как на подбор. По фотографии их можно отличить, только если очень сильно присмотреться. И при этом, если посмотреть комментарии, которые они оставляют под этими фотографиями, они тоже абсолютно одинаковые. Редко кто напишет

какую-то хоть малейшую критику, это обязательно будут лайки, какие они замечательные, в общем, все будет связано только с комплиментами. И такой стереотип успешной студентки – уже неотъемлемая часть молодежной культуры, когда с какого-то события – важного и неважного – надо сделать фототчет и предстать перед друзьями в определенном виде».

Обсуждая вопрос **«Можно ли говорить о специфической культуре финансовых, политических коммуникаций?»**, эксперты сошлись во мнении, что, поскольку существуют определенные правила коммуникации в этих сферах, наиболее часто используемые приемы и пр., значит, существует и культура этих типов коммуникации. Порождается она конвенциями, существующими в том или ином обществе.

Можно говорить о специфической культуре политических коммуникаций, потому что, читая статью, уже по первым строчкам или по отдельным абзацам можно определить, к какому политическому полюсу тяготеет издание, в котором она опубликована. И нередко журналисты в свои статьи включают своего рода мини-спор со своими оппонентами из другого издания. Это специфическая культура коммуникации между журналистами, придерживающимися разных позиций.

Есть, например, специфика деловой коммуникации, иначе не было бы таких работ: «Как вести переговоры с китайцами», или «Как вести переговоры с русскими», или «Как вести переговоры с итальянцами» и т.д. А такие книги есть, так что в деловых отношениях, в экономической сфере национальные особенности и выступают на первый план, потому что в данных сферах цена провала коммуникации слишком большая.

В продолжение этой темы экспертам был задан вопрос: **«Существует ли специфическая культура сетевой коммуникации?»**. Большинство экспертов сошлись во мнении, что такая культура существует, и основные характеристики этой культуры являются произ-

водными от специфики самой сети. С этой точки зрения, основная ее характеристика – это анонимность и связанные с этим особенности поведения человека: он раскован, пренебрегает правилами того же речевого этикета, которых более или менее придерживается в сфере других коммуникаций. Мы имеем и сниженную лексику, и нарушения орфографии, и отсутствие пунктуации, и нарушение грамматических норм, огромное количество избыточной пунктуации (вопросительных, восклицательных знаков) в мессенджерах и в комментариях в социальных сетях. Однако одним из экспертов по этому поводу было высказано такое мнение. Язык социальных сетей – это особая письменная форма устной речи. Как люди (в основном молодые) говорят, так они и пишут – даже мозги не включают, то есть, по сути, они сами себя стенографируют. Они не портят русский язык – они создают новый, поскольку в сетях есть свой язык, и он должен быть таким, какой он есть. Это огромное богатство.

Эксперты пришли к выводу, что коммуникация в сетях менее конвенциональная и менее нормативная. Это касается и установления «дружеских» отношений в сетях. Если, например, человек просит добавить его в друзья, то не всегда понятно: он действительно претендует на осмысленное общение с тобой, или он планирует коммуникацию на уровне «привет–пока», или он просто расширяет круг своих «виртуальных друзей». По мнению экспертов, культура сетевой коммуникации, так же, как и культура коммуникации в целом, зависит от многих факторов. Таких, например, как сфера деятельности, интересов человека даже из одной возрастной группы: молодые мамы, студенты, работающие молодые люди и пр. У всех этих подгрупп существуют разные форматы общения, создающие им определенные удобства: студенты в группе в социальных сетях обмениваются информацией о заданиях, рассылают расписания и пр. Молодые мамы задают волнующие их вопросы по воспита-

нию детей и получают на них ответы, обсуждают проблемы и т.д. Хотя вся эта коммуникация грешит они одними и теми же ошибками: обмен бессмысленными сообщениями, фотографиями, лайками, повторение одной и той же информации и т.д.

Есть среди экспертов и противники такой позиции, которые полагают, что в сетевом сообществе существует специфический достаточно свободный стиль общения, комментирования, обмена информацией, влияние на других участников общения, а культура в значении принятой, устоявшейся, всеми принимаемой нормы – сомнительно.

И совсем уже радикальное мнение высказано экспертом, который полагает, что социальные сети – это «выгребная яма. За исключением закрытых сообществ, в которых дискуссия более или менее регулируется, моделируется. А когда это просто какая-то лента с комментариями, это хуже, чем ток-шоу, где все говорят. Очень низкий уровень культуры и непонимание сути коммуникации, потому что люди совершенно ничего не хотят узнать, они только хотят себя выразить, а других оскорбить. Там люди с какими-то большими комплексами, видимо, сидят в этих социальных сетях и каким-то образом повышают свою самооценку, оскорбляя всех кого не попадая».

Обобщение мнений экспертов приводит к выводу о том, что все эти типы культуры существуют отдельно, в своей среде, со своим речевым этикетом, со своими правилами поведения. Однако при этом все культуры коммуникации реально существующих сфер жизнедеятельности общества так или иначе связаны с общей национальной культурной средой. Другое дело культура социальных сетей: она зачастую не только не связана с общесоциальными нормами и правилами ведения коммуникации, но и идет им наперекор или – по меньшей мере – создает свои правила поведения. Примером этому может послужить тот факт, что активными

«жителями» социальных сетей и блогов были созданы собственные этические кодексы. Более того, есть примеры того, что культура виртуального мира переходит через его границы и становится фактором реальной жизни: это и криптовалюта, это и изменения в языке межличностного общения в офф-лайне и др.

Очень важным аспектом изучения современной культуры коммуникации является **рассмотрение разных уровней этой культуры, связанных с ее локализацией: глобальный, региональный, местный уровни.**

Большинство экспертов полагает, что, несмотря на то, что мы все «связаны сетью», практически все владеют каким-либо иностранным языком для общения с представителями других стран, от национального своеобразия никуда не денешься. Русские, например, воспитаны в одной культуре, говорят, пишут, выстраивают коммуникацию иначе, чем иностранцы. С одной стороны, это нередко создает проблему общения, а с другой – это не столько проблема, сколько своеобразие. Глобализация нас окончательно не поглотила.

У нас существуют национальные государства. Может быть, через 100 лет будет одно государство у всего человечества. Тогда можно будет и говорить о глобальной культуре, и о глобальной коммуникации. А сейчас существует межнациональная, межкультурная коммуникация, даже межличностная интернациональная, но это не глобальная коммуникация, потому что глобальная коммуникация может выразиться в коммуникации между представителями мирового сообщества на каких-то площадках: ООН, Совет безопасности и пр. У такой коммуникации, наверное, есть какие-то законы, но все равно в ней проявляются какие-то национальные особенности.

То же самое можно сказать и о сетях. Глобальной сети все-таки не существует, любой человек входит в национальную сеть. Даже если человек владеет не-

сколькими языками, он все равно не общается со всеми, он присутствует в ограниченном количестве секторов. То есть нет глобального общения, есть «поляна» или две-три «поляны», и человек там общается, но они между собой не пересекаются. Пока мы не стали глобальным сообществом, человечеством, нельзя говорить и о глобальной коммуникации.

Есть и другое мнение. Эксперт полагает, что если говорить о видах коммуникации, то, прежде всего, это межкультурная коммуникация, предполагающая общение народов, этносов, представителей разных стран. И, конечно, глобальная коммуникация, связанная с использованием интернета и английского языка, объединяющих страны и народы. Локальные, или локализованные формы культуры тоже есть. Например, общение молодежи в сети.

Иной взгляд на понимание того, что такое локальная культура коммуникации предлагает другой эксперт: региональная (локальная) культура, конечно, существует. Например, чисто языковые аспекты: в русском языке есть масса диалектов. Или, например, где-то принято общаться более открыто, где-то менее открыто. Культура коммуникации и особенности коммуникации на Северном Кавказе будут отличаться от Сибири или Дальнего Востока и т.д. Или, например, люди, которые уезжают из своих родных городов и приезжают в Москву, интуитивно замечают, что тут люди общаются как-то по-другому. И многие говорят, что первое время они не вписываются в московский стиль общения, отличаются от жителей Москвы, которые, в свою очередь, легко обзобличают в них приезжих.

В нашем медиатизированном обществе многие аспекты его жизнедеятельности связаны с массовыми коммуникационными процессами. В связи с этим экспертам был задан вопрос: **«Зависит ли культура межличностного общения от культуры массовой коммуникации?»**.

Большинство экспертов придерживаются мнения, что такая связь существует. Прежде всего, это связано с тем, что темы для последующего межличностного общения (как устного, так и в переписке) человек черпает из СМИ. Кроме того, транслируемые массмедиа (особенно телевидением) нервозность и тревожность распространяется в ходе межличностного общения. Еще один аспект влияния массовой коммуникации на межличностную заключается в том, что СМИ предлагает (а иногда навязывает) определенные модели поведения, в том числе коммуникативного (например, терпимое отношение к нецензурной лексике).

Было высказано экспертом и более конкретное мнение, касающееся влияния социальных сетей. Если люди проводят достаточно много времени в социальных сетях, то помимо «навязанных тем», у человека формируется свой определенный образ идеального собеседника, с которым он хочет общаться, обсуждать эти темы. Кроме того, у людей формируется предпочтительное общение именно с виртуальными участниками межличностной коммуникации, которые не являются, собственно говоря, собеседниками в точном смысле этого слова. Это очень сильно влияет на реальное межличностное общение человека.

Один из экспертов полагает, что культура массовых коммуникаций и культура межличностного общения – производные от культуры в целом. Они разные векторы культуры в более широком понимании. Межличностная коммуникация и культура массовой коммуникации проявляют те базовые признаки, которые сформированы культурой в широком смысле, – то, что человек успел почерпнуть, когда его воспитывали в той культуре, в которой это происходило.

Более радикально высказался эксперт, который считает, что это два параллельных мира, которые не стыкуются. Культура массовой коммуникации существует отдельно, часто она проходит фоном, к которому не

прислушиваются. А межличностная коммуникация нацелена на эмоции, на чувства, на интерес к другому человеку.

«Как связаны между собой стили общения (деловой, педагогический; авторитарный, демократический, либеральный и т.п.) и культура коммуникаций?»

Самая главная связь, по мнению экспертов, состоит в том, что, поскольку культура коммуникации – понятие более общее, а стиль коммуникации – более узкое, более конкретное, то каждый человек выбирает тот или иной стиль общения, будучи в рамках определенной национальной культуры коммуникации.

Кроме того, в каждом конкретном случае выбор стиля общения зависит от того, представители каких национальных культур участвуют в коммуникации (например, в деловых переговорах). Существуют разные деловые стили, и неправильно будет сказать, что универсальный стиль при переговорах будет одинаково хорошо восприниматься на западе и на востоке.

Что касается педагогического стиля и культуры коммуникации, то он зависит от того, работает ли педагог в средней или в высшей школе. Например, нормально, если школьный педагог обращается к ученику на «ты» и, зная его родителей, или брата, или сестру, которые учились до него, может какие-то личные вещи упомянуть в разговоре, или похвалить и сказать, что ты лучше брата или хуже брата. В университете педагог такого себе позволить не может: его культура, стиль общения должен быть более отстраненным, он относится к студенту как к взрослому человеку, имеющему свое мнение. И если можно какие-то нужные для обучения идеи предлагать под видом того, что студент сам до этого додумался, это отлично работает, потому что им нравится себя чувствовать взрослым, думающим человеком, на которого не давит груз прошлых школьных ошибок.

В последнее время появились новые жанры взаимодействия преподавателя со студентом, различные интерактивные формы обучения. Если раньше идеально формой трансляции учебных знаний являлась аудиторная работа, то сейчас она все более вытесняется формой непрямого, неличного взаимодействия: вебинары, онлайн курсы, дистанционные упражнения, задачи и пр. Это определяет и необходимость формирования нового стиля общения или модификации старого стиля.

Очень важно, что стиль общения формируется под влиянием разных факторов, в том числе и усиливающейся экспансии сетевой коммуникации во всех указанных сферах.

Культура коммуникаций в системе общественных отношений

Экспертам был задан вопрос: **«Можно ли применить к анализу культуры коммуникаций понятие прогресса? То есть существуют ли устаревшие культуры коммуникаций и передовые культуры коммуникаций?»**.

Большинство экспертов придерживаются мнения, что культура коммуникаций может рассматриваться в качестве динамичной системы, к которой применимо понятие «прогресс». Общая человеческая культура – это исторический конструкт, меняющийся во времени. Значит и культура коммуникаций как составляющая человеческой культуры меняется: изменения касаются языка, стиля общения, поведения людей и т.д. Например, стиль общения преподавателя со студентами. Вряд ли сейчас это тот авторитарный педагогический стиль, который присутствовал несколько лет назад. Сейчас он более свободный, порой даже и на равных. Здесь прогресс налицо. Да и в техническом плане это общение изменилось. Устаевают, становятся менее эффективными традиционные формы общения: аудиторные занятия, пись-

менные курсовые работы и пр. Они постепенно заменяются общением по электронной почте, в скайпе, подготовкой презентаций и т.д. Правда, новые формы общения в сочетании с более свободной системой отношений нередко приводят к тому, что студенты могут забрасывать преподавателя письмами и очень настойчиво требовать ответа, и удивляться, почему в 11-12 часов вечера преподаватель не отвечает. То есть для них написать другу и ожидать ответа в любое время суток, то же самое, что написать преподавателю. Поэтому здесь необходима какая-то конвенциональность.

Один из экспертов поделился результатом своего исследования, как в виртуальной среде изменяется характер общения. Благодаря появлению у руководителей различных структур блогов, присутствию их в Твиттере они стали взаимодействовать с людьми, их действия получают мгновенную оценку. Поначалу это выглядело как перенесение челобитных и жалоб в электронную среду, но довольно быстро сформировался гораздо более равновесный дискурс обсуждений.

Есть эксперт, который полагает, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя. В ряде сфер: в учебной, официальной – предпочитают новые формы общения, которые можно признать прогрессивными, поскольку сейчас важно обмениваться большим количеством информации и обмениваться быстро. Но с другой стороны, если брать культуру общения, межличностного взаимодействия, то наблюдается определенный регресс, упрощение, схематизация общения, нивелирование каких-то его важных составляющих.

В продолжение этой темы экспертам было предложено поразмышлять по поводу того, **как возникают, развиваются и угасают культуры коммуникаций.**

Если мы так ставим вопрос, – полагают несколько экспертов, – тогда мы под культурой начинаем понимать формы коммуникации. Потому что, например, письмо. Раньше мы писали и посылали друг другу пись-

ма в конвертах или открытки с поздравлениями по почте. Сейчас мы пишем письма на компьютере и посылаем их по электронной почте. Это что? Это культура коммуникации умерла или это форма коммуникации изменилась? Скорее всего, изменились формы коммуникации, появились более удобные, соответствующие современному ритму жизни и современным технологиям формы ведения переписки: электронная почта, мессенджеры, форумы, блоги, социальные сети. Однако приходится констатировать, что при этом не умерла, но изменилась и культура коммуникации, нормы, в соответствии с которыми люди общаются. В социальных сетях очень многие преподаватели, люди, которые по идее должны соблюдать нормативность общения, демонстрировать высокую культуру коммуникации, очень часто допускают вещи, которые не могут себе позволить при реальном межличностном общении.

Следует отметить, подчеркивают эксперты, что изменения форм общения и соответствующей им культуры коммуникации тесно связано с используемыми для реализации этих форм общения техническими устройствами и технологиями. Например, раньше было такое устройство, как пейджер, использование которого требовало определенных технологических знаний и понимания культуры общения с использованием этого устройства. Потом пейджеры заменили мобильными телефонами, и произошла модификация и технологических знаний и моделей коммуникативного поведения. Такая же трансформация происходит с некоторыми интернет-ресурсами, например, с блогами. В начале 2000-ых годов блоги были очень популярны и были целые пласты лексики, которые использовались блогерами. Постепенно блоги перешли больше в разряд хобби для любителей манги или определенного сериала, или фанатов какого-то писателя или книги, когда они публикуют в интерне-

те свои фанфики.⁵³⁰ Вот среди них блоги действительно по-прежнему популярны, потому что в них они могут общаться, в них они чувствуют себя среди единомышленников. А людям, не увлекающимся этим, проще и интереснее написать красивый, яркий, современно оформленный пост в Фейсбуке или в Инстаграмме что-то опубликовать. Таким образом, блогосфера в целом очень скоро останется востребованной только для профессиональных областей: есть какая-то компьютерная проблема, и эксперты или не эксперты, а просто интересующиеся этой проблемой люди, переписываются, пытаются ее решить. А блоги, в которых незнакомые люди обсуждали бы какие-то вопросы на насущные темы, угасают.

Если признается развитие (прогресс) культуры коммуникации, то, видимо, можно вести речь и об **индикаторах, типах и уровнях развития культуры коммуникаций**. Что по этому поводу думают эксперты показано ниже.

«Судя по тому, что творится в интернете, каких-то четких нормативов, критериев нет. Тут есть одна сложность – это очень субъективно. Однако содержание страницы является косвенным индикатором того, носителем какой культуры коммуникации является человек.»

«Если это вербальная коммуникация: устная или письменная, – то индикатором является владение языком. При этом можно говорить о разновидности этого индикатора в зависимости от того, в рамках какой сферы происходит коммуникация: научная, убеждающая и пр. Недаром же мы говорим о коммуникативных компетенциях, в которых язык – главный элемент. И это можно интуитивно оценить. Эти индикаторы переносятся в культуру коммуникации.»

⁵³⁰ Фанфик – спин-офф произведения, при создании которых авторы берут тех же самых персонажей, что и в оригинале, переделывают (немного или сильно) сюжет, и, по сути, дают произведениям новую жизнь.

«Индикатором культуры коммуникации могут быть отношения между членами любого сообщества: будь то семья или какая-то общественная "площадка". Если на этих "площадках" достигается какое-то согласие между участниками коммуникации, то можно считать, то это культура более высокая. Если на "площадке" присутствует только разногласие и полностью отсутствует согласие и уважение, то это можно назвать индикатором неблагоприятной коммуникации внутри сообщества.»

«Индикатором может служить популярность ресурса, то есть количество людей, использующих этот тип коммуникации и динамика роста или, наоборот, падения количества пользователей того или иного ресурса, допустим, за пять лет.»

«Говорить, что какая-то культура продвинутая, а какая-то непродвинутая, сложно, потому что культуры связаны с определенными традициями. И продвижение можно усматривать, например, в том, что эти традиции будут изживаться и общество глобализироваться. Насколько быстро это будет происходить – это уже другой вопрос. Если в этом обществе существующее "распределение ролей" всеми принимается и это никому не мешает, то оно будет держаться долго. А если появятся какие-то ситуации, в которых эти роли уже не будут всеми приниматься, – как правило, именно молодежь восстает против традиций, – то наступит кризис, а потом все будет приходиться в соответствие с новой ситуацией.»

Следующим вектором обсуждения был комплекс вопросов, связанных с существованием культуры коммуникации в системе рыночных отношений. Прежде всего экспертам был задан прямой вопрос: **«Существует ли какая-либо связь между культурой коммуникаций и рынком? Можно ли рассматривать культуру коммуникаций как некий товар?»**

По мнению одного из экспертов, наглядная иллюстрация коммуникации на продажу – это современные ток-шоу: политические, общественные (социаль-

ные). На них люди приходят не для того чтобы пообщаться, высказать свое мнение, а для того чтобы получить деньги. Так что коммуникацию можно рассматривать как продукт, товар.

Было высказано и такое мнение: «Культуру коммуникации можно сделать товаром, если, например, у человека, не обладающего определенной культурой, есть стремление ее освоить. Например, человек стал политиком, но не обладает культурой коммуникации, специфической в политической сфере, и он хочет ею овладеть, приобрести соответствующую коммуникативную компетенцию. Почему бы не сделать это товаром, который будет предлагать тренер, тьютор, преподаватель по культуре коммуникаций? Уже есть такие курсы, на которых учат и риторике, и культуре коммуникации, и ведению переговоров, и публичной речи.»

Культуру коммуникации нужно изучать, – полагает еще один эксперт. От результатов таких исследований может зависеть, в каких объемах выпускать продукцию, насколько она будет интересна, как правильно сделать рекламу в той же социальной сети, чтобы на нее положительно отреагировали, например, молодые люди. Ведь один и тот же смысл можно преподнести, «продать» по-разному.

А можно ли говорить о рынке смыслов и технологий коммуникаций? Рынок технологий коммуникаций однозначно есть. Что касается рынка смыслов, то это очень часто используется в рекламе: многие товары люди покупают не потому, что они реально им нужны, а потому что через них транслируется какой-то смысл типа «это повышает твой престиж, социальный статус» и пр. Условно говоря, люди, которые покупают продукцию компании Apple, приобретают не только ее технические супер-возможности, но еще и смыслы социального престижа, которые транслируются через средства массовой коммуникации.

В своих ответах на вопрос, **существует ли какая-то связь между социальным, политическим, экономическим статусом участников коммуникационного процесса и характерной для них культурой коммуникации**, эксперты не были единодушны.

Существует мнение, что и статус, и социальная роль, и уровень образования, и профессиональная деятельность оказывают влияние на коммуникативное поведение человека.

Есть и такая точка зрения: культура коммуникации от статуса не зависит, не должна зависеть, если сам человек не будет свой статус квалифицировать как некую индульгенцию от вообще какой бы то ни было культуры, не только коммуникации, но и культуры в целом. Статус может повлиять, если человек считает, что его статус позволяет ему пренебрегать культурой коммуникации. Прежде всего, на культуру коммуниканта влияет то, как человека воспитали и чему он научился. Хам, человек вне какой-либо культуры, может занимать разное – даже самое высокое положение – но при этом быть совершенно несостоятельным в коммуникативном плане.

А вот еще мнения экспертов по этому поводу.

«Определенное влияние на культуру коммуникации оказывает возраст: человек должен знать, как надо вести себя, обращаясь к человеку более старшего возраста, будь то начальник, преподаватель, декан и т.д.»

«Владение коммуникативным инструментарием зависит от образования, типа работы и т.д. Экономический статус – это не показатель. Количество денег совершенно не связано со способностью использовать средства коммуникации, отбирать информацию, понимать ее и т.д.»

Современный мир не очень плавно, но неотвратно движется к глобализации. Глобализационные процессы в экономике уже практически ни у кого не вызывают сомнений. Экспертов попросили высказать свое

мнение относительно того, **как связаны между собой глобализация и коммуникация.**

Абсолютное большинство экспертов сошлись во мнении, что эти понятия связаны напрямую.

«Способы коммуникации, средства коммуникации, содержание коммуникации – все это зависит от глобализации. И наоборот, глобальное распространение риторики, комментариев, идей, информации, зрительных образов и т.д. остановить уже невозможно.»

«Глобализация – это сближение мира, сближение разных культур и разных цивилизаций, за счет технических средств и всех современных средств общения: интернета, соц.сетей. В этой глобализации коммуникация приобретает невиданный масштаб, усложняется и расширяется. Коммуникация становится более разнообразной, а значит более сложной.»

«Глобализация влияет на все, в том числе и на коммуникацию. А современная межкультурная коммуникация вообще невозможна вне контекста глобализации. Что касается цифровой и социокультурной глобализации, это неотвратимые процессы, это будущее. Бороться с ветряными мельницами и говорить о том, что глобализацию надо остановить, что это что-то плохое, навязанное Западом, и что это все приведет к потере национальных культур и языков, не имеет никакого смысла. Потому что если количество людей, говорящих на каком-либо языке, из поколения в поколение уменьшается, и в течение двух-трех поколений никто не изучает его, то язык все равно отомрет. Так же и с отдельными формами коммуникации – с телевидением, например, – если придет его время, то оно заменится чем-то другим. Это не значит, что люди перестанут общаться или что люди вырождаются и потеряют свою культуру. Цифровая глобализация – это просто один из аспектов будущего.»

«Коммуникация становится все более открытой, в нее вовлечено все больше людей, приватная коммуникация теряет свои позиции. То, что было раньше при-

ватным, становится публичным. Много людей вовлечены в процесс коммуникации не только в качестве непосредственных участников общения, но и в качестве наблюдателей, третейских судей и т.д., занимающих самые разные позиции по отношению к предмету коммуникации.»

Один из экспертов высказался в том смысле, что глобализация приводит к тому, что мы пытаемся найти какой-то единый язык общения, но все равно национальное рвется наружу. При этом, чем тяжелее положение в стране, тем у человека больше стимул влиться в глобализационный процесс.

Однако было высказано и такое мнение: глобализация и коммуникация – это абсолютно разные понятия. Глобализация ведет к тому, что современная коммуникация становится возможной. Коммуникация в эпоху глобализации опирается на более широкий фонд знаний, в том числе о людях, которые живут в другой стране, на другом краю земного шара. Люди в Аргентине и в России смотрят телевизор и знают, что происходит, скажем, в США или в Корее. Тем самым мы можем с человеком, с которым у нас вообще-то ничего нет общего, обсуждать некоторые вещи, благодаря тому, что мы про них узнали.

Заключительный вопрос был такой: **«Можно ли управлять культурой коммуникаций? Если «можно», то кто и как это должен делать?»**. Ниже представлены высказанные экспертами мнения.

«Управлять – вряд ли. Корректировать, направлять – можно. Здесь должны быть какие-то авторитетные институты: школа, СМИ, семья. А в СМИ сейчас нет культуры. Получается замкнутый круг. С одной стороны, нет СМИ – нет культуры, в семье соответственно тоже нет культуры, а со школой вообще все сложно.»

«Культурой управлять нельзя. Формировать можно. Прежде всего, надо понять, какую культуру коммуникации мы хотим сформировать. Какими мы хо-

тим быть, такую культуру и надо формировать. Сейчас мы порождаем авторитарное общество, а в авторитарном обществе порождается авторитарная коммуникация. Это видно на примере того, как родители разговаривают с маленьким ребенком. Формирование – это многофакторный и продолжительный во времени процесс. И начинаться он должен там, где начинается человек – в семье, но если с семьей не повезло, то хотя бы в школе, прямо с младших классов. Правда, и в школе преобладает авторитарный стиль коммуникации. А вся культура коммуникации должна основываться на уважении к личности. Если мы увидим в маленьком человеке личность, достойную уважения, и отнесемся с уважением к ее мыслям, действиям, желаниям, потребностям и т.д., то тогда эта личность научится на примере и на опыте осуществлять коммуникацию с другими людьми на тех же принципах. Если мы хотим сформировать адекватную культуру коммуникации, то мы должны это делать пока ребенок маленький, потому что потом придется по живому резать, если ребенок уже вырос. Можно, конечно, заняться этим и во взрослом состоянии. Но если человек доволен тем, что он имеет в этом плане, не хочет никакой культуры коммуникации, то он ее и не формирует.»

«Можно повышать эффективность коммуникации. Для этого надо, прежде всего, знать ее правила: как выстроить выступление, лекцию, как правильно написать эссе, как лучше построить свои аргументы, чтобы убедить кого-то и т.д. Человеку не надо быть психологом для того, чтобы хорошо общаться с близкими, но если он понимает, почему люди могут быть недовольны, разгневаны, как лучше построить разговор, чтобы не обижать друг друга, это тоже поможет эффективной коммуникации. Необходимо обладать определенными знаниями о другом участнике коммуникации как об индивидууме, как о представителе определенной культуры и т.д. Если вы общаетесь с человеком из другой страны,

вам поможет знание истории, культуры, традиций этой страны.»

«Культурой коммуникации управлять нельзя. Даже если правительство попробовало бы приостановить, запретить какую-то социальную сеть, все равно нашелся бы другой сайт, другой блог или мессенджер. Все равно люди бы использовали интернет для того, чтобы скоординировать свои усилия, потому что вернуться к почтовым голубям, когда уже попробовали интернет, невозможно. Скучные данные, которые доходят из Северной Кореи, говорят о том, что интернет там есть только в нескольких точках страны. И у студентов там нет доступа к огромному количеству знаний, потому что даже в университете есть доступ во внутреннюю сеть, которая в свою очередь имеет доступ к нескольким сайтам, причем не самым информативным. Это тоже не вариант, и в мировом масштабе это невозможно, только в авторитарных, закрытых государствах. Поэтому вспять этот процесс уже не повернуть. Необходимо в рамках каждой страны регулировать, чтобы в интернете не было нетолерантности, призывов к убийству, оскорблениям, к насилию.»

«Сфера эта сложна для регулирования. Можно, конечно, ограничения какие-то ставить. Но в целом влиять на культуру коммуникации невозможно. Сначала она будет достаточно хаотичная, неопределенная, но потом в ней сформируются свои нормы. В какой-то мере на этот процесс будут влиять политические деятели, лингвисты будут какое-то давление оказываться. В свое время прогрессивно настроенные общественные деятели пытались повлиять на то, что происходило в коммуникации, в общении, в языке. Но ситуация развивалась по своим законам, навзирая на какие-либо рекомендации.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение результатов исследования, выполненного в рамках проекта «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспект» позволяет сформулировать несколько выводов и повторить некоторые заявленные в работе тезисы.

1. Исходным понятием, позволяющим более или менее внятно объяснить причины возникновения и развития явления, обозначаемого понятием «культура», является категория «жизненный мир». Под жизненным миром понимается та среда, в которой в каждый момент своей жизни пребывает индивид, конкретное сообщество, человечество в целом. Субъект, «вживленный» в так понимаемый жизненный мир, нуждается в знаниях о том, как устроен этот жизненный мир и где находятся необходимые для жизни ресурсы; он нуждается в эффективных схемах, моделях, алгоритмах деятельности, позволяющих ему приспособиться к этому жизненному миру или приспособить его к своим нуждам; он нуждается в таких нормах взаимоотношений с другими субъектами, следование которым обеспечивает его самосохранение и развитие; он нуждается в обладании тем, что дает оправдание жизни в целом и конкретным действиям и поступкам, то есть в том, что называется смыслом. И именно культура является хранилищем этих «вещей». Другими словами, культура в так понимаемом жизненном мире обеспечивает реализацию трех основных функций: 1) предложение субъекту эффективных схем, алгоритмов, матриц достижения результатов деятельности; 2) ориентирование в общественных отношениях; 3) придание смысла всему, что человек делает или должен

делать. Таким образом, в данной работе под культурой понимается совокупность социальных институтов (знаний, ценностей, норм), обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями.

2. Обозначенные выше функции культуры определяют ее глубинную структуру, которая может быть представлена как неразделимое единство ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы.

Понятием «ноосфера» в данной работе обозначается система знаний, выработанных человечеством для понимания происходящих в жизненном мире процессов. Именно ноосфера предлагает человечеству в целом, различным сообществам и конкретным индивидам «картину мира» – целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях мира, в котором живет человек. Картина мира выступает как опирающаяся на мировоззренческие представления концептуальная модель мира в единстве его сущностных и явленческих сторон. Она определяет, что человек видит в действительности, какие взаимосвязи между явлениями представляются ему существенными, а какие случайными; обеспечивает структуризацию и систематизацию разнообразных впечатлений, сведений о реальном мире. Сегодня картина мира у большинства людей формируется системой массовых коммуникаций и в силу этого представляет собой клочковатое, мозаичное образование, включающее в свой состав множество заблуждений, иллюзий, предрассудков и суеверий.

3. Для понимания процессов, происходящих в сегодняшней ноосфере, целесообразно ввести деление всех знаний на три уровня: 1) стратегические (фундаментальные); 2) тактические; 3) оперативные. Эта классификация, заимствованная из теории менеджмента, позволяет обнаружить любопытные особенности функционирования ноосферы в условиях глобализации. В

силу турбулентности глобализирующегося жизненного мира резко увеличивается потребность в оперативных знаниях. Соответственно возрастает роль всех видов массмедиа, которые как раз занимаются транслированием оперативных сведений. Смартфон, ноутбук не выключаются ни днем, ни ночью. Тектонические преобразования происходят и в системе образования. Эта система, которая в течение столетий была ориентирована на передачу стратегических знаний, сегодня все больше ориентируется на формирование тактических умений. В научных сообществах и в вузах при подготовке научных публикаций, выпускных квалификационных работ, диссертаций в последнее время все чаще предъявляется требование ограничить список используемой литературы изданиями, статьями и пр., вышедшими в интервале последних пяти лет. Можно предположить, что современный человек делегировал право принятия стратегических решений группам людей, именуемых элитами. Понятно, что элиты пользуются этим правом и разрабатывают такие стратегии развития человечества (в лице конкретных национальных, религиозных и этнических сообществ), которые закрепляют власть элит еще больше. (Мы не рассматриваем здесь проблему борьбы внутри элит и вопрос о возникновении различных технологий пропаганды для вовлечения масс в реализацию стратегических проектов.)

4. Понятием «аксиосфера» обозначается совокупность ценностных представлений, присущих определенному сообществу или конкретному индивиду. Аксиосфера включает в себя как сами оценки разнообразных явлений действительности, так и критерии, на основании которых делаются эти оценки, то есть идеалы, нормы, каноны, образцы, а также результаты творческой деятельности человека, воплощающие его представления о художественных, нравственных, материальных и иных ценностях. Основной характеристикой мира человеческих ценностей является иерархический характер.

При этом в основании этой иерархии могут располагаться различные ценности, определяющие смысловую направленность поведения и деятельности человека.

5. В качестве третьего структурного элемента смысловых конструктов выступает норма. Этим понятием в данной работе, в соответствии с устоявшейся традицией, обозначаются рекомендуемые способы решения стоящих перед человеком задач. Разумеется, обобщающее понятие «норма» используется для обозначения регулятивных структур, весьма сильно отличающихся друг от друга по уровню сложности, степени формализованности, мере императивности и некоторым другим параметрам.

6. Ноосфера, аксиосфера и нормативно-регулятивная сфера образуют то, что можно назвать скрытой (латентной) стороной культуры. Но культура предъявляет себя человеку и своей открытой стороной, основу которой составляют культурные конструкты, которые мы обозначаем понятиями «смыслы» и «матрицы». Понятие «смысл» столь же мало может быть охвачено какой-либо одной дефиницией, как и многие другие фундаментальные категории современной науки. Изучение логико-лингвистического, психологического и деятельностного подходов к осмыслению этого понятия дало основание рассматривать смысл как своеобразный образ разумного действия, идеальную программу действий. На наш взгляд, смысловые конструкты образуют устойчивый каркас любой культуры.

7. Что касается понятия «матрица», то в предлагаемой в этой и других работах автора концепции этим понятием обозначаются устойчивые технологии человеческой деятельности, сохраняемые в форме социального культурного опыта и передаваемые от поколения к поколению. Так понимаемые матрицы подразделяются на фундаментальные, системные и конкретно-деятельностные. Фундаментальные матрицы существуют в форме социальных институтов, обеспечивающих

регуляцию жизнедеятельности больших человеческих сообществ в течение длительных исторических периодов. Система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий его дальнейшего развития. Именно институциональные матрицы направляют экономические отношения между людьми, определяют их права и обязанности, формируют базисные основы политической системы. Так понимаемые институциональные матрицы складываются в момент самоопределения конкретного сообщества (как правило, в форме государства) и действуют на протяжении длительного периода времени. В том числе и тогда, когда действительность, в которой ранее жили этносы и социальные группы и к которым они ранее достаточно эффективно приспосабливались, существенно изменилась.

8. Любая культура, понимаемая как единство ноосферы, аксиосферы и нормативно-регулятивной сферы, имеет как рациональную составляющую (право, этика, социальные технологии), так и другую составляющую, которая может быть отождествлена с коллективным бессознательным. Это означает, что специфической характеристикой культуры является мифологичность. Мифы, в том числе и современные, представляют собой плод общенародной фантазии, обобщенно отражающей действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся вполне реальными. В ряде случаев миф выступает эквивалентом науки, цельной системой, с помощью которой воспринимается и описывается мир.

Особенностью мифологизированной картины мира является четкая поляризация всех действующих на мифологической «арене» сил на силы зла и силы добра, которые пребывают в состоянии постоянной борьбы друг с другом. Отсюда деление всех мифов на две группы: мифы идиллические (воплощающие благо-

стную картину реализованной справедливости) и эсхатологические (предлагающие сюжеты трагического противостояния, злой и всепроникающей воли, никогда не реализуемой справедливости). Т. Манн обозначил эти группы более конкретно: химеры и кошмары. В качестве мифов-химер можно упомянуть то, что К. Маркс называл современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Он также подчеркивал, что ежедневная пресса и телеграф фабрикует больше мифов за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие...

В условиях, когда общество находится в ситуации трансформации (или распада), мифологические элементы выходят на поверхность массового сознания и запускают в действие чудовищные по своим последствиям матрицы.

9. Любая культура представляет собой многоуровневую систему: глубинный уровень связан с архетипами, формировавшимися в течение тысячелетий; средний уровень складывался в рамках определенного этноса, столетиями жившего в определенных природных, социально-экономических условиях; верхний уровень представляет собой конкретные, но тоже достаточно устойчивые модели жизни, учитывающие изменчивые условия бытия сообщества и индивида. Можно предположить, что представления верхнего уровня поддаются довольно быстрым изменениям. Гораздо медленнее меняются представления среднего уровня. И практически не меняются фундаментальные представления.

10. Важнейшей характеристикой жизненного мира является степень его устойчивости/изменчивости. В устойчивом жизненном мире все понятно, предсказуемо. Человек, живущий в устойчивом мире, не нуждается ни в новой информации, ни в способах ее получения. Именно так в течение тысячелетий был устроен жизненный мир многих общин и сообществ. Да и сейчас

миллиарды людей живут по матрицам, сформированным тысячелетия назад. Совсем другая картина в неустойчивом жизненном мире. Здесь надо постоянно контролировать внешнюю среду и успевать менять способы жизни в зависимости от происходящих во внешней среде изменений. Сегодня так понимаемая культура находится в ситуации коренной ломки, связанной с процессами тотального преобразования жизненного мира, в рамках которого функционирует современный человек. Этот жизненный мир в настоящее время испытывает фундаментальные потрясения, связанные со стремительными изменениями в экономике, политике, социальных отношениях, духовной сфере. Объективной основой этих потрясений выступает процесс, получивший наименование «глобализация». И хотя некоторые эксперты выражают сомнение в правомочности использования этого понятия, подавляющее большинство исследователей уверены в том, что мы являемся свидетелями и участниками величайшего переворота, который когда-либо происходил в жизни человечества. Выделяются экономические, экологические, политические, информационно-коммуникационные, социальные и социально-психологические, а также культурные аспекты глобализации.

11. Экономические аспекты глобализации проявляются в растущей интеграции экономического взаимодействия разных государств и негосударственных структур. Это взаимодействие привело к тому, что в мире сформировалась хозяйственная система, в которой большинство стран зависят друг от друга. Впервые в истории управление капиталом осуществляется непрерывно на глобальных финансовых рынках, работающих в режиме реального времени. Основными драйверами глобализации экономики становятся транснациональные компании (ТНК). На современном этапе стратегии ТНК характеризуются стремлением к образованию региональных, а нередко и глобальных сетей, в рамках кото-

рых интегрируются научные исследования и разработки, материальное обеспечение, производство, распределение и сбыт. Проявляется, в частности, тенденция к распространению инновационной активности транснациональных корпораций. Появление глобальной экономики в условиях развития современных информационных технологий привело к формированию глобальных сетей. Появление глобальных рынков товаров и услуг приводит к стиранию национальной принадлежности продукции.

12. Экологические аспекты связаны с тем, что индустриальная эпоха оставила в наследство новому жизненному миру огромное количество нерешенных проблем, связанных с истощением природных ресурсов. Во многих развивающихся странах невозможно обеспечить жизнь человека на основе самых минимальных стандартов: 2–3 тысячи калорий и 2,5 литра воды в день. Не случайно огромные массы людей из сельских районов стекаются в многомиллионные мегаполисы, надеясь найти там работу, превращая города в трущобы (Каир, Бомбей, Пекин и др.). Но если раньше эти проблемы влияли на ситуацию только в конкретном регионе, то сейчас они приобрели планетарный масштаб. Характерный пример – судьба тропических лесов, «легких» Земли. Количество их уменьшается в связи с экономическим развитием ряда стран Латинской Америки и Азии, что отражается на человечестве в целом.

13. Важным вызовом является формирование глобальных коммуникационных сетей. Этот процесс характерен для большинства стран с развитой экономикой. Старые локальные, региональные и национальные коммуникационные центры, встраиваясь в новую глобальную сеть, подчиняются новой глобальной дифференциации. Сегодня на мировом рынке информации и коммуникаций ведущие позиции занимают могущественные корпорации, базирующиеся в основном в США. В этом же списке значатся такие крупнейшие компании, как

CNN, The Walt Disney Company и *Euronews*. Объединение информационного поля неизбежно приводит и к объединению моделей СМИ. Все это свидетельствует о формировании единого глобального информационного общества, политические, технологические и правовые принципы которого были впервые сформулированы в Окинавской хартии глобального информационно общества в 2000 году.

14. Политические аспекты глобализации заключаются в угрозах государственному и национальному суверенитету. Возникли и обладают немалыми полномочиями международные структуры. Активно продвигаются в международную практику модели организации жизни, включающие такие компоненты, как правовое государство, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое развитое гражданское общество. Возникла мощная международная сеть правозащитных организаций, осуществляющих мониторинг прав человека в мире и воздействие мирового общественного мнения на нарушителей прав человека. Зачастую мировое сообщество или отдельные государства предъявляют некоторым правительствам практические требования по осуществлению прав человека. Эти требования подкрепляются дипломатическим, политическим, экономическим давлением (вплоть, как показывают события последних лет, до применения военной силы). Свободное перемещение капиталов за границу и легкая миграция людей уменьшает власть государств по отношению к своим гражданам. Это говорит о том, что старое понимание абсолютного суверенитета отдельного государства в эпоху глобализации меняется.

15. Однако эти процессы вызывают недовольство национально ориентированных культурных и политических элит. Нарастает явление, получившее название «война суверенитетов», которая сопровождается локальными и региональными конфликтами. Различные мозговые центры и отдельные авторы разрабатывают

концепции информационного, политического, идеологического, правового, культурного и прочих суверенитетов. Очевидно, что ссылаясь на право народов самим определять свою судьбу, сохранять свою культурную, историческую и цивилизационную идентичность, эти элиты на долгие годы замораживают интеграционные процессы.

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты, нищета и отсталость, поразившие обширные регионы, неизбежные издержки глобализации и модернизации, массовые миграции населения, подъем экстремистских движений, распространение оружия массового уничтожения предопределяют нестабильность мировой политики.

16. Социальные аспекты глобализации связаны с тем, что развитие глобальной экономики никак не уменьшило и даже наоборот – усилило неравенство в уровне жизни между разными странами. Неравенство в развитии плюс рост народонаселения порождают такую социальную проблему, как массовое перемещение населения из развивающихся стран в развитые. Многие иммигранты не могут усвоить стандарты европейской цивилизации, эксплуатируют ее социальную систему обеспечения, замыкаются в своеобразных этнических гетто. Это приводит к формированию крупных социально-этнических групп, находящихся на нижних этажах общественной иерархии. Возникает новый узел не только экономических, но и – что весьма важно – острых политических и идеологических противоречий, способных дестабилизировать и внутривнутриполитическую, и во многих случаях международную ситуацию.

По нашему мнению, к социальным вызовам, получившим глобальный масштаб, следует отнести и международный терроризм.

17. Глобализация привела к изменению границ идентичностей, которые теперь все меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и

все больше и больше – со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные идентичности. Все это приводит к нарастанию социально-психологических проблем, связанных с потерей прежних смысложизненных ориентиров, тревогой по поводу собственной идентичности. Теряя устойчивые связи с прежними этническими, религиозными, социальными группами, индивид формирует некую индивидуальную капсулу своей неповторимости и замыкается в ней. Следствием такой «капсулизации» становится неустойчивость межличностных отношений. Доминирующее положение получают кратковременные модульные отношения функционального характера, каждый из участников которых взаимозаменяем. Одновременно возникли и обострились массовое стремление к защите собственной идентичности и готовность сопротивляться «чуждым воздействиям».

18. Если наша концепция, согласно которой культура обслуживает запросы жизненного мира, верна (обратное влияние культуры на образ жизни мы здесь не рассматриваем), то становится понятной та чудовищная разница между так называемой высокой культурой, и теми культурными моделями, которые обозначаются понятием «массовая культура». Сам жизненный мир, в который погружены так называемые простые люди, таков, что для того, чтобы с этим жизненным миром справиться, не впадая в глубокую депрессию, необходимы очень простые, но действенные схемы, ритуалы, традиции. Тем более что образ жизни подавляющего большинства людей совсем недалеко ушел от образа жизни наших далеких предков. И не надо удивляться тому, что человек, живущий в XXI веке в огромном мегаполисе, готов часами стоять в очереди, чтобы прикоснуться к коробке, в которой лежат кости «святого».

19. Несмотря на бесчисленное количество публикаций и выступлений, в которых убедительно по-

казаны позитивные следствия глобализации для всего мира, отдельных регионов, стран и даже конкретных индивидов, тревожные ожидания не уменьшаются. Об этом свидетельствуют масштабы антиглобалистских акций и данные различных опросов. Антиглобалисты указывают на то, что различные народы и государства входят в глобализацию со значительными различиями в своем экономическом, военно-стратегическом и информационном потенциале. И этот разрыв между ними не сокращается в глобализирующемся мире, а, напротив, растет. Антиглобалисты утверждают, что миром правит теневое мировое правительство из влиятельных финансистов, которые, обладая несметными активами, управляют ими безответственно и неэффективно, не считаясь ни с чьими интересами.

20. Особенное беспокойство у многих антиглобалистски настроенных элит вызывают культурные последствия глобализации. Многие исследователи высказывают опасение, что глобализация унифицирует и стандартизирует культурные традиции, подрывает жизнеспособность незападных цивилизационных структур. Говорится о нарастающей угрозе ассимиляции: поглощении малых культур более крупными; растворении культурных особенностей национального меньшинства в культуре большой нации; забвении отеческой культуры при массовой эмиграции в другие страны и получении там гражданства. Утверждается, что открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение могут привести к распространению одинаковых культурных образцов по всему миру. Отсюда требование консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентиров. Эти предупреждения возымели действие: государственные институты многих стран обратили внимание на защиту, а иногда и конструирование своей культурной идентичности. Одновременно отмечается стремление к ускоренному

развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет. В ряде случаев локализация проявляется в стремлении некоторых сообществ к автаркии, демонстрации своей исключительности и самодостаточности, вплоть до стремления некоторых сообществ к экономическому, политическому, культурному обособлению, а иногда и к сепаратизму.

21. Алармистски настроенным антиглобалистам возражают сторонники культурной глобализации, по мнению которых, тезис о том, что исчезновение национальных границ и создание мира, соединенного рынками, нанесет смертельный удар по региональным и национальным культурам, не выдерживает никакой критики. Они утверждают, что глобализация открывает широкие возможности для развития культуры в целом и культур разных народов и сообществ благодаря увеличению пространства свободы. Практика Европейского Союза показала, что активное продвижение общеевропейских ценностей никак не помешало сохранению и развитию культурных особенностей народов и сообществ, населяющих Старый Свет.

22. Теоретической основой для примирения антиглобалистов и сторонников глобализации становится концепция глокализации, развиваемая Р. Робертсоном, А. Аппадурой и некоторыми другими исследователями. Согласно этой концепции, глобализационные процессы могут и должны принимать форму, отражающую местные особенности, обычаи, традиции. Отсюда появление таких социологических понятий, как «локализация» и «глокализация». Локализация направлена на сохранение и развитие традиционных ценностей. Глокализация (сочетание антонимов «глобальный» и «локальный») предполагает соединение глобального с локальным, всемирных центров с периферией; то есть сближение всемирного и местного. Локальное и глобальное, утверждает Р. Робертсон, не исключают друг друга. Напротив: локальное нужно рассматривать как аспект гло-

бального. Еще дальше пошли создатели концепции «неоглобализма», в рамках которой формируется постсовременная концепция мироцелостности. Суть этой концепции – «мир один, но не един», афористически выраженной М.Я. Гефтером еще в 80-х годах прошлого века, – предполагает видение глобального целого как образования, где его локальные компоненты необходимо соотнесены посредством всеобщих, прямых и обратных связей, где процессы глобализации и регионализации разворачиваются одновременно и взаимнеобходимо, где глобальное формирует региональное, а региональное – глобальное.

23. Можно констатировать, что современная культура становится все более сложной и многомерной. Если ориентироваться на такой критерий, как охватываемая территория, то в самом общем плане можно выделить три вида культуры. Первый – традиционная местная культура, то есть культура края, области, города или иного населенного пункта, в котором живет индивид. Вероятно, сюда же можно отнести некоторые этнические культуры, культуры различных социальных групп. Второй – то, что можно назвать общегосударственной культурой, в качестве которой выступает конгломерат ценностей и представлений, чье признание считается обязательным для гражданина определенного государства. Особенно наглядно специфичность этой культуры и ее отличие от так называемой национальной культуры проявляется в государствах типа российского, включающих в свой состав множество наций и народов. Третий, возникающий у нас на глазах и становящийся все более мощным, – так называемая глобальная культура: культура управления и информации, культура сникеров и тампаксов, культура быстрого питания, однообразной мужской и женской одежды, мощных автомашин и многого другого, что вызывает ужас у одних и восторг у других. В этих условиях современный человек

должен приспособливаться не к одной, а сразу к нескольким культурам.

Есть один немаловажный нюанс в процессе становления глобальной культуры. Он заключается в том, что все известные нам локальные культуры так или иначе связаны с определенной религией. (В данном случае понятие «религия» понимается очень широко, включая любые языческие концепции объяснения мира.) Более того, весьма популярны теории, согласно которым именно религиозный культ является первоосновой любой культуры. Мы не будем углубляться ни в анализ, ни тем более в опровержение этого утверждения, на наш взгляд, полностью извращающего реальные взаимоотношения культуры и религии. В контексте данного исследования хотим обратить внимание на очевидную проблему внерелигиозности любой культуры, претендующей на глобальность.

24. Все сказанное выше имеет прямое отношение к такой подсистеме культуры, которую имеет смысл назвать «коммуникационная культура». Этим понятием в данной работе обозначаются накопленные в сфере коммуникации знания, ценности и нормы, проявляющие себя, во-первых, в разнообразных философско-идеологических концепциях, задающих смысловые рамки понимания функций коммуникации, и, во-вторых, в технологиях коммуникации, которые мы обозначили понятием «коммуникационные матрицы».

25. Введение понятия «коммуникационные матрицы» в современную теорию коммуникации вызвано необходимостью как-то обозначить те обязательные нормы и правила, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания любых субъектов, осуществляющих коммуникацию. Пользуясь этим понятием, можно выстроить непротиворечивую модель коммуникационной культуры, которая включает в свой состав несколько обязательных комплексов, которые характеризуют коммуникативную компетентность субъекта

коммуникации – как ее инициатора, так и адресата. Соответственно, коммуникативная компетентность рассматривается как мера владения культурой коммуникации, то есть как система внутренних ресурсов и регуляторов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций взаимодействия.

26. Необходимость в тщательном исследовании категории «коммуникативная культура» обусловлена тем обстоятельством, что и в научной, и в популярной литературе до сих пор господствует термин «информационная культура» со множеством производных. Это господство, связанное с высочайшей популярностью понятийного аппарата теории информации, освященной такими именами, как Н. Винер, К. Шеннон, У.Р. Эшби и многие другие, стимулировало понимание коммуникации лишь как процесса обмена информацией. При этом само понятие «информация» ассоциируется с понятием «сведения», что чудовищно обедняет смысл коммуникации, которая трактуется как феномен, органически связанный с управлением.

В работе рассмотрены иные трактовки коммуникации, понимаемой как форма реализации человеческой активности, как вид человеческой деятельности и как социальный институт, организующий деятельность включенных в сферу его влияния людей по определенным жестким правилам, формировавшимся столетиями и чрезвычайно трудно поддающимся трансформации. Показано, что система коммуникационных институтов имеет сложный, многоуровневый характер. На самом вершине пирамиды находятся такие мегаинституты, как массмедиа, которые обслуживают все общественные процессы. Этажом ниже находятся институты, обеспечивающие коммуникационное обслуживание крупных сфер общественной жизнедеятельности: политической сферы, сферы экономики, социальной и культурной сфер. Следовательно, можно выделить институты поли-

тической коммуникации, бизнес-коммуникации, социальной (в узком смысле слова) и культурной коммуникации. Разумеется, эти сферы соприкасаются и взаимодействуют, что приводит к возникновению гибридных коммуникационных институтов. Еще ниже размещаются институты, регулирующие коммуникационные процессы в конкретных отраслях человеческой деятельности.

27. Так понимаемая коммуникативная культура является частью, точнее, формой проявления системы, которую обозначают понятием «коммуникационный универсум». Концепция универсума связана с представлением о мире самоорганизующихся систем, включая самоорганизующегося человека, что позволяет уловить связь между сферой природы, сферой познания и сферой жизни человека. В качестве основных характеристик коммуникационного универсума в работе обозначены следующие:

- коммуникационный универсум – это встроенный во все живые системы механизм взаимодействия, не зависящий от воли отдельного индивида;
- коммуникационный универсум предстает как сложная, многоуровневая система, для понимания которой необходимо сочетание сетевого и иерархического подходов;
- коммуникационный универсум обладает явными или латентными механизмами трансляции, изменения и воспроизводства норм, традиций, ценностей, обеспечивающих его самовоспроизводство;
- коммуникационный универсум устойчив – имеет сильные механизмы самоорганизации, самовоспроизводства и саморегуляции;
- коммуникационный универсум открыт – субъекты и объекты нелокальны, легко изменяемы в своих позициях;
- коммуникационный универсум воспроизводится и развивается благодаря практикам, реализуемым в человеческой деятельности.

Будучи саморазвивающейся системой, коммуникационный универсум проходит в своем развитии ряд стадий (этапов, эпох). В работе описаны основные этапы развития коммуникационного универсума.

28. Исследование особенностей различных типов коммуникативных культур дало основание выделить в качестве основных три модели: технократическую, сциентистскую и гуманитарную.

Технократическая коммуникативная культура опирается на толкование всей современной цивилизации как «машинной», или техногенной. Человек в такой цивилизации рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью. Технократическое мышление ориентируется на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию, о чем писали Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Технократизм в мысли и действии ведет не только к обесцениванию человеческого мира. Важным его последствием является широкая возможность для манипулирования человеком как винтиком в большой, сложной системе достижения цели, системе, которая часто остается вне осознания и тем более вне сферы влияния задействованного в этом процессе человека-исполнителя.

В сфере коммуникации технократическая доктрина рассматривает коммуникацию как технологический процесс передачи количественной, точной и измеримой информации и допускает любые формы воздействия на людей, если эти формы приводят к нужному результату. Этот подход сформировался на основе теоретических положений теории информации К. Шеннона и кибернетики Н. Винера. Принципы изучения коммуникации как передачи информации в технических устройствах переносились на принципы изучения социально-политической коммуникации между людьми в социальных науках.

В частности, характерной особенностью технократической парадигмы коммуникации является вы-

сокий уровень медиа-агрессии. Технократически ориентированные медиа, особенно телевидение, пропитаны сценами агрессии и насилия. Эстетизация насилия становится полноценным элементом драматургии многих известных телесериалов наших дней.

29. Сциентистская коммуникативная культура опирается на представление о том, что в современных условиях профессионал в сфере коммуникации должен использовать самые современные научные данные из психологии, коммуникативистики, нейропсихологического программирования и других областей знания, помогающих правильно формулировать цели, выбирать способы и оценивать результаты коммуникации. Отсюда интерес к научным исследованиям в сфере коммуникации; готовность организовывать обратную связь с адресатом коммуникации; эксперименты в сфере интегрированных коммуникаций и т.п.

Научному исследованию подвергаются процессы духовного потребления, которые рассматриваются как часть более общего процесса «обработки людей людьми». Разрабатываются технологии управления процессом формирования ценностных ориентиров личности, ее установок на определенные духовные ценности. В каком-то смысле сциентистский подход представляет собой изоцированную версию технократизма, но поскольку современная наука доказывает, что человек существенно более сложная система, чем это представляется технократам, и методы работы с человеком должны наполняться большей вариативностью, то иногда сциентизм смыкается с гуманистической, солидаристской моделью коммуникации. Современная версия сциентизма пользуется самоназваниями «постгуманизм», «трансгуманизм».

30. Гуманитарная коммуникативная культура так или иначе восходит к системе утверждений, согласно которым человек, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, являются выс-

шей ценностью и критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми. В работе представлены и подробно описаны основные принципы так понимаемого гуманитарного подхода к коммуникации.

31. Глобализация и фундаментальные изменения в системах производства и распространения информации повлекли за собой необходимость изменения понятийного аппарата, с помощью которого можно описывать процессы, происходящие в сфере массовых коммуникаций. Появилось понятие «медиа» и множество производных от него, в том числе и понятие «медиакультура». Что касается понятия «медиа», то анализ показал, что в современной литературе это категория используется в трех смыслах: на самом абстрактном уровне понятие «медиа» представляет собой синоним понятия «коммуникация»; на более конкретном уровне медиа рассматриваются как обусловленные современными инструментально-технологическими системами матрицы оформления смыслов; на эмпирическом уровне медиа представляются как система технических устройств, приспособленных для передачи смыслов. Столь широкая трактовка уже не соответствует современному уровню исследований в данной области.

32. В работе предложено выделить внутри концепта «медиа» три разные подсистемы.

Инструментарий коммуникации (электрический свет, дороги, одежда, жилище, город, деньги, часы, колесо, велосипед, автомобиль, самолет, автоматическое оборудование, пишущая машинка, телефон, фонограф, кино, радио, телевидение, оружие и др.). Видимо, здесь надо подчеркнуть, что так понимаемый инструментарий существует до акта коммуникации. Инструментарием эти предметы, вещи и сущности становятся в процессе человеческого взаимодействия. То есть способность быть медиа приписывается человеком предметному ми-

ру как его функция. И по мере усложнения человека он использует в качестве инструментария все более широкий круг ресурсов. Необходимость в подобного рода инструментарии появляется там и тогда, где и когда нужно уничтожить или уменьшить дистанцию между двумя субъектами, независимо от того, что мы понимаем под субъектами и дистанциями.

Технологии коммуникации (устная речь, письменная речь, формулы, комиксы, фотографии, кинофильм, видеофильм, книга, рекламный текст, балет, живопись, опера и т.п.). Довольно часто встречается утверждение, что технологии всегда деформируют информацию. На наш взгляд, этот популярный тезис, восходящий к Платону и подразумевающий, что мысль существует до слова и лишь потом ищет нужные слова (пусть не слова – звуки, иконы, ландшафты) для своего воплощения, нуждается в глубоком исследовании.

Посредники коммуникации (медиумы). Это третий участник любой коммуникации, если осуществление коммуникации требует посредника. Это гонец, это писец, это телеграфист, это переводчик, это рекламист, это журналист, пресс-секретарь и т.п. Функция посредника – помочь участникам коммуникации максимально полно и комфортно донести смыслы друг до друга. Однако у посредника могут быть свои интересы, и не всегда эти интересы совпадают с интересами участников коммуникации. Также очевидно, что один из участников коммуникации может завербовать посредника, перекупить его. Кроме того, важно, чтобы и субъекты коммуникации, и посредник были вписаны в одну коммуникативную культуру, чтобы они были готовы взаимодействовать друг с другом.

Взятые в своей совокупности эти три подсистемы должны называться медиасистемой. Исследуемыми компонентами медиасистемы являются: медиаинструментарий, медиатехнологи и медиапосредники.

33. Параллельно с осмыслением места и особенностей медиа в системе человеческой коммуникации возникло и стало набирать популярность понятие «медиакультура». Поначалу речь шла о культуре вообще, воспроизводимой для рядового человека текстами масс-медиа. Именно этот акцент на современных средствах коммуникации как проводниках актуальных духовных продуктов привел к закреплению понятия «медиакультура». Среди зарубежных авторов, заложивших основу для изучения так понимаемой медийной культуры, можно выделить В. Беньямина, М. Маклюэна, М. Кастельса, Н. Лумана.

На сегодняшний день существуют десятки подходов, в рамках которых изучаются медиа и медийная культура. Различия в подходах очевидным образом сказываются на множественности определений понятия «медиакультура». Выделяются широкие – иногда очень широкие – определения и более или менее ограниченные определения.

К широким определениям мы относим такие, где медиакультура практически отождествляется с массовой культурой. К узким определениям мы относим формулировки, в которых медиакультура отождествляется с совокупностью информационно-коммуникационных технологий, использующих машинный способ продуцирования и распространения сообщений.

В данной работе медиакультура рассматривается как совокупность знаний, умений, навыков, обеспечивающих эффективное использование медиаинструментария, медиатехнологий и медиапосредников. Центральным элементом так понимаемой медиакультуры является медиаграмотность, или, пользуясь другой терминологией, медиакомпетентность.

Медиакультура представляет собой конгломерат множества культур, к числу которых можно отнести системы коммуникативных практик, обозначаемых

понятиями журналистика, реклама, пропаганда, PR; массовая литература и массовое искусство; неформальные коммуникационные институты и др. В свою очередь, внутри этих институциональных культур возникают разнообразные субкультуры, некоторые из них описаны в работе.

34. Анализ процесса развития медиасистем дает основание для вывода о том, что основной тенденцией истории медиа является неуклонный переход от ремесленного производства (отдельный автор – отдельный гонец – отдельный адресат) через мануфактурное производство (существование некоторого множества производителей информации и некоторого множества – весьма ограниченного – потребителей) к мощным медиакорпорациям, ориентирующимся на миллионные аудитории. Нынешний этап развития массмедиа с полным правом можно назвать индустриальным, а кое-где и постиндустриальным. Как и любая индустрия, медиаиндустрия прошла, или проходит до сих пор, процесс концентрации и монополизации.

35. В настоящее время в системе массмедиа происходят радикальные трансформации в связи с распространением современных информационных технологий. Стремительно развивающийся интернет, новые технологии мобильной связи, поисковые системы, социальные сети и пр. радикально изменили и продолжают менять конфигурацию коммуникационных процессов на индивидуальном, групповом, национальном и транснациональном уровнях. Теперь даже те слои населения, которые раньше по образовательным, социальным, территориальным или иным причинам не могли получать информацию и обмениваться сообщениями, теперь имеют такую возможность в любое время и в любом месте. Теоретически любой человек, благодаря современным достижениям научно-технического прогресса, имеет возможность предъявить информацию всему миру. С другой стороны, поисковые системы Google, Яндекс по-

звolyют находить информацию, которая отражает личные предпочтения индивида, и действовать соответствующим образом. Личный доступ к новостям и практически любой информации больше не определяется влиятельными институтами, наделенными властью или богатством, чтобы доминировать в сфере распространения информации.

Развитие интернета также имеет огромное значение для глобализации традиционных СМИ. Печатные издания создают интернет-версии, телеканалы ведут он-лайн вещание, создаются специализированные электронные СМИ для широкой аудитории. Эти трансформации позволяют выпускать, анализировать и распространять новости и информацию через социальную сеть интернета в человеческих сообществах, которые географически могут отстоять далеко друг от друга, но технологически оказываются тесно связанными. Однако даже меняющиеся традиционные СМИ теперь не являются главными организаторами информационных потоков. Миллионы граждан, принимающих участие в процессе сбора, передачи, анализа и распространения новостей и информации, соперничают с редакциями СМИ и работающими в них журналистами. Разнообразные формальные и неформальные сообщества, частные предприятия, государственные учреждения, крупные, средние и мелкие компании стремятся повлиять на конфигурацию мировых информационных потоков.

Вместе с тем интернет уже представляет собой нечто большее, нежели просто «сеть сетей». Это феномен, который может выступать как канал управления техническими средствами на расстоянии, инструмент для проведения финансовых расчетов, источник и средство передачи информации, средство коммуникации, поле информационных войн и т.д.

36. Возникли и укоренились транснациональные медиаорганизации: глобальные телеканалы, радиостанции и печатные издания. Создание и развитие

транснациональных медиагигантов привело к радикальному изменению глобального медиаконтента и мировой повестки дня. Однотипная реклама в журналах разных стран и на разных языках; одинаковые телешоу, идущие хотя и на разных языках, но показывающие одинаково оформленные студии и похожих ведущих; одни и те же новости на разных телеканалах; музыка и кино, общие во всех странах. Уже никого и нигде не удивляет, что самые главные новости в любой стране – это международные новости, которые на самом деле могут не иметь никакого отношения к национальной повестке дня. Несмотря на нацеленность на конкретную аудиторию, любое СМИ исходит из некой общей «повестки дня», разделяемой СМИ глобального распространения. Общие источники новостей, универсальные информационные службы, создающие глобальную повестку дня, выступают движущими силами формирования информационной политики любого медиа.

37. Считается, что влияние транснациональных медиа (точнее, сил, которые за этими медиа стоят) на бизнес и политику существенно повысилось. Речь об этом идет давно. В 60–80-е годы XX столетия активно обсуждалась неомарксистская концепция культурного империализма. Ее сторонники утверждали, что Запад обеспечивает свою гегемонию над бывшими колониальными странами благодаря доминированию транснациональных корпораций, их широкой включенности в управление мировыми политико-экономическими и культурными процессами, а также посредством контроля над системой образования, с помощью культурных проектов и т.п. Затем появилось логическое продолжение этой концепции под названием медиа-империализм. В большом количестве работ доказывается, что глобальные информационные потоки в условиях развития капитализма и распространения его на развивающиеся страны используются для пропаганды западного образа жизни. А это ведет к усилению социально-экономической и

политической зависимости последних. Факты последних десятилетий свидетельствуют о том, что медиа действительно могут оказывать существенное воздействие на принятие важных политических решений. Еще в 1991 году появился термин «эффект CNN». С его помощью обозначалось влияние передач *CNN* на события в Персидском заливе. Истерика в американских СМИ 2016–2017 годов по поводу возможного влияния российских хакеров на выборы президента США показывает, что проблема действительно существует. По крайней мере, в умах людей.

38. В условиях господства транснациональных медиасистем региональные и местные медиа вынуждены очень тщательно определять свою нишу. Пока поддерживается теория близости, согласно которой специфика деятельности региональных и местных медиа заключается в концентрации внимания на проблематике местного сообщества. Считается, что в отличие от глобальных СМИ региональные и местные СМИ находятся «ближе» к аудитории. Во многих странах с устоявшимся потребительским спросом на медийную продукцию эта теория срабатывает. Но и в Америке, и в Англии, и в Германии происходит процесс перехода местных медиа в состав крупных корпораций, газетных цепей и, как следствие, – сокращение местной повестки дня. На долю региональных изданий часто выпадает роль рупора местных властей и вестника рекламы местных универсамов.

Еще сложнее обстоит дело в странах, переживающих процессы существенной политической, экономической, социальной трансформации. В такой ситуации люди ощущают свою личную зависимость от глобальных и национальных факторов и мало интересуются тем, что происходит за окном. Например, в России спрос аудитории на местные и региональные новости очень низок, и, если бы не финансирование из бюджета, подавляющее большинство местных и региональных изда-

ний прекратило бы свое существование. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов хорошо известную аудитории тотальную зависимость российских региональных и местных СМИ от власти.

39. Существенно изменилась роль медиа в жизни общества, государства и человека. В огромном количестве публикаций описаны функции СМИ. Не будем здесь их перечислять. Просто констатируем, что реальная практика глобализирующихся медиа демонстрирует существенные различия с констатациями теоретиков. Глобальные медиа стали специфическим рентгеновским аппаратом для государств, сообществ и людей. Обладая экстерриториальностью, они выставляют на всеобщее обозрение то, что обычно тщательно скрывается. Страны, которые всегда старались быть закрытыми, уже ничего не могут сделать для защиты своих секретов. Государственные деятели вынуждены контролировать каждый свой шаг, каждое слово, чтобы не стать объектом заинтересованного внимания СМИ, которое может находиться на другом краю света. Глобальные медиа связывают людей в наднациональные сообщества, ориентированные на определенный стиль жизни и потребления. А иногда создают искусственные сообщества, которые могут в одночасье сломать хрупкое равновесие общественных отношений.

Глобальные медиа наркотизируют человека, погружая его в некий мир, который имеет мало общего с реалиями его жизни, и приучают его регулярно получать все возрастающую дозу медийного наркотика. Неслучайным в этой связи является акцент, который критики социальных последствий глобализации делают на роли СМК, которые, по их мнению, превращают настаивающего на своих правах гражданина в стерилизованного потребителя-конформиста. Гражданин перестает быть участником исторического процесса и превращается в отстраненного наблюдателя, при этом, однако, возника-

ет иллюзия причастности даже в том случае, когда фиктивность причастности становится очевидной.

Глобальные медиа, по мнению многих аналитиков, способствуя экспоненциальному росту объема доступной информации, отнимают у людей все больше свободного времени, затрачиваемого на поиск необходимой информации в огромном море бессмысленного информационного шума.

40. Есть основания полагать, что человечество лишь вступает в полосу крупнейших преобразований в своей истории. Мы стоим у истоков четвертой промышленной революции, отличительными чертами которой являются скорость, масштабность и системность. В работах К. Шваба, Р. Курцвейла показано, как изменят мир нано- и биотехнологии, наноэнергетика, молекулярная, клеточная и ядерная технологии, нанобиотехнологии, биомиметика, нанобионика, нанотроника, а также другие наноразмерные производства; новая медицина, бытовая техника, виды транспорта и коммуникаций; использование стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов, восстановительная хирургия и медицина. Прогнозируется резкое снижение энергоемкости и материалоемкости производства, конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами, существенное увеличение продолжительности жизни человека и животных, повышение роботизации производства, резкое повышение потребности общества в высококвалифицированных работниках, появление новых типов профессий.

Этот процесс не будет простым. Он будет сталкиваться с нарастающим сопротивлением. Экспертами Национального разведывательного совета при ЦРУ был подготовлен «Проект-2020», в котором представлены четыре сценария глобального развития: «Давосский мир», «Рах Americana», «Новый Халифат», «Контур страха». Каждый из этих сценариев предполагает возможность глубоких кризисов.

Какой сценарий выберет человечество, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Актон Дж.* История свободы в античности // Полис, 1993. № 3.
2. *Александрова Е. Я., Быховская И. М.* Апология культурологии: опыт
3. рефлексии становления научной дисциплины // ОНС, 1997, № 3.
4. *Аристотель* Политика // Соч. в 4-х тт. – Т. 4. – М., 1983.
5. *Арон Р.Д.* Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.
6. *Белл Д.* Культурные противоречия капитализма. – Этическая мысль. – М., 1990.
7. *Бергер П.* Капиталистическая революция. – М.: Прогресс, 1994.
8. *Большаков В. П.* Культура как форма человечности. – Великий
9. Новгород, 2000.
10. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйствования. Соч. В 2-х тт. Т.1. – М., 1993.
11. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. – М., 1994.
12. *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990.
13. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры. – СПб.: СПбГУ, 1996.
14. *Вятр Е.* Социология политических отношений. – М., 1976.
15. *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М., 1997.
16. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.
17. *Глинчикова А. Г.* Может быть товаром интеллеktуал и продукт его труда? // Вопросы философии, 1997. – № 3.
18. *Гуревич П. С.* Философия культуры. – М., 1995.
19. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. – М., 1996.
20. *Зиммель Г.* Избранное. В 2-х тт. – М., 1996.

21. *Зомбарт В.* Буржуа. – М.: Наука, 1994.
22. *Иконникова С. Н.* История культурологии: идеи и судьбы. Учебное пособие. – СПб., 1996.
23. *Иконникова С. Н.* Очерки по истории культурологии. Учебное пособие. – СПб., 1998.
24. *Ильин И. А.* Пути духовного обновления. Собр. соч. в 10 тт. Т.1. – М., 1993.
25. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. – М., 1996.
26. *Канетти Э.* Масса и власть. – М., 1997.
27. *Кармин А.С.* Основы культурологии. Морфология культуры. – СПб., 1997.
28. *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб.: Эконом. школа, 1996.
29. *Констан Б. О.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис, 1993. № 2.
30. *Культурология.* – Ростов-на-Дону, 1995.
31. *Культурология XX век: Антология.* – М., 1995.
32. *Лурье С. В.* Историческая этнология. – М., 1997.
33. *Макиавелли Н.* Государь. – М., 1998.
34. *Маннхейм К.* Диагноз нашего времени. – М., 1994.
35. *Марков Б. В.* Философская антропология: очерки истории и теории. СПб., 1997.
36. *Монсон П.* Современная западная социология. – СПб., 1992.
37. *Медушевский А. Н.* Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии, 1993. – № 3.
38. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. – М.-Харьков, 1998.
39. *Одайник В.* Психология политики. – М., 1996.
40. *Панарин А. С.* Философия политики. – М., 1996.
41. *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М., 1997.
42. *Подорога В. А.* Власть и познание. – Власть. – М., 1989.
43. *Проблема человека в Западной философии.* – М., 1988.
44. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4.– СПб., 1997.
45. *Самосознание европейской культуры XX века.* – М., 1991.

46. *Смелзер Н.* Социология. – М., 1994.
 47. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия. – Соч. в 2 т. Т.1.
 48. Феномен человека. Антология. – М., 1993.
 49. Философия культуры. – СПб., 1995.
 50. *Флиер А. Я.* Современная культурология: объект, предмет, структура // ОНС, 1997. – № 2.
 51. *Фрейд З.* Я и Оно: Соч. – М.-Харьков, 1998.
 52. *Фромм Э.* Здоровое общество. – Психоанализ и культура. – М.: Юрист, 1995.
 53. *Шпенглер О.* Закат Европы. – М., 1993. – Т.1.
 54. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., 1994.
-
-

1. Аклаев А.В. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций. – М., 1990. Вып. 1. С. 12–38.
2. Антология исследований культуры. Т.1. СПб., 1997.
3. Антонова С.Г. Информационная культура личности: вопросы формирования // Высшее образование в России. 1994. № 1. С. 82-88.
4. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры. – М., 1992.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989.
6. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М., 1998.
7. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5.
8. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
9. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
11. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М., 1999.

12. Белик А.А. Культура и личность. – М.: РГГУ, 2001.
13. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
14. Белл Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI в. – М., 2009.
15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
17. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М., 1999.
18. Березин В.М. Сущность и реальность массовой коммуникации. – М.: РУДН, 2002.
19. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 1988.
20. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 2001.
21. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М., 2000.
22. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб., 2000.
23. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000.
24. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.
25. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015.
26. Больц Н. Азбука медиа. – М.: Европа, 2011.
27. Бондаренко Е.А. Технологии в сфере медиакультуры. URL: http://www.mediaeducation.ru/pub/bondarenko_2/tehnologija_000.htm
28. Борев В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М., 1986.
29. Бореев В.Ю., Веневитинов Г.Н. Взаимодействие культуры и научно-технического прогресса. М., 1988.
30. Бубер М. Я и Ты. – М., 1993.
31. Ваганов А.Г. Краткая феноменология Всемирной Паутины // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000.

32. Вартанова Е.Л. Глобализация СМИ и масс-медиа России // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. № 4.
33. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. – М., 2003.
34. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. – М.: Апрель-Пресс, 2000.
35. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
36. Вельтман К. Электронная культура: достижения и перспективы. URL: [http: www.evarussia.ru](http://www.evarussia.ru)
37. Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/507/874/1216/03Vidoevich.pdf>
38. Вирен Г. Современные медиа. Приемы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013.
39. Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана – М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002.
40. Воробьев Г.Г. Твоя информационная культура. – М.: Мол. гвардия, 1988.
41. Галкин Д.В. Современные исследования цифровой культуры // Гуманитарная информатика. Вып. 1. Томск, 2004.
42. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.
43. Гозман Л., Эткинд А. Идентичность, культура, самосознание // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М., 1989.
44. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2003.
45. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
46. Гуревич П.С. Социальная мифология. – М., 1985.

47. Гуреев М.В. Структура современного культурологического знания. Фундаментальные основания Культуры // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. № 5. Великий Новгород, 2013.
48. Дебор Ги. Общество спектакля. – М., 2000.
49. Демидов Ф.Д. Глобализация и нелинейный мир. – СПб: Питер, 2003.
50. Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Медiateкст: особенности создания и функционирования. – М.: НИУ-ВШЭ, 2011.
51. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.
52. Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.
53. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012.
54. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013.
55. Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: этические аспекты. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2016.
56. Дзялошинский И.М. Экология медиасреды: технологии манипулирования в интернете. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.
57. Дзялошинский И.М. Культура, журналистика, толерантность // Материалы научно-практической конференции «Пресса, государство, культура: мультикультурализм как новая философия взаимодействия». – М.: Аспект-Пресс, 2002.
58. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М., 1984.
59. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999.

60. Елинер И.Г. Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе. – СПб.: Искусство России, 2010.
61. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.
62. Жижина М.В. Медиакультура. Культурно-психологические аспекты. – М.: Вузовская книга, 2009.
63. Жукова О.А. На пути к Русской Европе: Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013.
64. Запесоцкий А. СМИ как фактор трансформации российской культуры. – СПб.: СПбГУП, 2010.
65. Зверева В.В. «Настоящая жизнь» в телевизоре. Исследования современной медиакультуры. – М.: РГГУ, 2012.
66. Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 1999. № 2. С. 58–69.
67. Землянова Л.М. Глобализм и антиглобализм в эпоху формирования информационного общества // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – М., 2001. № 6. С. 56–65.
68. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб., 2001.
69. Ильин И.П. Массовая коммуникация и постмодернизм // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М., 1990.
70. Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 11-14 сент. 1996 г. / М-во культуры РФ; Акад. гуманитар. наук; Краснодар. гос. акад. культуры; Моск. гос. ун-т культуры. – Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. акад. культуры, 1996.
71. Информационное общество. – М.: АСТ, Мидгард, 2004.
72. Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 17-19 сент. 1997 г. / Красно-

- дар. гос. акад. культуры; Моск. гос. ун-т культуры. – Краснодар, 1997.
73. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1998.
74. К мобильному обществу: утопии и реальность. – М.: Изд-во МГУ, 2009.
75. Карпухин О.И., Макаревич, Э.Ф. Глобальная культура коммуникаций. URL: https://naturalworld.guru/kniga_globalnaya-kultura-kommunikaciy.htm
76. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., ГУ ВШЭ, 2000.
77. Кикичев И.Р. Глобализация как фактор трансформации социокультурного пространства в российском обществе // Социология власти, 2009. № 8.
78. Кириллова Н. Б. Медиакультура новой России. – М.: Академический Проект, 2007.
79. Кириллова Н.Б. Медиакультура. Теория, история, практика. – М.: Академический Проект, 2008.
80. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. – М.: Академический Проект, 2005.
81. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический Проект, 2006.
82. Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. – М.: Академический Проект, 2013.
83. Кирия И.В. Цифровой раскол и Глобализация СМИ и ИКТ // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. № 4. С 49–66.
84. Козловски П. Культура постмодерна. – М., 1997.
85. Коммуникационный универсум духовной культуры. – М.: РосНОУ, 2015.
86. Кривошеев В.В. Электронная культура: необходимость междисциплинарного подхода к изучению // Вестник Балт. фед. ун-та им. И. Канта. 2013. № 6. С. 77-81.
87. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семианализу. – М.: Академический Проект, 2015.

88. Кузнецов М. Философия Маршалла Маклюэна и коммуникативные стратегии Интернет. URL: <http://www.isn.ru/index162.shtml>
89. Кузнецова Е.И. Медиакультура в коммуникативном пространстве цивилизаций. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008.
90. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.
91. Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия. – М.: Ключ С., 2007.
92. Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
93. Культурология. XX век: Словарь. – СПб., 1997.
94. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
95. Лотман Ю.М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). – СПб.: Искусство, 2005.
96. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992.
97. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005.
98. Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005.
99. Льюис М.В. Культура свободы. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>
100. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. – М.: Дело, 2001.
101. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013.
102. Маклюэн М. Понимание Медиа. – М.: Кучково поле, 2011.
103. МакНейр Б. Стриптиз-культура. URL: <http://www.kodges.ru/dosug/sex/156004-striptiz-kultura.html>
104. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 2003.

105. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2003.
106. Массмедиа в условиях глобализации: Взаимосвязь глобализации, глобализма и трансформации. – СПб.: Питер, 2005.
107. Медиа. Между магией и технологией. – М.– Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.
108. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
109. Мирошниченко А.А. Когда умрут газеты. – М.: Книжный мир, 2011.
110. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973.
111. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М., 2000.
112. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/nasarchuk_etika/01.aspx
113. Негодаев И. Информатизация культуры: Монография. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2003.
114. Ним Е.Г. Жизненный мир и масс-медиа: онтологические трансформации. URL: <https://vivliophica.com/articles/culture/150994/1>
115. Новикова А.А. Телевизионная реальность. Экранная интерпретация действительности. – М.: НИУ ВШЭ, 2013.
116. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000.
117. Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – М., 2003.
118. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.
119. Пильгун М.А. Медиатекст в современном коммуникационном пространстве. – М.: Интеллект-Центр, 2010.
120. Проблемы информационной культуры: Материалы респ. науч.-практ. конф. «Формирование духовной культуры личности в условиях Западно-Сибирского региона», 24-

- 27 марта 1997 г. / М-во культуры РФ; Тюмен. гос. ин-т культуры и искусств; Тюмен. обл. б-ка. – Тюмень, 1997.
121. Проблемы информационной культуры: Сб. статей. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1994 .
 122. Проблемы информационной культуры: Сб. статей. – М.: Магнитогорск, 1997.
 123. Проблемы информационной культуры: Сб. статей. Вып. 3: Информационное мировоззрение и информационная культура. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1996.
 124. Разлогов К.Э. и др. Дар или проклятие? Проблемы массовой культуры. – М., 1994.
 125. Региональные аспекты информационно-культурологической деятельности: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Краснодар, 1998.
 126. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: РХГА, 2014.
 127. Савчук В. Неизбежность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/
 128. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000.
 129. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992.
 130. Социокультурное развитие региона в условиях реализации административной реформы. – М.–Владимир: ВКИ «Собор», 2007.
 131. Стариков А.Г. Масс-медиа современной России. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013.
 132. Теплиц К.Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек. – М., 1996.
 133. Тоффлер О. Шок будущего. – М., 2001.
 134. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: Издательство АСТ, 2002.

135. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 1999.
136. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
137. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория, методика. – Ростов-на-Дону, 2001.
138. Философия культуры. – М., 1987.
139. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.
140. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. – М.: Мысль, 2014.
141. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М.–СПб., 1997.
142. Черных А.И. Ритуалы и мифы медиа. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2015.
143. Черных А. Мир современных медиа. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
144. Шлыкова О.В. Феномен мультимедиа: Технологии эпохи электронной культуры. – М., 2003.
145. Шлыкова О. Культура мультимедиа: Уч. пособие / МГУКИ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
146. Электронная культура и экранное творчество. – М.: РИК, 2006.
147. Ясин Е.Г. Влияние культуры на модернизацию России. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
148. Corner J. Television and culture: duties and pleasures // British cultural studies: geography, nationality, and identity / Ed. by D.Morley, K.Robins. – Oxford, 2004. P. 261–272.
149. Fiske J. British Cultural Studies and Television // What is Cultural Studies? A Reader. – L., 1996.
150. Fiske J. Introduction to Communication Studies. – Routledge, 1995.
151. Geertz C. The Interpretation of Cultures. – N. Y., 1973.
152. Giddens A. The Constitution of Society. – Cambridge, 1989.
153. Gudykunst W. et al. Culture and interpersonal communication. – Beverly Hills, 1988.

154. Hofstede G. Culture and Organizations (Intercultural Cooperation and its Importance for Survival) Software of the Mind. – L., 1991.
155. Hofstede G. Culture`s consequences: international differences in work-related values. – Beverly Hills, 1984.
156. Matsumoto D. Culture and psychology. – Pacific Grove (Cal.), 1996.
157. Richard-Amato P.A., Snow M.A. The Multicultural Classroom. – N.Y., 1992.
158. Schramm W. Mass media and national development: the role of information in the developing countries. – Stanford, 1964.
159. Shohat E., Stam R. Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media. – L.–N.Y., 1994.
160. Storey J. Cultural Studies and the Study of Popular Culture. Theories and Methods. – Edinburgh, 1996.
161. Triandis H.C. Culture and social behaviour. – N.Y., 1994.

И.М. Дзялошинский

**Культура коммуникаций
в условиях цифровой и социокультурной глобализации: гло-
бальный и региональный аспекты**

ТОМ I

Монография

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
руководитель департамента журналистики
Уральского государственного университета

Б.Н. Лозовский;

доктор филологических наук, профессор,
декан факультета журналистики
Южно-Уральского государственного университета

Л.П. Шестеркина

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ

М.А. Пильгун

Подписано в печать 12.12.2017

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,8. Тираж 500 экз.

Заказ № _____

Издательство Академии повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
125212, Москва, Головинское шоссе, д. 8, корп. 2.

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3.